

О переводе

Перевод выполнен командой форума «Долина Теней» (shadowdale.ru), посвящённого переводам художественной и игровой литературы по сеттингу Dungeons & Dragons “**Forgotten Realms**”. Перевод выполнен исключительно с целью углубленного изучения английского языка.

Команда переводчиков:

1. Лорд-мэр Нижегородья - Дуглас Найлз - **RoK**
 2. Эльминстер на ярмарке волшебства - Эд Гринвуд - **Redrick**
 3. Последний тост - Кристи Голден - **irene_dragon**
 4. Сделка - Элейн Каннингем - **KiD**
 5. Патронаж - Дэвид Кук - **RoK**
 6. A Virtue bu Reflection - Скотт Чинчин - **RoK**
 7. Слеза Короля - Марк Энтони - **PyPPen**
 8. Семейное дело - Джеймс Лаудер - **Redrick**
 9. Дедушкины игрушки - Джейн Рейб - **Redrick**
 10. Проклятье Теги - Трой Деннинг - **Redrick**
 11. Тёмное зеркало - Р.А. Сальваторе - **Dammerung**
- Послесловие - Джефф Грабб - **RoK**

Русская обложка: **nikola26**

Вёрстка и форматирование: **nikola26**

Обо всех замеченных неточностях или ошибках просьба сообщать переводчику в ЛС через форум «Долина Теней». Если Вам понравился перевод, просто зарегистрируйтесь и скажите «спасибо» — этого будет достаточно. ;-)

Одиннадцать никогда ранее не публиковавшихся рассказов о доблести из тайных хроник истории Королевств, с участием величайших героев этого волшебного мира - Дзирта До'Урдена, Эрилин Лунный Клинок, Адона, Эльминстера из Долины Теней, Джандера Санстара и многих других - рассказанных вашими любимыми авторами, включая Р. Э. Сальваторе, Эда Гринвуда, Дугласа Найлза, Троя Деннинга, Кристи Голден и прочих.

«КОРОЛЕВСТВА ДОБЛЕСТИ»

под редакцией Джеймса Лоудера

ЛОРД-МЭР НИЖЕГОРЬЯ

Дуглас Найлз

Полдо выбрался из своей норы, чтобы вдохнуть воздух летнего утра, выдавшегося на редкость приятным: не слишком жарким, не облачным и не сильно ветреным – лишь тёплый, чуть заметный ветерок доносил до него ароматы созревающего винограда и запахи с сочных, наливных лугов. В паре километров отсюда в солнечном свете блестели воды устья Корвелла, заключённого в объятия зеленеющей земли; их едва тревожимая гладь рассыпала повсюду миллионы бриллиантов солнечных зайчиков.

Пухлый полурослик стоял на крыльце своего прочного, побелённого деревянного жилища. Как и положено уважающей себя обители этого народца, оно до половины уходило вглубь поросшего зеленью склона холма, но все равно являлось самым большим домом во всём Нижегорье. Ореол благополучия окружал и самого владельца.

Завитки длинных, чуть тронутых сединой волос Полдо спускались ниже уровня ушей, слегка касаясь изящного шёлкового воротничка. Любой, кто увидел бы сего господина, тотчас сказал бы, что этот полурослик сполна вкусил радостей жизни.

А ниже, за пределами полосы пастбищ, Корвеллтаун – облепивший укреплённую бухту городок – просыпался ото сна и погружался в деловую суматоху, вызванную людьми, спешащими по своим делам. Куррахи с рыбаками уже сновали за линией волноломов, а позвякивание молота и скрип щипцов говорили о том, что кузнец спозаранку занялся горном. Телеги со свежими продуктами и молоком –

некоторые ведомые маленькими пони, другие же длинноногими лохматыми псами – громыхая, хлынули в город через открытые ворота.

На вершине нависающего над городом холма Полдо рассмотрел очертания приземистых деревянных стен форта Каэр Корвелл, служившего домом эрлу Рэндольфу. Помимо этого, в те недели, когда город посещали Тристан и Робин, он превращался в летнюю резиденцию самих короля и королевы. Полдо подумал о своих хороших друзьях с чувством приятного предвосхищения, вспоминая, что до летнего отпуска, а, следовательно, и до возвращения королевской четы в Корвелл, остаётся меньше двух недель.

Наконец взгляд коренастого малыша скользнул ближе к дому, к череде уютных районов с коттеджами и землянками, возведёнными на склонах маленького круглого холма. Удалённое почти на милю от города, Нижегородье служило превосходным домом для небольшого общества полуросликов, почётным лорд-мэром которого и являлся Полдо.

Поблизости цвели пышные виноградники, и именно к этим ломящимся от ягод рядам сейчас не спеша направился Полдо, наслаждаясь видом гроздьев незрелых виноградин, наливающих соком и сладостью на солнце. Трава мягко обволакивала его голые, лишь сверху покрытые шелковистым мехом, ступни приглашающим холодком. С наслаждением припоминая все те отличные вина, что он сделал из плодов этих самых лоз, он уселся в тень, на удобный кусочек зелёного живого одеяла.

«Надо бы отгрузить телегу прошлогоднего урожая в Бухту Королей», - раздумывал Полдо. Он, конечно, был заинтересован в выгоде от этой поездки, но особого энтузиазма не испытывал. Ни сегодня, ни завтра – а может, и послезавтра тоже – он этого делать не собирался, но поразмышлять на эту тему стоило. На самом деле, полурослик вспоминал симпатичную миниатюрную трактирщицу – тоже полурослика, с ангельскими чертами лица. Уж с ней-то он точно мог заключить кое-какую выгодную сделку.

О да, если она по-прежнему столь же гостеприимна, какой она ему запомнилась, то перспектива провести пару дней в том очаровательном рыбацком городке может оказаться очень и очень соблазнительной.

«Но не очень долго, - напомнил он себе, - ведь король с королевой придут в Корвелл на праздник Летнего Солнцестояния, и к этому моменту нужно уже быть дома». В конце концов, это не просто какой-то летний праздник – в этот раз будут отмечаться десятилетие правления Тристана и десятая же годовщина его свадьбы с Робин. Учитывая всё это, празднество должно будет выказывать определённую степень уважения и признания.

При этой мысли круглощёкое лицо полурослика, помрачнев, мимолётно нахмурилось. Он хотел преподнести им невероятный дар, что-то подходящее такому случаю. Однако же, о каком бы подарке для пары королевских кровей ни шла речь, Полдо сомневался, что найдёт что-то достаточно уникальное или восхитительное в Корвелле либо в Бухте Королей. Что же делать? Этот вопрос грыз и грыз его вот уже несколько недель, но непокорный полурослик не давал отсутствию решения изводить его и погружать в отчаяние. Рано или поздно что-нибудь придумается.

Конечно же, он мог отправиться к Побережью Мечей сразу же, как эта проблема возникла. Тогда сейчас он бы уже плыл обратно, завладев какой-нибудь невероятной, редкой вещицей – выражением его дружбы и уважения. Но такие решительные действия – это не для хафлингов, а сейчас, очевидно, у него уже не хватит времени совершить поездку и успеть вернуться до начала фестиваля. Слегка раздражённый – календарными сроками, а не собой – Полдо отмахнулся от забот и продолжил изучать веки с внутренней стороны.

- Лорд-мэр! Мэр Полдо!

Высокий голос перемахнул фруктовые изгороди и прыгнул прямо в уши – и принадлежал он молодому хафлингу.

- Я здесь! – отозвался Полдо, с недовольным кряхтением принимая вертикальное положение. Затем он осторожно поднялся на ноги, вполне осознавая, что уже не так проворен, как десять или около того лет назад. Выглянув поверх ближайшей изгороди, но высматривал, кто-то же побеспокоил его медитацию.

Рыжий полурослик затормозил перед Полдо и торопливо сорвал головной убор. Щёки покраснели от усилий, а плечи ходили ходуном, в то время как сам он пытался восстановить дыхание; пока лорд-мэр разглядывал его, прибывший мог только пыхтеть. Юный, даже ещё не повзрослевший хафлинг оказался одним из Легконогих, одетым в простую сельскую одежду и с рюкзачком на плече. Он улыбнулся вопросительной улыбкой, свободной рукой смахивая пот с бровей. Верный традициям Легконогих, башмаков он не носил.

- Что такое? – потребовал Полдо, подозревая, что это спокойное, тихое утро сейчас перестанет быть таковым. Вопреки себе лорд-мэр ощутил укол любопытства.

- Кэфуорт-бондарь... сказал, что... я найду вас... туточки, - все ещё отдуваясь, пролопотал юнец.

- И нашёл. А ты вообще кто?

- Ой. Ужасно извиняюсь! – подросток выглядел огорчённым. – Я Стефаник из Падей Ллират, - поспешно представился он. Полдо знал это сообщество легконогих, обосновавшееся в нескольких днях пути к востоку, на границе Леса Ллират.

- А ещё я нашёл вот это – и не знал, куда ещё с ним податься. Ну то есть, каждый полурослик на Гвиннете знает про вас и ваши приключения! Да если бы не вы, Тёмные Силы...

- Постой, постой, - остановил его Полдо, вскинув обе руки в шутливой защите. – Истории частенько преувеличены – хотя я *на самом деле* сыграл небольшую роль в низвержении этого порождения. Честно говоря, есть доля правды... - он тряхнул головой, отгоняя приятные волны ностальгических воспоминаний. – Однако, продолжим. Как я понимаю, ты что-то хотел показать?

- А, ага, - юный полурослик протянул лорд-мэру всё ещё закрытую сумку. – Вот! Что это? Откуда оно взялось? Как оно очутилось в лесу?

- Прямо сейчас на каждый мой ответ приходится десять твоих вопросов, - усмехнулся полурослик, принимая кожаный рюкзак. Ноша оказалась на удивление тяжёлой, скрывающей изрядных размеров предмет, отлитый из металла – из *большого* количества металла. – Что ж, давай посмотрим, что у нас здесь.

Полдо привычным движением расшнуровал и распахнул кожаный мешок, но, посмотрев внутрь, он не смог сдержать восхищённый вздох. Блестящий металл

мерцал даже в кожаной тьме сумки – для серебра слишком чистый, должно быть, платина! Мэр потянулся к тупому, закруглённому наконечнику, и, ухватившись, позволил ранцу соскользнуть на землю, являя взору кинжал с длинным лезвием.

Лорд-мэр держал оружие за рукоять, думая, что оно слишком тяжело, чтобы быть сколько-нибудь эффективным, но это не имело значения. Солнечные лучи калейдоскопами отражались от сияющей поверхности, рассыпая разноцветные искры в тех местах, где они касались граней многочисленных драгоценных камней. Прямое лезвие, заточенное с обеих сторон, торчало из неудобной, инкрустированной рукояти на добрых три десятка сантиметров.

- Я знаю, что Вы сталкивались со всяческими штуковинами – с редким оружием или сокровищами! – запыхаясь, продолжал Стефаник. – Вы были в Глубоководье, во Вратах Балдура, во *множестве* мест. Наверняка в большем количестве, чем любой другой хафлинг Муншае! Да даже мы в Падях Ллират слышали о том, как вы спасли короля от фирболга! Когда я подумал, кто же может ответить на мои вопросы, никто другой просто не пришёл мне на ум!

- Да-да, - прошептал Полдо, слишком ошеломлённый великолепием клинка, чтобы обратить внимание на восхваления.

- Это какой-то нож, - заметил Стефаник, хотя в этом замечании и не было нужды. – Но как он сюда попал? И чей он?

- Похоже на кинжал вора, - предположил Полдо, тихо присвистнув. – Малополезный, но весьма дорогостоящий. Так, парень, быстро – где ты нашёл его?

- В лесу! В Лесу Ллират! – сбивчиво начал объяснять молодой легконогий. – Я охотился глубоко в чаще и нашёл это на месте своей стоянки, там, где сходятся два потока. Он просто лежал около реки и сиял так, что я при всём желании не мог бы его не заметить, - он увидел, как сосредоточенное лицо Полдо нахмурилось. – Я сделал что-то не так?

- О, нет, не вижу в этом ничего неправильного.

Полдо не мог оторвать глаз от серебристой поверхности. Он смог определить камни – пара выпуклых рубинов, по одному на каждой стороне гарды, россыпь изумрудов у основания рукояти, а посередине самого эфеса – огромный алмаз! Ему с трудом удавалось унять дрожь в руках – никогда ещё он не держал настолько стоящего и величественного предмета!

- Говоришь, он выглядел так, будто пролежал там совсем недолго? – уточнил лорд-мэр, стараясь сохранить голос ровным.

- Ага. И это интересно, ведь до меня там никого не было – по крайней мере долгое время. Я хороший следопыт, - добавил Стефаник с характерной для сельского жителя простотой, - я бы понял.

Лорд-мэр перевернул кинжал, теперь исследуя лезвие. Тоже платина – отполированная и заточенная до бритвенной остроты. Тут его взгляд наткнулся на маленький дефект, как раз там, где встречались клинок и рукоять. Подняв нож повыше, так, чтобы солнечный свет падал на это пятнышко, он пригляделся – и по спине его пробежал холодок мрачного предчувствия.

Пятно оказалось не изъяном полированной поверхности. На Полдо плотоядно уставился выгравированный голый череп.

- Что это? – спросил юный полурослик, проследив взгляд старшего. Рассмотрев получше, он громко сглотнул. – Я этого раньше не замечал! Что этот череп значит?

- Ты сказал, что нашёл это в дёбрях Леса Ллират? – многозначительно переспросил Полдо.

- Да! Но я не...

Стефаник внезапно замолк и побледнел, а от неожиданного подозрения его глаза увеличились чуть ли не до размера блюда.

- Дворец Черепов? – прошептал он.

- Это одно объяснение ... точнее, *единственное*, - угрюмо исправился Полдо. – Он появляется в Лесу Ллират раз в поколение... И только в ту ночь летнего солнцестояния, когда луна прибывает!

- Четыре дня назад было новолуние, - полным удивления голосом подсказал Стефаник.

- А кинжал – когда ты его нашёл? – допрашивал Полдо.

- Три дня назад! – содрогнувшись, пролепетал подросток. Потом он прищурился, и здравый скептицизм отразился на его лице. – Но я думал, рассказы о крепости из черепов это всего лишь легенды! Конечно, бабушка пугала нас историями про злого Принца Кетерила и его проклятье – но теперь-то я взрослый, и не могу принимать их всерьёз.

- Не можешь? – лукаво поинтересовался мэр Нижегородья. – А ты не думал, что эти сказки на чём-то основаны?

И вновь Стефаник затрепетал было, но подавил дрожь.

- Я слышал истории – о том, что Кетерил всё ещё обитает там, только не как человек – а всего лишь как тень, только готовая выпить из тебя жизнь и душу!

- А что насчёт *других* историй? – Полдо охватывало всё большее возбуждение, стоило ему подумать об открывающихся возможностях. – О сокровищах, превосходящих пределы твоего воображения, о горах несметных богатств, о невиданных доселе артефактах, только протяни руку и возьми – но главное успеть до полнолуния.

- Сокровища типа этого? – уточнил Стефаник, опустив взгляд на богато украшенное оружие. – Вы думаете, этот кинжал из Дворца Черепов?

- Ай! – вскрикнул Полдо, выронив предмет обсуждения и принявшись дуть на ладонь. – Он *раскалился*!

- Смотрите! – указал Стефаник на закрутившийся на земле нож.

Клинок балансировал на острие, в течение секунды раскачиваясь вперёд-назад, словно собираясь вонзиться глубже. Подскочив в воздух, он затем шлёпнулся плашмя, указывая острым концом слегка на юго-восток. Платиновая поверхность светилась ярче, чем должно было бы сиять просто отражённое солнце.

- Он.. он словно *услышал* меня, - осторожно произнёс Стефаник. – Как только я назвал это место, он нагрелся.

- И посмотри, куда он нацелился, - обратил внимание Полдо. Мерцание утихло, и он смог дотронуться до остывающей рукояти. – Прямо на Лес Ллират.

- Неужели он на самом деле оттуда?

- Как я уже говорил, это *единственное* объяснение! – разум Полдо лихорадочно работал. Найти крепость – найти невероятные сокровища, а значит, и подходящий подарок для королевской четы! – Ты сможешь снова отыскать свой лагерь?

- Конечно! – заверил Стефаник. – Рейнджер я тоже отличный! Знаю эти леса как свой собственный дом!

- Чудесно! Так, нам понадобятся кое-какие припасы и пара пони. Подготовка займёт у меня несколько часов. Можешь отдохнуть пока в моём доме, а в полдень отправимся.

Его оценка времени оказалась завышенной. Двое полуросликов выбрались на Королевский Тракт уже до обеда – об этом уставший с дороги Стефаник пожалел, но упомянуть побоялся. Ночь они провели в уютной гостинице в Кантрив Корте, а на следующий день преодолели значительную часть пути – рано вечером Стефаник уже вёл их прочь от дороги, на юг, пока они не добрались до опушки леса. Там, между пожелтевшими ёлками, они обнаружили буйно заросшую травой полянку, на которой и встали лагерем.

Во время путешествия Полдо понял, что в некотором роде привязался к молодому полурослику. Открытое восхищение, если не сказать поклонение, Стефаника не вредило отношениям, а сдержанное молчание лорд-мэра лишь подпитывало и без того преувеличенную подростком оценку его умений и навыков.

Когда на их стоянку спустились сумерки, они скоротали время за обсуждением более серьёзных вещей, сравнивая слухи о Дворце Черепов. И среди населения островов Муншае, и среди их соседей-хафлингов эта крепость являлась местом действия различных героических сказаний, хотя мало кто верил, что она существует на самом деле. Полдо обнаружил, что легенда из деревни Пади Ллират несколько отличается от версий, которые он слышал в других частях Муншае. Всё же, благо маленькое поселение располагалось к древнему строению ближе всех, в их рассказы он верил.

- Пади Ллират, - проронил он, присаживаясь около потрескивающих углей костра. – Там живёт не так уж и много народу, верно?

Стефаник пожал плечами.

- Если бы я не увидел такой большой город, как Нижегородь, то не согласился бы с вами. Но, по правде сказать, там всего дюжина семей, разбросанных по склонам холма.

Полдо скрыл улыбку – «большой город» Нижегородь, как же!

- Вы и в самом лесу живёте?

- Только на окраине. В той тёмной чаще не живёт никто. Но через мою деревню мы проезжать не будем – Пади Ллират в дне дороги к востоку отсюда, не по пути к тому месту, где я нашёл кинжал.

- А слышанные тобой легенды говорят, что Дворец Черепов находится в этой части Ллирата?

- Ага. Утверждают, что безумный Принц Кетерил построил большую крепость в Ллирате – из голов своих врагов. Это случилось тогда, когда Гвиннет и остальные острова были всего лишь сборищем маленьких княжеств. Кетерил воевал со всеми соседями. Говорят, его жестокость уступала лишь его силе. – молодой человек пожал

плечами. – Должно быть он был неплох, раз ему удалось изгнать остальных людей с юга Гвиннета.

- Да, все рассказы сходятся в одном – он был безжалостным тираном, - согласился Полдо. – Впрочем, его походы – предметы изучения историков, а лично я всегда считал, что его кровожадность несколько преувеличена. Всё же, похоже никто не сомневается в существовании его Проклятого Легиона, - на лице Стефаника отразилось замешательство, и лорд-мэр добавил: - По крайней мере никто за пределами Ллирата. Легион состоял из его лучших воинов, и каждый из них носил магическую метку – череп, знак их повелителя.

- Я слышал о том, что все люди принца клялись отдать за него жизнь, - признал Стефаник, - но ни разу о том, что они были заклеены. Хотя это и не удивительно, принц всегда тяготел к магии.

Полдо засмеялся.

- Какая ирония – Кетерил, сам увлекавшийся тайными искусствами, оказался повержен чарами мага Фламстерда.

- Ага-ага – проиграл магу и Земной Матери. Ходила молва, что богиня отомстила Кетерилу за то, что он нарушил Равновесие, - молодой полурослик важно закивал.

- В историях со всех уголков Муншае есть упоминания о Земной Матери, - подтвердил Полдо. – Знаешь ли ты, что он посвятил свою жуткую твердыню новой луне летнего солнцестояния? Он и его самые преданные последователи устроили грандиозное празднество. И убили сотни заложников, на арене – Безумном Амфитеатре, если мне не изменяет память – просто ради удовольствия самого принца и его банды злобных приспешников. Говорили, что он захватил юных короля и королеву страны людей и казнил их вместе с остальными.

- Это были первые монархи людей, над которыми реяло знамя Великого Медведя, - подхватил Стефаник. – Только представьте – Кетерил погубил их, но их символ продолжил жить и стал талисманом верховных королей Ффолка. Раньше я думал, что король стал жертвой предательства, но теперь мне кажется, что его захватил в плен Легион Проклятых.

- Проклятый Легион, - поправил старший полурослик.

- И как раз в безлунную ночь бойни на них пало проклятье, - прошептал Стефаник, бросив затем взгляд в ночное небо.

- Даа... Заклинание мага, помноженное на мстительную мощь Земной Матери. Вал чёрного тумана выкатился из леса, - начал Полдо, понизив голос до хриплого шёпота; выпучив глаза, он оглядывал тени, обступившие их костёр. – На две недели он окутал компанию негодяев, и всё это время Кетерил и его легионеры ютились за стенами крепости, страшась выйти за её пределы. А потом, в ночь летнего солнцестояния туман рассеялся, прогнанный светом полной луны... И Дворец Черепов, Кетерил и все его люди – вместе с ним, - завершил Полдо свой рассказ.

- Все, кроме одного! – перебил Стефаник. Когда старший товарищ кинул на него любопытный и смущённый взгляд, юный полурослик продолжил: - Ну, так рассказывают в Ллирате. Среди людей Кетерила был один вор по имени Гариус, бродяга, бывавший в самых отдалённых закоулках мира. Он исполнился презрением к своему злобному хозяину – вор не отказывался от противоправных действий, если

они сулили выгоду, но беспричинную жестокость не принимал. Говорят, под покровом тумана он сбежал от повелителя и из ужасного дворца.

- Удалось ли ему выбраться? – спросил Полдо, заинтригованный новой версией легенды.

- Никто точно не может сказать, - приглушённо ответил Стефаник. – Все считают, что он сбежал до того, как проклятье возымело эффект и забрало Кетерила, но с тех пор его никто больше не видел. Кто-то говорит, что ему удалось сбежать из замка, но скрыться от ужасающей магии самого принца он не сумел. Старейшие жители Падей Ллират утверждают, что, в качестве наказания за измену, Гариус был превращён во что-то отвратительное.

- Может, это и так, - заметил Полдо, зевнув, - но мы никогда не узнаем, правдивы ли все эти сказки, если немного не отдохнём.

- Ну наверно, мы можем больше поговорить об этом завтра, - бодро отозвался Стефаник. – Времени будет полно – добираться до места находки мы будем большую часть дня. Но найти его труда не составит. Как я уже говорил, это там, где сходятся две реки.

- Чудесно, чудесно, - одобрил Полдо. Его голос затих, и, несмотря на несколько настойчивых вопросов со стороны его юного спутника, лорд-мэр Нижегородья больше не выдвигал никаких предположений – вслух, по крайней мере.

На следующий день они начали продвигаться под тенистой сенью леса. Путников окружали тёмные толстые стволы, а покрытые листьями ветки переплетались плотным балдахином над их головами. Зелёный навес не давал ни одному лучу солнца дотянуться до земли, и двое полуросликов пробирались по лесу словно в сумерках. Под ногами, сглаживая трудности пути, стелилось мягкое одеяло из мха, листьев и сосновых иголок.

Пока они миновали одну покрытую грубой корой колонну за другой, Полдо не покидало гнетущее, давящее чувство – чувство заточения, почти клаустрофобия. Ему уже не хватало простора родных болот, где даже туман казался далёким и дружелюбным – не то что эти нависшие безмолвные стражи. Воздух был приторным и влажным – настолько, что его лоб покрылся испариной; всюду висело удушающее амбре из запахов грязи и сосен. Он жаждал ощутить дыхание ветра – вечного спутника топей – но деревья не тревожил даже лёгкий бриз.

К середине дня полурослики достигли берега глубокой, холодной речушки.

- Берёзовый ручей, - возвестил Стефаник. – Если пойдём вверх по течению, выйдем к нужному месту – туда, где я нашёл кинжал.

Этот водоём тоже протекал под покровом Ллират – деревья по обеим сторонам потока были столь большими и ветвистыми, что даже русло реки не могло помешать их веткам сплестись друг с другом в вышине. Серые камни выступали из мутной воды, и река омывала их – в полной, сверхъестественной тишине.

Остаток дня полурослики шли вдоль берега Берёзового ручья. Вода струилась с неослабевающей силой, но Полдо поток показался странно тихим. Речка была глубокой, кое-где попадались тёмные плёсы - обычно после ступенчатых скатов или неожиданных порогов. Но даже в таких быстрых местах Берёзовый ручей не бурлил и не пенился, как можно было ожидать. Опытному путешественнику этот молчаливый ручей казался ещё более тревожащим, чем обступающий лес.

- Вон там! – крикнул Стефаник, понукая свою лошадку. – Видите место, где два потока сходятся?

- Вижу. Отличная работа, парень, - похвалил удовлетворённый Полдо.

Два небольших потока образовывали букву Y, сливаясь в широкий и глубокий Берёзовый ручей. Правый приток кувырком скатывался с череды уступов, похожих на каменные ступени. В некоторых местах нависающие ветви даже слегка расступались, позволяя тонким лучикам солнечного света отражаться от поверхности воды. Левый же ручеёк больше походил на сам Берёзовый ручей - его извилистое русло не было таким же крутым, как у его братца. И хотя течение было быстрым, кипучей энергичностью своего соседа он не обладал.

- Вон там, посередине - там я остановился. И кинжал там же нашёл, - объяснил Стефаник.

Когда Полдо приблизился к месту назначения, он убедился, что треугольник земли между двумя потоками и вправду выглядел как идеальное место для стоянки. Земля ровная, без палок и корней; несколько больших камней собраны в круг, защищающий костёр от ветра и скрывающий его проблески от посторонних глаз.

- Мы можем перейти через правый рукав, - продолжал юный полурослик, - здесь есть надёжный брод.

Два пони погрузились в текущие воды - разбивавшиеся в брызги об их колени, не выше - и спустя короткое время выбрались на плоскую площадку. Между булыжниками, которые ранее заметил Полдо, затаились остывшие угли старого кострища.

- Остатки твоего лагеря? - спросил он у Стефаника, когда они оба спешили.

- Ага. А вот и старый корень берёзы, который я вытащил перед тем, как идти спать, - показал юный следопыт, становясь на колени около засыпанного пылью пепелища. - После меня здесь никого так и не было.

- Неудивительно, - пробормотал старший полурослик. Мрачность леса всё больше нервировала и угнетала, но он игнорировал это ощущение изо всех сил. - Где именно ты нашёл нож?

- Вот тут, - Стефаник приблизился к левому ответвлению сходящихся потоков и указал на неглубокую выемку около обрыва. – Он лежал прямо вот тут. Из этой дыры я его вытащил.

Полдо присел рядом с небольшой ямкой. Недавно вынутая земля была сложена кольцом вокруг впадины, но уже в некоторых местах окрасилась зеленью свежей моховой поросли. В длину яма соответствовала кинжалу. Что ж, раньше он был закопан чуть выше уровня воды, между двух камней.

Посмотрев вверх по течению, лорд-мэр заметил неясные очертания гранитных глыб, видневшихся за деревьями. Ручеёк выбивался из глубокой расселины, прорезавшей эти природные стены. Хотя древесные стволы заслоняли обзор, полурослик всё же мог разглядеть проход, вившийся между утёсами – узкий каньон, место, где зарождался левый приток Берёзового ручья. Он изучил покато крутое русло реки, спускавшееся от расщелины вниз, к небольшой заводи у его ног.

Уверенным движением Полдо вытащил короткий клинок из сумки и вытянул перед собой.

- Покажи мне путь к Дворцу Черепов! – приказал он, ожидая вспышки заливающего эфес тепла. Ничего не последовало.

- Может, нужно бросить его на землю? – предположил Стефаник.

Полдо швырнул предмет к ногам, но тот лишь продолжил неподвижно валяться в грязи.

- Что вы сделали до этого – ну, чтобы он светился и показывал в сторону дворца Кетерила?

- Понятия не имею, - огрызнулся лорд-мэр, но тут же умолк. – Смотри! – прошипел он.

Так же, как тогда в Нижегородье, кинжал вновь засиял. Нависая над ним, хафлинги чувствовали исходящий от металла жар. Затем, очень медленно, оружие начало вращаться. Уже через несколько мгновений оно затихло, его наконечник был обращён в сторону узкого, каменистого прохода.

- Наверх, - резюмировал Полдо. – Вот откуда он взялся.

- Т-там как-то темновато, - неуверенно отозвался Стефаник.

- Зато утром будет светло, - успокоил Полдо, хотя голос его был бодрее, чем мысли. По правде говоря, окружённое лесом ущелье выглядело как дурное место. Решение отложить его исследование до утра пришло едва ли не сразу же.

Пока Стефаник рассёдлывал лошадей, Полдо отправился собирать хворост, который в больших количествах присутствовал вокруг лагеря. Сложив собранную охапку около пепелища, он взглянул на своего товарища – только для того, чтобы увидеть, что молодой полурослик неподвижно застыл, выпучив глаза и уставившись в одну точку позади плеча лорд-мэра.

Полдо вихрем обернулся и обнаружил меньше чем в двух метрах пару немигающих жёлтых глаз. И принадлежали они беспристрастной собачьей узкой морде, которая затем раскрылась и явила изумлённым путникам розовый язык, прятавшийся за длинными, белыми клыками.

- Волк! – пискнул Стефаник.

Полдо уже опознал мощную фигуру лесного хищника. Стоявшее на камне создание присело, приготовившись к внезапному прыжку.

Вскрикнув от неожиданности, Полдо потянулся было к мечу, но всё, что он смог сделать, это нескладной кучей опрокинуться назад. Всё это время волк не сводил с него пронзительных янтарных глаз. К тому моменту, как воин наполовину вытащил меч из ножен, он понял, что зверь не представляет непосредственной угрозы.

- Он выглядит голодным, - заметил Стефаник. Через кожу на боках волка отчётливо проступали рёбра, лишь слегка прикрытые жалкими кусочками грязного меха. Одно его ухо безжизненно висело, и его перечёркивала уродливая кровавая рана. Услышав звуки голоса, животное перевело взгляд на лицо юного полурослика, встопорщив здоровое ухо и повернув его в направлении последнего.

- Кинь ему какой-нибудь еды! – прошипел Полдо, весьма смущённый своей неуклюжестью – и всё ещё не уверенный в том, какие у волка намерения.

- Держи, приятель, - сказал Стефаник, выудив из седельной сумки целый шмат ветчины и бросив к лапам зверя.

Волчьи глаза проследили за полётом куска, но потом вернулись к Полдо. Всё же в итоге голод победил. Лесное создание повело носом и спрыгнуло с каменного

пьедестала. Бросив ещё один взгляд на лорд-мэра, так и не поднявшегося на ноги, волк плюхнулся на задние лапы и вцепился в жёсткое мясо своими всё ещё белыми, длинными и острыми зубами.

В скором времени зверь добрался и до их запасов сыра. Поглядывая за волком, Полдо развёл костёр – Стефаник в это время раскладывал спальные мешки. Они поджарили немного ветчины и для себя, снова бросив животному небольшой отрез. Вскоре стемнело окончательно. Волк наконец-то – с довольным вздохом – опустил голову на вытянутые передние лапы.

- Похоже мы нашли друга, - сказал Стефаник, когда волк закрыл глаза.

- Полагаю, в этом лесу нам мог бы встретиться и кто-нибудь похуже, - настороженно ответил Полдо. Мысль о том, что придётся спать здесь, да ещё и в компании лежащего в паре метров от них хищника, беспокоила его совсем не слегка. – Может, нужно дать ему ещё мяса?

- Думаю, нужно дать ему отдохнуть. Он выглядит очень измотанным.

Животное выглядело так, словно только что закончило долгий и изнуряющий путь. Клочковатые бока, сейчас заметно раздувшиеся, вздымались и опускались в такт размеренному дыханию. Полдо рассмотрел шрамы, во множестве покрывавшие морду и лапы – хотя и не такие ужасные, как на ухе. Однако многие раны выглядели влажными и свежими – у волка не было времени их залечить.

- Разве волки перемещаются не стаями? – поинтересовался молодой полурослик. – Очень странно видеть одиночку.

- Как часто ты видел волков в Лесу Ллират? – в свою очередь, спросил Полдо.

Стефаник помотал головой.

- Редко. Осенью и зимой, один-два раза, мы в деревне замечаем, как они пробегают мимо – словно серые лесные призраки. Нас они не беспокоят. Более того, они даже ни разу не задирали овец Белоборода Каривезера. Но всегда – *всегда* – это были стаи, по меньшей мере из дюжины особей, иногда двадцати или больше.

- Судя по его виду, предположу, что ему пришлось бороться за свою жизнь. Может быть, он последний из своей стаи, - задумчиво обронил Полдо.

- Не знаю, что бы смогло перебить столько этих зверей, - засомневался Стефаник. – Есть, конечно, медведи, но стая легко может оторваться от них. Может, фирболги?

- Вряд ли, - покачал головой Полдо. – Даже если бы эти великаны и забредали так далеко на юг, они не делали бы такого. Иногда они ловят волков, чтобы содержать как домашних питомцев, но чтобы пытать и увечить?

Вскоре погружённые в беспокойные мысли хафлинги свернулись в своих мешках и заснули. Никто из них не спал беспробудным сном, а Полдо вскочил сразу же, как только серый рассвет забрезжил, пробиваясь через туман над ручьём.

Волк всё ещё был здесь, хотя уже не спал. Полдо поднялся, подошёл к Стефанику и растормошил его ото сна – и жёлтые глаза зверя всё это время следили за каждым его движением. Путники собрали принадлежности, отчасти надеясь, что животное уйдёт по своим делам. Но когда они направились к узкой расщелине, волк рванулся вперёд, выискивая путь между кривыми корягами и прыгая по массивным камням. Он вёл их прямо в каньон.

Стены, словно чьи-то огромные гранитные плечи, нависали над головами. Полоски мха и лишайников расчертили обветренные грани, а сама каменная гряда сохраняла здесь холодок, высосавший каждую крупницу тепла из воздуха. Поток сузился и теперь протекал по заваленной обломками ложбинке. Тем не менее, Полдо нисколько не сомневался, что место происхождения чудесного кинжала они обнаружат неподалёку от истока этого ручейка.

- Мы не сможем провести здесь пони, - констатировал старший полурослик, взмахом указав на крутой и узкий проход. - Привяжем их здесь и постараемся вернуться до захода солнца.

Стефаник тоже понял, что все их усилия провести скакунов через лабиринт булыжников и обрывов будут тщетны. Волк же наблюдал за ними со своей обзорной точки на верху валуна – как полурослики слезают, крепко привязывают жеребцов и собирают кое-какие важные вещи – оружие, фляги с маслом и платиновый кинжал – готовясь дальше идти пешком. Удивительно, но хищник казался заинтересованным в них самих больше, чем в их конях.

Потрёпанное животное вновь побежало вперёд, скрывшись из виду за большим обломком скалы. После дюжины прыжков оно остановилось и повернуло морду, проверяя, не отстали ли хафлинги.

- Да, погоди ты минуту, - проворчал Полдо, недовольный тем, что зверь так легко и непринуждённо пробирается через труднопроходимую местность.

- Хм, если он идёт с нами, нужно придумать ему кличку, - предложил Стефаник, карабкаясь через оцетинившееся острыми ветками поваленное дерево.

- Как пожелаешь, - пробормотал Полдо, вслед за своим товарищем преодолевая препятствие.

- Как насчёт «Пол-Ушка»? - предположил Стефаник, приняв недовольное бормотание за одобрение. - Эй! Эй, волк! Пол-Ушка! Не хочешь подыскать нам дорогу получше?

Но Пол-Ушка лишь безучастно взглянул на них. Несколько минут путники, двигаясь вдоль берега, молча взбирались к месту последней остановки волка. К тому моменту, как они туда добрались, хищник оторвался вперёд ещё на дюжину скачков.

Полдо и Стефаник застонали, проклиная дорогу наверх. Собственно, дороги-то как таковой и не было – сплошь обрывы, обвалы и колючие заросли, превращавшие каждый шаг по дну узкой расщелины в суровое испытание. И всегда Пол-Ушка держался впереди них, пролезая под блокирующими путь полуросликов бревнами и преодолевая каменные откосы всего за несколько прыжков. Медленно продвигаясь вслед за ним, двуногие исследователи карабкались предельно осмотрительно, подтягивая привязанные к верёвке пожитки только после того, как сами преодолеют очередной рискованный подъём.

В стороне по-прежнему струился ручей, молчаливой мощью заполняя глубокое русло – те части, что были свободны от камней, в основном, забивших течение ниже. Наконец стены по обеим сторонам начали расступаться, и вскоре товарищи достигли верха извилистого ущелья. С трудом забравшись на груды валунов, высившуюся на берегу, Полдо остановился перевести дух. Пол-Ушка терпеливо ждал их на лесной полянке немного поодаль.

- Ровное место, - прохрипел лорд-мэр, когда молодой соратник нагнал его. – Похоже на лес, который мы видели внизу.

- И хвала Земной Матери за это! – простонал Стефаник, в изнеможении упав на камни. Потом он огляделся: - А где Пол-Ушка?

- Да подожди ты, паршивая псина! – рывкнул Полдо, когда хищник устремился через поляну к тенистому лесу на противоположной стороне. – Дай нам отдых... - он не договорил окончание, застыв как вкопанный.

- Что такое? – поинтересовался Стефаник, пытаясь проследить взгляд своего компаньона. Затем и его голос утих, поглощённый ошеломлённой тишиной.

Структура, видневшаяся впереди, в лесу, сперва была едва различима – настолько плотно смыкались стволы деревьев. Но, приглядевшись, полурослики различили ступенчатые очертания – что-то прямоугольное, будто длинная и высокая, светло-серая, даже скорее белая, стена. Первой мыслью Полдо было то, что этот контур казался слишком правильным для цепочки скал, либо холма.

- Это... это какое-то здание, - выдал Стефаник, ненароком понизив голос до шёпота. – И Пол-Ушка ведёт туда!

- Что ж, лучше не оставлять его в одиночестве, - пробрюзжал Полдо, удивляясь собственному отсутствию энтузиазма. Что-то в облике этого причудливого строения – хотя им всё ещё предстояло рассмотреть его поближе – беспокоило его, и он не мог игнорировать это чувство.

- Эээ, мне кажется, или начинает темнеть? – уточнил Стефаник, нервно пробежав взглядом по окружающему тёмному лесу.

Полдо не ответил, но сгущающиеся сумерки ясно дали понять, что они провели большую часть дня, пробираясь через заваленный каньон. И без того окутанный тенью лес теперь погружался в ещё более плотную тьму. Медленно, словно ожидая нападения в любой момент, Полдо подкрался к сооружению, бросаясь от одного дерева к другому, и каждый раз осматривая свою цель прежде, чем сделать следующий рывок.

Пол-Ушка же, напротив, сразу подобрался вплотную к объекту и сел там, будто бы нетерпеливо выжидая, когда его спутники присоединятся к нему в его безрассудной выходке.

Вскоре полурослики подошли настолько близко, что смогли различить детали спрятавшегося за высокими соснами здания. Когда они вышли из-за деревьев, строение предстало перед ним во всей красе – и они уставились на него в изумлении. Замеченная ранее белая поверхность оказалась внешней стеной – и не такой гладкой, как Полдо думал вначале. Теперь наверху виднелось множество башенок и парапетов, а в самом центре зиял огромный провал единственного входа.

И хотя хафлингам казалось, что они хорошо рассмотрели замок со своего места, только подойдя ко входу, они увидели истинную его природу.

- Это всё сделано из костей! – прошептал Стефаник. – Смотрите – черепа, *человеческие!* Легенды не врал!

Полдо почувствовал сильную дрожь, сотрясшую его, пока он рассматривал стену пустых глазниц. Большая часть поверхности замка состояла из этих жутких останков, плотно подогнанных друг к другу будто бы рукой умелого каменщика.

Окаймление двери состояло лишь из трёх костей, вроде бы бедренных – вот только каждая была длиной три метра минимум.

- Даже у фирболгов не такие здоровые ноги! – пробормотал охваченный благоговейным ужасом лорд-мэр.

- Думаете, нож отсюда? – без особого желания услышать ответ спросил Стефаник. – Может быть мы... ну... были не совсем правы насчёт метки?

- Уверен, что отсюда, - не поддался Полдо и храбро шагнул вперёд. Хотя это впечатляющее строение пробуждало в нём чувство непреодолимого ужаса, в то же время, оно влекло обещанием открытий, приключений... и сокровищ. В конце концов именно благодаря противостоянию сверхъестественным угрозам – ещё большим, чем этот призрачный замок – он и заслужил репутацию героя.

- А что насчёт пони? – Стефаник бросил тоскливый взгляд в ту сторону, откуда авантюристы прибыли. – Мы не можем оставить их одних на всю ночь.

- С ними всё будет в порядке. Там вокруг полно травы.

- Но как же волки? – напомнил молодой полурослик.

- Не сомневаюсь, что Пол-Ушка тут единственный, и он с нами. По-моему, он показывает путь. Пойдём, - Полдо вновь зашагал к манящему проходу. В голове его вертелись соблазнительные картины – горы золотых монет, сверкающие камни, невероятные артефакты. Пол-Ушка вскочил и, как всегда опережая спутников, миновал проём.

Полурослики – один смело, другой неохотно – последовали под костяную арку вслед за зверем.

Через щели в грубой каменной кладке – *костяной* кладке, напомнил себе Полдо – пробивалось достаточно света, чтобы внутренности помещения были хоть немного различимы. Однако, меньше, чем через две дюжины шагов, стало гораздо темнее, а потому товарищи остановились, чтобы достать из сумок фонари. Наполнив их маслом и пустив по фитилю огонёк, они вскоре продолжили исследование, уже при ярком освещении.

Входной коридор оказался широким и был вымощен настоящим... камнем, как с облегчением понял Полдо. Но стены по обеим сторонам по-прежнему палились на них чередой пустых глаз и скалили зубы, ибо и здесь были выложены исключительно из черепов.

- Да тут их *тысячи*! – выдохнул Стефаник, когда они дошли до пересечения с тремя другими коридорами, также ухмылявшимися костяными лицами. Воздух был сухим и безвкусным, и каждый его вдох иссушал языки и глотки полуросликов. Оба сделали по глотку из фляг – и для утоления жажды, и для успокоения нервов.

- Куда дальше? – спросил Стефаник. Долгий взгляд, брошенный ко входу в помещение, ясно говорил о том, какой он ждёт ответ на этот вопрос.

- Кинжал! – вскрикнул Полдо. Стачив платиновое оружие с пояса, он по очереди подержал его перед каждым из трёх проходов.

- Дворец Черепов, - нараспев произносил он, представляя бескрайние кучи сокровищ. Он прождал несколько секунд, помня, что эффект наступал с некоторым опозданием. Но на этот раз предмет не предоставил подсказок – возможно потому, что они уже находились в крепости.

- Придётся наугад. Пойдём в этот, - объявил лорд-мэр после паузы.

Полдо сделал только с полдюжины шагов вниз по коридору, когда свет его лампы отразился от кусочков металла, валявшихся у основания одной из стен.

- *Золото!* – возопил он, забыв даже понизить голос. Полурослик молниеносно встал на колени, чтобы рассмотреть добычу получше, держа фонарь над несколькими дюжинами золочёных монет, подмигивавших ему с пола.

- А они не должны быть пыльными? – вслух засомневался Стефаник.

- Нет! – голос Полдо был наполнен восторгом. – Это место появляется только на одну ночь, а потом исчезает! И когда пыли накопиться?

- Но... - Стефаник смолк.

Старший хафлинг собрал монеты и поспешно ссыпал их в рюкзак. Горсть приятно оттянула дно кожаной сумки.

- Пошли! – скомандовал Полдо, набирая ход. Пол-Ушка с готовностью затрусил рядом, в то время как Стефанику пришлось припустить, чтобы не отставать.

Они добрались до огромной, сводчатой палаты, в которой свет их фонарей представлялся лишь небольшими островами посреди бескрайнего моря темноты. Стефаник устремился было вперёд, но Полдо остановил его.

- Смотри – ниши в стене. Давай-ка по пути заглянем, - он протянул руку с фонарем, держа её между двумя дугами, подсвечивая пустое пространство – маленькое, квадратное и с высоким потолком, поддерживаемым костяными арками.

- Альковы... может быть именно там и жили воины Проклятого Легиона Кетерила! – прошептал Стефаник – одновременно восхищённо и испуганно.

- Возможно, - ответил Полдо, а потом торжествующе добавил, – но теперь-то они пусты! Здесь нет никаких призрачных стражников, так и ждущих возможности выпить твою душу. Тоже мне, старые сказки!

- Но сокровищ тоже нет, - возразил юный полурослик.

- Терпение, малец. Мы ещё даже не начали искать.

Полдо двинулся дальше, проходя вдоль ряда практически одинаковых помещений. Он заглянул в одно, затем в другое – и через несколько мгновений был вознаграждён.

- Что скажешь? – самодовольно спросил он, наклоняясь подобрать с пола маленькую статуэтку, изображающую крадущегося льва. Как и в случае золотых монет, этот предмет тоже сиял, словно недавно отполированный. – Чистое серебро, и глаза-рубины!

Быстрым движением он запихнул и эту добычу в свой ранец, продолжая поиски. До того, как он закончил осмотр комнаты – что заняло большую часть часа – пара золотых серёг, отделанная изумрудами брошь и инкрустированная камнями диадема составили компанию содержимому сумки. Потёртый волк всюду следовал за ним, и его янтарные глаза блеснули в свете факела, словно он тоже понимал всю ценность их находок.

- Если это покои преданных последователей Кетерила, - заметил Стефаник, - то жили они в очень стеснённых условиях.

- Ты посмотри сюда! – Полдо нагнулся, чтобы подобрать очередную сверкающую поделку. – Ещё одна статуэтка, - тихо добавил он, переворачивая фигурку воина-человека, размером с ладонь. Он внимательно изучил её, а затем

дыхание перехватило – у основания обратной стороны он заметил размытые очертания черепа.

- Не пора ли нам? – спросил Стефаник, когда лорд-мэр затянул завязки на рюкзаке.

- Здесь ещё *полно* того, что можно исследовать, - потряхнув головой, отозвался Полдо.

И он увлѣк своего товарища по запутанному, петляющему маршруту, продолжая осмотр Дворца Черепов. В некоторых коридорах они следовали за Пол-Ушком, в других же их вели любопытство и чутьѣ Полдо. Они обнаружили высокие галереи и просторный зал для празднеств, и даже глубокую яму, которая, как предположил старший полурослик, и являлась Безумным Амфитеатром. Она была окружена рядами скамей, сделанных из различных костей.

Здесь Полдо едва не проглядел пару колец. В отличие от других сокровищ, эти лежали в тонком слое пыли и грязи. На каждом из них был выгравировано изображение Великого Медведя. После недолгой оценки – Полдо решил, что это чистое золото – он бросил их внутрь рюкзака, к остальной добыче.

- Медведи это подтверждают! – сказал Стефаник. – История *правдива* - Кетерил *действительно* убил короля и королеву, это их символ!

Ещё несколько ценностей явили себя бесстрашным исследователям – точнее, Полдо, поскольку Стефаник большую часть времени проводил, всматриваясь в тени и поторапливая старшего спутника. Но лорд-мэр Нижегородя не спешил. Он обнаружил украшенные драгоценными камнями ожерелье и браслеты, по его убеждению стоившие не меньше огромного особняка. Ещё через несколько шагов его внимание привлекла миниатюрная хрустальная фигурка рыцаря на коне - блеском прозрачных граней и тонкого платинового копья. Пол-Ушка метался где-то впереди, обнюхивая тени и с явным нетерпением оглядываясь на полурослика.

Компаньоны завернули за угол и обнаружили ведущую вверх лестницу. Полдо без колебаний начал подъѣм, и Стефаник неохотно последовал за ним, стреляя глазами налево и направо, разглядывая линии гротескных мѣртвых голов, расчертившие стены по обе стороны.

- Стойте! Кажется, я что-то видел! – прошипел парень.

- Что? Где? Ещё золото? – накинудся Полдо, скатившись по ступенькам.

- Нет... что-то *двигалось*! – простонал Стефаник. – Внизу... что-то *тѣмное*!

Полдо взглянул туда, куда указывал трясущийся палец соратника, но не смог различить ничего за теневой завесой, обмотавшей основание лестницы. Свет фонарей внезапно показался весьма хрупкой защитой от наваливающейся тьмы. Держа трепещущее пламя, Полдо очень остро ощущал тот неприятный факт, что освещение делает его отлично видимым для кого-то – или *чего-то* – шныряющего во мраке.

Он быстро прикрыл фонарь, дав знак Стефанику сделать то же самое. Они молча ждали в полной темноте. Со временем их глаза привыкли ко мраку. Хотя они не могли видеть никаких деталей, общие очертания стен и лестницы постепенно приобрели форму.

- Стой тут! – приказал Полдо, ставя масляную лампу на землю. Он вытащил свой короткий меч, немного понаслаждавшись знакомой тяжестью в руке. Затем, в

качестве дополнительной меры предосторожности, он заглянул в рюкзак и достал платиновый кинжал. Взяв ещё более короткое оружие в левую руку, он поднял меч и начал спускаться, ощущая рядом успокаивающее присутствие косматого бока Пол-Ушка.

Осторожно, шаг за шагом лорд-мэр спускался, размахивая оружием гораздо более устрашающе, нежели ему хотелось бы выглядеть самому. Он достиг нижней ступеньки, затем почувствовал под ногами гладкий камень коридора. Оглянувшись по сторонам, он едва смог различить контуры прохода. Раздававшееся сбоку учащённое дыхание волка дергало ещё одну натянутую струну арфы обуревавшего его страха.

- Здесь ничего нет, - шёпотом сообщил он. Ни единого звука не донеслось со стороны лестницы, поэтому он повторил фразу погромче.

Тишина наверху была более пугающей, чем всё те крившиеся в тенях ужасы, что он напредставлял себе.

- Стефаник! – окликнул он.

Ответа так и не пришло.

Полдо и его четвероногий спутник бросились вверх по лестнице, наткнувшись в конце на мягкое препятствие – его рюкзак. Вытащив меч из ножен, он пошарил руками в поисках фонаря, затем открыл задвижку.

Стефаник исчез, хотя его лампа всё ещё стояла на одной из ступенек немного выше дорожного мешка. В отчаянии лорд-мэр осмотрел верхнюю половину подъёма – молодой полурослик не мог спуститься незамеченным, а дверей Полдо не заметил. Холодный ужас сковал его, вместе с отчётливым ощущением того, что беда накинута на них внезапно и молниеносно.

Повесив ранец на одно плечо, полурослик неуклюже подобрал фонарь левой рукой. Вновь обнажив меч, он начал преодолевать остававшиеся десять или двенадцать ступеней, пока наконец не добрался до площадки, от которой в трёх направлениях отходили три широких коридора.

- Стефаник! – вновь позвал он.

Волна опустошающего одиночества захлестнула Полдо. В один момент ценность сокровищ в сумке, обещания наживы, загонявшие его всё глубже и глубже в недра этого гнетущего места, показались незначительными, померкли в сравнении с важностью жизни его юного компаньона.

Пол-Ушка глухо зарычал. Сразу же он бросился в средний проход, остановившись через несколько шагов, обернулся посмотреть на полурослика.

Мрачно сжимая короткий меч в одной руке и кинжал с фонарём в другой, Полдо следовал за животным в коридор, затем через комнату с высокими колоннами и дальше, в узкий сводчатый проход. В нескольких местах, в нишах вдоль стен призывно подмигивало золото, а заманчивый блеск камней пытался сбить его с пути – но полурослик решительно двигался вперёд.

Наконец, он вошёл в ещё одну большую залу, куполообразный потолок которой раскинулся где-то высоко над головой. Осторожно ступая, он вытянул руку со светильником и попытался рассмотреть в тенях хоть что-нибудь. Пол-Ушка трусил рядом – голова поднята, глаза настороже. Внезапно волк застыл на месте, издав

глубокий рык, шедший из его груди. Полдо различил размытую фигуру, неподвижно стоящую посреди тьмы – прямую и высотой не больше метра.

- Стефаник! – вскрикнул Полдо, подбегая к молодому спутнику.

Но, столь же резко, как он кинулся к силуэту, Полдо остановился. Стефаник не повернулся и никак не отреагировал на окрик. Что-то здесь явно не так, решил лорд-мэр.

А потом тени за юношей зашевелились, и Полдо почувствовал леденящий холод, пробравший его до мозга костей. Ещё одна форма возникла в темноте – *огромная* форма – и полурослик не смог сдержать стон ужаса, сорвавшийся с губ. Мгла расступилась – лишь для того, чтобы явить существо, состоявшее из ещё более всепоглощающей тьмы, громадину большего, чем человек размера, чьи плечи и голова возносились вверх, к потолку, словно залитой чернилами комнаты.

Полдо мог различить воздетые руки, черные и несущие угрозу – и в то же время бесплотные, словно густой маслянистый туман. Холод окутал его, грозя высосать тепло и жизнь из тела. Ещё лорд-мэр разглядел длинные, хищно загнутые когти, которыми оканчивались вытянутые конечности. Затем и отвратительная морда обрела форму – разъявленные кривые челюсти, с почерневшими гнилыми зубами, за которыми виднелся багровый язык. Но самыми устрашающими всё же были глаза создания – пылающие адской ненавистью и обречённостью угольки, которые не мигая вперились в трепещущего полурослика.

- Кто эти воры, явившиеся за сокровищами Кетерила?

Голос загромыхал в этой похожей на пещеру камере, и Полдо показалось, будто бы удар молнии размазал его по полу. Волосы на его затылке стали дыбом – он безошибочно почувствовал ауру магии, искрящейся в воздухе.

А потом до него дошёл ещё один вселяющий ужас факт – голос призрака разносился сразу отовсюду! Закрутившись на месте, он увидел ещё дюжину силуэтов – все таили угрозу и все были трудноразличимы. Но у всех светились те же адские глаза, и каждый из них тянул к Полдо когтистые лапы, желая разорвать его на части.

- Кто ты? – выдохнул полурослик, наконец найдя силы заговорить.

- Я Принц Кетерил, - снова тот же голос, словно гром над отдалённой долиной.

Рядом с Полдо зарычал и съёжился Пол-Ушка, блестя глазами в свете фонаря, переводя их с одного монстра на другого.

- Стефаник! – крикнул Полдо.

Лохматая голова дёрнулась, словно юноша пытался оглянуться, но не смог. Казалось, что Стефаник хотел взглянуть на своего компаньона, но у него не хватало сил. И вновь Пол-Ушка зарычал, и в рыке его крылись нотки страха.

- Не трать дыхание! – прошипел Кетерил. – Как и ты, он мой пленник.

- Что ты с ним сделал? – выкрикнул Полдо, медленно поворачиваясь по кругу, чтобы охватить взглядом все толпящиеся фигуры. «И что я с ним сделал», - безжалостно добавило его сознание. Он прекрасно помнил все просьбы молодого полурослика о том, чтобы покинуть это место, и его собственную настойчивость в преследовании обманчивых миражей.

- Пока ничего, но я планировал сделать его одним из моих сокровищ... моих безделушек, - глумился Кетерил. – Вы ведь провели почти всю ночь, собирая остальные.

- Что ты имеешь в виду?

- Все они оказались ненадёжными и лживыми, даже мой бесстрашный легион – как и этот предатель Гариус, - Кетерил жутко улыбнулся. – Он сбежал в час моей величайшей нужды, но это не уберегло его от моего гнева.

Голос стал ещё глубже, и забулькал, словно дьявольский котёл.

- Как и все те, кого заманила сюда жажда наживы, кто забрался ещё глубже в мою паутину, ведомый собственной жадностью, ты и твой пронырливый дружок навеки останетесь среди этих стен. Как и все те, кто пытался ограбить или обмануть меня, вы станете вещами мнимой ценности – только блеск, и ничего более.

- Я видел здесь достаточно много ценных предметов, - с вызовом ответил полурослик, тут же пожалев о своей глупой дерзости.

- Ты так думаешь? Возможно, тебе следует взглянуть ещё разок.

Внезапно почуяв дурноту, Полдо понял, что платиновый кинжал в его руке на удивление мало весит. Взглянув туда, он увидел, чем это оружие являлось на самом деле - отрезком дешёвой жести со стеклянными шариками. Сразу же он понял, что и остальные сокровища в рюкзаке не намного ценнее.

Полдо старался сдержать дрожь, охватившую его руки. Его мозг отчаянно пытался придумать какой-нибудь план. Лорд-мэр бешено озирался по сторонам в поисках подсказок.

Пол-Ушка стоял рядом, его глаза затравленно оглядывали круг призрачных фигур. Шерсть на спине встопорчилась. Нос задёргался, когда зверь оскалил зубы и зарычал.

Полдо поднял фонарь, внимательно оглядев трепещущий огонёк - небольшой сосуд с маслом всё ещё питал его. Глиняная ёмкость была тяжелой - оставалось ещё больше половины горючего.

- Стефаник! - ещё раз позвал он. И вновь молодой полурослик пытался сопротивляться, победить в битве разумов - но по-прежнему он не мог ни повернуться, ни говорить.

- Глупец! - плюнул Кетерил. Звук голоса снова шёл словно бы сразу отовсюду.

Мигающее пламя фонаря Полдо затрепетало, когда он попытался унять дрожь в руках. Он увидел возможность, слабый, отчаянный шанс, но только этот шанс был единственным, что давало хотя бы призрачную надежду на спасение - при условии, что он угадал правильно.

Бросив кинжал на пол, он выкрикнул слово - но не название этого прибежища ночных кошмаров, так как лорд-мэр понял, что не Дворец Черепов являлся истинной целью оружия. Нет, он прокричал имя. И когда он произнёс его, клинок засиял словно солнцем.

- Кетерил! - вот что это было за имя.

Оружие закружилось на полу и резко застыло. Его конец указывал на один из окруживших его силуэтов, стоявший чуть дальше остальных и почти целиком скрытый в тенях. В то же самое мгновение - когда настоящий принц был раскрыт - призрак бросился вперёд, протягивая ледяные когти к своему врагу. С ошеломительной скоростью смертоносные лапы оказались прямо у лица Полдо.

Пол-Ушка заворчал, и низкое эхо его ворчания загрохотало по просторной комнате. Затрепетав ноздрями, животное быстро присело, а затем прыгнуло.

Ворчание перешло в яростное рычание, когда его челюсти сомкнулись на одной из болтающихся рук Кетерила. Проклятый принц отмахнулся, отправив волка в полёт, но эта безрассудная атака дала Полдо как раз то мгновение, которое нужно было, чтобы поднять высоко над головой руку с пылающим фонарём.

Зарывав, он метнул импровизированный снаряд. Глиняная банка ударилась об пол прямо у ног принца, разбившись вдребезги и забрызгав шипящего призрака маслом. И как только фитиль коснулся скользкого от горючей жидкости каменного пола, оранжевое пламя охватило тело Кетерила.

- НЕТ!

Это был даже не крик, а визгливый вой, похожий на свист ураганного ветра, проносающегося по широкому каньону и выкорчёвывающему деревья, камни и саму землю. Но вскоре это был уже не рёв воображаемой бури, а самое настоящее землетрясение. Полдо пошатнулся, когда пол под его ногами заходил ходуном. Принц бросился к нему, оставляя позади огненный шлейф.

Полдо подобрал неказистый кинжал, заманивший его в это место. Он знал теперь, что это всего лишь безделушка, но была у неё одна особенность. Клинок был единственной из побрякушек, что была найдена *вне* стен Дворца Черепов. Проклятый Легион и охотники за сокровищами – все они были превращены в дешёвые игрушки, но остались внутри здания. А значит, кинжал мог быть зачарованными останками лишь одного человека.

- Вперед, Гариус, - прошептал Полдо, бережно держа кинжал перед собой. – Это твоя возможность вернуться к хозяину.

Он метнул нож в принца и увидел – или представил себе – как глаза Кетерила расширились от ужаса. Клинок глубоко погрузился в грудь создания, и монстр отшатнулся назад, в облако шипящего пара.

Лорд-мэр не стал ждать, что произойдёт дальше. Он прыгнул вперёд, схватил Стефаника за воротник и хорошенько потряс. Рыжий юноша ошеломлённо воззрился на корчащегося в муках Кетерила, заморгав от удивления.

- Пойдём! – прикрикнул Полдо.

- Вы мои! – завизжал проклятый принц, ковыляя вперёд и протягивая к двум полуросликам горящие конечности. Взыв, Пол-Ушка бросился к нему в бешеном натиске, чтобы, не обращая внимания на языки пламени, вонзить свои клыки в торс чёрной фигуры. Создание отмахнулось лапой с длинными когтями, но волк проскочил под размашистым ударом. В мерцающем свете Полдо рассмотрел раны на боку Пол-Ушка и понял – *вот* эта тварь, которая смогла уничтожить целую стаю и едва не убила и этого смелого хищника, в поисках собственной мести приведшего сюда двух полуросликов. Чёрный силуэт и рычащий зверь кружили по полу, и двое нарушителей были на время позабыты.

Стефаник рухнул на колени, когда пол под ним подался, но тут же быстро вскочил. Его воля вернулась к нему, когда концентрация монстра оказалась нарушена. Полдо подтолкнул его к двери, и молодой хафлинг помчался прочь из помещения, следом за ним лорд-мэр и стремительно нагонявший волк.

Охваченные паникой, они бежали через комнаты и залы Дворца Черепов, убегая от угрозы, которую скорее чувствовали, чем видели. Полурослики миновали коридоры и скатывались по длинным лестницам, задыхаясь от бега, но не смея

замедлиться в этой безумной гонке. На бегу из рюкзака Полдо вываливалось всё добытое. Стекляшки и безвкусные железные статуэтки звякали и разбивались о пол позади них, но лорд-мэр не обращал внимания на утраченные сокровища.

Наконец впереди мелькнула та самая дверь в костяной арке. Глаза слезились, а лёгкие жгло – но двое смельчаков всё же вырвались из построенного из костей и черепов здания, свалившись на мягкую землю леса, окутанного предрассветным туманом. И волк последовал за ними в проём, но сразу же развернулся и присел, напряжённо рассматривая вход.

Но, пока они разминали болящие мышцы, они не уловили ни малейшего движения, ни единого признака погони. Наконец, дыхание выровнялось, а в задеревеневшие ноги вернулись сила и чувствительность. Прислонившись к дереву, Полдо отбросил сумку, полыхая от злости.

- Они *все* были бесполезными? – уточнил Стефаник, покопавшись в грудё барахла из рюкзака.

- Иллюзии, - с отвращением выплюнул Полдо. – Всего лишь обманки, чтобы заманивать любопытных ещё глубже в недра дворца – где в итоге они встретят Кетерила.

- Смотрите! Здесь есть кое-что, что не превратилось в хлам! – вскрикнул Стефаник. Молодой полурослик выудил пару золотых колец с метками Великого Медведя – единственные предметы, оказавшиеся покрытыми грязью, когда их обнаружил Полдо.

- Кольца, - задумчиво проронил лорд-мэр. – Да, это настоящие украшения убитых жертв, а не ещё одни из превращённых слуг принца.

- Вот, - Стефаник протянул два металлических кружочка своему старшему товарищу. – Вы должны взять их.

- Нет уж, парень. Слишком много проблем от них было.

Всё же, когда Стефаник настоял, Полдо припомнил свои первоначальные намерения при поиске того места, куда указывал платиновый кинжал – раздобыть подарок на годовщину свадьбы королевской пары. Кольца носили знак королевской семьи Муншае, знак, который теперь можно было связать с правителями из людского рода, давным-давно павшими от рук безумного принца.

Полдо сунул добычу в карман. «Ну хотя бы, - подумал он, - я нашёл подходящий подарок для Тристана и Робин».

ЭЛЬМИНСТЕР НА ЯРМАРКЕ ВОЛШЕБСТВА

Эд Гринвуд

Что может быть опаснее, чем маг, желающий завладеть миром? Маг, задумавший шалость, разумеется...

- Симбул, Королева-Ведьма Агларонда

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Год Тёмного Дракона (1336 ЛД)

Розоватые проблески раннего утра едва успели смениться полноценным сиянием дня, но бард и её худой спутник ехали верхом уже какое-то время.

Шторм Среброрукая, бард Долины Теней, была известной и прославленной искательницей приключений. Кроме того, она была одним из старших и наиболее уважаемых арфистов, этой загадочной организации, совершающей добрые дела. Будучи ветераном многих опасных предприятий и всегда оставаясь настороже, она бдительно озиралась вокруг, не убирая ладонь с рукояти меча. Во время этого путешествия клинок Шторм уже не раз обагрялся кровью. Сейчас Шторм тихонько напевала себе под нос. Она рада была снова оказаться в седле — даже зная, что впереди ждёт опасность.

Уже двадцать дней она сопровождала беловолосого мужчину — высокого, как сама Шторм, но очень худого. Мужчина был стар и наездник из него оказался никудышный. Он носил простую мантию с множеством заплат, покрытую старыми пятнами от пищи. Его всюду преследовал сладкий запах табачного дыма.

И хотя так с виду и не скажешь, этот старик был искателем приключений ещё более знаменитым, чем Шторм; Старым Магом, Эльминстером из Долины Теней. Более пятисот прожитых лет окрасили его бороду белым. Его сверкающие синие глаза видели восход и падение империй, лицезрели миры за пределами Торила, большие и странные. Он знал больше тайн, чем способны были вообразить многие волшебники и простые честные люди. Годы обострили норов и язык Эльминстера и вознесли его магию до таких высот, что и не снились большинству магов.

И этот великий волшебник носил старые, расхлябанные сапоги и почти всё время был чем-то раздражён. Ночью по другую сторону костра он храпел, как истязаемый носорог — но знал об этом и использовал магию, чтобы приглушить

звук ради своей подруги и спутницы. Несмотря на храп и на то, что обращался с ней как с маленькой девочкой, он был очень дорог Шторм.

И хотя они и были друзьями, Шторм было непривычно ехать бок о бок со Старым Магом. Обычно именно барду Эльминстер доверял защиту Долины Теней, когда надолго её покидал. Но на сей раз прямо перед отбытием мага агент арфистов передал Шторм просьбу одной из её сестёр; не займётся ли она охраной Эльминстера на ярмарке волшебства?

За все свои годы, проведённые в поисках приключений, Шторм никогда не слышала про ярмарку волшебства, но название уже само по себе звучало зловеще. Она удивилась тому, с каким добродушием Старый Маг воспринял заявление Шторм, что на этот раз она будет его сопровождать. Она даже подозревала, что вместо магии, позволяющей в мгновение ока переместиться на другой конец Фаэруна, Эльминстер использует лошадей лишь для того, чтобы провести побольше времени вместе.

Каждую ночь Эльминстер усаживался с трубкой у костра, чтобы послушать её арфу и голос, поющий старые баллады. Взамен он тихо рассказывал ей истории о древнем Фаэруне, когда Шторм лежала под смотрящими с неба звёздами, пока её не забирал сон. После многих лет странствий с закалёнными суровыми воителями, Шторм поражалась тому, какое удовольствие доставляет ей эта поездка со старым чудаком.

Но сейчас, когда они, похоже, наконец достигли своего места назначения, всё оказалось совсем не так, как представляла себе бард.

- Почему именно здесь? – стоически бодро поинтересовалась Шторм, останавливаясь рядом с Эльминстером на гребне холма, расположенного очень далеко от Долины Теней. Деревья и кустарник вокруг отбрасывали длинные тени в свете яркого утреннего солнца. Насколько хватало глаз, здесь простиралась пустынная глушь, нетронутая руками человека. - Мы, должно быть, уже на полпути к Кара-Туру.

Старый Маг почесал нос.

- Ещё дальше, - ответил он с притворной невинностью, - а «здесь» мы потому, что тот, кого мы ищем, совсем рядом.

Пока он говорил, в воздухе возник человек и замер перед ними, не касаясь земли. Лошади зафыркали от неожиданности. Эльминстер нахмурился.

Сапоги человека находились высоко над землей. Он ни на чём не стоял. Полночные глаза смотрели с тонкого, жестокого и бледного лица. Он нависал над ними, облачённый в роскошную тёмную накидку, украшенную мистическими символами и увенчанную прямым высоким воротником. В одной из украшенных многочисленными кольцами рук блестел и пульсировал резной посох с драгоценными камнями.

- Вызов! - обратился он к ним с холодной, формальной вежливостью, подняв пустую руку в запрещающем проход жесте. - Назовитесь, иначе путь закрыт!

- Эльминстер из Долины Теней, - мягко ответил Старый Маг, - и гостя.

Человек сощурился и сказал ещё холоднее:

- Покажи себя.

- Ты не узнаёшь меня? - медленно спросил Эльминстер. - Что ж, Дэрибус, я помню мою первую ярмарку!

Он кивнул, погрузившись в воспоминания, и сухо добавил:

- Ты наколдовал просто очаровательную жабу.

Дэрибус покраснел.

- Ты знаешь правила, - резко сказал он, взмахнув посохом. По посоху побежали огни, озарив наверхие в виде хрустальной сферы. Медленным угрожающим жестом парящий в воздухе мужчина нацелил это сверкающее оголовье на Старого Мага.

- Знаю, - ответил Эльминстер. Затем он погрозил пальцем и легкомысленно провозгласил: - *Пре-красно!*

Угрожавший им посох дёрнулся вверх под действием силы чародейства Эльминстера. Сжимающий его страж потрясённо вытаращил на них испуганные глаза, прежде чем мускулы на его лице задёргались и проиграли битву с новой порцией волшебства Старого Мага.

Магия заставила Дэрибуса беспомощно хихикать на протяжении нескольких секунд, затем отпустила его. Его ухмылка мгновенно сменилась гримасой гнева.

Эльминстер не обратил внимания.

- Вот, пожалуйста, - весело сказал он взъерошенному часовому, пуская вперёд лошадь. - Счастливого волшебства!

Когда они взобрались на следующий гребень, Шторм обернулась и посмотрела на разъярённого мужчину. Посох сверкал и мерцал, как гроза на море, а страж рычал и гневно топал по воздуху. Шторм посмотрела на Эльминстера и заинтересованно спросила:

- Ты воспользовался мелкими чарами? Заставил его хихикать, чтобы «показать себя»?

Эльминстер кивнул.

- Волшебник должен доказать стражу волшебной ярмарки, что способен творить магию. Ну, чтобы не пускать всякое отребье.

Он закатил глаза, демонстрируя, что об этом думает, и спокойно направил лошадь вниз по высокой траве мимо груды булыжников.

- Гостям вроде тебя проходить испытание не нужно, но каждому магу дозволено привести с собой лишь одного спутника. Ни один маг не может уклониться от испытания и попасть на ярмарку. Молодые дуболомы обычно демонстрируют оглушительные взрывы или роскошные и, хм, сладострастные иллюзии, но моя демонстрация на сей раз, хм... предназначалась как оскорбление.

Шторм выгнула бровь.

- Понятно, - осторожно заметила она. - Я буду крайне осторожна на этой ярмарке.

Эльминстер взмахнул рукой.

- Ах, нет, нет, - ответил он. - Я просто должен получить некий магический ключ от человека, который кажется недостаточно безумным, чтобы принести ключ сюда — или вообще вмешиваться в это дело — а потом немного поразвлечься. Кое-кто из арфистов попросил появиться здесь и защитить этого друга, с которым мы должны встретиться. Наверняка тебя тоже попросили об этом путешествии — чтобы не позволить Старому Магу влипнуть в неприятности.

Он бросил на неё спокойный взгляд. Шторм улыбнулась и сочувственно кивнула.

Старый маг хмыкнул.

- Эти волшебные ярмарки — небольшие встречи для своих. Я уже много лет их не посещал, а кроме того, мы слишком далеко от дома, чтобы меня здесь хорошо знали. Существуют определённые правила для участников, которые призваны не допустить превращения ярмарки в волшебную потасовку, но тебе стоит помнить, что магией владеют почти все присутствующие. Будь настороже. Пей то, что тебе предлагают, только в моем присутствии и с моего одобрения. Доставай свой волшебный меч, только если придётся. Некоторые явились сюда за новыми заклинаниями, но большинство желают просто показать, на что способны — как проказничающие дети. Толпа жестоких, невероятно могущественных детей.

Он с задумчивым видом почесал бороду.

- Что касается наших противников, имена и лица их слуг, присутствующих на ярмарке, мне неизвестны.

Маг неожиданно ухмыльнулся.

- Подозревай каждого, как обычно, и с тобой всё будет хорошо.

- А что за ключ мы ищем? - спросила Шторм. - И почему он так ценен?

- Только из-за того, что он открывает, - пожал плечами Эльминстер. - Ты вскоре узнаешь, как он выглядит и какой цели служит — что, на самом деле, всего лишь способ сказать, что я едва помню, что это за ключ и даже понятия не имею, почему спустя столько лет он так резко и неожиданно снова оказался важен.

Он бросил на неё сухой взгляд и добавил:

- Достаточно таинственно для тебя?

Шторм ответила взглядом, повергавшим в ледяной ужас многих мужчин.

Старый маг невозмутимо улыбнулся ей, пока они спускались по очередному укрытому вереском склону.

- Прости, дорогая, но в последний раз мне прочитали целую лекцию — причём именно ты, если я правильно помню — о свободных разговорах про любые мелкие подробности, которые в подобных делах необходимо держать в тайне, поэтому я стараюсь как можно меньше трепать языком и вести себя так, как будто мне одному известен великий секрет, от которого зависит судьба целого мира... ох, ну вот опять. Видишь, я просто не могу сдержаться. Сложно заниматься всеми этими интригами и спасением мира с суровой и мрачной решимостью, если это длится на протяжении нескольких веков. Так на чём я остановился? Ах да...

Мысленно улыбнувшись, Шторм напомнила себе, что бывают вещи и похуже, чем путешествовать с Эльминстером через половину Фазруна. И чтобы поддержать настрой, она провела какое-то время, пытаясь припомнить некоторые из них.

В мрачной задумчивости они преодолели несколько поросших кустарником холмов и оказались у входа в глубокую долину в виде котла. Откуда-то справа опускалась в долину по-змеиному изгибающаяся узкая тропа, проходящая через рощу деревьев перед ними. Деревья скрывали от двух наездников остальную часть долины.

Тогда-то в поле зрения и показался человек в роскошной фиолетовой мантии. Скорее даже «вплыл», поскольку он спокойно восседал на ковре, пронзающем

воздух, как голодная змея, следуя за узкой тропой далеко вниз. Человек на ковре влетел в рощу прямо на глазах у барда и волшебника. Листья деревьев торопливо сменили цвет с зелёного на яркий медный оттенок, раздалось несколько голосов, приветствующих новоприбывшего.

Очевидно, они попали на ярмарку волшебства.

Вдали, на возвышенности в противоположном конце по-прежнему незримой долины, Шторм заметила взлетающие в воздух огненные шары. Эльминстер проследил за направлением её взгляда и сказал:

- Ах да, соревнование по швырянию огненных шаров, видишь? Его так любят начинающие маги... вроде как пытаются произвести впечатление на товарищей. Мы наверняка окажемся там куда раньше, чем хотелось бы. Видишь ли, им позволено вызывать на соревнование нас, старших творцов двумеров, чтобы показать свой мужской характер, одолев старых пердунов. Ну или женский характер, конечно, хотя многим девам хватает здравого смысла, чтобы избегать столь вульгарной демонстрации силы.

Шторм подняла бровь.

- И каким образом один огненный шар может произвести большее впечатление, чем другой? Говорят же, что если в тебя попал один, то уже без разницы.

Старый маг терпеливо покачал головой.

- Если изменить в магической формуле несколько слов, заклинание станет сложнее, а размер и сила взрыва будет соответствовать опыту создателя. Понимаешь, один волшебник может хвастаться, что у него больше, чем у другого. Огненная сфера архимага бывает весьма впечатляющая.

Он сделал многозначительную паузу, затем добавил:

- Я не собираюсь зря тратить время на ярмарке. Швыряться огнём — забава для молодых и глупых. Постарайся не угодить в неприятности, бросив кому-то вызов. Держись поближе ко мне и ни с кем не заговаривай. Так безопаснее.

С этим мелодраматическим напутствием Старый Маг ударил коня каблуками, послав его галопом вниз по крутой тропе и подняв тучу пыли. На дне долины конь Эльминстера нырнул в толпу смеющихся и болтающих магов. Не отстающая от старого волшебника Шторм успела бросить на них всего один взгляд, прежде чем оказалась посреди собрания заклинателей.

В долине было полно народу. Люди стояли плечом к плечу. Их мантии сливались в колышущееся море дикой расцветки, а болтовня была почти оглушительной. Здесь были мужчины и женщины любых рас, размеров и возраста — и несколько тех, в чьей половой принадлежности бард сомневалась. Хватало традиционных тёмных струящихся мантий с широкими рукавами, но большинство магов носили более странные и цветастые наряды. Те из обитателей Фаэруна, что не владели Искусством, зачастую считали, что все маги в той или иной степени безумны. Если судить по эксцентричности нарядов, поняла Шторм, то это несомненно была правда.

Вокруг неё торчали и сверкали, блестели и мерцали, а иногда — даже меняли форму текучими движениями самые странные головные уборы и телесные украшения. Одна дама-волшебница не носила ничего, кроме огромной пернатой змеи, кольца которой медленно кружились по её стройному телу. Мужчина неподалёку был облачён в одно лишь пляшущее пламя. Волшебник, с которым он

говорил, носил колышущийся фосфоресцентный мох, с которого росли мелкие папоротники и чертополох. Рядом с ними стояла дева из полуэльфов, одетая в текучее платье из сверкающих драгоценных камней, перевитых многочисленными шёлковыми нитями. Она спорила с длинноволосым дварфом в мехах и коже, по которой безуданно ползали двое ящеров, стреляя длинными языками. Обрывок их разговора достиг ушей Шторм:

- И что сделал тэянец?

- Взорвал весь замок, разумеется. Что ещё ему оставалось?

Другие голоса заглушили беседу.

- Что? *Фиолетовые* зомби? Почему фиолетовые?

- Наверное, ей стало скучно. Ты бы видел лицо принца на следующее утро. Она заставила дюжину крошечных красных рук возникнуть из воздуха и щипать его во всех местах, где он щипал её... перед всем двором, к тому же!

Эльминстер спокойно ехал сквозь толпу. Казалось, он знает, куда направляется. Шторм следовала за ним, мимо мужчины, который удерживал полную бутылку с чем-то тёмно-красным на своём крупном носу и приглушённым голосом возражал собравшимся вокруг, что не использует для этого никакой магии. Она отвела глаза за миг до того, как бутылка упала и расплескала на него всю жидкость, но не сумела удержаться от взгляда на мокрый результат через плечо. Шторм постаралась не улыбнуться.

- Сколько раз тебе говорить? *Сначала* целуешь, *потом* читаешь заклинание — иначе он навсегда останется лягушкой!

Шторм покачала головой, пытаясь сосредоточиться на Эльминстере и не обращать внимания на такие разговоры. Ужасающий гул бесед, необычной музыки, жужжания и странных хлопающих звуков царил над толпой. Волшебники жестикулировали, пытаясь произвести впечатление на тех, с кем разговаривали, и разноцветный дым и переливающиеся сферы света покорно лопались или струились в воздухе над их головами. Наколдованные птицы пели сложные мелодии, а некоторые — танцевали грациозный воздушный балет. Шторм смотрела по сторонам, пытаясь разглядеть всё сразу и высматривая опасность.

Посетители ярмарки повсюду разговаривали, спорили, смеялись и торговались, стоя на ногах или повиснув в воздухе на уровне коленей, сжимая в руках кубки и фляги различных размеров и с разным содержанием. Шторм догадалась, что какое-то правило не позволяет магам летать, парить или телепортироваться вокруг. По большей части они просто стояли группами и разговаривали. Шторм осторожно направляла своего скакуна между ними. Из-под капюшона мага, мимо которого она проезжала, выскользнули три щупальца оливкового цвета. Мелкие, поблескивающие глазки открылись на их концах, осмотрели её и моргнули. Она попыталась не выдать свою невольную дрожь, проезжая дальше, мимо мужчины с ярко-зелёными волосами и бородой, который жонглировал кольцом огненных шаров размером с руку. Волшебница, которую он пытался впечатлить, старательно пыталась подавить зевоту.

Следующая группа состояла из сморщенных старух с холодными тёмными глазами в зловещих чёрных одеяниях. Они хихикали и потягивали пиво из чистых стеклянных кружек, которые как будто бы не пустели.

- Первый младенец, которого я увидела, родился с крыльями, - с довольным видом вещала одна. - Летал по всем яслям и хихикал, маленький поганец. Король с досады едва корону не проглотил, говорю вам!

Шторм оставила женщин позади, пересекая небольшое открытое пространство, где кто-то совсем недавно пострадал от жаркого и скорее всего смертельного несчастного случая, судя по поднимающемуся дыму и золе. Дальше снова раздавалась болтовня.

- Пойми, подруга, что превращение в дракона — опыт, который меняет тебя навсегда. Навсегда, говорю тебе!

Маг в ярких розовых и фиолетовых цветах, с кружевами на запястьях и горле, подчеркнул своё утверждение, быстро-быстро болтая длинным раздвоенным языком в сторону чародейки, с которой говорил, женщины со спускающимися по рукам и запястьям длинными пушистыми волосами. Её кожа была фиолетового оттенка, темнее, чем наряд её собеседника. В ответ на его заявления о драконстве она красноречиво фыркнула.

Затем Шторм пришлось прокладывать себе путь мимо шестерых чарующе прекрасных волшебниц-полуэльфик, склонивших друг к дружке головы в приглушённом тайном диалоге. Одна встревоженно подняла взгляд, расслабилась и облегчённо улыбнулась барду. Другие, продолжая свой разговор, так и не заметили Шторм.

- Так просто смени название и способ, которым ты его читаешь, и он никогда не узнает. В конце концов, кто угодно может выдумать такое заклинание. Если ты меня научишь, я не стану рассказывать, откуда про него узнала. Взамен я покажу тебе тот трюк Тлеруны, от которого мужчины в обморок падают, и...

Покачав головой, Шторм поспешила через магический бедлам, пытаясь догнать Старого Мага. Куда он делся? Она окинула взглядом людную долину сверху донизу — здесь были сотни магов! Но всё же благодаря своему острому зору, Шторм снова сумела найти Эльминстера. Старый Маг продолжал пробираться через собравшихся волшебников, не замедляя ход и не спешиваясь — пока не оказался в местечке под сенью деревьев на дальнем каменистом склоне. Там, в пятнистом сумраке, невысокая и сногшибательно красивая волшебница разговаривала с пятью-шестью мужчинами Искусства, заметно впечатлёнными её красотой.

Шторм заметила смеющиеся чёрные глаза, ниспадающие волнами чёрные волосы и скудное платье, как будто сотканное из мерцающих скользящих цветов. Затем со словами «Дуара! Милая моя! Сколько лет прошло, сколько лет!» Старый Маг соскочил, или скорее упал с лошади прямо в руки дамы.

Тёмные глаза встретили его взгляд, и несдержанные приветствия старого мага на время заглушил крепкий поцелуй. Стройные руки обхватили его за шею, погладили белые волосы, а затем двинулись вниз в крепком страстном объятии.

После радостных приветствий и долгого поцелуя Шторм услышала низкий, мурлыкающий голос, радостно отвечающий на многословные приветствия Эльминстера. На лицах мужчин вокруг потрясение сменилось гневом, смирением или отвращением, и наконец — потерей интереса. Ещё Шторм заметила, как пальцы Дуары проворно двигаются на поясе мага.

Чужие взгляды — а именно, взгляд высокого человека с крючковатым носом в тёмно-синем бархатном дублете с разрезанными пышными рукавами — тоже это заметили. Он пристально наблюдал за приветствием Старого Мага, а выражение его лица скрывал дым из длинной тонкой глиняной трубки.

Когда Эльминстер, наконец, шумно распрощался с улыбающейся красавицей, волшебник с крючковатым носом позволил трубке повиснуть в воздухе и шагнул вперёд, принявшись безмолвно жестикулировать. В ответ кошель Эльминстера взмыл вверх и раскрылся в воздухе. Маги вокруг неожиданно замолчали. Судя по их виду, было очевидно, что чары волшебника в зелёном стали серьёзным нарушением этикета.

Шторм наполовину вытащила меч из ножен, но костлявая рука Эльминстера решительно её остановила. Весёлым тоном он спросил:

- Потеряли свою магию, коллега? Хотите немного позаимствовать?

Волшебник в зелёном сощурился на него и на единственный лежавший в кошелье предмет: прутик.

- Где оно, старик?

- Могущественное волшебство, которое ты ищешь? Да прямо здесь, - ответил Эльминстер, постукав себя пальцем по голове. Шторм встревоженно посмотрела на него; его речь звучала не так отчётливо, как обычно, но глаза были всё такими же яркими. - Но его нельзя получить с помощью быстрой кражи, знаешь ли. Мне потребовались годы учёбы всего лишь на то, чтобы овладеть...

Зелёный волшебник сделал резкий жест. Прутик поплыл в его вытянутую ладонь. Прежде чем он попал туда, Эльминстер щёлкнул пальцами и повёл бровями. В результате прутик устремился вверх, выгнулся гладкой дугой, и метнулся обратно к Старому Магу.

Волшебник в зелёном нахмурился и снова сделал жест. Прутик резко замедлился, но продолжил дрейфовать к улыбающемуся лицу Эльминстера. Руки мага снова задвигались, почти лихорадочно, но полёт прутика — и добродушная улыбка Эльминстера — не дрогнули ни на секунду, пока ветка не оказалась в руке Старого Мага.

Эльминстер поклонился побледневшему, дрожащему волшебнику. Он вежливо сказал:

- Но если ты желаешь забрать этот магический посох... - прутик мгновенно превратился в величественный, десятифутовый, гладкий чёрный посох с медным наконечником в виде змеиных колец. - Пожалуйста, бери.

И жезл плавно поплыл по воздуху в руки изумлённого мужчины.

- Но как же твой посох? - недоумённо спросила Шторм, наблюдая за вспотевшим, ничего не понимающим мужчиной в зелёном, схватившем посох в четырёх шагах от них. - Чем ты его заменишь?

- Вырежу себе новый, - спокойно ответил Старый Маг. - В конце концов, они растут прямо на деревьях.

Схватив посох и подозрительно покосившись на Эльминстера, маг в бархате взял свою трубку, что-то пробормотал и торопливо зажестикулировал. Неожиданно он исчез вместе с посохом, как будто его никогда здесь и не было.

Эльминстер неодобрительно покачал головой.

- Дурные манеры, - строго сказал он. - Очень. Телепортация на ярмарке волшебства! Позвольте заметить, что в мои дни такого просто не могло...

- И когда это было, старик? Бьюсь об заклад, что ещё до основания Глубоководья, - ухмыльнулся поблизости выделявшийся мрачной красотой юноша. Шторм повернулась в седле.

Этот маг был одет в роскошные шелка, подбитые мехом. Его острое лицо с тёмными бровями как будто всегда ухмылялось. Шторм узнала в нём одного из волшебников, беседовавших с Дуарой, когда появился Эльминстер. Голос и манеры молодого мужчины излучали холодную, презрительную силу. Его губы ещё немного сильнее изогнулись в улыбке, и юноша сказал:

- Кстати, седобород, можешь звать меня «Господином».

Схватив собственный двенадцатифутовый посох из блестящего красного металла, украшенный золотыми узорами, темнобровый маг потянулся к поводьям оставшейся без седока лошади Старого Мага.

Не вылезая из седла, Шторм ударила ногой по его руке. Носок её сапога попал по пальцам, отбрасывая руку прочь от скакуна Эльминстера. Красивый маг гневно повернулся к ней — и перед его носом оказался блестящий кончик меча.

- Хе-хе, - захихикал Эльминстер нечленораздельным низким голосом. - Ещё не научились не трогать женщин, юный господин?

Маг покраснел до корней волос и резко отвернулся от клинка Шторм, снова повернувшись к старику.

- Вовсе нет, дедуля, - саркастично отозвался он. - Хотя заметно, что у тебя женщины не было не один десяток лет!

У находившихся поблизости магов помоложе громкое оскорбление вызвало несколько смешков, смешавшихся с изумлённым оханьем и свистом старших заклинателей, которые, очевидно, были знакомы с Эльминстером. Шёпот усилился, когда несколько магов придвинулись поближе, чтобы понаблюдать за разворачивающимся конфликтом, пока остальные неожиданно вспомнили о важных делах где-то в другом месте и ускользнули на безопасное расстояние.

Эльминстер зевнул.

- Убери свой меч, - негромко сказал он Шторм. Затем, уже громче и почти весело:

- Похоже, хвастливые сопляки по-прежнему посещают волшебные ярмарки лишь для того, чтобы оскорблять старших.

Старый Маг театрально вздохнул и продолжил:

- Что ж, петушок, видимо ты нашёл повод для ссоры и собираешься бросить мне вызов, да? Нет, нет, это будет нечестно. В конце концов, на моей стороне — вековая мудрость, позволяющая принимать правильные решения, а у тебя — лишь горячность молодости... хм, красивая вышла фраза... так что я немного уравниваю шансы; я вызываю *тебя*! Как насчёт метания огненных шаров? Что скажешь?

Поднялся одобрителный гомон. Краснолицый маг подождал, пока он стихнет, затем презрительно сказал:

- Это спорт для детей, и, похоже, для старых маразматиков.

Эльминстер улыбнулся, как кошка, злорадствующая над загнанной в угол жертвой, и сказал:

- Возможно. С другой стороны, ты что, боишься проиграть?

Лицо мага покраснело ещё сильнее. Он бросил взгляд на заинтересованные лица наблюдателей и рявкнул:

- Вызов принят.

Затем принял картинную позу и исчез.

В следующее мгновение он возник на краю долины в клубах алого дыма и издалека показал Старому Магу оскорбительный жест. Эльминстер хмыкнул, лениво махнул рукой в ответ и неловко взобрался на свою многострадальную лошадь. Шторм заметила, как он подмигнул Дуаре. Затем она встретила с Дуарой взглядом и прочитала в глазах волшебницы безмолвную мольбу — так ясно, как будто Дуара прошептала ей на ухо: «Прошу вас, госпожа, позаботьтесь о нём.»

К тому времени, как они выехали из долины на лежащие за ней луга, понаблюдать за представлением собралось множество магов. Высокомерные юные чародеи целый день бросались огнём, но висящая вокруг нетерпеливая тишина указывала либо на то, что маг с красным посохом уже заслужил себе определённую репутацию на ярмарке, либо на то, что многие участники постарше помнили Эльминстера, а может быть — на оба этих факта.

Эльминстер спешил скорее поспешно, чем грациозно. Он достиг земли, бросился бежать, спотыкаясь, замер, отряхнул себя от пыли. Затем заметил своего ожидающего соперника и с заметным радостным удивлением сказал:

- Ну что ж... начинай, мальчик!

- Станем с одной стороны, старик, - мрачно сказал юный маг, махая посохом. - Или ты не боишься погибнуть в огне?

Эльминстер погладил бороду.

- Да, да, - нетерпеливо отозвался он, казалось, думая о чём-то своём. - Я прекрасно помню! Ох, что были за деньки... огромные вспышки пламени в небесах...

Молодой маг протиснулся мимо него.

- Куда же он запропастился? Охохох, да, кажется, припоминаю... - бубнил Эльминстер, устремив взгляд в никуда.

Молодой маг презрительно уложил посох на сгиб локтя, тихо, чтобы не расслышал Старый Маг, прошептал свою инкантацию, и плавно задвигал руками в ловких жестах заклинания. В следующий миг над травяным лугом из ничего зажглась красно-фиолетовая сфера пламени. Она кипело и трещало, перевернулось и взорвалось оранжевой вспышкой, посыпавшись на траву мелкими слезами огня. Лица наблюдателей обдало жаром, и земля на краткий миг содрогнулась.

Когда грохот затих, остался слышен голос Старого Мага, бормочущий о победах прошлого. Он прервал своё бормотание, чтобы мягко сказать:

- Мать честная, какой слабый. Это всё, на что ты способен?

Молодой маг ухмыльнулся.

- А ты, значит, способен на большее?

Эльминстер спокойно кивнул.

- О да.

- И когда можно будет узреть сей невероятный подвиг? - спросил с ядовитой вежливостью маг. Его насмешливый пафосный голос пародировал нечленораздельное бормотание Эльминстера.

Старый Маг моргнул.

- Юноша, - неодобрительно сказал он, - великое мастерство магии заключается в том, чтобы знать, когда *не следует* использовать силу, иначе все эти земли давным-давно превратились бы в дымящуюся пустыню.

Молодой маг снова ухмыльнулся.

- Так значит, ты не покажешь нам своё великое заклинание, о сильнейший из магов? Это ты хочешь сказать?

- Нет, нет, - со вздохом сказал Эльминстер. - Мы договорились, и ты уже продемонстрировал нам свои скромные умения, так что я... - он снова вздохнул, - покажу свои.

Он сделал неопределённый жест, затем замер и хмыкнул.

- Какие же там были слова? - сказал он. Раздалось несколько смешков из толпы наблюдателей, когда он почесал свою бороду и огляделся вокруг с озадаченным видом. Молодой маг ухмыльнулся ему в спину, а затем повернулся к Шторм, чтобы наградить её такой же презрительной гримасой. Стоявшая неподалёку бард встретила его глаза собственным ледяным взглядом, не убирая ладонь с рукояти меча.

Эльминстер неожиданно выпрямился и прокричал:

- Серы смрад, язык летучей мыши,

Мои слова повелевают так:

Взорвётся небо пламенем повисшим

И разразится настоящий ад!

В ответ с оглушительным рёвом содрогнулся воздух. Над лугом внезапно навис колоссальный шар пламени, обжигая лица наблюдателей своим жаром.

Как будто на них с небес опустилось солнце.

Маги закричали, прикрывая глаза. Огненный шар откатился от потрясённой толпы, затем взорвался ослепительно-белой вспышкой, разбрасывая свою могучую энергию длинными, протянувшимися до горизонта струями пламени. Земля задрожала и словно взметнулась вверх, швырнув на колени всех, кроме Старого Мага.

Когда дрожь прекратилась, Шторм обнаружила, что лежит на земле рядом с лошадьми. К тому моменту, как она сумела подняться на ноги и помотать головой, прочищая её, клубы дыма уже рассеялись, и все смогли увидеть, во что превратила луг магия Эльминстера. Там, где мгновением раньше протянулся широкий простор опалённой пламенем травы, теперь зиял дымящийся кратер, большой, глубокий и весьма впечатляющий.

- Эмм... мило, не так ли? - несколько неуверенно произнёс Эльминстер. - Я уже и забыл, как весело швыряться огненными шарами. Ещё раз, что там за заклинание...

На этот раз Старый Маг просто взмахнул пальцем.

Его молодой соперник, вцепившийся в побитый и погнувшийся в шести местах железный посох, только успел подняться на колени, когда над лугом проревел новый шар пламени, не меньше предыдущего. Этого хватило, чтобы маг снова рухнул — прямо на оглушённого и тучного калишитского чародея. Когда в его глазах прояснилось, молодой волшебник увидел вдалеке второй дымящийся кратер. Среди собравшихся заклинателей раздавался потрясённый шёпот.

- Ты хотел обсудить что-то ещё?, - беззлобно спросил Эльминстер, твёрдой рукой поднимая на ноги оглушённого молодого мага. - Магические послания или призматические сферы — правда, они прекрасны? Всегда их любил. Или, скажем, создание артефактов? Нет? Ах, ну что ж... желаю успехов в Искусстве, Юный Господин С Острым Языком, и немного мудрости, если тебе хватит на неё мозгов. До встречи.

Эльминстер добродушно потрепал юного волшебника по руке, щёлкнул пальцами и исчез. Через секунду он возник рядом со встревоженной Шторм.

- Забирайся на коня, - весело сказал он. - Сегодня ночью нам предстоит пересечь целые королевства.

- Королевства? - спросила Шторм. Она не стала оглядываться, когда они оставили ярмарку волшебства позади и поднялись на очередной холм. - Я думала, тебе нужно получить ключ... или то был прутик? Тот маг забрал у тебя ключ?

- Вовсе нет, - радостно ответил Эльминстер. Он подъехал поближе и коснулся её запястья.

Неожиданно ландшафт вокруг них пропал, сменившись скользкой, сумрачной серостью. У лошадей под копытами как будто ничего не было, но они шагали в этой пустоте, словно по твёрдой почве. Прежде чем Шторм успела охнуть, она почувствовала новый толчок, и они снова оказались где-то ещё — в пространстве темноты, где гроыхая и кувыркаясь, бесконечно сталкивались друг с другом булыжники всех форм и размеров. Грохот ударов камня о камень не смолкал ни на секунду, и эту сцену освещали вспышки от каждого сильного столкновения.

Шторм бросила один взгляд на это место и схватила с задней луки седла скатку со своим тяжёлым плащом, набросив его на голову коня, чтобы тот не взбрыкнул и не сорвался с небольшого участка камня, на котором они появились. Лошадь Старого Мага стояла спокойно — наверняка под действием его магии.

Шторм окинула взором бесконечное разрушение вокруг. Ей пришлось низко пригнуться, когда в их сторону полетел большой зазубренный булыжник. Камень был величиной с четыре лошади и катился кувырком, приближаясь к ним.

Эльминстер беззаботно взмахнул рукой, и камень отклонился, врезавшись в другой, более крупный булыжник неподалёку. В воздухе раздался оглушительный грохот, на барда посыпался дождь каменных щепок. Шторм покачала головой. Они определённо находились уже не в Фаэруне.

- Болван в зелёном решил, что забрал наш приз, - легкомысленно продолжал Старый Маг. - Он подозревал, что ключ могла передать мне Дуара, но сейчас уже должен был обнаружить, что на самом деле тот могучий посох — просто прутик. Теперь он будет до конца ярмарки следить за Дуарой, пытаясь увидеть, не передаст ли она ключ кому-то другому. И насколько ему известно, я могу появиться на ярмарке в любом обличье. Дуара устроит ему весёленькие танцы. Она любит водить молоденьких мужчин за нос.

Он хмыкнул.

- Самые блистательные планы зачастую ни к чему не приводят, знаешь ли.

Прямо перед ними врезались друг в друга два булыжника. Шторм прикусила губу, чтобы подавить невольное восклицание, прикрыла глаза от летящей каменной крошки и спросила:

- Дуара? Ты получил от неё ключ, не так ли? Я видела её руки у тебя на поясе.

Эльминстер кивнул.

- Да, она передала мне ключ. Все три наших врага на ярмарке это заметили; два бросивших мне вызов, и один, не осмелившийся показать себя.

Он отклонил шесть небольших камней, летевших в их сторону.

- Третий маг наверняка был там лишь для того, чтобы увидеть, что произойдёт, и доложить о том, куда мы направимся. Я использовал магию, чтобы ослепить его — и молодого мастера огненных шаров — под прикрытием моего взрыва. Им повезло, что правила ярмарки запрещают туманящие рассудок заклятия, иначе обоим пришлось бы долго-долго таращиться в никуда. Слепота скоро выветрится, но к тому времени мы окажемся уже далеко, и ключ — вместе с нами.

- Что это за ключ и где он? - терпеливо спросила Шторм, потянувшись в седельную суму за сыром. - Почему они не знают, где ты его спрятал?

- Они смотрели, но не увидели, - ответил Эльминстер, воспользовавшись магией, чтобы сыр сам поплыл ему в рот. - Они не знают, что мы с Дуарой давние друзья — и понятия не имеют, как быстро она соображает.

Он полез пальцами в рот и вытащил оттуда небольшой металлический цилиндр с крупным изумрудом.

- Ключ, - величественно провозгласил он, неожиданно снова вернувшись к своему ясному, отчётливому голосу. - Я держал его там с первого поцелуя Дуары.

Он задумчиво облизал губы и добавил:

- Она по-прежнему любит миндаль.

Дожидавшийся сыр скользнул ему в рот. Он пожевал, скорчил одобрительную гримасу и взял Шторм за руку. Мир вокруг снова изменился по его воле.

В мгновение ока тьма и бьющиеся камни пропали. Теперь их лошади стояли на ветхом каменном мосту посреди зловонного болота, окружённого заросшим лианами и лозами лесом. Из неподвижных тёмных вод выступали скользкие каменные статуи. Шторм видела, что статуи стоят на приподнятом бульваре, частице древнего города, погружившегося в окружающую трясину.

Когда Шторм посмотрела назад, из чернильных вод неторопливо поднялись несколько блестящих чёрных щупалец и обвились вокруг камня ленивыми кольцами. Покачавшись из стороны в сторону, как будто принюхиваясь, эти ленивые отростки снова медленно погрузились в болото.

Бард указала на след на воде, похоже, отмечающий путь чего-то крупного, движущегося к ним прямо под поверхностью. Эльминстер кивнул, улыбнулся и небрежно взмахнул рукой — и они снова оказались где-то ещё. На этот раз лошади стояли на древней, заброшенной дороге в сердце тёмного леса.

Шторм вздохнула.

- И арфисты хотели, чтобы я тебя защищала? - начала говорить она. Но когда бард заметила тусклый блеск многочисленных глаз, следящих за ними из окутанных сумраком и тенью мест под деревьями, она потянулась к мечу.

Закряхтев, Эльминстер тяжело слез с седла. Затем он нежно коснулся пальцами её запястья.

- Нет, - мягко сказал он. - Скорее всего, они хотели, чтобы ты защитила от меня других.

Шторм закатила глаза. Плавным движением она спешила.

- Меня не должно здесь быть, - сказала она. - Ключ там или не ключ. Эти прыжки с места на место, из мира в мир, опасны и неразумны.

Эльминстер ухмыльнулся.

- А отправляться со мной на волшебную ярмарку, значит, разумно? Я выбрал этот путь со столь частыми прыжками, чтобы стряхнуть с хвоста любых магов, которые могли последовать за нами. Немногим хватит широты ума, чтобы так же часто, как мы сейчас, смещаться с одного мира на другой.

Старый маг потрепал её по руке.

- Спасибо за твоё терпение. Уже скоро мы сможем расслабиться и поболтать со старым другом.

Эльминстер повёл их пешком по петляющей сквозь деревья неровной тропинке. Над незнакомым древним лесом разгоралось яркое утро. Похоже, розовый свет заставил Старого Мага о чём-то вспомнить. Он развернулся и показал какой-то жест. Шторм оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезают их лошади. Она посмотрела на Эльминстера. Единственным ответом на её безмолвный вопрос стала радостная улыбка, после чего волшебник снова зашагал по тропинке.

Прикусив язык, Шторм пошла следом. И достала свой меч, несмотря на слова Старого Мага; зная Эльминстера, этот «друг» мог оказаться синим драконом или того хуже.

Тропинка вела между двух древних, поросших мхом камней. Когда они приблизились, Эльминстер потянулся назад и взял Шторм за руку. Они прошли между камней вдвоём, и бард почувствовала странный, щиплющий холодок.

Они очутились где-то ещё. Где-то в знакомом месте. Шторм почти сразу же поняла, что они находятся в Долине Теней.

Эльминстер отпустил её руку и шагнул в сторону, сунув руку под мантию в поисках трубки. Шторм мгновение смотрела на него. Затем подошла двумя быстрыми шагами и, положив твёрдую руку на плечо Эльминстера, повернула его к себе.

- Ни шагу дальше, - предупредила она. - Пока не расскажешь мне, что здесь происходит. Где наши лошади? Зачем мы вообще ехали за ключом через половину Фаэруна? Дуара что, не могла телепортироваться? И чт...

Эльминстер прижал палец к её губам и сказал:

- Нужда в спешке пропала. Сомневаюсь, что кто-то мог проследить за нами через все те места, которыми я нас провёл. Наши лошади опередили нас и находятся в конюшнях Скрученной башни. Пойдём ко мне домой. Там тебя ждёт наш общий друг: Лхэо.

Старый Маг зажёг трубку и больше не сказал ни слова, пока они шагали по вымощенной камнями дороге к дверям этой ветхой каменной башни. Дверь открылась при их приближении, и тогда он обернулся и произнёс:

- Убери меч, Шторм, и будь как дома.

Когда они вошли, с кухни крикнул его писарь Лхэо:

- Чай скоро будет готов!

- И Шторм тоже приготовь, - негромко сказал Эльминстер. Благодаря какому-то магическому трюку Лхэо услышал господина и отозвался:

- Добро пожаловать, госпожа бард!

- Здравствуй, Лхэо, - ответила Шторм, удивлённо глядя на Старого Мага. Эльминстер спокойно сметал на пол груды бумаг, освобождая ей кресло. Поднялись густые клубы пыли. Что-то прошептав, он зажеликулировал, и пыль исчезла.

- Здесь слишком темно, чтобы разглядеть прекрасную гостью, - пробормотал Старый Маг, коснувшись медной жаровни. Он прицокнул языком, и в жаровне вспыхнуло пламя, бросив на кресло тёплые, пляшущие блики.

Вежливым жестом Эльминстер предложил Шторм присаживаться. Бард озадаченно уставилась на жаровню.

- Как она горит без всякого топлива?

- Магия. Разумеется.

Эльминстер отвернулся и поднял ещё одно облако пыли, когда снова начал рыться в груды пергамента.

Шторм потянулась и похлопала его по плечу.

- Эльминстер, - холодно сказала она. - Говори.

В её голосе неожиданно зазвенела сталь.

Старый Маг спокойно уселся на пустой воздух, выпустил клуб дыма из своей трубки и сквозь эту пелену улыбнулся ей.

- Ты заслуживаешь знать, подруга. Ну что ж. Дуара когда-то была моей ученицей. Не очень долго. Сейчас она живёт в Тельфламме, и прошлым летом присоединилась к арфистам.

Он пыхнул трубкой, и в сумрак под потолком медленно поднялось сине-зелёное кольцо дыма.

- Она не может использовать заклинание телепортации, поскольку пока что недостаточно сильна. Как и все молодые, пылающие энтузиазмом маги, она пустилась на поиски приключений, чтобы быстро обзавестись различной магией — и в отличие от большинства, нашла драконьи сокровища.

Ещё одно кольцо дыма поднялось к потолку. Старый Маг проследил за его полётом, одобритительно кивнул и продолжил.

- К сокровищам, конечно же, прилагался дракон, но это отдельная история. Среди прочих безделушек она нашла мой ключ и отправила с вместе караваном письмо, что принесёт его мне на ярмарку, если я заинтересован.

- Тогда кто твои загадочные враги? Как ты потерял ключ? - спросила Шторм. - И почему Дуара была так неосторожна, что отправила тебе обычное послание?

Эльминстер пожал плечами.

- Она понятия не имела, что ключом вообще заинтересуется кто-то кроме меня — или хотя бы сможет понять, о чём вообще идёт речь в письме. Получив записку Дуары, я использовал магию, чтобы связаться с ней и сказать, что приду на ярмарку. Она сообщила мне, что после отправки письма на неё несколько раз напали, дважды разграбили её башню, а однажды в спальне ей даже угрожал загадочный голос, потребовавший ключ.

Шторм закатила глаза.

- Так что это за ключ?

- Ключ к этой кладовой, разумеется, - спокойно сказал Эльминстер, сунув длинную руку в пыльный мрак у себя за спиной. В его руке блеснул ключ, скользнув

в хитро ухмыляющуюся драконью голову, вырезанную на стене. В камне возникли очертания двери, которая сама собой начала открываться.

Эльминстер вытащил ключ и помахал им в воздухе.

- Давным-давно его украл у меня один подлый человек, который тоже был — очень недолго, разумеется — моим учеником. Амбициозный калишит по имени Раэрлин, насколько я помню. Подозреваю, он нашёл свой конец в пасти дракона Дуары.

- Так что же ты хранишь здесь такого, что маги так жаждут заполучить этот ключ? - спросила Шторм, глядя на пыльную дверь кладовки.

- Старые книги заклинаний, приобретённые за годы странствий, - ответил Эльминстер, когда дверь широко распахнулась. Шторм увидела неровную стопку толстых, покрытых плесенью томов.

У неё за спиной неожиданно вспыхнул жуткий бело-зелёный свет. Когда он осветил лицо Старого Мага, Шторм заметила его удивление и резко обернулась, перевернув своё кресло.

Жуткий свет исходил из мерцающего овала пламени. Овал висел вертикально в воздухе посередине крошечной тесной комнаты. Шторм знала, что его присутствие бросает вызов могущественной магии, охраняющей башню Эльминстера от архимагов злого Зентарима, красных волшебников Тэя и прочих. Никто не должен был суметь открыть врата в башню.

Но огненный овал, решила Шторм, определённо является вратами. Когда бард посмотрела в мерцающую волшебную дверь, она увидела протянувшийся во мрак длинный каменный зал. И в темном проходе что-то двигалось...

Нахмурившись, Эльминстер шагнул вперёд, сплетая заклятья из воздуха.

- Невозможно, - пробормотал он.

Из мрака призрачного зала за волшебными вратами к ним медленно приближалась сумрачная фигура. Существо было высоким и очень худым. Его глаза были двумя холодными блестящими точками света в тёмных безднах. Когда оно приблизилось, Шторм разглядела гнилые лохмотья, служившие ему вместо мантии.

У барда мурашки по коже побежали. Похоже, что это был лич, волшебник, магия которого оказалась настолько сильна, что он продолжил существовать даже после смерти. Даже среди великих магов Фаэруна немногие могли сразиться с личом и надеяться уцелеть.

Лич продолжал приближаться, и Шторм встретила губительный взгляд его холодных мерцающих глаз-огоньков. Пляшущие в пустых глазницах черепа огни какое-то время изучали её, а затем устремили презрительный взор на Эльминстера.

- Смерть наконец пришла за тобой, Старый Маг, - удивительно громко прошипел лич. Он по-прежнему находился в далёком зале.

- Ты даже не догадываешься, как часто мне приходилось слышать эти слова... Каждый кровожадный дурак в Фаэруне хотя бы раз мне их говорил, - вздёрнул бровь Эльминстер. - А в твоём случае, Раэрлин, уже два раза.

Одной рукой он начертил в воздухе сияющий знак.

Лич улыбнулся ему жуткой беззубой ухмылкой и продолжил наступать. Эльминстер поднял вторую бровь. Его руки торопливо задвигались в сложных жестах.

Поперёк портала вспыхнул барьер мерцающего сияния. Руки Разрлина задвигались в ответ, и барьер разлетелся крошечными пятнами света, рассыпавшимися, как искры от костра, а затем угасшими.

Каким-то образом голый череп лича сумел злоратно оскалиться.

- Ты считаешь себя хитрецом, потому что обманул двух моих слуг на волшебной ярмарке, Эльминстер, - снова раздался свистящий шёпот, - но одурачить или победить меня не так-то просто.

Череп, казалось, улыбнулся.

- Я тоже был на ярмарке. Заклятье слепоты, конечно же, на меня не подействовало, а ты даже не сумел разглядеть мой истинный облик. Неужели тебе больше недоступно такое простое чародейство?

С кухни неожиданно раздался пронзительный и абсолютно сейчас неуместный свист закипевшего котла Лхэо.

Руки Эльминстера снова двигались. Шторм увидела возникшие у него между пальцами линии потрескивающей энергии, прежде чем маг швырнул в лича молнию. Сорвавшись с его ладоней, молния озарила бородатое лицо, обнажив морщины нарастающего беспокойства.

Лич глухо засмеялся, когда разряд Эльминстера затрещал на его усохшем теле. Крошечные искры плясали и шипели на нём, но как будто не причиняли никакого вреда. Лич поднял костяную руку и прочитал собственное заклинание.

Шторм встревоженно оглянулась на Эльминстера — и увидела, как одна из книг в открытой кладовой за спиной у Старого Мага неожиданно засветилась таким же бело-зелёным светом, как огни на воротах лича. И когда она посмотрела на лича, его глаза триумфально вспыхнули. Призрачные серые щупальца силы потекли к ним обоим от волшебника-нежити. Сейчас Разрлин был очень близко, ему не хватало всего нескольких шагов, чтобы войти в комнату.

- Беги, Шторм! - крикнул Эльминстер. - Я не смогу защитить тебя от того, что произойдёт!

Его руки мелькали в новом заклинании.

Шторм замотала головой, но отступила с пути. Сверкающий свет выстрелил с пальцев Старого Мага, яростно поглощая и уничтожая каждое щупальце. Но лич лишь пожал плечами, и его костяные пальцы сплели новую бессловесную магию. Книга в открытой кладовке снова замерцала.

Шторм увидела капли пота на лбу Эльминстера, когда его рука нырнула под мантию и вытащила какой-то мелкий талисман. Затем талисман исчез прямо из пальцев Старого Мага. Как будто в ответ с плеч лича сорвалась красная полоса энергии, когда тот переступил через перевёрнутое кресло, входя в кабинет Эльминстера. Призрачная магическая рука угрожающе потянулась вперёд.

В воздухе перед Старым Магом неожиданно повис мерцающий, серебряно-синий силовой щит, заслоняя его. Красная рука легко, почти лениво обогнула щит и потянулась не к Эльминстеру, а в кладовую за его спиной.

Лич тянется к книге, догадалась Шторм, и сама бросилась к ней. Из портала раздался свистящий вопль ужаса, а вокруг барда вспыхнул красный свет.

Волшебная рука лича вцепилась в неё, пытаясь удержать на месте. С груди сорвали кожаный доспех, и Шторм почувствовала неожиданную жгучую боль. Мимо

глаз потянулись тонкие тёмные полосы её собственной крови, рождённые силой схватившей её магической конечности.

Бард Долины Теней сжала зубы и наотмашь ударила своим волшебным клинком, пытаясь освободить себя от багровой силовой ленты. Сверкнула внезапная вспышка, раздался рёв, полетели искры. Перед глазами Шторм ярко блеснули осколки клинка, когда её спиной швырнуло на стопку пыльных книг. В глаза хлынула кровь, грудь как будто обожгло огнём.

Шторм смутно различила стон Эльминстера. Яростно заморгав, чтобы прояснилось в глазах, она с трудом заставила себя встать на ноги. Старый Маг распростёрся на полу, из его протянутой руки к ней тянулся тонкий лучик света. Позади него принял триумфальную позу озарённый пылающей багровой аурой лич. Уперев руки в бока, он глухо засмеялся.

Свет Эльминстера коснулся Шторм, и бард ощутила, как в неё течёт теплая, свежая сила. Защищало в кончиках пальцев, с глаз и со лба неожиданно пропала кровь.

Лич сделал резкий жест, и красное облако вокруг него превратилось в лес щупалец, преодолев блекнувший волшебный щит над Старым Магом. Тот слабо шевельнул рукой, затем рухнул ничком и больше не двигался.

Бело-синюю энергию последних чар Эльминстера засосало в красное облако. Мистическая аура лича разгорелась ярче, когда тот перешагнул через тело Старого Мага и двинулся к барду. Раэрлин высасывал магию Эльминстера, чтобы питать ею свои собственные тёмные заклатья!

Из облака выстрелила ещё одна багровая рука, с небрежной, жестокой силой отшвырнув барда в сторону. Шторм упала на новую стопку книг. Она увидела, как красная рука лениво тянется к гримуару в потайной комнате.

Задышавшись, Шторм поднялась с разлетевшихся книг. В ноздри ударил запах её собственных горелых волос. По груди по-прежнему текла кровь, а в руке она всё ещё сжимала почерневшую и расплавленную рукоять меча. Сделав глубокий неровный вдох, бард швырнула в лича сломанный меч и бросилась к книге, ради которой это существо пошло на такой риск. Вокруг заплясала краснота, но книга оказалась в её крепко сжатых пальцах.

Голос Раэрлина превратился в глухой испуганный вопль, когда Шторм прижала книгу к окровавленной груди.

- Забери тебя Миркул, девка! - крикнул лич. - Ты её испортишь!

И Шторм наконец поняла, что делать.

Она вцепилась в страницы дрожащими пальцами, отрывая куски и бросая их в огонь волшебной жаровни Эльминстера. Жаровня полыхнула ярче, и бард поднесла книгу к взметнувшемуся пламени, не обращая внимания на боль в руках.

В неё ударила магия Раэрлина. Красные когти цеплялись и рвали. Шторм зарычала, пытаясь удержаться на месте. Пламя жадно лизало смятые страницы книги в её руках.

Шторм почувствовала, как натянулись волосы, вынуждая её запрокинуть голову. Слезы ослепили её, и что-то — её собственные пряди, оживлённые магией лича! — стянулось на горле. Бард Долины Теней стиснула зубы, сдерживая крик,

вытянула книгу, сражаясь с тёмным чародейством лица изо всех оставшихся сил. И сунула том в жаровню.

Раздался голодный рёв, и Шторм бросило в сторону. Краем глаза она заметила кости и кувыркающуюся жаровню, отлетевшие от шара яркого кипящего пламени. Затем она приземлилась в кресло Эльминстера. На мгновение пряди волос упали ей на глаза, ослепив. Шторм торопливо отбросила их и уставилась на огненный шар.

Тот повис в нескольких футах над полом, бурлящий и плюющийся искрами. В центре шара была окутана разноцветными огнями чернеющая, все ещё светящаяся книга. Том рассыпался пеплом и исчез прямо на глазах Шторм. Слева от неё раздался свистящий звук.

Она обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как череп лица рассыпается на куски. Вспыхнуло и угасло красное мерцание магии Раэрлина. В мгновение ока от лица остался лишь прах.

В неожиданной тишине Шторм закрыла глаза, раздумывая, когда уймётся дрожь в её обожженных руках.

Где-то справа прозвучал громкий кашель. Бард подняла веки и попыталась встать. Эльминстер качал головой, медленно поднимаясь с пола и хлопая по дымящимся участкам на своей мантии.

- Нужно будет, как следует отблагодарить тебя, подруга, за очередное спасение моей жизни, - с достоинством сказал Старый Маг.

Несмотря на боль, Шторм прыснула от неожиданного веселья. В следующее мгновение они смеялись в объятиях друг друга. Их глаза сверкали. Когда они крепко обнялись, открылась дверь, и в разгромленный кабинет проникли звуки кухни. Вместе с неожиданным стуком посуды раздался весёлый голос Лхэо: «Чай готов! Вы тут неплохо пошумели...» Писарь резко замолчал и уставился на двух обожжённых и раненых друзей.

- Ч-что произошло?

Эльминстер отстранил Шторм и с неожиданной для своего возраста проворностью замахал руками. В следующее мгновение Шторм снова оказалась в кресле, облачённая в прекрасное платье. Боль в руках и груди пропала. Напротив неё за круглым столиком, сервированным для чаепития, сидел Эльминстер в роскошной серебряной мантии, расшитой драконами. Он мягко улыбался и держал в руке зажжённую трубку.

- Ничего, - весело отозвался Старый Маг, - всего лишь визит старого друга.

Когда поднос с чаем опустился на стол, Эльминстер подмигнул барду. Шторм покачала головой, не в силах сдержать улыбку.

ПОСЛЕДНИЙ ПОСТ

Кристи Голден

Первый Лейтенант Ринн Ориандис верхом на своей белой лошади несла стражу у главных ворот города Мистльдэйла. Как обычно, этим вечером ворота были весело распахнуты. Каменную стену, окружавшую примерно двадцать зданий, при желании можно было бы разрушить, но сонный Мистльдэйл вряд ли стоил таких усилий. Во всем городе была всего одна крупная улица.

Стояла середина марпенота. Ветер, развевавший индиговые волосы Ринн, был уже по-зимнему холоден. Ветер охлаждал щеки девушки-лунного эльфа, но ей было достаточно тепло в черном кожаном доспехе и плаще. А вот лошадь дрожала от холода. У Лунной Леди не было теплой одежды, а поскольку Ринн несла стражу у ворот, старая кобыла даже на скаку согреться не могла. Ринн виновато нашептывала утешающие бессмысленные звуки на ухо животному, которое было ей другом последние пятнадцать лет, потом погладила белую шею лошади. Лунная Леди тихонько заржала, обернувшись, чтобы посмотреть на всадницу. Ее глаза поблескивали в лунном свете, и Ринн казалось, что смотрят они с печальным юмором.

— Не смотри на меня так, — ответила эльфийка дразнящим голосом. — Мне здесь тоже не нравится.

Лунная Леди недоверчиво фыркнула. Ринн засмеялась, потом помрачнела, когда кобыла, утомленная даже этим небольшим усилием, опустила голову почти к самой земле. Почему лошади стареют так быстро — по сравнению с эльфами?

Уже несколько десятилетий Ринн была одной из почетных Наездников Мистльдэйла. Эти опытные солдаты были крепко связаны со своими белыми лошадьми: каждый Наездник выращивал лошадь от жеребенка, и больше никому не позволялось ездить на ней, если только не было срочной необходимости. Когда животное становилось слишком старым для дальнейшей службы, оно получало от своего хозяина последний горько-сладкий дар. Завтра или на следующей неделе — в любом случае, слишком скоро для Ринн — настанет время оборвать жизнь кобылы, убить милосердно и избавить животное от страданий старости. А потом будет новый жеребенок, белый как молоко, и его надо будет учить, любить и в конце концов убить. Ринн, как Наездница, сменила уже немало лошадей. Но это не делало последний ритуал легче.

Внезапно Лунная Леди сильно вздрогнула и затанцевала на месте.

— Ну, девочка. Успокойся, — прошептала Ринн, ласково погладив кобылу. Лунная Леди все еще дрожала, и Ринн огляделась, чтобы выяснить, почему испугалось животное.

Она увидела знакомое лицо.

— Извини, Ринн, — прозвучал медово-сладкий мягкий голос. — Я не хотел пугать Лунную Леди.

— Не беспокойся, Джандер. Она стареет, и ее легко напугать. А у тебя здорово получается подкрадываться незаметно. — Последняя фраза была полна насмешливого обвинения, но Ринн произнесла ее с теплой улыбкой — она не могла сердиться на Джандера Солнечную Звезду.

Золотой эльф был высок для Народа, с бронзовой кожей и пшенично-золотыми волосами до плеч. На нем был плащ, небрежно застегнутый у горла. Плащ развевался на ледяном ветру и явно не грел в холодную ночь. Его лицо было белым овалом в лунном свете, но Ринн видела его нежную улыбку. Он, казалось, обрадовался встрече с нею более обычного.

— А я думал, ты непременно будешь сегодня на состязаниях бардов, — сказал Джандер.

Ринн пожала плечами, скрипнув кожаными доспехами.

— Я тоже, — призналась она. — Но вот эта, — добавила она, похлопывая по плечу Лунную Леди, — пару дней назад споткнулась и не годится ни на что, кроме дежурства у ворот. Кроме того, последние пять лет в этот день ворота сторожил Капитан Теорн, чтобы я могла послушать музыку. Пора кому-нибудь его сменить.

Джандер огляделся, и его улыбка стала лукавой.

— О, да, — насмешливо согласился он, оглядывая мирные маленькие домики и фермы, окружавшие Мистльдэйл. — В такой криминальной обстановке просто необходимо защищать невинных.

Но Ринн было не смешно.

— Обычно эта стража — просто ритуал, но в этом году...

Ее голос стал суровым, и она бессознательно выпрямилась в седле.

— Ты воин по профессии, Джандер, так что, я думаю, тебе можно рассказать. Сегодня днем мы нашли трупы — двое фермеров и их дитя, почти совсем младенец. С вырванными глотками.

В лунном свете нелегко было разглядеть выражение лица Джандера. Он быстро отвернулся.

— Зарезаны?

— Нет, скорее загрызены.

— Может быть, волк?

Ринн нахмурилась и резко сказала:

— Ты же эльф. Ты должен понимать такие вещи. Волки вообще-то робкие создания, они охотятся только для того, чтобы есть или защищать своих детенышей. Они даже не нападают на скотину, если только зима не слишком тяжелая. А сейчас еще не зима, да и девочку эту убили не ради пропитания.

Джандер ласково положил ей руку на запястье.

— Должно быть, это было ужасно обнаружить. Извини.

Ринн медленно покачала головой.

— Мы здесь обычно имеем дело с пьяными скандалистами, заблудившимися детьми и потерявшимися овцами, а не с убийцами, Джандер. Я просто не привыкла к этому, вот и все.

Мгновение длилось неловкое молчание, потом Джандер откашлялся и сказал:

— Чтобы немного переменить тему: я рад, что наткнулся на тебя. Мы... Мы больше не увидимся. Я уйду из Мистльдэйла.

Прекрасное лицо Ринн помрачнело.

— О, Джандер, почему? — Ее глаза вспыхнули внезапной надеждой. — Ты возвращаешься в Эвермит?

До того, как Ринн познакомилась с Джандером, она не раз слышала об Эвермите — земле чудесных лесов, королевстве волшебства, истинном, райском доме всех эльфов. Она находилась далеко на западе, на уединенном острове, на который пускали только тех, кто принадлежал к Народу. Злым темным эльфам — известным как дроу — и эльфам смешанной крови не позволялось ступить на эти благословенные берега. Когда Ринн узнала, что ее друг там родился, она начала относиться к нему слегка с благоговением. Джандер признался, что по некоторой причине не может вернуться на этот остров. Теперь она надеялась, что, какова бы ни была эта причина, ее больше нет.

Но, видимо, это было не так. Джандер печально покачал головой.

— Нет, не туда. Я хотел бы выпить с тобой на прощание, Первый Лейтенант Ринн Ориандис. Но придется удовольствоваться прощанием здесь. — Его рука крепко сжала ее запястье. — Благодарю тебя за дружбу. Я никогда тебя не забуду. Сладкой воды и легкого смеха.

Не сказав больше ни слова, он повернулся и направился к гостинице «Черный Кабан». Его плащ бился на ветру. Ринн открыла было рот, чтобы окликнуть его, но передумала. Джандер явно был расстроен расставанием, а она не хотела еще расстраивать его, продлевая прощание. Ей самой было грустно услышать об его отъезде. Она будет скучать по золотому эльфу с его чудесными историями, нежным юмором и светлой улыбкой. Ринн вздохнула, поудобнее устроилась в седле и вернулась к дежурству.

Медленно тянулось время. Через ворота с приветствиями прошло немало жителей долины. Ринн останавливала тех, кого не узнавала, обыскивала их и вежливо отбирала все оружие. Никто не возражал: все знали, что, когда они будут уходить из городка, оружие им вернут.

Примерно через час после встречи с Джандером к Ринн подошел человек в черных кожаных доспехах. Лунная Леди опять вздрогнула, нервно переступая, и Ринн опять ласково успокоила кобылу.

— Ну, ну, девочка, — негромко сказала она, оборачиваясь к приближающемуся человеку.

— Лейтенант Ринн, я освобождаю вас от дежурства. С этого момента я приказываю вам развлекаться на состязании бардов.

Капитан Теорн уперся своими крупными руками в бедра и улыбнулся ей. Его зубы блеснули в неярком свете.

— Но, Теорн... почему? И где твоя лошадь?

Его улыбка исчезла.

— То ли хромота Лунной Леди заразна, то ли пора чинить мостовые. Снежная Королева растянула ногу.

Ринн открыла рот, чтобы высказать дальнейшие опасения, но Теорн ободряюще добавил:

— Утром с ней все будет в порядке. Я решил, что стражу у ворот я могу нести и пешком. А теперь иди в «Черный Кабан».

Изящные синие брови Ринн озадаченно нахмурились.

— Теорн, мы же обо всем договорились три дня назад.

— Ты хочешь сказать, что не хочешь идти?

— Конечно, хочу, но долг платежом красен, и...

— Это приказ, Лейтенант. — Громкий голос Теорна, обычно такой веселый, внезапно стал холодным.

Ринн взмахнула рукой в салюте.

— Да, Капитан, — ответила она таким же холодным тоном. Слова Теорна задели ее, но она послушалась. Ринн «Законопослушная» была очень послушным солдатом.

Джандер сидел у стойки бара, перед ним стояла нетронутая кружка с элем. Он вспомнил об ужасном открытии Ринн. Волки, предположил он. Эльф с отвращением фыркнул про себя. Ах, если бы он был таким же чистым и простым, как волк. Обернувшись к полной народу комнате, он печальными серебряными глазами оглядывал веселую сцену.

»Черный Кабан« был освещен достаточно неярко, чтобы там было уютно, но и достаточно ярко, чтобы там не было страшно. Дымные масляные лампы свисали с потолочных балок, а в большом камине весело пылал огонь. Перед камином была устроена сцена. Как раз в этот момент там выступал худенький лесной эльф. Стройные пальцы музыканта порхали, выстукивая маленькой деревянной ложечкой мелодию на металлических струнах цимбал.

С камина на музыканта смотрел черный кот. Его звали Индиго, потому что шерсть у него была иссиня-черной; он был талисманом таверны. Он, как всегда, сердито зашипел на Джандера, когда золотой эльф вошел; Джандер потянулся к его разуму и успокоил животное ментальным прикосновением.

Сияющие посетители, сидящие за десятью столами и за стойкой бара, внимательно слушали и щедро хлопали, когда бард закончил выступление и поклонился. Настало время перерыва, и лесной эльф с еще несколькими музыкантами воспользовались случаем, чтобы промочить глотки, пока состязание не возобновилось. Джандер продолжал оглядывать толпу.

Немногие из посетителей могли представлять угрозу. Была парочка возможных скандалистов, но из оружия у них были только кухонные ножи. В основном толпа состояла из местных фермеров и музыкантов. Джандер пригляделся к старику, сидящему справа от него за стойкой. Слишком хрупок, чтобы быть воином. Но этот старик держался со спокойной уверенностью. Возможно, он волшебник, решил эльф.

— Дядюшка Погг! — раздался пронзительный детский голос, и в гостиницу влетел мальчик. К нему повернулись несколько голов, и люди с любопытством посмотрели на мальчишку.

— Тревис! — воскликнул приземистый бармен, озадаченно нахмурившись. — Что, во имя... иди сюда, малыш!

Задышавшись, взлохмаченный мальчик бросился к своему дяде.

— Дядя, мы нашли лошадь Наездника, и папа сказал, чтобы я бежал и сказал тебе. Он думает, что ее надо вернуть хозяину, и...

— Да, да. Утром. Разве твой отец забыл, что сегодня состязание?

Погг тяжело вздохнул и закатил глаза.

— Нет, Шомар о таких вещах никогда не помнит.

— Но Наездник...

— Утром, Тревис. Сейчас уже стемнело, а я очень, очень занят.

Старик, сидевший рядом с Джандером, с любопытством наблюдал эту сцену. Теперь он вмешался.

— Твой дядя прав, Тревис. Посмотри-ка сюда.

Он взмахнул тонкими мягкими пальцами правой руки, и над головой у мальчика появились три сияющих шара. Тревис вздохнул и нерешительно потянулся к шарам.

— Можешь их осторожно подбрасывать, и они будут парить, как снежинки, — сказал, улыбаясь, волшебник. Завороженный чудесными волшебными шарами, Тревис послушно отправился в свободный угол, подбрасывая шары.

— Ах, быть таким юным, так легко забывать о сложностях, — вздохнул Джандер. Волшебник повернулся к нему, и золотой эльф внимательно посмотрел в бледно-голубые глаза старика. — Как тебя зовут, добрый волшебник?

Старик мигнул, пытаясь отвести взгляд.

— Пакар, — произнес он наконец, поддавшись немоу мысленному приказу эльфа.

Джандер беззвучно проверил силы старика. Весьма могущественный волшебник, заметил он, но не настолько силен, чтобы сопротивляться мне. Вслух эльф сказал:

— А я Джандер Солнечная Звезда. Если когда-нибудь мне понадобится твое искусство, ученый Пакар, я надеюсь, я смогу попросить тебя о помощи.

Пакар, зачарованный, смотрел эльфу в глаза.

— Конечно.

Золотой эльф улыбнулся.

— Алуиз, еще одну кружку для моего друга, — приказал он официантке, которая подошла к стойке — наполнить несколько кружек. Девушка не была красавицей, но у нее была округлая фигура и озорные, смеющиеся глаза. Курносый нос довершал впечатление. Она дружески подмигнула Джандеру, который положил на стойку деньги и опять обернулся к сцене.

На выступающего стоило обратить внимание. Его голос был приятным и чистым, а искусно сделанная арфа говорила, что это опытный менестрель. Джандер решил, что певец издалека. Ярко-желтая туника, сочетавшаяся с бледно-золотыми волосами, и розовый оттенок его штанов ясно говорили, что этот молодой человек не местный. В Мистльдэйле одевались в более темные тона, особенно в это время года.

Джандер прищурился. У певца что-то висело на шее на кожаном шнурке. Подвеску прикрывала туника, но верхние пуговицы были растегнуты. Бард потянулся к низким струнам арфы и слегка наклонился вперед, и то, что висело на кожаном шнурке, выскользнуло наружу. Джандер видел эту вещь всего мгновение, пока она не исчезла в складках одежды певца, но этого было достаточно.

Деревянный диск, покрашенный в розовый цвет. Никакие узоры не искажали его простой красоты. Джандер хорошо знал, что это за символ. Это объясняло и одежду певца, желтый и розовый оттенки...

В сердце Джандера поднялась болезненная, ироническая радость. Этот бард был священником Латандера, Повелителя Утра, бога, которому некогда поклонялся Джандер. Ему отчаянно захотелось, чтобы молодой священник отправился этим вечером куда-нибудь в другое место. Его присутствие в гостинице определенно вызовет сложности.

— Наконец-то мне удалось незаметно подобраться к тебе, — прозвучал озорной голос Ринн. Джандер резко обернулся и увидел, что она садится на свободное место слева от него. Все еще в черных кожаных доспехах, с мечом, она странно выглядела в таверне. В ответ на очевидное изумление золотого эльфа она весело рассмеялась.

— Ринн! Что ты здесь делаешь? Ты же сегодня ворота охраняешь!

— Замечательный способ приветствовать друга, — ответила она, явно задетая. — Я думала, ты будешь...

— Тебе нельзя здесь оставаться.

Ринн сложила руки на груди.

— Будь я проклята, если буду выполнять приказы гражданских лиц! Это общественное место, и единственный, кто может выставить меня отсюда — это Погг. Кроме того, ты должен мне выпивку, помнишь?

— Вы хотите, чтобы он выполнил обещание, Лейтенант? — спросила Алуиз, всегда готовая подхватить подобный намек.

— Да, Алуиз, налей мне стакан вина, — решила Наездница, потом добавила: — Так хорошо посидеть со стаканчиком вина, правда ведь?

— О, да. А вы что будете пить, господин Джандер?

— Ничего, спасибо, — ответил золотой эльф. Алуиз кивнула и, вооруженная полными кружками, отправилась вручать их по назначению.

Ринн нахмурилась, и у Джандера екнуло сердце. Неужели она подозревает?

— Замечательно. Ты никогда не пил со мной, правда? Что-то происходит, — медленно сказала она, и ее индиговые глаза внимательно вгляделись в лицо Джандера. — Когда я на страже, тебе не хочется расставаться со мной, но, когда Теорн освобождает меня от службы, и я появляюсь здесь, ты не хочешь меня видеть. Что происходит, Джандер? Я не дура.

Ее необходимо было выставить из таверны, и как можно быстрее.

— Ринн, пожалуйста, поверь мне. Уходи отсюда немедленно.

— Один последний тост, и я уйду, — согласилась Ринн и лукаво улыбнулась. — Я его из тебя все-таки выбью.

— Извините, — негромко прозвучало у ее локтя. Ринн посмотрела вниз и увидела, что на нее смотрит Тревис. За его головой в воздухе парили сияющие шары.

— Мой дядя говорит, что Вы — Наездница.

Ринн кивнула.

— Мы нашли белую лошадь. Папа говорит, что это — лошадь Наездника. Может быть, вы сможете отвести ее к хозяину?

— Вы, должно быть, ошиблись, — ответила Ринн. — Все Наездники заметили бы, если бы одного из нас не хватало.

Мальчик выглядел обеспокоенным.

— Пожалуйста, мисс. Она чисто-белая, с черным кожаным седлом, и...

— Черное кожаное седло? Отведи меня к ней, — сказала Ринн, немедленно поднимаясь.

Когда она проходила мимо Джандера, золотой эльф шепнул ей на ухо:

— Пожалуйста, забирай мальчика и уходи!

Ринн обернулась, собираясь сердито ответить Джандеру, но Джандера уже не было. Совершенно разъяренная, она твердо взяла Тревиса за руку и принялась пробираться через толпу.

Она почти дошла до двери, когда дверь внезапно распахнулась. Индиго заорал, шерсть на нем встала дыбом, и кот нырнул в тень. Ринн инстинктивно оттолкнула Тревиса назад и потянулась к мечу. Тревису не нужно больше было приказывать — он, как зайчонок, бросился к стойке бара и дядюшке Поггу.

Чья-то рука сжала плечо Ринн холодным стальным пожатием.

— Веди себя тихо и молись, чтобы они тебя не заметили.

Ей не нужно было оглядываться на того, кто ее схватил, чтобы понять, что это Джандер. Он оттащил ее в темный угол зала.

Вошел молодой человек. Он был красив, с густыми медными волосами и высоким бледным лбом. Чувственные губы кривились в злобной усмешке. Покрой одежды на нем говорил о богатстве, хотя его рубашка и штаны видели лучшие дни и выглядели весьма старомодно.

За ним вошли две молодые женщины, блондинка и брюнетка, обе — люди. Они были так же красивы, как и он, и над ними, словно ядовитые духи, витала жестокость. Они вошли не так помпезно, как молодой человек, и целенаправленно направились к дальней стене комнаты. Не сводя глаз с притихшей, настороженной толпы, незнакомец сбросил плащ и небрежно бросил его на один из деревянных колышков на вешалке. Плащ опустился на колышек, повис и несколько секунд раскачивался, как повешенный.

На элегантной льняной рубашке были пятна цвета ржавчины и несколько пятен, все еще алых от свежей крови. Наездница опять невольно потянулась к мечу, и золотой эльф опять не позволил ей это сделать, болезненно сдавив руку.

Раздались крики. Джандер услышал, как отлетают в стороны скамейки, и как с досадой кричат те, кто слишком поздно вспомнил, что вручил свое оружие Наездникам у входа в Мистльдэйл. Эльф посмотрел на барда и волшебника.

Священник Латандера, на лице у которого смешались страх и решимость, опустил арфу и медленно поднимался на ноги. Пакар отбросил плащ и теперь собирался защищаться от одной из жестоко-прекрасных женщин.

Джандер прищурился и сосредоточился, чтобы послать магу мысленную команду. Если ему удастся захватить контроль над волшебником, не позволить ему атаковать, может быть, он сможет спасти ему жизнь. «Все в порядке, Пакар, — подумал Джандер, — сейчас тебе надо...»

Джандер отвлекся от мага, потому что Ринн попыталась вырваться из его объятий. Он отвлекся всего на секунду, но этого было достаточно. Не обратив внимания на не сформулированный приказ золотого эльфа, Пакар вытянул руки вперед, соединив большие пальцы. Из кончиков пальцев вылетело пламя и обожгло

нападавшую, наполнив гостиницу запахом горелой плоти. Светловолосая женщина взвыла от боли, но не замедлила шага. Нежные руки с нечеловечески острыми ногтями процарапали кровавые канавки на лице и горле Пакара. Волшебник закричал и упал на пол, повалив два стула.

Женщина закричала, и ее тело замерцало, стало почти прозрачным, а потом уплотнилось и стало подобием широкогрудого серого волка. Она прыгнула на все еще бьющееся тело мага и оборвала его крики своими острыми зубами. Под телом умирающего разлилась алая лужа, и волчица принялась жадно лакать, медленно размахивая хвостом.

Джандер уже совсем собрался обратить внимание темноволосой женщины на священника, когда заметил, что молодой бард опять занял свое место. Его правая рука осторожно прикоснулась к груди, чтобы удостовериться, что священный символ Латандера надежно спрятан. Трус, подумал было Джандер, но изменил свое мнение, увидев решимость в голубых глазах барда. Не трусость — мудрость. Священник выжидал, дожидаясь более удачного момента.

Джандер позволил себе тонкую улыбку. Нельзя было ожидать меньшего от священника Латандера Повелителя Утра.

Пока одна из женщин расправлялась с волшебником, ее подруга уже убила двух самых крупных мужчин в «Черном Кабане». Она принялась лизать кровь, бьющую из оторванной головы одного из них, и Джандер осознал, что в комнате воцарилась тишина. Шок и ужас моментально парализовали перепуганную толпу. Но это продолжалось недолго.

Один молодой человек впал в панику и бросился к двери. Юноша в запачканной кровью рубашке поймал его с неестественной легкостью и без труда разорвал молодому человеку горло. Тело со стуком упало на пол.

— О, ты ведь не хочешь еще уходить. — Пришелец улыбнулся. — Вечеринка только начинается.

В этот момент в дверях появился Теорн. Из толпы раздались крики облегчения, и Джандер почувствовал, что Ринн рванулась с внезапной надеждой. Золотой эльф быстро зажал ей рот рукой, чтобы не дать ей позвать своего союзника. Высокий капитан Наездников подошел к незнакомцу, который с интересом наблюдал за резней, и поклонился.

— Что дальше, мой господин Кассьяр?

— Ты чувствуешь их запах? — ответил молодой человек. Теорн сглотнул и нетерпеливо кивнул. — Сладкий, сладкий запах, — продолжал Кассьяр. Он вытянул руку и похлопал Теорна по заросшей бородой щеке — странно ласковым, но совершенно покровительственным жестом. — Улыбнись мне. Вот, хороший парень.

Губы капитана растянулись в жуткой ухмылке. Клыки Теорна удлинились почти втрое.

Раздались крики и плач отшатнувшейся толпы. Джандер почувствовал прилив жалости. Здесь собрались фермеры и музыканты, а не бродячие маги и воины-наемники. Он сам, Кассьяр, Эрит и Марис были здесь, как волки среди овец.

— Ты, должно быть, голоден, — продолжал Кассьяр. Теорн опять кивнул. — Хорошо, в качестве своего самого первого обеда среди нас можешь выбрать кого хочешь.

Тонкой бледной рукой он сделал широкий жест, и его карие глаза поблескивали жестоким смехом. Мертвый взгляд Теорна, горящий неестественным огнем, остановился на Ринн.

В небьющемся сердце Джандера поднялся страх.

— Нет, Кассьяр. Она моя.

Повелитель вампиров скорчил недовольную гримасу.

— Но Теорн хочет ее, а он мне очень помог.

— А я нет? Я с тобой уже больше ста лет. Я разведывал для тебя все города, находил наилучшее место и время для питания и заметал твои следы, когда резня заканчивалась. — Он секунду помолчал, не отпуская взгляда Кассьяра. — Я когда-нибудь раньше просил о конкретной жертве?

Кассьяр нахмурился еще больше.

— Нет, — признал он.

— Так отдай мне вот эту.

Прищурившись, Кассьяр спросил:

— А почему именно ее? И именно сейчас?

Надеясь, что это прозвучит убедительно, Джандер ответил:

— Потому что она из моего народа. Эльфийка. — Он потерся подбородком о ее темные волосы. Ринн сжалась, вампир отчетливо ощущал запах ее страха. — Я нахожу ее привлекательной.

Кассьяр секунду задумчиво смотрел на них, потом коротко кивнул.

— Очень хорошо. Наслаждайся ею. Да, кстати, — объявил Кассьяр, повысив голос, — я так понимаю, здесь происходит соревнование менестрелей. В любом случае, давайте продолжать вечеринку.

Но люди были слишком испуганы, чтобы послушаться. Люди, которые только что веселились, теперь глупо, молча смотрели, как кровь мертвецов впитывается в доски пола «Черного Кабана». Кассьяр, раздраженный, что его не слушаются, нахмурился и подал знак Теорну.

Наездник схватил за длинные волосы оказавшуюся рядом с ним несчастную женщину — одну из официанток Погга — и запрокинул ей голову. Джандер почувствовал, как Ринн рвется из его рук, но не выпустил ее. Теорн неловко вцепился зубами в обнаженную белую шею, его зубы рвали, а не прокусывали. Хлынула кровь, покрывшая его лицо и грудь и блузку умирающей женщины. Теорн жадно глотал, и Эрит, вампирка в человеческом облике, заплодировала.

Джандер облизал сухие губы. Он чувствовал горячий запах, и этот запах пронизывал его насквозь, напоминая ему, что он уже очень долго не ел.

— Если только я очень скоро не услышу музыки, — предупредил Кассьяр, — здесь со всеми произойдет то же самое. — Он подошел к середине комнаты. Завсегдатаи отшатнулись, перепуганные, и освободили ему один из стульев. Кассьяр сел.

— Ты, — сказал Кассьяр девушке-полуэльфу, сжимавшей флейту, словно посох. — Я думаю, мне хотелось бы послушать тебя.

Дрожа, женщина поднялась и прошла к середине зала. Священник пропустил ее. Джандер открыл было рот, чтобы предупредить Кассьяра о профессии молодого

человека, но что-то заставило его смолчать. У него в голове начала возникать мысль, такая смелая, что, если бы он еще дышал, у него перехватило бы дыхание.

Тонкие пальцы флейтистки отчаянно дрожали, а дыхание было слишком неровным, чтобы играть. Сладкие ноты флейты были слабыми, колеблющимися, и Джандер с печальной уверенностью понял, что сейчас произойдет.

Кассьяр нахмурился.

— Нет! Долой! Это совершенно никуда не годится!

Он вскочил и схватил несчастную женщину. Быстрым укусом он вскрыл ей запястье и принялся лизать брызнувшую кровь. Смеясь, он обернулся к Эрит и сказал своим алым ртом:

— Отличное красное вино, крепкое, но с нежным букетом!

Удовлетворенный своей выходкой, Кассьяр бросил женщину, не высасывая ее до конца. Всклипывая и хватаясь за покалеченную руку, она отшатнулась прочь.

Ринн опять начала дергаться, но на этот раз по-другому. Джандер прошипел в ее заостренное ухо на эльфийском языке:

— Не падай в обморок. Он тебя заметит и заставит меня вырвать тебе горло. Я не хочу этого делать, но я должен его слушаться. Если ты успокоишься, я уберу руку. Можно тебе доверять?

Она кивнула, и Джандер, отчаянно надеясь, что она сдержит слово, убрал руку. Ринн судорожно вздохнула и вздрогнула, хватая воздух. Эльфу-вампиру хотелось обнять ее, успокоить, утешить, но он понимал, что сейчас она от него подобных жестов не хочет.

Отдышавшись, Ринн прошипела:

— Ты предал свой народ, Джандер, и я ненавижу тебя за это!

Несмотря ни на что, Джандер вздрогнул от этого оскорбления.

— Не больше, чем я сам себя ненавижу, — тихонько прошептал он в ответ, все еще на своем родном языке.

Она взглянула на него, и он увидел на ее нежном прекрасном лице полное смятение чувств. Теперь выступал священник. Его голос был на удивление тверд, а пальцы уверенно ласкали струны арфы, несмотря на то, что Смерть стояла в ярде от него, глядя прямо в лицо. Кассьяр был доволен и не пытался прервать песню.

— Этот бард — священник, — прошептал Джандер Ринн.

— Тогда почему он не...

— Он не дурак. Он выжидает.

— Ты убьешь его?

Джандер сердито посмотрел на нее.

— Я не то, чем ты меня считаешь, Ринн Законопослушная. Подожди, пока узнаешь все, а потом уж суди меня!

Он замолчал, осознав, что слегка повысил голос, а потом опять вернулся к тихому шепоту.

— Я не хотел, чтобы ты была здесь, но, возможно, это и к лучшему. У меня есть мысль, которая может спасти по крайней мере некоторых.

— Почему я должна тебе верить?

И действительно, почему? Он отпустил ее.

— Хватайся за оружие, если хочешь. Или поверь мне.

Он был почти уверен, что она вытащит меч. Одна рука потянулась за оружием, но в последний момент Ринн сжала пальцы в кулак. Потом, с отчетливо видным усилием, она опустила руку. Джандер позволил себе еле заметно улыбнуться.

Бард допел свою песню, и Кассьяр зааплодировал. В комнате стояла тишина. Он повернул голову и оглянулся на молчащую толпу. Беспощадные карие глаза оглядели сцену: Погга и Тревиса, прижавшихся друг к другу за стойкой бара; четыре трупа, распростертых на полу; девушку-полуэльфа, сжимающую свою искаленную руку и бледнеющую с каждой секундой; сытых, самодовольных вампиров; опрокинутые столы; мужчин и женщин с разинутыми ртами, в ужасе уставившихся на происходящее.

— Давайте, — сказал Кассьяр. — Разве он не великолепен? Разве вам не следует ему похлопать?

Вампир запрокинул голову и расхохотался, когда перепуганная толпа разразилась бешеными аплодисментами. Бард вежливо поклонился и вернулся на свое место.

Джандер наблюдал, зная, какова будет следующая фигура этого ужасного танца. Кассьяр поднялся и начал оглядывать толпу, пока не нашел женщину, которая показалась ему привлекательной. У Джандера екнуло сердце, когда он увидел, что это оказалась Алуиз.

— Ах, какая хорошенькая, — сказал Кассьяр. Он протянул к ней руку и заставил ее встать. — Мне нравятся твои глаза, — заявил он, направляясь к лестнице. Алуиз захныкала, потом вдруг закричала и рванулась из его рук. Повелитель вампиров остановился на лестнице, повернулся и посмотрел ей в глаза. Алуиз не смогла отвести взгляда. Ее рыдания стали тише, потом прекратились. Кассьяр огляделся и нашел взглядом Теорна. Он указал на Наездника пальцем.

— Ты поел и некоторое время будешь сыт. Ты можешь постеречь дверь.

Он слегка поморщился, увидев запачканную кровью бороду Наездника.

— Неаккуратно ешь, да? Ничего, надень шлем, и никто не заметит. Ты из милиции. Запомни это, и ты сможешь отвести любое подозрение.

Он встретился взглядом с новым вампиром.

— Никто не входит. Никто не выходит.

— Никто не входит. Никто не выходит, — послушно повторил Теорн.

Кассьяр повернулся к Эрит и Марис.

— Присматривайте за Джандером, мои дорогие. Для нашего любимого спорта у него слишком мягкое сердце.

— Да, хозяин, — послушно сказала Эрит, слегка улыбаясь. Волчица Марис твякнула. Кассьяр снова начал подниматься по лестнице. Джандер смотрел, как он поднимается, и лицо его было искажено ненавистью.

Его мрачные мысли прервал голос Ринн.

— Вы отсюда так просто не уйдете. Если кто-нибудь из Наездников обнаружит, что у ворот никого нет...

— Теорн отправит их на какие-нибудь бестолковые поиски, — резко перебил Джандер. — Твои Наездники и не узнают, что ты была здесь, пока не наткнутся завтра на твоё тело.

Она вздрогнула, услышав, как холоден его голос, но Джандер не смягчил слов. Она должна была увидеть настоящий ужас всего этого и встать на его сторону, если он хочет закончить то, что задумал.

— Он возьмет Алуиз — всеми возможными способами — а когда закончит, выбросит ее. Это не займет много времени. Потом он спустится вниз, и тогда всех здесь систематически убьют, а гостиницу подожгут. Мы побежим прочь, как проклятые богами ночные твари, каковыми мы, собственно говоря, и являемся, и будем дожидаться, пока прекратятся слухи. А потом мы отправимся в другой город, и там все повторится снова. И снова.

— Останови это.

— Только если ты поможешь мне.

— Извините, — слышался неуверенный голос. Джандер взглянул на говорившего и с изумлением обнаружил, что это молодой священник. А он смелее — или глупее — чем я думал, — заметил сам себе Джандер.

— Вы не позволите нам позаботиться о наших раненых? — спросил священник.

На лице Джандера отразилось сочувствие.

— Позаботьтесь о раненых, насколько можно, — сказал он, слегка повысив голос. Эрит услышала его и с рычанием подняла рубиновую губу.

— Кассьяр прав. Ты мягок, эльф, — прошипела она.

Джандер зарычал. Он посмотрел ей прямо в глаза, и она отступила на несколько шагов, оглядываясь на приятельницу в поисках поддержки. Марис пожала своими широкими волчьими плечами. Ее это не интересовало. Эрит нахмурилась, но спорить не стала. Она посмотрела на Джандера и ядовито бросила:

— Развлекайся. Делай свое жалкое добро, возись с этой скотиной. Скоро вернется Кассьяр, и не думай, что я ему не расскажу.

Джандер не обратил на нее внимания.

— И вымойте пол, — сказал он священнику. — Запах...

Он замолчал и отвернулся.

Ринн удивленно спросила:

— Разве вампирам не нравится запах крови?

— Боги, Наездница, да ты слепая, что ли? — вскричал он на эльфийском языке. — Я же не пробовал человеческой крови с тех самых пор, как мы встретились! Поголодай с месяц, а потом пусть кто-нибудь запрет тебя в булочной. Может быть, тогда ты хоть немного поймешь, на что это похоже! У меня почти неделю даже крысы во рту не было. — Гнев угас, и он грустно пошутил: — У Погга в трактире слишком чисто.

— Вы не питаетесь, — сказал священник на превосходном эльфийском языке. Ринн и Джандер уставились на него. Немногие люди в Мистльдэйле говорили по-эльфийски. — Вы позволили нам позаботиться о раненых, и вас, похоже, даже огорчает то, что здесь происходит. Вы не такой, как остальные. Почему?

Джандер ответил с улыбкой, тоже по-эльфийски:

— Конечно, жрец Повелителя Утра знает мой язык. А теперь ты ответь мне, почему ты не напал на нас, священник?

Зеленые глаза молодого человека расширились. Наконец он сказал:

— Я не думал, что это так заметно. Меня зовут Фраджен. Я пробыл бардом дольше, чем священником, так что шансов у меня было немного. Я выжидал и наблюдал за вами. Скажите, что заставляет вас поступать не так, как ваши друзья?

— Меня зовут Джандер Солнечная Звезда из Эвермита. Я...

Его перебило резкое шипение.

— Не говори того, что я не могу понять, эльф, — приказала Эрит.

— Кассьяр управляет моими движениями, но не языком. Если я захочу, я буду разговаривать на своем родном языке. Если только ты не захочешь заставить меня прекратить.

Эрит знала, что этого лучше не делать, и успокоилась. Джандер опять обратился к Фраджену, его голос смягчился.

— Я поклонялся твоему богу, священник, и до тех пор, пока я помню красоту утренней зари, я не приму зло по доброй воле. Если вы с Ринн доверитесь мне, мы, возможно, сумеем сегодня спасти хотя бы некоторых.

Фраджен без колебаний кивнул. Ринн тоже. Джандер позволил себе расслабиться.

— Дайте мне подумать. Фраджен, будьте осторожны — хорошенько прячьте свой священный символ и не пользуйтесь магией. Мы ее чувствуем. И скажите Поггу, чтобы убрал кровь с пола. Мне уже тяжело сдерживаться.

Священник кивнул и направился к хозяину гостиницы. Джандер смотрел, как Погг принес ведро воды и три полотенца. Он и Тревис, ни слова ни говоря, начали вытирать пятна крови на дощатом полу, а Фраджен и Ринн занялись ранеными. Они призвали себе на помощь всех посетителей — помощники из них были не Бог весть какие, но, по крайней мере, удалось занять перепуганных людей.

Джандер посмотрел на Марис и Эрит — он знал, что они не сводят с него глаз. Сначала они собирались следить за каждым движением золотого эльфа, но женщины были молоды и неопытны, так что он о них почти не задумывался. Джандер обернулся к Фраджену, и его глаза расширились от изумления, когда он увидел, чем занят молодой священник.

Фраджен опустился на колени рядом с Поггом и Тревисом, вроде бы чтобы помочь им мыть пол. Для постороннего наблюдателя все выглядело так, как если бы именно это он и делал, одной рукой держа деревянное ведро, а во второй руке зажал мокрую тряпку и водил ею по окровавленному полу. Но Джандер заметил, что глаза жреца Повелителя Утра полуприкрыты, а губы слегка шевелятся.

Он освящал воду.

Почему же я не чувствую магии? — подумал было Джандер, но тут до него дошло, что создание святой воды — в общем-то, не магия, а всего лишь святое благословение. Очень умно, Фраджен! — признал он про себя.

Потом эльф опять взглянул на Эрит и Марис. Эрит оглядывалась в поисках нового развлечения, а Марис, по-прежнему в волчьем обличье, лежала, свернувшись, около мертвого волшебника, хотя ее глаза были открыты и внимательно смотрели вокруг. Скоро эти двое заметят, чем занят священник. Джандер должен был отвлечь их.

Лучшей возможности быть не могло — у Джандера в союзниках были опытный солдат и священник, а все три присутствующих вампира были созданы недавно.

Кассьяр опасен и смертоносен. Джандер понимал, что он для Кассьяра не угроза, во всяком случае, сейчас — голодный и ослабевший. Но другого выхода не было.

— Больше никого, — тихонько сказал он себе. — Никого. Алуиз будет последней.

Он подошел к вешалке и сорвал с нее плащи. Это движение привлекло внимание и вампиров, и смертных. Он почувствовал их взгляды, их напряжение, их недоумение — что собирается делать этот странный золотокожий вампир. Колышки для одежды были около девяти дюймов длиной — как раз достаточно для целей Джандера. Эльф мрачно выломал несколько колышков и оглянулся через плечо, наблюдая за вампирками.

Марис поднялась на все четыре лапы, и шерсть у нее на спине встала дыбом. Она начала негромко рычать. Эрит прищурилась.

— Берегись, эльф, — угрожающе начала она.

Джандер исподтишка взглянул на Фраджена. Священник слегка кивнул своей светловолосой головой. Эльф-вампир посмотрел на Ринн и увидел, что ее лицо застыло маской холодного понимания.

Одним быстрым движением Джандер швырнул два кола Ринн и Фраджену, а третий оставил себе. Эрит вскочила так же быстро, оторванная голова скатилась с ее колен и с глухим стуком упала на пол. Джандер больше не был хищником-собратом. Он переступил дозволенные границы, и теперь он стал дичью.

— Давай, Тревис! — крикнул Фраджен.

Мальчишка вскочил на ноги и вылил ведро грязной благословенной воды прямо в лицо Эрит. Священная жидкость подействовала на нечистую плоть вампирки, как кислота. Ее лицо растаяло и потекло, как свечной воск. Эрит издала отчетливый резкий вопль и схватилась за обезображенное, дымящееся лицо. Она упала на пол — уже не создание ужасающей красоты, а просто ужасная тварь.

С именем Латандера Фраджен бросился на Эрит. Он несколько раз ударил бьющуюся нечисть колом в грудь. Она хватала его и царапала, расцарапала ему щеку, но священник не отступал. Наконец он воткнул смертоносное деревянное оружие глубоко в сердце вампирки.

Марис тем временем в смертоносном молчании бросилась на Ринн. Даже Джандер не полностью осознавал, насколько быстро может двигаться эта тварь, и, увидев ее атаку, понял, что не успеет добежать до Наездницы и прикрыть ее. В отчаянии он швырнул в Марис деревянный кинжал. Заостренный колышек вонзился в заднюю часть вампирки.

Марис выгнулась на середине прыжка, взыв от боли, и тяжело опустилась на Наездницу. Под весом волчицы Ринн упала. Горячее дыхание обожгло ее лицо, но, не успев Марис вцепиться эльфийской девушке в глотку, как рядом оказался Джандер. Он вцепился своими золотыми пальцами в покрытую густым мехом шею волчицы и запрокинул голову Марис назад. Ринн взмахнула заостренным колом и глубоко воткнула деревянное оружие в широкую грудь волчицы.

Гневный вой вампирки неожиданно превратился в придушенное хныканье. Из раны хлынула кровь. Ринн держала кол и всаживала его все глубже и глубже. Кровь Марис попала ей в глаз, но девушка только слегка скривилась от боли и сморгнула. Наконец Марис перестала биться и тяжело навалилась на стройную эльфийскую женщину.

Джандер оттащил труп в сторону.

— С тобой все в порядке? — спросил вампир.

Дрожа, Ринн кивнула и позволила Джандеру помочь ей подняться на ноги. К ним подошел Фраджен, покрытый кровью, тяжело дыша.

— Джандер, — выдохнул жрец Повелителя Утра, — Погг говорит, что есть выход наружу — через подвал. Можно, мы пойдем?

— Конечно. И поторопитесь. — Джандер посмотрел на потолок, в сторону комнаты, где развлекался Кассьяр. — С третьим я сам разберусь. Позаботьтесь о них. Пусть первым уйдет мальчик. Осторожнее, Фраджен.

Фраджен слегка улыбнулся.

— Да благословит тебя Латандер, Джандер Солнечная Звезда, — негромко сказал он и отправился помогать Поггу и маленькому Тревису справиться с люком в кухне.

— Мне тоже надо идти, — резко сказала Ринн. Теперь она с головы до ног была профессиональным солдатом, и лицо ее было сурово и непреклонно. — Я — Наездница, и я нужна жителям деревни.

Джандер улыбнулся, но в его серебряных глазах застыла печаль.

— Конечно, Ринн. Поторопись.

Она кивнула, глядя непроницаемыми голубыми глазами, и побежала к Фраджену.

Золотой эльф подошел к двери, наклонился, подобрал один из одежных колышков и быстрым движением распахнул дубовую дверь.

К нему сразу же обернулся Теорн с возмущением и яростью в голосе.

— Никто не входит...

— Никто не выходит, — мягко закончил Джандер, втыкая импровизированный кол через толстые кожаные доспехи. — Я не выхожу.

Теорн издал негромкий жалобный звук. Потом напряг грудь и ухитрился выкрикнуть одно-единственное имя.

— Кассьяр!

Его предсмертный крик слился с внезапно раздавшимся звоном, и Джандер понял, что кто-то звонит в сигнальный колокол Мистльдэйла. Сейчас по тревоге поднимутся все остальные Наездники. Джандер понадеялся, что до их прихода у него хватит времени, чтобы закончить кровавое дело, намеченное им для себя. Тело Теорна со стуком упало, и эльф обернулся.

Джандер заметил движение у стойки бара. Он прыгнул туда, шипя и оскалив зубы.

— Это я, — прозвучал ободряющий голос Фраджена. Священник вылез из люка и закрыл его за собой. — Ринн занимается местными жителями. Я вернулся. Вам может понадобится помощь.

— Нет! — вскричал Джандер. — Вы не знаете, что он такое. Вы не знаете, что он...

— Что здесь, во имя Девяти Преисподних, такое творится? — раздался резкий нервный голос. Эльф и священник посмотрели вверх и увидели, что по лестнице спускается очень сердитый Кассьяр. Он был без жилета, и его растянутая рубашка развевалась на бегу. Его медные волосы были взъерошены. Кассьяр был больше

похож на потревоженного повесу, чем на вампира — если бы не кровь на обнаженной груди.

— Кто меня звал? Джандер, что... Черное сердце Бэйна! Где все?

— Они ушли, Кассьяр, — сказал Джандер и вдруг расхохотался. — Ты больше никогда не будешь мучить их, да и кого бы то ни было. Ты умрешь сегодня, негодяй. А вот этим, — он поднял свои золотые ладони, — я тебя убью.

Кассьяр нахмурился.

— Джандер, прекрати. Ты неправильно поступил, отпустив их, и ты будешь нак... Что ты с ними сделал? — заорал он, увидев тела вампиров.

Джандер, по прежнему усмехаясь, продемонстрировал свои клыки. Через него текло дикое возбуждение, подогретое гневом и сводящим с ума голодом.

— Они упокоились с миром.

Разгневанный Кассьяр обернулся к эльфу-вампиру.

— На колени!

Этот ритуал они проводили очень часто. Каждый раз, когда Джандер пытался перечить Кассьяру, призвать его к милосердию или жалости, или просто возражал, повелитель вампиров приказывал золотому эльфу повиноваться. И Джандер, плача кровавыми слезами от бессилия, не мог не подчиниться. Он становился на колени и запрокидывал голову. И тогда Кассьяр пил его кровь, пил до тех пор, пока не считал, что его своенравный раб достаточно наказан. Для вампира оказаться пищей для другого было особенно болезненно, и Джандер несколько дней после этого бывал очень слаб.

Джандер вздрогнул, почувствовав волю Кассьяра, но остался твердо стоять на ногах. Оскалив зубы, он прорычал:

— Ты был испорченным высокомерным аристократишкой при жизни и остался испорченным высокомерным аристократишкой до сих пор. Больше я твоих приказов слушаться не буду.

Лицо Кассьяра вспыхнуло от ярости. Его изящные брови сошлись над жестокими, властными карими глазами.

— На колени!

Джандер не выдержал. Задыхаясь от боли, он упал на деревянный пол. Но он не терял надежды. Кассьяр был разгневан, а разгневанный, он терял осторожность.

— Я прощал тебя, потому что ты был новичком, — продолжал повелитель вампиров, подходя к коленопреклоненному Джандеру. — Но ты больше не новичок.

Против своей воли Джандер потянулся к одному из импровизированных кольев. Он сжал зубы, пытаясь сопротивляться ментальной команде, но его тонкие золотые пальцы сомкнулись на деревянной палке. Рука Джандера начала медленно двигаться к груди, острие деревянного кола было направлено ему в сердце.

— Своими руками ты убьешь себя, а не меня, — заметил Кассьяр.

— Нет! — раздался приглушенный вскрик. Фраджен поднял священный символ перед Кассьяром. — Во имя Латандера Повелителя...

Кассьяр был старым вампиром, слишком могущественным, чтобы испугаться отчаянной попытки молодого, неопытного священника. Он закатил глаза и пробормотал:

— Ах, будьте добры.

Он вытянул одну свою бледную руку и подтянул священника к себе. Одним взмахом второй руки он разорвал Фрадженау горло.

Джандер закричал. Больше никогда не зазвучит прекрасный голос Фраджена. Священник встал на его сторону. Теперь он умер из-за этого выбора. Перед глазами эльфа опять возникло лицо Ринн с выражением отвращения на нем — лицо той, кто некогда называла его своим другом — и изорванное тело маленькой девочки, которую убил Кассьяр на ферме за стенами города. Он вспомнил девичий смех Алуиз, захлебнувшийся теперь ее собственной кровью. Он видел испуганных, беспомощных жителей города и музыкантов. И это он обрек их, и еще десятки таких же, как они, помогая Кассьяру.

Когда внимание Кассьяра переключилось с золотого эльфа на Фраджена, его ментальная хватка немного ослабла. У Джандера была одна-две секунды для свободных действий, но он не потратил эти драгоценные мгновения на драку.

Вместо этого он позвал на помощь: он призвал Индиго. Черный кот вылетел из теней, сам — словно бесшумная тень, и со смертоносной целеустремленностью бросился к Кассьяру. Кот вцепился в карие глаза повелителя вампиров и принялся отчаянно царапаться.

Кассьяр заорал, из его поврежденных глаз брызнула кровь. Он отчаянно принялся сдирать с себя кота. Индиго продолжал царапаться, пока собственные ногти Кассьяра не пронзили ему бока. С последним отчаянным «Мяу!» кот вздрогнул и умер.

Ослепленный Кассьяр больше не мог видеть Джандера, и его власть над своим подчиненным внезапно ослабла. Джандер бросился на хозяина. Два вампира врезались в стол, кубки полетели во все стороны. Несмотря на слепоту, Кассьяр быстро опомнился. Когда Джандер открыл рот и потянулся к глотке повелителя вампиров, Кассьяр навалился на него. Он перекатился и прижал худенького эльфа к земле.

Эльфу-вампиру удалось прикрыть горло рукой — и он вскрикнул, когда клыки Кассьяра глубоко вонзились в его плоть. Кассьяр сомкнул челюсти и прокусил Джандеру руку насквозь. Эльф уронил деревянный колышек.

— Ты, неблагодарный слизняк, — прорычал повелитель вампиров сквозь окровавленные зубы. — Один день отдыха — и я исцелюсь. Тогда я возьму другого эльфа — может быть, эту девчонку, которая тебе так нравится.

Не Ринн. Только не Ринн. Джандер не мог допустить, чтобы Кассьяр изуродовал еще одного из Народа. Вспышка гнева придала ему сил для еще одной, последней атаки, но Кассьяр оказался сильнее. Смеясь, повелитель вампиров раскрыл рот, и его клыки все приближались и приближались...

И вдруг Кассьяр, зарывав, дернулся и подскочил. Слепо хватаясь за плечо, он обернулся. Джандер видел, что кто-то выпустил в повелителя вампиров стрелу, но не стал выяснять, кто это пришел ему на помощь. Вместо этого он схватил кол и всадил его Кассьяру в грудь.

Ненависть Джандера и его вампирская сила заставили деревянное оружие почти моментально исчезнуть в плоти повелителя вампиров. Из дыры хлынула кровь. Кассьяр последним усилием попытался расцарапать Джандеру лицо, а потом,

недвижный, повалился на эльфа. Джандер выбрался из-под Кассьяра и посмотрел, что это там за неожиданный союзник.

Он не удивился, увидев у двери красивую молодую женщину в кожаных доспехах. Ринн держала в руках лук, но смотрела не на эльфа, а на что-то позади него. Ее губы были поджаты с выражением отвращения. Эльф обернулся.

Тело Кассьяра начало разлагаться с удивительной быстротой. Два эльфа с изумлением и ужасом смотрели, как труп сгнил, потом высох, а потом даже кости рассыпались в мелкую пыль.

Джандер поднял взгляд на Ринн.

— Наездники?

— Снаружи. Поскольку Теорн мертв, капитан теперь я. — Она колебалась, потом добавила: — Я приказала им ждать.

Джандер был озадачен, но выяснять подробности не стал. Он слабо указал на один из импровизированных колов. Он сделал пять колышков — пять колов для пяти вампиров.

— Закончи.

Не отводя глаз от его бледного лица, Ринн медленно покачала головой.

— Ты сегодня спас немало жизней. Ты заслужил еще один шанс.

Он хрипло рассмеялся.

— Шанс на что? Что мне осталось?

— Эвермит.

— Не смейся надо мной, Ринн, не надо.

— Я не смеюсь. Ты свободен от него, Джандер. Теперь ты можешь идти, куда хочешь, — сказала Ринн. Она присела рядом с ним и нерешительно погладила его по щеке. — Может быть, ты найдешь кого-нибудь, кто тебя вылечит.

Он улыбнулся — слабо и печально.

— Вылечит вампира?

— Ты же не пробовал, значит, не знаешь. В любом случае, ты не заслуживаешь подобной смерти.

Помолчав, она сказала:

— Ты голоден, так что вот это тебе пригодится.

Ринн поднялась, неуверенными шагами подошла к двери и вернулась с ведром, наполовину полным темной винно-красной жидкости.

Джандер покачал головой.

— Я не стану пить человеческую кровь.

— Это не человеческая. Это... — ее голос слегка дрогнул, — из моей кобылы.

Глаза у эльфа расширились. Теперь он заметил ее покрасневшие глаза и слезы на щеках.

— Ты — Наездница, и ты...

— Когда лошадь стареет, Наездник должен ее убить. Для Лунной Леди время уже подходило. Еще день или два, и мне пришлось бы... — Она посмотрела в серебряные глаза Джандера. — Возьми. Исцелись. Пройди через весь мир и вернись домой, в Эвермит. Долг платежом красен, Джандер. Ты спас мне жизнь. Позволь мне вернуть долг.

Она протянула ему ведро и слабо улыбнулась.

— На этот раз я ставлю выпивку.

Эльф-вампир заколебался. Только эльф может понять, какое же чудесное место Эвермит. Ринн сумела сквозь чудовище разглядеть в нем эльфа, убила свою любимую Лунную Леди, чтобы помочь ему вернуться к тому, чем он был когда-то. Неужели для такого, как он, еще есть шанс? Может быть, где-нибудь на свете действительно есть кто-то, кто умеет лечить вампиров?

Джандер медленно сел и неловко потянулся за валяющимся на полу кубком. Сильные руки Ринн поддержали его.

— Какой сейчас год? — спросил он вдруг. Ринн недоуменно нахмурилась. Он объяснил с улыбкой: — Понимаешь, я забыл. Я так давно...

— По летосчислению Долин сейчас восемьсот девяносто второй год, — ласково ответила Ринн.

— Восемьсот девяносто второй, — повторил Джандер. — Год моей свободы.

Он слегка кивнул.

— Последний тост.

Проклятый эльф зачерпнул кубком жидкости из ведра, отдал салют своему другу и поднес кубок к губам.

СДЕЛКА

Элейн Каннингем

Одну вещь Эрилин Лунный Клинок ненавидела больше всего на свете – когда ее преследовали.

– Ну откуда тебе знать, что кто-то выслеживает тебя? – удивлялся спутник Эрилин, опрятный, пышно разодетый дворянин. Он тщательно выверял каждый свой шаг, чтобы не дай бог не вляпаться в какую-нибудь гадость, пока они пробирались сквозь захламленные доки Порты Кир. “Если ты даже не видела и не слышала ничего подозрительного, то как ты можешь быть в этом настолько уверена?”

Подавив нервный вздох, Эрилин пригладила непослушный локон позади одного из заостренных ушек. Как она могла объяснить Даниле Танну то, что для нее было сочетанием одновременно искусства и врожденного инстинкта? Она просто знала. Она словно ощущала некий бесшумный ритм, который могли чувствовать лишь лучшие охотники, рейнджеры... и наемные убийцы.

– Как ты знаешь, маги могут чувствовать присутствие магии, – медленно произнесла она. При этом она рассеянно отмахнулась от чрезмерно бойкого торговца, попытавшегося побрызгать ее какими-то духами с ароматом жасмина. – И, насколько я знаю, паладины могут ощущать присутствие зла.

– Ага, так вот оно что, – в серых глазах Данилы, который изучал взглядом расстроенную полуэльфийку, мелькнули проблески понимания. – Выходит, что чья-то назойливость, за отсутствием более подходящего слова, тоже обладает какой-то особой аурой, которую ты можешь ощущать.

В ответ на губах Эрилин мелькнула невеселая улыбка.

– Что-то в этом роде.

– И давно уже за нами следят?

Она пожала плечами.

– С тех пор, как мы покинули Имнескар.

– И мне... – Дворянин так и не закончил фразу, вместо этого испустив звук, который больше походил на злобное шипение рассерженной утки. – Эрилин, дорогуша, кто-то тащится за нами добрых два королевства, а ты даже ни разу не упомянула об этом?

– Это первый раз, когда мы с тобой остались наедине, – невинно произнесла Эрилин.

Данила многозначительно обвел взглядом переполненный рынок. За линией доков в сгущающихся сумерках, подернутых последними лучами заходящего солнца, искрились воды Моря Мечей. Большинство купцов поспешно сворачивали пестрые шелковые тенты и ковры, на которых еще недавно пестрели всевозможные товары. Однако, несмотря на подкрадывающуюся темноту, толпа не редела – ведь наступало время других торговцев, которые предлагали услуги совсем иной природы.

– Говоришь, мы наедине? Весьма странно, – пробормотал себе под нос Данила. – Я довольно часто оказывался наедине с красивыми женщинами, но никогда вокруг не было столько шума и гама. По крайней мере, поначалу.

– Ты прекрасно понял, что я имею в виду, – отрезала полуэльфийка. На протяжении долгих дней у нее было очень мало возможностей поговорить с Данилой с глазу на глаз. Они присоединились к торговому каравану, держащему путь из Глубоководья в Калимпорт. Торговцы были единственными северянами, которые считались желанными гостями в землях Тетира. Именно поэтому Эрилин и Данила присоединились к ним, что позволило им беспрепятственно путешествовать через южные земли. К своей настоящей миссии они должны были приступить только сегодня.

Эрилин и Данила должны были доставить предупреждение правящему паше Тетира. Это задание они получили от Арфистов – самопровозглашенных хранителей свободы и справедливости на Фаэруне. Миссия была не так проста, как могло показаться на первый взгляд, поскольку Паша Балик не желал иметь ничего общего с “сующими нос не в свои дела варварами с севера”. Раз за разом он отказывал в аудиенции послам Арфистов, а любые попытки заручиться поддержкой кого-нибудь из его ближайшего окружения неизменно оборачивались провалом. На плечи Данилы выпала миссия отыскать окружной ход ко двору паши, в то время как задание Эрилин было куда более прозаичным – сохранить жизнь юному дворянину в случае, если события примут неожиданный поворот. Прекрасно зная Данилу, Эрилин чувствовала, что осуществить это будет не так уж просто. А тут, как назло, еще и этот таинственный преследователь.

Несмотря на ту проблему, которую он или она собой представлял, полуэльфийка вынуждена была отдать ему должное. Выслеживать торговый караван вдоль главного торгового пути было не столь уж сложным заданием. Но вот избежать разоблачения на протяжении столь долгого времени было совсем иным делом. Ни один из членов ее отряда даже не предположил, что их выслеживают. Даже могущественный маг Арфистов, ехавший сейчас подле нее.

Эрилин бросила мимолетный взгляд на Данилу, который лениво насвистывал мелодию одной из баллад, отличающихся весьма непристойным содержанием. Лишь немногие знавшие Данилу могли принять его за Арфиста или мага. Данила Танн слыл известным франтом, магом-дилетантом, чьи заклинания раз за разом давали сбой, и жалким любителем, пытающимся выдать себя за стоящего барда. Его самодовольная ухмылка и неумеренная расточительность просто кричали о его богатстве, беззаботности и знатном происхождении. По правде сказать, Данила сознательно культивировал этот образ. На его шелковом жилете аметистового цвета ярким пятном выделялся символ благородной торговой семьи с севера. Обширные шаровары были заткнуты в щегольские замшевые сапоги, а просторные рукава шелковой рубахи украшали крошечные руны, вышитые фиолетовыми и золотыми нитями. Столь свободный стиль одежды позволял надежно скрыть от посторонних глаз точеный, мускулистый торс, подобно тому, как мерцание драгоценных камней на рукояти меча отвлекало взор от острого и надежного лезвия. Благодаря именно такой маскировке, Данила считался одним из лучших агентов Арфистов. И именно своей маскировкой он раздражал Эрилин до белого каления.

– Уже поздно, – внезапно произнесла она. – Давай подыщем какое-нибудь спокойное местечко и прикинем наши следующие шаги. В любом случае я сейчас была бы не прочь слегка подкрепиться.

При этих словах лицо дворянина озарилось от счастья.

– Я тут все закоулки знаю. Местный колорит и все такое... Пойдем, я отведу нас в подходящее местечко.

Он схватил Эрилин за руку и потащил сквозь лабиринт кривых улочек, пока, наконец, они не наткнулись на приземистое деревянное строение, которое в лучшем случае можно было принять за какой-нибудь заброшенный склад.

– Местный колорит, как я и обещал, – с энтузиазмом провозгласил Данила, распахивая дверь. Затем он снял свою шляпу с пером и тщательно уложил растрепавшиеся белокурые локоны волос. – Разве здесь не прелестно?

Они очутились в некоем подобие таверны, которая состояла из одного огромного питейного зала и которую можно было назвать как угодно, но только не прелестной. Пожалуй, если бы это место тщательно отдраили и проветрили, то его еще можно было бы назвать просто убогим, с отвращением отметила про себя Эрилин. Главная зала была забита столами и кабинами для уединения. Судя по смуглым лицам и характерным сине-пурпурным одеяниям уроженцев Тетира, это заведение пользовалось популярностью в основном у местных жителей. Толпа представляла собой сборище мужчин всех возрастов и социальных классов. Только мужчин, заметила про себя Эрилин, хотя ряд дверей, тянувшийся вдоль северной стены, позволял предположить, что женщины в этом заведении все-таки водились.

Данила проводил Эрилин внутрь помещения. Посетители, расположившиеся неподалеку от двери, цепко, со смесью интереса и неприкрытой враждебности, осмотрели вновь прибывших. Одна троица, как видно из местных, и, судя по их одеяниям, богатых людей с интересом осмотрела Эрилин и тут же принялась о чем-то увлеченно спорить.

– Лорд Танн! – раздался чей-то гнусавый голос. Эрилин обернулась и увидела, что к ним, с распростертыми объятьями, спешит приземистый человек в темных одеяниях.

Данила поприветствовал хозяина таверны по имени, поинтересовался здоровьем его жен и детей, и попросил его посадить за обычный столик. Человек провел их к угловому столу – который уже был занят – и прогнал сидевших там посетителей всего несколькими короткими словами, брошенными на местном диалекте. Излучая радушие, трактирщик протер стол рукавом, пообещал им принести вина, достойного самого Паши Балика и с тем исчез в глубине заведения.

– Интересно, есть в этом мире хоть одна таверна, с которой ты не был бы знаком? – поинтересовалась Эрилин.

Данила поджал губы и всерьез задумался. Однако прежде чем он успел ответить, к их столу приблизился человек в голубых одеяниях.

– Я слуга достопочтенного Акима Надира, – обратился он к Даниле, махнув рукой в сторону одного из трех людей, которых Эрилин заметила ранее. – Мой хозяин желает приобрести вашу женщину.

Данила успокаивающе похлопал Эрилин по руке.

– Позволь мне разобраться с этим, – повернувшись к слуге, он спросил, – Сколько предлагает твой хозяин?

– Двадцать золотых.

– Данила, сейчас не время для глупостей...

– Вполне с тобой согласен, – прервал Данила. Он потянулся через стол, и потрепал ее правую руку, словно утешая. – Я бы сказал, что ты стоишь гораздо больше.

– Отпусти мою руку и сейчас же избавься от этого человека, – прошипела она сквозь сжатые зубы.

– И упустить такой отличный шанс отточить мои торговые навыки?

– Двадцать пять? – предположил слуга.

Данила покачал головой.

– Эти глаза способны затмить даже лазурное небо пустыни, – вкрадчивым голосом произнес он.

– Тридцать золотых. Не больше.

– Да ты только посмотри на нее, – настоял Данила, искусно лавируя на стуле, чтобы избежать знакомства с сапогами полуэльфийки. – Ты когда-нибудь видел такую кожу? Она подобна лунному свету, играющему на жемчужинах! Сотня золотых была бы достойной ценой.

– Возможно, я бы смог дать пятьдесят, – предположил слуга. – Есть у нее какие-нибудь особенные таланты?"

– Ну, она очень неплохо обращается вот с этим мечом, – заботливо произнес Данила, – хотя ты, наверное, имел в виду нечто иное.

– Ну все, с меня хватит. – Эрилин одним движением вывернула руку из хватки Данилы, и, поднявшись на ноги, зло посмотрела на слугу. – Занимайся своими делами в каком-нибудь другом месте.

Слуга тупо уставился на нее, моргая и явно ничего не понимая. Женщина в таком месте, как это, без сомнения была на продажу.

– С кем я могу договориться о сделке? – спросил он, стреляя глазами по комнате. Эрилин обнажила меч.

– С ним.

Древний клинок ярко вспыхнул, мерцая переливающимися эльфийскими рунами, украшавшими его по всей длине. Темные глаза человека расширились и он подался назад так внезапно, что запнулся о край своей хламиды. Убедившись, что ей больше не причинят неудобств, Эрилин убрала меч в ножны и опустилась на стул.

Данила покачал головой.

– Твое умение торговаться оставляет желать лучшего.

– Тебе не пришло в голову, что он говорил на полном серьезе? – гневно произнесла Эрилин, показывая пальцем в сторону удаляющегося слуги. – Тут люди все принимают за чистую монету. Что бы ты стал делать, если бы он согласился на твою цену?

– Я бы попросил его добавить к сделке пару верблюдов.

– Вер... – Эрилин не закончила, резко подавшись вперед. – Ну хорошо, ты меня заинтриговал – почему именно верблюдов?

– Для моей матушки, разумеется. Почтенная Леди Кассандра попросила меня раздобыть что-нибудь интересное для ее конюшен, – кротко ответил Данила.

Эрилин едва сдерживала смех, но представший ее мысленному взору образ благородной дамы из Глубоководья скачущей на верблюде... даже для нее это было уже чересчур.

– Ты должна чаще смеяться. Тебе это очень идет. О, благодарю, – произнес Данила, когда рядом с их столом возник неведь откуда взявшийся трактирщик с двумя большими кубками. Дворянин отпил небольшой глоток и похвалил прекрасный вкус напитка.

– Это виноград с моих собственных земель, – скромно поклонился трактирщик. – Я рад, что смог угодить вам.

– Мы более чем довольны, – произнес Данила. – Как ты знаешь, моя семья занимается поставкой лучших сортов вин. Возможно, если бы я смог присоединиться к вашей гильдии, то смог бы импортировать твоё вино – и твою славу – на Север.

Улыбка слетела с лица трактирщика в один миг.

– Я бы с удовольствием согласился на это, лорд Танн, но сомневаюсь, что это возможно. Вы должны извинить меня.

Быстро поклонившись, он заторопился прочь.

– Что все это значит? – настороженно поинтересовалась Эрилин.

Данила выловил кусочек пробки из своего вина.

– Должно быть, ты уже заметила, что это заведение не принадлежит к разряду тех, которые я обычно посещаю. Однако именно здесь собираются члены гильдий. Ты не обратила внимания на вывеску снаружи? “Кинжал Гильдий”? Жуткое словосочетание, но оно могло привести тебя к нужным выводам.

– Ну? И что?

– Гильдии в Тетире контролируют все вопросы, касающиеся торговли, благодаря чему они обладают довольно большим влиянием. Поскольку Паша Балик отказывается от аудиенции с Арфистами, то, возможно, он не отказался бы выслушать представителя одной из местных гильдий. – Данила сделал глоток. – Например, меня.

Эрилин едва не подавилась вином и грохнула кубком о стол.

– Данила, ты ведь не забыл, что именно гильдии собираются сместить Пашу Балика. Мы здесь чтобы предупредить его, а не встать на сторону его врагов.

– Членство в гильдии обеспечит мне доступ ко двору паши, – не согласился Данила. – Более того, будучи своим в гильдии, я смогу отыскать доказательства, которые заставят Балика поверить нам.

Это был весьма неплохой план, но Эрилин была далеко не в самом благодушном настроении.

– Ну и к какой гильдии ты присоединишься? Сводников? – ядовито поинтересовалась она.

– А что, это идея, – ухмыльнулся Данила. – Да брось ты, Эрилин. Не говори, что ты расстроилась из-за моей безобидной торговой сделки. Признайся ведь дело в том, что я запросил слишком низкую цену, а?

– Получить членство в гильдии не так уж и просто, – произнесла полуэльфийка, пропуская мимо ушей его колкие замечания. – Членство передается от отца к сыну, либо достигается через ученичество. Полагаю, ты мог бы его просто купить, но похоже, что на этих людей большее впечатление произведет ловкая сделка, нежели груда золота и драгоценных камней. У тебя есть какой-нибудь план?

– Пока нет, – уныло признался Данила. – Однако я раздумываю над кое-какой идеей.

– И еще кое-что. – Эрилин наклонилась к нему и заговорила заговорщическим шепотом. – Если в гильдии узнают что ты Арфист, то они предположат, что ты хочешь перейти им дорогу...

– Логичное предположение, – оборвал он.

– И тогда можешь считать себя покойником. Говорю тебе – держись от них подальше.

– Однажды в Глубоководье попытались ввести гильдейское правление, – внезапно посерьезневшим тоном напомнил ей Данила. – Мягко говоря, это обернулось катастрофой. Возможно, у Паши Балика и есть свои недостатки, но в нем, как ни в ком другом в Тетире силен лидерский дух и именно он является наилучшей гарантией политической стабильности в регионе. Если, для того чтобы добраться до уха паши, мне придется связаться с гильдиями, я готов пойти на это.

Хоть Эрилин и была в целом согласна с планом Данилы, но одна мысль никак не давала ей покоя. Возможно гильдии, которые затевали заговор против Балика – а среди них была и могущественная гильдия наемных убийц – уже раскрыли их связь с Арфистами. Тогда это бы объяснило, откуда взялся их загадочный преследователь, как и его умение оставаться незамеченным. Наемные убийцы, выходцы с юга, считались одними из лучших мастеров своего дела. Их натаскивали в секретном

заведении, известном как Школа Убийц. Также это означало и то, что “Кинжал Гильдий” было для них самым опасным местом во всем Порте Кире.

– Давай-ка убираться отсюда, – шепнула она и быстро поделилась с ним своими опасениями. Дворянин некоторое время молчал, затем нагнулся над столом и накрыл ее руки своими.

– Эрилин, никто не знает что мы Арфисты. Если кто и наблюдает за тобой, то это, несомненно, лишь из-за твоей печальной репутации...

– Можешь не продолжать, – тихо прервала его полуэльфийка. Хотя она уже работала на Арфистов не один год, в их ряды она вступила лишь недавно и мало из тех, кто знал ее раньше, мог предположить, что ее примут в ряды этой организации. Она была известна как весьма опытная наемница, искательница приключений и наемная убийца. Принимая во внимание политическую нестабильность в регионе, внезапное появление известной наемной убийцы вполне могло вызвать определенный переполох. Многие из правителей наверняка были бы не прочь установить за ней слежку.

Данила тепло пожал ее руку и кивнул головой в сторону выхода.

– Как ты думаешь, кто это такой?

Благодарная за то, что он сменил тему разговора, Эрилин бросила мимолетный взгляд в сторону двери. И как раз вовремя – она успела заметить хозяина заведения, согнувшегося в три погибели перед человеком, плотно завернутым в темные пурпурные одеяния, спасавшими его от прохлады ночи. Тусклый отблеск света позволил разглядеть на его вытянутой руке золотое кольцо.

– Понятия не имею. Это имеет какое-то значение? – вскинула она бровь.

– Имеет. Проследи куда его посадят.

Полуэльфийка проследила взглядом, как прибывшего незнакомца проводили в самую лучшую и богато обставленную комнату. И как раз перед тем, как хозяин заведения задернул за ним цветастые шторы, Эрилин удалось разглядеть лицо этого необычного посетителя. Это был обычный мальчишка, возможно лет четырнадцати или пятнадцати от роду, однако в его взгляде полуэльфийка разглядела твердость не свойственную человеку его возраста.

– О, а вот и продолжение, – невозмутимо заметил Данила. Эрилин проследила за его взглядом и тотчас выкинула из головы все мысли о мальчишке. Над столом нависла фигура огромного бородатого детины, черные усы которого подрагивали в предвкушении предстоящей схватки.

– Надеюсь, твои слова о сделке еще в силе? – ощерился здоровяк. Он обнажил свой скимитар с широким, зазубренным по внутренней стороне лезвием и плотоядно вперился в Эрилин. – Я готов выслушать твои условия.

– Тебе известны правила, Фариг! – вмешался хозяин заведения, бросаясь к столу и махая руками на громилу, словно распугивал надоедливых куриц. – Наружу, все наружу.

Поднимаясь из-за стола, Эрилин шепнула на ухо Даниле:

– Ну что, любитель сделок, не хочешь проверить и это дельце?

Лицо Данилы просветлело.

– Слушай, а ты права. Большую часть я возьму на себя, но учти – последнее слово за тобой.

Дворянин быстренько стащил с пальца большой золотой перстень с аметистом и поднял его над головой.

– Ставлю на то, что эта женщина победит, – громко произнес он. В ответ ему раздался взрыв смеха, и вскоре вокруг столика Данилы уже собралась приличная толпа, с азартом обсуждающая шансы соперников и делающая ставки.

Полуэльфийке едва удалось подавить улыбку, когда она последовала на улицу вслед за здоровяком. Она уже знала, что Данила потребует поставить на кон против своего кольца и ее навыков – членство в гильдии.

Заведение почти сразу опустело – все до единого посетители высыпали на улицу вслед за противниками. Эрилин краем глаза успела заметить, что в толпе присутствовал и тот мальчишка из таверны. Как ей показалось, он выглядел немного встревоженным и как будто разочарованным.

Однако сейчас ее внимания требовали более насущные проблемы, поэтому Эрилин обернулась назад к своему сопернику. Обнажив меч, она выставила его перед собой и заняла защитную стойку. Если будет возможно, то самый больший вред, который она причинит этому человеку – заденет его гордость.

Здоровяк скинул плащ, обнажив массивные, бугрящиеся мышцами руки и, довольно внушительный, круглый живот. “Ну и какова твоя цена?” – поинтересовался он, явно наслаждаясь собой и всем происходящим. “Может, отпустишь мне товар в долг?” Толпа взорвалась над его шуткой.

– Да просто отбери у нее меч, Фариг! Она даже не знает, с какой стороны его держать! – крикнул кто-то из толпы.

Ответный взрыв хохота тотчас растаял в воздухе, едва воины с громким лязгом скрестили мечи. Несколько первых мгновений Эрилин попросту отражала удары соперника, давая Даниле возможность поднять ставки в его пари. Это тактика оказалась верной – темная кожа громилы уже блестела от покрывавших ее бисеринок пота, а его дыхание стало затрудненным. Вскоре с его лица исчезла и самодовольная ухмылка, а по толпе поползли удивленные шепотки.

Поняв, что время игр прошло, Фариг стал вкладывать в каждый удар скимитара всю силу. В его налившихся кровью глазах Эрилин отчетливо прочитала, что теперь из приза, который, как казалось, так легко было завоевать, она превратилась во врага, который должен был умереть. С яростным криком южанин нанес резкий удар обратной стороной скимитара по предплечью Эрилин. Его сила была такова, что на какой-то миг Эрилин перестала чувствовать свою руку и почти сразу услышала, как звякнул о землю выпавший из ее ладони меч. Фариг вновь взревел нечеловеческим голосом, на сей раз предвкушая скорую победу, и занес скимитар для решающего удара.

Проворная полуэльфийка резко поднырнула и проскочила под опускающимся лезвием, после чего молниеносно выхватила кинжал из сапога и бросилась всем телом вперед. Кинжал глубоко вошел под ребра ее противника, пронзив сердце. Эрилин скорее почувствовала, нежели услышала, слабый металлический лязг, когда ее лезвие наткнулось на другой клинок. С изумлением и некоторой настороженностью она высвободила свой кинжал, позволив громиле рухнуть на мостовую лицом вниз.

Краешком глаза Эрилин успела отметить, что Данила оказался в самом центре спорящей и отчаянно жестикулирующей толпы. Освобожденная от излишнего внимания посетителей таверны, Эрилин склонилась над телом Фарига. Как она и подозревала, между его третьим и четвертым ребрами торчал кинжал. Потянув его за рукоять, она едва не вскрикнула от изумления – на ней была вырезана замысловатая Калишитская руна. Эрилин доводилось встречать этот символ раньше. Этот знак принадлежал наемным убийцам, закончившим свое обучение в Школе Убийц. Перевернув рукоять, она заметила на ней множество небольших засечек – по одной на каждую жертву владельца этого кинжала.

Эрилин убрала кинжал за голенище сапога, пока ее глаза обшаривали темные закоулки улиц. Хотя ей не удалось обнаружить присутствия ее таинственного “спасителя”, она чувствовала, что тот находился где-то рядом.

Решив во что бы то ни стало перехватить его, Эрилин подбежала к Даниле и схватила его за руку.

– Нам пора.

– Одну секундочку, – самодовольно произнес он. – Я уже почти выторговал себе место в гильдии. Дай мне еще немного времени, и они как пик дать накинут мне верблюдов для Леди Кассандры.

– Сейчас, – настояла она и резко дернула за собой.

Все так же продолжая самодовольно улыбаться, он лишь покачал головой и неторопливо высвободил пальцы из ее руки. Затем, взяв ее руку в свои, он нежно поцеловал ее ладонь и положил на свое сердце. Однако этот жест не был простым проявлением вежливости, в нем был скрыт определенный смысл; через ткань его щегольской рубахи Эрилин ощутила знакомые очертания значка Арфистов.

– Не забывай зачем мы здесь, – шепнул он.

К тому времени, когда Данила заполучил вожацкое место в Гильдии Винных Торговцев Тетира и пропустил несколько кружек доброго вина со своими новоиспеченными собратьями по ремеслу, расстроенная Эрилин уже и думать забыла о том, чтобы попытаться выследить поначалу преследовавшего, а затем и попытавшегося спасти ее, загадочного незнакомца. О своих соображениях она смогла рассказать лишь после того, как последний из посетителей таверны растворился в темноте ночи. Данила согласился, что они должны действовать в этом вопросе как можно осторожнее, чтобы не поставить под угрозу срыва выполнение их основного задания. И самым лучшим способом осуществить их намерения, было сделать ставку на то, что преследователь будет продолжать идти по следам Эрилин и попытаться выманить его за пределы многолюдного Порта Кир.

Арфисты, не теряя лишнего времени, вернулись в лагерную стоянку своего каравана на окраине города. Там они распрощались с владельцем каравана, забрали лошадей и направились на юг, в дикие заросли Леса Тетир.

Ночь была темной, и бледное сияние луны ничуть не помогало разогнать глубокий сумрак, сгустившийся над лесной тропой. Сама по себе дорога была достаточно широкой, чтобы по ней могли проехать торговые телеги, но кроны древних, многовековых деревьев, нависавшие над ней, создавали иллюзию замкнутого пространства и неприятно давили на случайных путников. По обеим сторонам тропы плотной стеной вставали густые заросли подлеска, смешивающиеся

с хитросплетениями дикой лозы. Торговые караваны осмеливались преодолевать лес лишь в дневное время, чтобы миновать встречи с грабителями и дикими тварями, которые рыскали среди зарослей после наступления темноты. Зная это, Арфисты ехали молча, настороженно оглядываясь по сторонам, выискивая малейшие признаки опасности.

Лишь незадолго до рассвета полуэльфийке удалось заметить признаки преследования. Чувствуя себя достаточно безопасно среди укрывавших его зарослей, убийца подобрался достаточно близко, чтобы Эрилин сумела разглядеть его.

А еще точнее, полуэльфийка, благодаря способности видеть в темноте, сумела разглядеть тепло, излучаемое телом преследователя. По замысловатым узорам тепловых пятен, отбрасываемых конем и наездником, Эрилин могла с уверенностью сказать, что убийца был худощав, весьма проворен и держался на скакуне с гордой осанкой. Его жеребец, – судя по всему из Амна – тоже словно разделял чопорность своего хозяина пробираясь сквозь темный лес с обернутыми тряпками копытами. Ночное зрение поведало и о некоторых других деталях – плотность ткани из которой была сшита одежда преследователя и длину его волос. Даже небольшой кинжал, зажатый в руке убийцы, светился красноватым сиянием, приобретая на остром конце голубоватые тона.

Кинжал немного смутил Эрилин. Зачем этому человеку понадобилось спасать ее у таверны, лишь для того, чтобы напасть сейчас? Решив, наконец, добраться до неуловимого незнакомца и добиться от него ответов, она извлекла из седельной сумки небольшой метательный нож с привязанным к нему мотком прочнейшей нити из паутины. На одном конце тончайшей веревки было сделано небольшая петля, которую она привязала к рукояти своего седла.

Закончив приготовления кинжала, Эрилин достала небольшой круглый диск из железа, размерами не превышавший ладони ее руки. Просунув левую ладонь в ремешок, притороченный к диску, и взяв его наподобие щита, она взвесила в правой руке кинжал, словно напоминая себе о его весе и балансе. Ее движения были столь легки, что даже Данила не заметил этих небольших приготовлений.

Краешком глаза Эрилин отметила, что их преследователь соскользнул с лошади. Низко пригнувшись, он двинулся в ее сторону, осторожно пробираясь через густые, темные заросли подлеска. Когда до тропы оставалось совсем чуть-чуть, он выпрямился в полный рост и приготовился к атаке. Эрилин тоже напряглась, готовясь к этому моменту.

Убийца сделал молниеносный бросок в сторону лошади Данилы. В тот же самый миг Эрилин выбросила вперед свою левую руку, и кинжал, жалобно звякнув о щит в ее ладони, отскочил в сторону. Одновременно с этим она метнула свой собственный клинок. С характерным свистящим звуком он устремился к своей цели, а следом за ним тянулся тонкий шнур. От чуткого слуха полуэльфийки не ускользнул ни шепоток разматывающейся шелковой нити, ни шелест листьев, сквозь которые прошел кинжал... а потом тишина.

– Эй, да что здесь...

Пламенная речь Данилы тут же застряла у него в горле, едва он взглянул на перекошенное лицо своей спутницы. Эрилин жестом дала ему понять, чтобы он оставался на месте, а сама спрыгнула с лошади.

Полуэльфийка была более чем уверена, что ее кинжал достиг цели, и все же жертва смогла подавить болезненный крик. Учитывая особенности используемого ею оружия, это было более чем странно. Кинжал был сделан так, что при поражении цели его кончик раскрывался на четыре зазубренных зубца. В результате ранение оказывалось неглубоким, но весьма болезненным и неприятным. Поскольку такой “крючок” было почти невозможно извлечь без посторонней помощи, кинжал являлся весьма эффективным способом поимки беглеца на ближних дистанциях.

Эрилин бесшумно развела руками заросли каких-то вьющихся растений и, наконец, смогла поближе взглянуть на их преследователя. Он стоял на небольшой полянке, спиной к ней, но она могла видеть его лицо в профиль. При этом он тщетно пытался избавиться от кинжала, прочно засевшего в бедре. Судя по расположению раны, Эрилин могла сделать вывод, что их преследователь вряд ли бы смог попасть своим броском в кого-нибудь из них, поскольку он даже не удосужился проследить взглядом траекторию полета и слишком быстро рванул прочь. Если он надеялся в кого-нибудь попасть, то должен был научиться не поступать подобным образом.

Пока Эрилин наблюдала за ним, убийца оставил свои попытки извлечь зазубренный клинок. Обнажив небольшой охотничий нож, он начал энергично резать веревку из паучьего шелка. Цепко оглядев его с головы до пят, Эрилин вздрогнула от удивления – ее пленником оказался тот парнишка, которого они повстречали в таверне.

Черные, словно ночь, глаза, характерный крючковатый нос и смуглая кожа выдавали в нем коренного обитателя Калимшана. С момента их последней встречи в “Кинжале Гильдий” он успел переодеться. Теперь он был облачен в плотные шелковые одеяния неопределенного цвета, которые Эрилин приняла за какую-то униформу. Если этот юный преследователь был учеником Школы Убийц, то его умение скрываться и воистину стоическое отношение к боли делали честь его наставникам. Однако над прицелом ему еще явно стоило поработать.

Эрилин бесшумно скользнула вперед. Оказавшись точно за спиной у парня, она хлопнула его по плечу. Вздвогнув, он обернулся и от неожиданности выронил нож. Одним резким ударом сапога Эрилин забросила клинок в близлежащий подлесок. Однако надо отдать ему должное, парень за считанные мгновения сумел взять себя в руки и на его лице застыло весьма решительное мрачное выражение.

– У тебя есть имя? – спокойно, словно в беседе за обеденным столом, произнесла Эрилин.

Ее вопрос застал мальчишку врасплох.

– Хашес, – выпалил он прежде, чем успел подумать, что стоит держать язык за зубами. Словно обидевшись, он окинул ее взглядом, в котором смешивалась юношеская задиристость и свирепая гордость.

Похоже, – мелькнула у Эрилин в голове мысль, – в мои силки попался маленький ястреб.

– Этот клинок нужно вытащить, – произнесла она. Даже в неверном лунном свете она заметила, как Хашес побледнел. По ее губам скользнула сочувственная

улыбка. – Все не так плохо, как тебе может показаться на первый взгляд. Потайной механизм на рукояти освобождает зубцы, и они складываются вдоль клинка. Тебе не придется испытать боль большую, чем та, которую ты уже испытал. – Она замолчала, приподняв одну бровь. – В Школе Убийц тебя учили терпеть боль?

– Конечно, – возмущенно ответил он.

Значит, я была права насчет мальчишки, – подумала Эрилин. – *Он учился на наемного убийцу.*

Она встала и сделала шаг вперед.

– Тебе придется повернуться, – попросила она. Парень отскочил от нее как ужаленный.

– Ни один человек не поворачивается спиной к своему врагу, – объявил Хашес.

– Ну-ну. – Эрилин сложила руки на груди. – В таком случае тебе лучше быть готовым к дальней прогулке до Школы Убийц. Тебе никогда не сесть на лошадь с кинжалом, торчащим из...

– Хватит! – мальчишка заставил ее замолчать повелительным жестом. На темном лице были заметны следы борьбы между уязвленной гордостью и терзающей его болью. Наконец он повернулся, стараясь не встречаться взглядом с Эрилин.

– Быстрее, – прошипел он сквозь сжатые зубы. – Я не могу здесь торчать всю ночь.

– У тебя запланирована еще пара-тройка убийств на сегодня? – энергично поинтересовался Данила, появляясь на полянке.

– Разве я не сказала тебе ждать? – нахмурилась Эрилин.

– Прошу прощения, – ответил Данила без малейшего намека на раскаяние. – Я бы просто помер там от любопытства. Давай-ка лучше поближе взглянем на нашего несостоявшегося убийцу, идет?

Дворянин извлек из притороченной к поясу сумочки кремень и прошептал магическое слово. Тотчас, в ответ на его действия, в воздухе сверкнула яркая вспышка света, и в центре полянки весело затрещал небольшой походный костерок.

– Должно быть, это неприятно, – произнес Данила, разглядывая рану мальчишки.

Хашес скользнул взглядом по шелковым одеяниям дворянина, по его лицу, с застывшей на нем маской притворной заботы, и лишь презрительно фыркнул и отвернулся, делая вид, что Данила не достоин даже его внимания.

– Так что насчет кинжала? – напомнил Хашес Эрилин.

Полуэльфийка вытащила небольшой инструмент, наподобие отмычки, из маленькой сумочки для инструментов, висевшей на ее поясе. Аккуратно вставив ее в выемку в искусно сделанной рукояти кинжала, она дождалась пока ее слух не уловил едва различимый щелчок, и резко выдернула клинок. Единственной ответной реакцией парня был глубокий вздох облегчения.

Данила сочувственно посмотрел на Хашеса, затем извлек пузырек из своей сумки и передал его парню.

– Не волнуйся, это всего лишь целительное зелье, – поспешил он развеять сомнения Хашеса.

– Мне нет дела до твоей варварской магии, – с презрением выплюнул слова неудавшийся убийца.

– На твоём месте я бы ещё раз подумала, прежде чем делать подобные заявления, – произнесла Эрилин. Бросив на него суровый взгляд, она приказала ему выпить флакон до дна. Ещё раз с подозрением покосившись на Данилу, юный убийца решил все-таки подчиниться. Кровотечение почти тут же прекратилось, и на его лицо вернулся слабый румянец.

Эрилин скрестила руки на груди.

– Ты преследовал меня от самого Имнескара. Зачем?

– Понятия не имею о чём ты говоришь, – ответил он.

Она достала кинжал убийцы из-за голенища сапога и протянула ему, так чтобы он смог его разглядеть.

– Может тогда объяснишь мне, зачем ты прикончил того головореза в таверне.

– Что за вздор! – презрительно фыркнул Хашес. – Это тот самый кинжал, который я только что бросил в тебя.

– Нет, не тот, – покачал головой Данила, извлекая из сумки точно такой же. – Я подобрал твой кинжал, перед тем как прийти сюда. Кстати, ты хоть имеешь представление о том, что едва не попал этой штуковиной в мою лошадь?

Эрилин взяла кинжал у мага и внимательно присмотрелась к нему. На оба клинка был нанесён знак Школы Убийц, но они заметно различались по весу и сбалансированности. Тот, которым был убит детина у таверны, нес на своей рукояти множественные отметины, в то время как рукоять оружия Хашеса была девственно гладкой. Если кинжал без отметин говорил правду, то юному убийце ещё не довелось прикончить свою первую жертву.

Полуэльфийка посмотрела на Данилу.

– Похоже, кроме нашего юного друга, здесь ещё один убийца, – тихо шепнула она.

– Ну, просто чудненько, – всплеснул руками дворянин. – “Я путешествую с самой популярной дамочкой во всем Тетире.

Не обращая внимания на его сарказм, она обернулась к Хашесу.

– Где твой напарник?

– У меня его нет, – произнес он. – Если этой ночью тебе довелось наткнуться на ещё одного убийцу, так что с того? Их всегда полным-полно ошивается вокруг таверн.

– Да, но такие кинжалы встречаются нечасто, – не отступала Эрилин. – Кто-то из Школы Убийц хотел убедиться, что в таверне со мной не случится никакой неприятности. Зачем?

– На этот вопрос я тебе ответить не могу, но должен признать, что я весьма благодарен этому незнакомцу, – резко ответил Хашес. – Если бы ты погибла от рук этого пьяного осла, я бы тогда не смог получить свой желтый кушак.

Эрилин и Данила обменялись озадаченными взглядами.

– Мне кажется у тебя жар, – усмехнулась полуэльфийка, надеясь такой уловкой вызвать парня на откровенность.

Яростно сверкнув глазами, Хашес проглотил наживку.

– Невежественная варварка! Я не знаю, как оцениваются успехи убийц на севере, но здесь, у нас, каждый уровень мастерства отмечается кушаком другого цвета. Чтобы занять более высокое положение в иерархии, необходимо выследить и прикончить убийцу следующего уровня. Его ранг становится твоим. Моей целью, как вы, думаю, уже догадались, была именно ты.

Лишь Данила заметил, какой болью наполнился взгляд Эрилин при этих словах. Полуэльфийка давным-давно завоевала репутацию наемной убийцы, репутацию, которая была сколь опасна, столь и незаслуженна. Эрилин ценой невероятных усилий старалась избавиться от темных сторон своего прошлого, но лишь для того, чтобы вновь и вновь сталкиваться с ним в самых неожиданных местах.

– Ты уж не обижайся, Хашес, – растягивая слова, произнес Данила, – но тебе не приходило в голову, что здесь ты взял чересчур высокую планку, которая тебе не по силам?

– Глупости, – надменно отрезал Хашес. – Школьные наставники не посмеют корить меня за это.

– Не посмеют? – На лице Эрилин застыло задумчивое выражение. – Откуда ты приходишь родом, Хашес?

– Своим домом я называю Зазеспур, если ты это имела в виду.

– Но у тебя глаза, как у прирожденного калимшита. Возможно твоя мать родом из Калимпорта?

– Здесь что – званый обед, за которым ведут учтивые беседы? – резко произнес Хашес. – Я ваш пленник. Можешь прикончить меня, если хочешь, но избавь меня от своего женского словоблудия.

– Очаровательный малыш, – буркнул себе под нос Данила. – Как мило с его стороны сделать нам столь щедрое предложение. Ну что, можем последовать его совету?

Эрилин покачала головой.

– Хашес поедет с нами в Зазеспур. – Было легко заметить, какое облегчение мелькнуло во взгляде мальчишки. – Извини Хашес, но тебе придется найти какой-нибудь другой способ заполучить свой кушак.

– Мудрый человек всегда знает, когда битва проиграна, – согласился парень.

Данила бросил настороженный взгляд на их пленника, отметив про себя легкое подрагивание губ и умело скрываемую фальшь в тоне. Его взгляд переместился обратно к Эрилин. Ее прекрасное лицо было непроницаемо, но она явно что-то задумала. Поскольку Данила не имел ни малейшего понятия, каков ее план, ему не оставалось иного выбора, кроме как подыгрывать ей в этом спектакле, чему, однако, он был совсем не рад.

– Изумительно, – пробормотал он едва слышно, так чтоб его слова коснулись лишь чуткого эльфийского слуха Эрилин. – Мы пригрили на своей груди маленькую, очаровательную гадюку.

– Если вы собрались податься в Зазеспур, – сказал Хашес, – будет разумнее дальше двигаться на лошадях. Скоро на смену Лесу Тетира придут Горы Звездных Вершин. Дорога ведет к проходу между этими горами, безжизненной пустоши. Под горячим полуденным солнцем ваша северная кожа сойдет, словно у змеи во время линьки.

На его лице явно читалось плохо скрываемое удовлетворение.

– Очаровательный малыш, – только и повторил Данила.

– И все же кое в чем он прав, – произнесла Эрилин. – Солнце должно взойти в зенит примерно через час. Если мы поднажмем, то успеем преодолеть пустошь до этого времени.

На это Данила лишь тяжело вздохнул.

– Можем мы хотя бы задержаться здесь, чтобы позавтракать? Я готовлю. Огонь у нас уже есть.

Эрилин, хоть и с большой неохотой, все же согласилась, и троица уселась вокруг огня. Дворянин начал торопливо копаться в своей сумке, поочередно извлекая из нее на свет небольшой котелок, целую связку соленой рыбы, мешочек с сушеными грибами, еще один мешочек с травами, большую серебряную бутылку с водой, а затем еще одну с сухим вином. Хашес с разинутым ртом наблюдал за чудесным появлением каждого из предметов.

– Это все магия, – пояснил Данила, умело перемешивая ингредиенты. – В сумке гораздо больше места, чем может показаться на первый взгляд.

Юный убийца почти тотчас попытался скрыть свое изумление.

– И что, не будет никакого фарфора? Ни подушки, ни канделябра? Смотрю, тебе хорошо удалось подготовиться к сложностям путешествия, – с сарказмом заметил он.

– Я пытаюсь быть цивилизованным, – спокойно произнес Данила. – Однако, в сложившихся обстоятельствах, это может быть не так просто.

Эрилин отчетливо распознала в словах своего напарника тщательно скрытую угрозу.

– Дан, у тебя осталось еще то кофе? – поспешила она перевести разговор в другое русло.

При упоминании весьма распространенного южного напитка, Хашес тотчас оживился.

– Я был бы счастлив приготовить его. Ни один северянин не сможет сварить настоящего напитка.

– Как это великодушно с твоей стороны, – сухо произнес Данила. Он вновь перетряхнул свою сумку, на сей раз достав из нее замысловатый горшочек и мешочек с молотыми кофейными зернами. После того, как он передал все это Хашесу, тот взял бутылку с водой и занялся делом.

Когда кофе было готов, Хашес наполнил кружку Эрилин и передал ей ее с учтивым поклоном. Затем, помедлив, словно забыв о Даниле, он все-таки сделал вид, что вспомнил о нем и поспешил наполнить и его кружку. Кофе был не так широко распространен в северных землях, но за время их путешествия по южным землям Эрилин успела пристраститься к этому ароматному напитку. Изготовленный Хашесом кофе был густым, черным и сладким, совершенно походившим на тот, который она пробовала на многих Амнийских рынках. Она сделала глубокий вдох и ее чуткое эльфийское осязание уловило нехарактерный запах, примешивавшийся к ароматному пару. Поймав взглядом Данилы, она едва заметно качнула головой, предупреждая об опасности. Маг вскинул брови и на его лице застыло выражение вроде “А я что тебе говорю?”

– Ты не обидишься, если я не стану пить это первой? – поинтересовалась она у Хашеса.

– Ну что ты! Только самые осмотрительные и осторожные доживают до старости, – снисходительно ответил подросток и протянул руку к ее кружке. – Давай, я сделаю первый глоток.

Полуэльфийка была готова к такому ответу, и едва заметная искорка, промелькнувшая во взгляде Хашеса, лишь подтвердила ее подозрения. Без сомнения, он обладал иммунитетом в той отраве, которую он подмешал в кофе. Это был один из многих трюков, которыми должен был обладать любой умелый наемный убийца.

– Я не смею оскорблять твои чувства подобной просьбой, – с непроницаемым лицом произнесла Эрилин. – Честно говоря, я подумала о том, чтобы напоить этим кофе твоего скакуна.

Самодовольное выражение на лице Хашеса медленно сменилось разочарованием от поражения, и он со всей силы опустил кулаки на землю.

– Ну почему? – выкрикнул он. – Зачем боги послали тебя мне? Чем я заслужил такую пытку?

Полуэльфийка терпеливо выждала, пока мальчишка выплеснет гнев наружу и успокоится.

– Почему твои учителя хотят твоей смерти, Хашес?

– Если конечно не брать во внимание самую очевидную причину, – добавил Данила.

Хашес бросил яростный взгляд на своих спутников.

– Вы что, совсем оглохли? Мои учителя решили, что умереть должна ты, женщина-эльф, не я. Тогда я смогу получить кушак и перейти на новый уровень мастерства!

– Давай-ка на мгновение вернемся к реальности, ладно? – вмешался Данила. – Наш дом расположен в нескольких днях пути на север. Тебе не приходило в голову, что убийца, репутация которого добралась так далеко, может оказаться не по зубам такому несмышленишу как ты? К тому же посмотри – наша леди не носит кушака. – Глаза мага скользнули по неброскому дорожному костюму Эрилин: штанам, рубашке и длинному, темному плащу. – Да и любого другого украшения, если уж на то пошло, – с сожалением добавил он.

Прежде чем мальчишка успел ответить, в разговор вмешалась Эрилин.

– По твоему, сколько мне лет?

Хашес заморгал, явно озадаченный этим вопросом. Он неторопливо обвел взглядом ее изящные черты, черные вьющиеся локоны волос и изящную, точеную фигуру.

– Двадцать три, – предположил он.

Эрилин лишь покачала головой.

– Нет, сорок три.

– Это невозможно, – в удивлении вскинул брови Хашес. – Ты слишком молода и прекрасна, чтобы это могло быть правдой.

Она откинула назад густые локоны, демонстрируя свои заостренные уши, отливавшие на кончиках голубоватым оттенком.

– Ты не забыл, что я полуэльф? Возможно, я проживу дольше, чем твои внуки. Я не сомневаюсь, что в то время, когда я начала обучаться искусству обращения с мечом, твоя мать еще была босоногим ребенком. Сколько ей было лет, когда она попала в гарем к твоему отцу?

– Четырнадцать, – рассеяно ответил он.

– Все те годы, что ты прожил на свете, я была наемницей. Я сражалась на стороне Альянса в войне против варваров Туйгана, завоевала почетное место в рядах Арфистов. Неужели, зная сейчас все это, ты до сих пор считаешь, что твои наставники выбрали тебе соперника по силам?

По лицу Эрилин скользнула легкая улыбка.

– Хотя через несколько лет все может измениться. Ты очень талантлив, Хашес, и возможно когда-нибудь мы встретимся с тобой на равных. Но этот день еще не пришел. – Она замолчала, и на ее лице промелькнуло озабоченное выражение. – Никто не смеет пользоваться мной или моим мечом против моей воли. Я не собираюсь становиться причиной твоей смерти по желанию твоих наставников.

– Ты лжешь, – произнес Хашес, хотя на его лицо явно читалось, что он не столь уверен в своих словах.

– Кто-то желает твоей смерти, – медленно повторила Эрилин. – Доказать это очень просто. Поскольку я не стала убивать тебя, они найдут на замену мне кого-нибудь еще.

Хашес некоторое время молча изучал ее лицо.

– Я подумаю над твоими словами.

Внимание троицы переместилось на изумительно пахнущий ужин, приготовленный Данилой. На предложенную ему ложку Хашес лишь презрительно поморщился, предпочтя вместо этого пользоваться ломтями плоского и твердого хлеба, чтобы брать кусочки рыбы и грибов. Парень ел с жадностью, словно был голоден, но делал все это с потрясающим достоинством и манерностью, которые показались Даниле странно знакомыми. Он решил поделиться своими наблюдениями с Эрилин, как только им удастся переговорить с глазу на глаз.

После ужина, по настоянию Данилы, Эрилин обвязала Хашеса за лодыжку и приторочила второй конец веревки к своему седлу. Парень невозмутимо воспринял подобное унижение. Заговорить с Эрилин он решился лишь после того, как они покинули лес.

– Мне доводилось слышать об Арфистах, – словно невзначай обронил Хашес, хотя по его тону можно было понять, что ничего хорошего о них он не слышал. Развернув лошадь, он отъехал от своих спутников ровно настолько, насколько ему это позволяла сделать туго натянутая веревка.

Данила направил своего скакуна так, чтобы оказаться бок о бок с Эрилин.

– Еще немного и Его Высочество лишится своего длинного языка.

Эрилин ухмыльнулась.

– Расслабься, Дан. Он ведь всего лишь мальчишка.

– Неужели? – язвительно спросил Данила. – Он совсем не тянет на обычного убийцу-школяра.

– Да? И почему же?

– Знать в Тетире редко пользуется вилками или ложками. Они считают, что это занятие для простолюдинов. Полагаю, это одно из многих замечаний паши о северном варварстве. К тому же – приглядишься повнимательнее к его лошади, – кивнул Данила. – Я знаю в этом толк и могу тебя заверить, что подобного скакуна может позволить себе лишь весьма состоятельный человек. А заметила ли ты кольцо на его пальце?

– Я уже стала думать, скажешь ли ты мне про него, – пробормотала себе под нос Эрилин. – Значит у Хашеса есть деньги.

– И еще кое-что. Более чем очевидно, что он обладает благородным происхождением и богат, но он презирает это в других. Его явственно корбит все то, что он видит во мне...

– А у него для этого должны быть какие-то причины?

Данила протянул руку и взял Эрилин за подбородок, повернув к себе лицом.

– По-моему ты перегибаешь палку, – сухо произнес он.

– Принимайся за Хашеса, Дан, – произнесла она, отводя лошадь в сторону. – Он наш контакт при дворе Паши Балика.

Данила прищурился, вглядываясь в солнечный диск, взбиравшийся на пики Гор Звездных Вершин. Он уже пялился на них сверху, словно красный разгневанный глаз.

– Дорогая моя, похоже от жары у тебя слегка помутился рассудок.

– Почему? Ты сам пришел к выводу, что Хашес имеет благородное происхождение. Он называет своим домом Зазеспур, но выглядит как калимшит. Дворец Паши Балика находится в Зазеспуре. Паша является уроженцем Тетира, но всем известно, что он предпочитает держать в своем гареме женщин с юга. Хашес признал, что был рожден в гареме. Тебе его пренебрежительное отношение к северянам ничего не напоминает?

– Ну, хорошо, возможно он и является сыном паши, – согласился Данила. – Возможно. Мы ни в чем не можем быть уверены.

– Мы можем спросить у него.

– Мне нравится эта идея, – размышляя вслух произнес Данила. – Просто, откровенно. Паренек весьма разговорчив, так что это может сработать.

Он сложил руки лодочкой и крикнул:

– Скажи-ка мне, Хашес, как Паша Балик относится к тому, что у него в семье растет наемный убийца?

– Скорее твой отец откажется от тебя, чем мой от меня, – лаконично ответил мальчишка. – Лучше убийца, чем дурак.

Эрилин усмехнулась.

– “Надеюсь этого достаточно, чтобы получить ответ на твой вопрос?”

– Вполне, – невозмутимо ответил Данила. – Хорошо, твоя взяла. Но с чего ты решила, что Хашес согласится работать на нас?

– Согласится, если мы сможем убедить его в том, что его жизни угрожает опасность.

На лице Данилы появилось весьма плотоядное выражение.

– Я знаю несколько способов, как добиться этого.

– Можешь себя не утруждать. Второй убийца вскоре нанесет удар. По-крайней мере должен, если они хотят свалить смерть Хашеса на варвара с севера.

– А-а. – Данила сделал глубокий вдох. – Думаю, я понял, что к чему. Наставники Хашеса послали его за тобой в надежде, что ты прикончишь его. Это весьма удобно, чтобы избавиться от него и в то же время отвести от себя подозрение. А, зная, как паша относится к ‘северным варварам’, они вполне могут рассчитывать на то, что это станет последней каплей для старины Балика.

– Таковы мои предположения, – согласилась Эрилин. – Смерть его сына может вынудить Балика ограничить торговлю с севером, что в свою очередь настроит против него народ Тетира. Почва для следующего хода союза гильдий будет готова.

– Хитро придумано, – пробормотал Данила. – А другой убийца – тот, который следует за нами от самого Имнескара – должен стать гарантом того, что ваши с Хашесом пути пересекутся.

– Если Хашеса не убью я, то это сделает он. Однако можешь не сомневаться, кого обвинят в этом.

Данила некоторое время ехал молча.

– Ну и каков наш следующий шаг?

– Мы должны сохранить Хашесу жизнь, – зловещим тоном произнесла Эрилин.

Постепенно, по мере того, как троица углублялась все дальше и дальше в проход между горами, жара усиливалась, а ландшафт становился бесплодным и мрачным. Песок и камни накалились до такой степени, что воздух дрожал, отчего тусклый пейзаж казался словно размытым. Единственным признаком жизни были целые стайки ящериц, гревшихся на каменных склонах. Они были повсюду, и Данила лишь удивлялся как кто-то или что-то может наслаждаться такой ужасной жарой.

– Глянь-ка вон на ту кучу камней, – едва слышно произнесла полуэльфийка. Впереди тропа сужалась, оставляя ровный каменный откос слева. Справа путь преграждала груда огромных, сколотых булыжников.

– Думаешь, он там? – поинтересовался Данила.

– Вряд ли бы он смог найти место лучше, – кивнула Эрилин. – Как только я начну действовать, не спускай глаз с Хашеса.

Они продолжали ехать до тех пор, пока почти не поравнялись с камнями. Внезапно Эрилин соскочила с лошади, резко дернув за веревку, удерживающую ее пленника. Пойманный врасплох, Хашес грузно шлепнулся на каменистую почву.

Спустя мгновение, Эрилин, обнажив лунный клинок, уже неслась к намеченной цели, которую Данила еще только должен был увидеть. Из-за камней, сжимая в руках пару скимитаров, выскочил высокий, бородатый мужчина. Про себя Данила отметил, что темное, плотно облегающее одеяние нападавшего было идентично тому, которое носил Хашес.

Сын паши тотчас вскочил на ноги. Он наблюдал за разворачивавшейся перед ним схваткой и его сердце трепетало от восторга. Наконец эта проклятая женщина умрет от руки его собрата-убийцы! Глаза Хашеса прищурились при этой мысли, и он нагнулся, чтобы поднять обломок камня. Возможно, это был тот самый шанс, чтобы исполнить свой священный долг...

– Я бы не стал делать этого, – раздался голос, в котором явственно звучали стальные нотки. В основание шеи Хашеса уперся остро отточенный клинок. – “А теперь медленно повернись.

Хашес сделал, как ему было велено, мысленно проклиная себя за то, что его обставил какой-то чванливый варвар. Он совсем забыл про Данилу – настолько он привык не замечать этого глупца.

– Посмотри на камень позади себя, – приказал северянин, опуская клинок, так чтобы тот оказался на уровне сердца мальчишки. – Там есть кое-что, что поможет тебе пересмотреть взгляд на некоторые вещи.

Все еще не понимая, Хашес обернулся – и вздрогнул от того зрелища, которое предстало перед его глазами. Все гревшиеся на камне ящерицы, кроме одной, разбежались. Единственное оставшееся существо извивалось, пригвожденное к камню знакомым, тонким кинжалом. Пока Хашес смотрел, существо сделало последнее конвульсивное движение и затихло. Всего несколько мгновений назад Хашес находился между мертвой рептилией и местом, где скрывался его “собрат-убийца”.

– Похоже, Эрилин спасла кое-кому жизнь, ты так не считаешь? – растягивая слова, произнес Данила.

– Женщина-эльф говорила правду, – опустившимся голосом произнес Хашес. Он обернулся и твердо взглянул в глаза Даниле.

– Верни мне мой кинжал, – приказал он. – Она спасла мне жизнь. Теперь я должен помочь ей.

Данила усмехнулся и опустил свой меч.

– Нет, если тебе дорога твоя шкура. – Он кивнул головой в сторону камней. – Присядь пока. Это не займет много времени.

– Но...

– Если у нее будут трудности, мы ей поможем. Пойдет?

Зачарованный схваткой, Хашес лишь кивнул в ответ. Он взобрался на камень, не замечая рядом с собой ни мертвую ящерицу, ни потешное выражение на лице северянина, с брезгливостью отбросившего ее тельце.

Хашес никогда не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь сражался так же как Эрилин Лунный Клинок. Она держала свой клинок двумя руками, и все же ее удары были столь же быстрыми, как выпады пустынной змеи. Она с легкостью отражала оба скимитара калимшита. Спустя всего несколько мгновений убийца упал на спину, сжимая свое перерезанное горло.

Полуэльфийка склонилась и отерла меч о песок. Словно во сне Хашес соскользнул с камня и поплыл вперед, не сводя взгляда с ужасной посмертной маски, застывшей на лице покойника.

Данила подошел к Эрилин.

– Если я хоть на миг сомневался в твоём определении Хашеса, то одного взгляда на его лицо достаточно чтобы рассеять мои сомнения. Готов поставить всю свою коллекцию драгоценных камней, что ему еще никогда не доводилось так близко сталкиваться со смертью – по крайней мере, до этого времени.

– Он жил вдалеке от большого мира, – ответила Эрилин. – Мало кто умирает в гареме.

– А те, кто умирают – умирают счастливыми, – пробормотал себе под нос молодой маг.

Не обращая внимания на беседу Арфистов, Хашес опустился на колени перед мертвым телом. Протянув руки к верхней одежде, он немного помедлил, затем распахнул ее. Нижняя туника была подпоясана кушаком бледно-серебристого оттенка. Хашес перевел взгляд на Эрилин.

– Этот человек носил кушак теней, – прошептал он, – а ты расправилась с ним с такой легкостью.

Полуэльфийка отвела непослушные локоны со лба и пожала плечами.

– Он лучше умел скрываться, чем сражаться в честном бою.

– Пусть так, но серый кушак говорит о том, что его обладатель был убийцей высшего ранга и мастерства, – едва слышно произнес мальчишка, не сводя взгляда с трупа.

– Да уж, – пробормотал себе под нос Данила, внезапно осознав, что сейчас последует.

Одним уверенным движением Хашес снял кушак с тела покойника. Поднявшись, он передал его Эрилин.

– Теперь этот кушак и ранг – твои.

Эрилин посмотрела на предложенный ей кушак и неловко кашлянула.

– И что я должна теперь с ним делать?

– Носи его с честью, – уверенно ответил Хашес. – Кушак принесет тебе заслуженное уважение в этих землях, как и множество предложений от богатых и влиятельных людей. Кушак теней также автоматически дает тебе членство в Гильдии Убийц, и даже место в правящем совете Школы Убийц, если ты того пожелаешь.

Было заметно, как при этих словах поникли плечи Эрилин. Большую часть своей жизни полуэльфийка боролась за то, чтобы ее знали не как убийцу. По стечению обстоятельств она вновь именно в роли убийцы могла завоевать всеобщее уважение и славу.

– Две гильдии, – тихо произнес Данила. – С помощью Гильдии Убийц и Гильдии Винных Торговцев мы наверняка сможем раздобыть необходимую нам информацию.

Эрилин с грустью посмотрела в сочувственное лицо Данилы и слегка кивнула в знак согласия. Осторожно приняв кушак из вытянутых рук Хашеса, она быстро обернула его вокруг пояса.

– Я не был готов прислушаться к вашим словам, – произнес Хашес. – Не могли бы вы теперь рассказать, что привело Арфистов в наши земли?

– Мы бы хотели, чтобы Паша Балик остался у власти, – начал Данила.

Юноша улыбнулся.

– Вы уже смогли заинтересовать меня. Я желаю этого не меньше вашего.

Хашес невозмутимо выслушал речь Данилы, но когда разговор зашел о заговоре гильдий против паши, его лицо исказилось от ярости. Он еще долго хранил тишину после того, как маг окончил свою речь.

– В чем дело, Хашес? – подтолкнула его к разговору Эрилин.

Мальчишка неловко поерзал.

– Очевидно, чтобы остаться в живых я должен покинуть Школу Убийц, но это будет расценено как провал. Гильдии не замедлят распустить ложные слухи о моей трусости, что бросит на меня и моего отца тень позора. Здесь дело не только в уязвленной гордости, – тихо добавил Хашес. – Я хочу помочь своему отцу, но станет ли он прислушиваться к словам человека, запятнавшего свою честь?

– Возможно, у тебя есть способ покинуть Школу Убийц, не обесчестив себя, – задумчиво произнес Данила.

– Не вижу, каким образом я смогу это сделать, – мрачно отозвался Хашес.

– Что ты думаешь о сделке, Хашес? – ухмыльнулся маг.

– Это занятие для торговцев и слуг, но с общими принципами я знаком. Один из торгующихся назначает заоблачно высокую цену, в то время как второй наоборот называет совсем низкую. Постепенно оба останавливаются где-то посередине.

– Вот именно, – кивнул Данила. – Вот что потребуется от тебя: ты и твой слуга доставите тело этого человека в здание Гильдии Убийц. Если я верно разбираюсь в правилах, его смерть дает право не только на новый ранг, но и на членство в гильдии и место в Школе Убийц. Потребуй все сразу. Это будет твоей самой высокой ставкой.

– Но я его не убивал, – запротестовал Хашес.

– Это же сделка, не забыл? О какой чести может идти речь при заключении сделки?

В глазах паренька мелькнул задорный огонек.

– Продолжай.

– Хозяева гильдии сделают против тебя низшую ставку, возможно, предложат тебе получить некий выкуп за тело этого человека. Ты лишь высмеешь их, и будешь поигрывать вот этим украшением, – предложил Данила, бросая алчный взгляд на кольцо парня. – Затем, выдержав небольшую паузу, ты скажешь, что хотел бы покинуть Школу Убийц.

– Хозяева гильдии не пойдут на это, – запротестовал Хашес. – Человека моих лет вряд ли согласятся сделать одним из лучших убийц, а если они и вправду плетут заговор против моего отца, они не позволят мне получить членство в гильдии.

– Точно, – терпеливо согласился Данила. – Членство в гильдии это основной вопрос, и в целом все их внимание будет сосредоточено на нем. Когда они освободят тебя от членства в Школе Убийц, то будут думать о тебе не как о провалившемся ученике, но как о потенциальном члене гильдии.

– Продолжай, – с коварной ухмылкой поторопил Хашес.

– Они освободят тебя из школы и сделают ответное предложение. Поскольку они не могут посвятить тебя в дела гильдии, то все что они могут предложить – это кушак теней. Ты сделаешь вид, что раздумываешь над этим, затем, словно невзначай, обронишь, что убийца такого высокого ранга обязан получить членство в гильдии, чтобы можно было следить за ее деятельностью и взимать положенную часть с ее гонорара. Особенно акцентируй внимание на ‘ее’.

– Ага. – На лице Хашеса медленно расплывалась восхищенная улыбка. – Это собьет их с толку.

Данила радостно осклабился.

– Точно. Ты внезапно сменишь тему беседы, получив благодаря столь неожиданному ходу преимущество. Представь свою ‘служу’ – это будешь ты, Эрилин – как женщину, которая победила обладателя кушака теней. Повтори свои требования на членство в гильдии и ранг для нее – и все время говори за Эрилин. Высока вероятность того, что они будут так рады избавиться от тебя, что с радостью примут в свои объятия Эрилин. Образно выражаясь, моя дорогая, – поспешно заверил полуэльфийку Данила.

– Но что с моим назначением? Я вряд ли могу говорить от лица женщины, которую я был послан убить, – заметил Хашес.

Данила вскинул одну бровь.

– “Если хозяева гильдии затронут в разговоре эту тему, напомни им, что ты был освобожден из школы. Сделка есть сделка, как говорят в округе. Ты обставил их, и они, скорее всего, вынуждены будут признать это.

Хашес откинул голову и весело и непринужденно рассмеялся.

– Ты мыслишь как истинный южанин: утонченно и коварно. Похоже, что я недооценил тебя.

– Лорд Танн ведь тоже Арфист? – Мальчишка нахмурил лоб, обдумывая эту мысль. – Неужели дворянин может присоединиться к подобной организации?

– Даже сын паши, – улыбнулась Эрилин. – Со временем.

Хашес задумчиво кивнул.

– Я был бы не против”.

Данила скрестил руки на груди и широко улыбнулся.

– Тогда, наверное, пришло время заключить нашу сделку. Расскажи своему отцу все, что произошло. Расскажи, что я и Эрилин ищем доказательства заговора. Убеди его выслушать нас и сделать свои собственные выводы.

– Это твоя самая высокая цена? – усмехнулся Хашес.

– Ты не дал мне договорить, – произнес маг. – Я хотел также попросить у тебя твое кольцо.

Темные глаза мальчишки яростно вспыхнули.

– Это нелепо! Это кольцо знак принадлежности к королевскому роду. Вот мое предложение: как ты и просишь, я обещаю донести твои слова до своего отца. Ты не сможешь получить кольцо, но я буду вашими глазами и ушами в Тетире. Начиная с этого дня, я буду передавать Арфистам любую информацию, которая будет проникать в стены двора паши.

– Накинь еще пару верблюдов и по рукам, – предложил Данила.

– Согласен.

Юноша заключил сделку с таким торжественным выражением лица, что ни один из Арфистов не смог найти в себе сил, чтобы пояснить, что Данила пошутил.

– Прими мои поздравления, Данила, – прошептала Эрилин, пытаясь не дать смеху выплеснуться наружу. “Мы исполнили наш долг перед Арфистами и ты, наконец, смог раздобыть двух верблюдов.

ПАТРОНАЖ

Дэвид Кук

- Мастер Койя, вы не забыли? Сегодня вечером ужин у дюка Пиньяго. Вы ведь идёте?

Царапанье пера прекращается, когда на лист пергамента, над которым я тружусь, падает тень от моего секретаря. В этой тёмной башенной каморке, предоставленной мне священниками, свет - на вес золота, и теперь мой помощник, выделенный теми же служителями Денеира, умудрился расположить своё необъятное тело прямо напротив единственного окна.

Подняв взгляд, я моргаю - его фигура окаймлена сиянием яркого дневного света. Его присутствие здесь меня раздражает, ведь это нарушение моего одиночества - но не обратить внимания на его вопрос я не могу. Помимо прочего, мой секретарь - хороший священник, поэтому я сдерживаю своё недовольство, откладывая пачку пергамента подальше, и начинаю размышлять.

- Я ещё не решил, Перворожденный Фоксе, - у меня никак не получалось правильно расставить ударения на его благородной семейной фамилии, непривычной для моего уха, но достаточно распространённой в этом городе, и поэтому я звал его Перворожденным, выказывая уважение. - Я слышал, как ты описывал наполнение его праздничного стола, все эти причудливые блюда, которые он подаёт - лучшие в Прокампуре. Но что, если они окажутся не по силам моему простому желудку? Кроме того, я не обучен придворному этикету Запада и могу случайно оскорбить хозяина. В конце концов, я обычный лама.

Фоксе собирает мои бумаги и продолжает настаивать, своим низким, соответствующим его размерам голосом - и я знаю, что он не отступится.

- Обычный лама, как же, - тихо бормочет он, вновь предполагая - из-за моего обветренного, выбритого лица - что я стар и тугоух. - Вы знаменитый историк. В гостях у короля Кормира вы даже записали для него хроники Туйганских войн.

С одной из забытых книгами полок он вытаскивает пачку промокательной бумаги и разрезает на ней бечёвку.

- Это были не хроники, Перворожденный Фоксе, а всего лишь пара неполных заметок о туйганских обычаях - ничто по сравнению с полным справочником войн за авторством Гудмана Риверсона.

Я вспоминаю про то, как бард Риверсон терпеливо помогал мне с этими заметками и с переводом. Учитывая то количество времени, что он мне уделил - это в той же мере его работа, сколь и моя.

- Дюк богат и любит искусство, - напоминает Фоксе, кинув на меня раздражённый взгляд. Он суёт мою рукопись в руки ожидающего писаря. Мальчишка кивает и медленно отходит - очевидно, не желая пропускать ни единого

слова нашей беседы. Взмахом руки отсылаю его прочь - мне ясно, что сегодня я больше ничего не напишу.

- Дюку свойственны манеры иноземца.

Мой выпад, худшее из того, что можно сказать человеку, как и я родившемуся на Востоке, остался незамеченным.

- Он более чем неприятен в общении, - поясняю я. - Фоксе, посол из меня никакой. Я скажу что-нибудь глупое, что его разозлит. Должен быть другой способ раздобыть денег на оплату услуг писцов и переплётчиков, или другой более дешёвый способ скопировать книгу. Может быть, волшебник сможет создать дубликат при помощи магии.

Я не смотрю на своего помощника. Может быть, он исчезнет, если на него не обращать внимания; брат Улин, гносеолог, утверждает, что всё так и работает - если мы чего-то не видим, этого не существует.

- Ха! Такая работа ниже достоинства большинства магов. Слишком похоже на торговлю, - фыркает Фоксе; он распознал мою уловку. - Ты же знаешь, в этом нет нужды. Можешь оставаться в нашем храме до тех пор, пока пишешь. Я удостоверюсь, что верховный писарь разошлёт копии истории Туйгана в каждый монастырь Денеира по всему Сердцеземью.

Я качаю головой. Мы обсуждали это раньше, и он в курсе некоторых моих мыслей, но мы оба слишком упрямы, чтобы уступить. Одна часть проблемы - моя гордость, ибо слишком долго я был гостем храма Лорда Глифов, с тех самых пор, как покинул двор Короля Азуна в Сюзейле. Но, что более важно и о чём я не рассказывал Фоксе, было кое-что другое - во всех этих святых обителях служители засунут книгу про историю Туйгана в свои вместительные хранилища и больше её никто никогда не увидит. Я не чувствовал себя настолько самоотверженным, чтобы заниматься такой бесполезной ерундой.

Устав спорить, я выглядываю в узкое окошко, давая Фоксе понять, что он должен уйти. Из моей высоко расположенной комнаты открывается отличный вид на Прокампур - на огороженные стенами районы, и далее, поверх них, на море в дальнем конце города. Дым медленно и лениво ползёт по разноцветным крышам; целые районы мореходов выложены синей черепицей, жёлтой - таверны и прочие здания, предоставляющие разного рода услуги, и море зелёного - торговцы. Все усыпаны пятнами снегами, характерного для конца зимы - грязно-белого, даже серого. Как раз это своеобразие народа Прокампура, отражённое в крышах их домов, мне и нравится больше, чем Сюзейл, где я провёл первые годы жизни на Западе.

В столице короля Азуна, победителя крестового похода против Туйгана, у меня всегда было чувство, что я всего лишь военный трофей - одарённая диковинка со двора покорённого Ямуна Кхахана - независимо от того, насколько бережно со мной обращались, и от того, насколько чарующим был город. Когда служители Денеира предложили мне возможность попутешествовать, я с радостью согласился. Теперь, оглядывая Прокампур с высоты, я был доволен своим решением. Этот город, с его аккуратно разграниченными районами - для торговцев, знати и духовенства - напоминает мне настоящий город Хазари, мой дом. Здесь есть ощущение порядка и правильности, которого не хватает Сюзейлу.

Возможно - внезапное откровение - я продолжаю оставаться тут, потому что хочу вернуться домой.

Низкий голос Фоксе грохочет, взбираясь по каменным ступеням – вне сомнений, он распекает мальчишку, все ещё шныряющего поблизости:

- Подготовь мастеру Койе оранжевую монашескую мантию для сегодняшнего вечера. Потом займись обработкой свежих страниц. Перепиши их до утра.

- Опять переписывать, - обречённо стонет тонкоголосый паренёк. – Описание мастером Койей похода Азуна не очень героическое. Там нет драконов и всего такого.

- Думаю, тебе пора идти, - неожиданно сердито доносится в ответ. – Иди переписывай.

Но молодой прислужник не обращает внимания на недовольство Фоксе. И я рад, что он не может видеть мою улыбку.

- Вот если бы оно было, ну знаете, больше похоже на «Балладу о Пурпурных Драконах», которую тот бард – ээ, Таламик – исполняет в «Когте Грифона». Вот хорошая история про военный поход, в ней полно рыцарей и магии. Мне особенно понравилась та часть, где боги появляются перед королём Азуном и благословляют его. Мастеру Койе лучше бы написать о чём-то таком.

- Ступай! – рычит Фоксе настолько яростно, насколько священник может себе позволить. Сразу же раздаётся топот шагов подчинившегося аколита.

На лестнице всё стихает, и я вновь пробую вернуться к своей работе, слегка подвинув стол, чтобы на него попадало больше солнечного света. Ножки скрежещут по твёрдому каменному полу, но шум быстро стихает, поглощённый заплесневевшими из-за влажного морского воздуха книгами. Я снова беру в руки перо.

«В летнее время одним из популярных развлечений туйганских мужчин была охота на горных снежных зверей...»

Клякса на пергаменте. Всё из-за моего невнимания. Теперь я должен отложить перо в сторону и аккуратно потереть пятно. Я благодарю богов за то, что грубый материал плохо впитывает влагу и промокает его обрывком какой-то бумаги – образца, который Фоксе принёс мне посмотреть. Это дешёвая рекламная листовка, покрытая большими громоздкими буквами:

«Представляем Вашему вниманию услуги Форджмастера Клякса и его чудесного печатного устройства!»

Остальное заляпано впитавшимися чернилами. Когда я пытаюсь разобрать окончание, мои пальцы покрываются жирной чернотой.

- Перворожденный Фоксе!

С лестницы, в ответ на мой воодушевлённый зов, доносятся торопливые шаги.

- Что такое, мастер Койя? – хрипит запыхавшийся секретарь, взбираясь по каменным ступеням башни.

- Кто этот Форджмастер Клякс? – не в силах справиться с любопытством, я встаю из-за стола, очутившись лицом к лицу с Фоксе, когда он, красный и задыхающийся, всплывает в арку дверного проёма. Я настойчиво тычу ему под нос бумажный огрызок. Никогда ещё я не видел букв настолько чёрных и качественно

нарисованных. Фоксе кажется удивлённым, когда берёт листочек в руки и подносит поближе к лицу, силясь в тусклом освещении прочесть написанное.

- Это один из этих новомодных печатников, господин.

- Печатник – это какой-то вид писаря?

Фоксе морщит лоб, пытаясь найти подходящее объяснение.

- Да, почти как писец, только он использует хитроумное устройство, чтобы копировать тексты.

- Наподобие магического копировальщика Сестры Деары?

Сестра Деара работала в одном из помещений храма, пытаясь создать идеального писаря из глины – существо, называемое големом. На одном из испытаний, на котором я присутствовал, неуклюжий громила разбил стол в щепки, пытаясь установить перо на деревянную поверхность. Теперь создание молчаливым стражником стоит у входа, встречая случайных гостей.

- Не совсем, господин, - позволяет себе улыбнуться Фоксе. – Оно штампует страницы, делая множество копий за раз.

- Я бы с удовольствием на такое посмотрел. Сможешь ли ты найти это место?

Фоксе вновь, прищурившись, смотрит на листок.

- Здесь написано Проход Писарей, кажется. Это недалеко.

- Ну тогда, Фоксе, я попрошу сопроводить меня до Форджмастера Клякса. Если поторопимся, твой ужин не пропадёт впустую. Нужно узнать про печать – и цены.

Взволнованный секретарь стоит, не двигаясь, когда я проскальзываю мимо него и начинаются спускаться.

- Стоимость печати? Зачем? – вопрошает он, торопясь за мной; из-за этого его брюшко трясётся. – У церкви уже есть одна копия вашей работы, объединённая с историей Гудмана Риверсона, и мы с радостью сделаем копию вашей следующей книги. Мастер Койя, зачем тратить деньги на то, чтобы сделать ещё экземпляры?

Я останавливаюсь внизу, и, следуя своей нерушимой привычке, одаряю собеседника вежливым кивком.

- Можешь называть это жалким тщеславием, но лично мне кажется, что было бы совсем неплохо, если бы больше людей знали правду о войне. Ты не согласен?

- Мастер Койя, не так уж много народу-то и читать умеют.

- Может быть, моя скромная работа вдохновит их научиться, - я ускоряю шаг, твердо решив не задерживаться. – Кроме того, возможно мне удастся избежать званого ужина дюка Пиньяго.

Фоксе тоже бросается вдогонку, потому что слишком хорошо меня знает.

- Хотя бы подождите, пока я надену пальто, - смиренно просит он.

Путь до Форджмастера Клякса холоден – но это не сухой холод моей горной родины, а влажный, неприветливый бриз со стороны гавани, климат, к которому я уже привык за время нахождения здесь. На дороге, по которой мы следуем – известной как Большой Тракт – пустынно, но это лишь пробуждает во мне невесёлые мысли. Растущие тени от солнца, клонящегося к волнам Внутреннего Моря, только добавляют окружающему пейзажу унылости. Я никогда не чувствовал

себя комфортно в одиночестве, несмотря на – а может, наоборот, как раз из-за безлюдности моей родной страны, страны Хазари.

Мне становится легче, когда мы сходим с главной дороги и Фоксе ведёт меня через ворота, ведущие в Район Торговцев, где узкие улочки сдавлены магазинчиками и домиками с зелёными крышами. Воздух полнится запахами, свойственными только городам – будь то Казари или Кормир. Прокампур пропитан ароматами древесного дыма и нечистот, протухшей рыбы и промасленной выпечки. Любопытно, как, дёргая за неведомые ниточки, они вызывают в памяти минувшие дни, проведённые в открытой степи – когда мы, сидя вокруг отапливаемого кизяком очага в шатре моего хана Ямуна, неспешно потягивали часуйму.

- Поторопитесь, господин. Мы можем простудиться, - Фоксе поплотнее укутывает лицо в толстый шарф, так что я с трудом могу различить его маленькие глазки. – Сегодня собачий холод.

Я едва не начинаю смеяться, ведь я шагаю за ним с непокрытой головой, одетый лишь в свою весеннюю мантию. Но это было бы невежливо.

- Перворожденный Фоксе, если бы я был у себя дома, в *Хазари* – вот тогда мне было бы холодно. К этому времени подходы к Красной Горе – где я был ламой – уже стали бы с трудом проходимы. А это всего лишь лёгкий бриз, прямо как весенний степной ветерок.

- Вы когда-нибудь скучали по дому?

- Что?

- Вы сказали мне, что вы провели вне родины десять лет – сначала у туйганцев, потом здесь, на Западе. И вы ни разу не хотели обратно?

Я думаю о Хазари – о взметнувшихся к небу горах, покрытых ледниками, и о уединённых монастырях для всех, кто желает просветления. Я был свидетелем того, как Ямун Кхаххан покорил мою родину; я ехал с ним бок о бок, когда он это делал. Теперь мой лорд Ямун мёртв, а его империя сгинула. Да простит меня Фуру Могучий, но я скучаю по кхаххану больше, чем по Хазари.

- Вынужден признать, что я скучаю по достойной пище, Перворожденный. Никогда не привыкну к прокампурской кухне – слишком много мяса и овощей. С удовольствием бы снова угостился кумысом, рисом и чаем.

- Уф, кумыс... Забродившее кобылье молоко. Ваш желудок крепче, чем вы говорите.

- А, Перворожденный Фоксе. В «Яницаве» сказано, что каждая вещь находится в равновесии. Кумыс зажигает кровь и изгоняет дрожь и немоту из тела. А эти жаренья, которые вы едите, нарушают баланс слабого и сильного начал, - с этими словами я многозначительно смотрю на широкую грудь собеседника.

Фоксе спокойно возвращает взгляд:

- Я вполне сбалансирован, мастер Койя. В конце концов, это я каждый день таскаю ваши книги вверх-вниз по лестнице. Осторожно, тут грязно.

Двигаясь по лишённым указателей улицам Прокампура, мы обходим слякоть, оставшуюся со вчерашнего зимнего дождя. Но как только залитый водой проход расширяется, мы слышим урчание механизмов. И доносится оно из покосившейся лавки, спрятавшейся под аркой в следующей аллее.

- Эй-эй, акратней с ведром, чернила же проливаешь, тэ, послушника кусок! Каждую каплю я вычту из твоей никчёмной зарплаты. И как те такое понравится, э?

Форджмастер Клякс точно внутри.

«Магазин» оказывается ничем большим, чем просто навесом, прилепившимся к боковой стене конюшни погонщиков. Рядом с дверью приколочена бумажка-вывеска, вся потрёпанная и в разводах. Струйки чернил стекают с букв, впитываясь затем в сосновые доски. Это не обнадёживает; однако через щели раздаётся визгливый грохот движущегося металла, заканчивающийся гулким глухим шлепком. Шум такой, словно в помещении шатается отряд рыцарей в ржавых доспехах. Озадаченное выражение лица Фоксе говорит мне о том, что он тоже заинтригован.

Лязг и бедлам продолжают внутри в том же мерном, громоподобном темпе. Их источник – небольшая грудa металла и дерева, втиснутая в центр хибары и окруженная всяческими вёдрами и тюками тряпичной бумаги всех цветов. Поблизости мастер-дварф костерит своего подопечного, огра, стоя на ящике. Царящий тут шум скрыл наше появление. Большая волосатая спина подчинённого склоняется и распрямляется синхронно с конструкцией, когда его мощные, бугристые лапы тянут за длинный рычаг, приводящий шестерни в движение. Железные руки вздымаются и падают – металлические клешни вытаскивают листы печатной бумаги из пачки и суют их в пасть механизма.

- Да не дави тэ так сильно, остолоп! Лучше отпусти да смажь. Я... - краем глаза Форджмастер Клякс замечает нас. В ту же секунду его манеры меняются. – Джентльмены, весьма польщён тем, что вы решили посетить мой скромный магазинчик, - кричит дварф, слезая со своей подставки. – Я буду Форджмастер Клякс, главный печатник. Агуул, выключи её, чтобы эти господа могли меня слышать.

К моему стыду, я беззастенчиво тарашусь на владельца, поскольку я никогда ещё не имел дела с дварфами – обитателями Запада до мозга костей. Главный печатник абсолютно не похож на бесстрашного железного лорда, командовавшего дварфами армии короля Азуна. Воистину его имя ему под стать, ведь весь мастер Клякс, все его полтора метра роста – словно один большой сгусток чернил. Его кожаный передник и накрахмаленная льняная рубашка угольно-черны. Думаю, его борода должна быть белой, хотя сейчас это серая пакля, в целях безопасности заткнутая за пояс. Лишь верхушка его лысой головы не запятнана.

- Доставил её аж из самых Глубин, - гордо хвастается дварф, когда грохот машины, наконец, стихает. Агуул удаляется, еле протиснувшись через дверь в конюшню.

- Глубин?

- Глубин – Дварфских Глубин, обители мне подобных и всякое такое. Однако, чем я могу вам помочь, джентльмены?

Фоксе размещает своё полное тело между нами, выступая моим представителем.

- Форджмастер Клякс, мой господин – мастер Койя из Хазари, лама Красной Горы, эмиссар Туйгана и лучший историк Ямуна Кхахана, бывшего императора степей. Он здесь, чтобы обсудить условия распечатки.

Мне не нравятся все эти звания, но Фоксе уже объяснил мне необходимость произвести впечатление на дварфа. Я тогда подумал, что это не сработает, и не ошибся. Форджмастер Клякс остаётся флегматичен и невозмутим.

- Распечатки чего?

Я предоставляю возможность Фоксе вести переговоры и дальше.

- Мой господин как раз завершает работу над *«Наблюдениями Туйганского Историка, Записавшего Житие Ямуна Кхахана, Начиная с Его Возвеличения и До Его Кончины в Землях Запада, На Основе Заметок Для Короля Азуна Кормирского»*.

- Название длинновато.

- Можно оставить *«История Туйгана»*, - соглашается Фоксе, на мой взгляд слишком уж охотно.

Форджмастер Клякс ещё некоторое время грызёт ногти, прежде чем наконец очистить угол наполовину заваленного всяким хламом стола.

- Хорошо, сколько копий? На какой бумаге? Лицевая рукопись? Иллюстрации? Обычная обложка или вы хотите что-то непривычное, ну там – драконью чешую или кожу виверны? Вы человек веры – не будет ли там каких-нибудь магических конструкций? – на последнем вопросе в голос мастера Клякса потихоньку закрадывается подозрение.

- Перед текстом будет сутра – чтобы вызвать благоволение Фуру, - вспоминаю я.

- Чары? - печатник хмурится и его лицо собирается морщинками.

- Нет. Просто строфа из «Яницавы».

- А, тогда всё в порядке, - возвещает дварф, снова улыбаясь. – Видите ли, не могу напечатать ничего магического. Просто не получается.

Остальные детали за пределами моего понимания, поэтому я присаживаюсь в углу, позволяя Фоксе торговаться. Кажется, что обсуждение каждого положения длится вечность; мне больше нечем заняться, кроме как помедитировать, но я не могу очистить разум. В пустоту вторгаются воспоминания – снег, тающий в степи; резкий вкус кумыса в палатке Ямуна; ветер, гуляющий над гранитными пиками страны Хазари. Даже сам факт неудачной медитации воскрешает в памяти моих учителей с Красной Горы. В последнее время я думаю о прошлом всё больше и больше, как будто настоящее – лишь пустая оболочка, нуждающаяся в наполнении.

В конце концов Фоксе завершает торги. Первороденный угрюм, поэтому я понимаю, что они прошли неважно. Форджмастер Клякс делает шаг вперёд – он серьёзен и больше не светится от возбуждения.

- Что ж, уважаемый сударь, ваш слуга назвал окончательную цену, не более десяти тысяч золотых левов, или – так, посмотрим – восьми тысяч, если считать всё в прокампурских монетах. Это за все необходимые шаблоны и материалы для одной книги. Потом, скажем, по пятьсот левов за каждую дополнительную копию. Устраивают ли вас такие условия, достопочтенный?

Сумма в десять тысяч золотых больше той, что в моём распоряжении, больше, чем стоимость всех оставшихся у меня даров Ямуна. Беспомощный взгляд Фоксе говорит о том, что цена не снизится. Я оглядываю стены, увешанные заляпанными тонкими листочками с рядами чёрных букв. Бумага низкосортная и потрёпанная, а рисунки грубые. Эти каракули не сравнятся с аккуратным оформлением

монастырских писарей или со множеством свитков, собранных мной в Шу Лунь. За такое плохое качество цена слишком высока.

- Форджмастер Клякс, - отвечаю я с поклоном, надеясь сохранить лицо, - я обдумаю ваши условия. Пойдём, Перворожденный Фоксе, пора идти.

Я тороплюсь к двери до того, как дварф начнёт возражать. Это небольшое приключение смутило меня, равно как и то, что Форджмастер Клякс знает, что я не могу столько заплатить, и даже то, что я вообще придумал весь этот план. Фоксе спешит за мной.

- Говорил же вам, что это бессмысленно, - упрекает меня секретарь. – Это устройство дварфа – просто игрушка, годная только для распространения листовок. Кроме того, Клякс бы не уступил ни медяка. Пожалуйста, поймите, ради вас я старался изо всех сил, мастер Койя.

- Уверен, ты сделал всё, что мог, - отзываюсь я, успокаивая Фоксе. – Это я потратил твоё время на эту дурацкую затею. У меня нет выбора, кроме как...

- Вы отправитесь на ужин к дюку Пиньяго сегодня вечером? Я всё подготовлю. Не переживайте, господин.

Сама идея о выпрашивании у дюка внушает отвращение, но мне уже стыдно и дальше полагаться на щедрость клириков. Не гордыня ли это во мне говорит? Пожалуй, когда ужин закончится, я должен буду увеличить время на медитации и восстановить равновесие своей сущности. Но сейчас передо мной неотвратимая обязанность. С тех пор, как я покинул монастырь, под крылом Ямуна я пережил войну и предательство. Теперь же, похоже, всё, что мне осталось – это предлагать свои знания разным вельможам. Должно быть, в предыдущей своей жизни я здорово отклонился от Пути Просветления, раз в этой происходят такие вещи.

- Ну хорошо. Я пойду. Будем надеяться, твой аколит разложил вещи, как ты ему и приказал.

Я замечаю, что челюсти Фоксе расслабились, когда я озвучил своё решение.

В пути нежелание замедляет меня, а пунктуальность, наоборот, поторапливает, пока в итоге я не добираюсь до обители дюка Пиньяго – не с опозданием, но и не раньше положенного срока. Особняк находится в глубине Торгового Округа, района, чьи посеребрённые крыши блестят в немигающем свете подпитываемых магией уличных фонарей. Пока я бреду по вымощенным брусчаткой улицам, сирены на крышах мрачно возвещают о накатывающемся на город тумане – последнее напоминание всем припозднившимся поторопиться, прежде чем нагрянет эта мокрая холодная мгла.

Дворец дюка обнесён высокими стенами, которые украшены злобно плящимися на ночные тени гротескными скульптурами. Между статуями из камня выступают железные штыри, явно предназначенные для того, чтобы оградить жилище от всего остального мира, включая меня.

Когда я приближаюсь к ведущим во внутренний двор воротам, нагоняющие сзади носильщики паланкина грубо приказывают мне отойти в сторону. Из окон проплывающих мимо закрытых коробок на меня недоумённо таращатся

накрашенные и напудренные лица. Ведь никто из тех, кто представляет хоть какую-то важность, не ходит пешком по улицам Прокампура, особенно в одиночку. Но мне путь не кажется слишком уж трудным, даже в этот промозглый вечер. Городской воздух бодрит. Кроме того, носилки – это непозволительная поблажка, а я должен быть более строг к себе.

Наравне с гостями на меня пялятся и привратники. Фоксе был прав относительно моего выбора одежды. В своём оранжевом одеянии ламы и с бритой головой, я совсем не выгляжу как один из постоянных посетителей дюка. Всё же, эту выцветшую хлопчатую одежду я ношу как напоминание о прошлом.

Внутри, напомаженный слуга в броской ливрее ведёт меня по коврам внешних покоев, где волшебная музыка невесомо льётся прямо из воздуха, а её темп и мотив меняются от комнаты к комнате. Гости уже расположились в банкетном зале, столпившись у столов, заставленных тонкими зажжёнными свечами и блюдами с кушаньями. Моё место – на два стула дальше от кресла дюка – пусто, единственное из двадцати двух, насчитанных мною вокруг длинного стола. Пересчитываю я их по привычке – из-за потребности знать числа, понимать причины и связи.

- Приветствую нашего особенного иностранного гостя, - восклицает дюк Пиньяго со своего места во главе переполненного стола. Он поднимается на ноги, неимоверно высокий и толстый. По его чёрной густой бороде стекают струйки вина. Размахивая кубком во все стороны так, что брызги напитка попадают на плечо стоящей рядом пухленькой куртизанки, он объявляет:

- Это редкое событие, ведь я выманил из его логова весьма выдающегося затворника.

Он со стуком опускает кубок на стол, расплёскивая вино по белой скатерти. Аккуратно причёсанные головы поворачиваются сначала к нему, затем ко мне. Присутствующие не скрывают того, что они думают по поводу моего скромного облачения.

Дюк продолжает свою речь, но я не могу понять, пьян ли он уже, или всегда так бесцеремонен.

- Дамы и господа, леди и лорды, представляю вам действительно уникального гостя, эээ...

- Ламу, Ваша Светлость.

- Ламу Койя. Я уверен, у него найдётся множество интересных и захватывающих историй про Туйган – про этих дикарей, веривших, что они смогут завоевать весь запад. Видите ли, лама Койя служил писарем у предводителя этих варваров, Ямуна.

Значит, я их сегодняшнее развлечение.

- Верно, я был главным историком при дворе Ямуна Кхахана, - я ненавязчиво пробую исправить описание моей должности. Тщетная попытка.

- Садись за наш стол, лама, и наслаждайся. Сегодня ночью никто не должен сказать, что тебя плохо угостили, - дюк грузно откидывается на спинку своего похожего на трон стула.

Едва я усаживаюсь на место, как выносят еду. Горячее, соусы и пироги, представленные здесь, полностью соответствуют репутации дюка как гурмана, однако я лишь чуть-чуть пробую их, гораздо более заинтересованный в простом хлебе и овощах. Рядом со мной, тощий вельможа с клочковатой и развевающейся,

точно шерсть белого яка, бородой, наваливает себе целую грудку изысканных блюд. Заметив мой взгляд, он кивает и с чересчур заботливой улыбкой шлёпает колышущийся, полусырой шмат говядины на мою тарелку.

- Это такой обычай у твоего народа, не пить и не есть? – грохочет дюк, замечая мою сдержанность. – Может, ты из тех людей, что, как говорят, питаются лишь воздухом?

- Да, он достаточно худой для этого, Йозул, - хихикает его супруга, сидящая рядом.

- Приношу свои глубочайшие извинения, Ваша Светлость. Уверяю Вас, как и всем смертным, мне тоже нужна пища. Просто с тех пор, как я прибыл в Прокампур, я пытался следовать сутрам - наставлениям всемогущего Фуру.

- И?

- Согласно его пути, спиртное и мясо должны быть исключены...

- Глупости, - прерывает меня дюк, в то же время делая знак прислужнику, чтобы тот принёс ещё вина. Его лицо хмурится, а чёрные брови сходятся в одну линию. - Говорят, варвары едят насекомых.

- Возможно, в годы большого голода, достопочтенный господин. Я никогда не слышал о таких пристрастиях туйганцев. Тем не менее, то, что они не знали об овощах - правда, и поэтому я вынужден был нарушить учения Фуру и диктаты Красной Горы. Однако, - быстро добавляю я, принимая блюдо с отварными овощами, - ваш стол разнообразен, поэтому мне не придётся голодать, чтобы сдержать свои обеты.

Дюк, кажется, удовлетворен моим ответом.

- Не могу представить себе жизнь среди таких дикарей, - отмечает древний старик, сидящий рядом со мной. Я предполагаю, что это священник храма Тиморы. Дюк Пиньяго согласно кивает, отрывая крылышко жареному гусю.

- Некоторые мудрецы моей родины считают, что судьба человека с рождения предопределена богами. И наш долг - раскрыть, что нам уготовано. Я тоже не думаю, что многие из воинов Ямуна могли представить себя сидящими здесь.

- Но мы, жители Запада, одолели этих любителей лошадей, не так ли? - я знаю, что это произнёс дюк, вызвав приглушённый одобрителный гул среди гостей; Фоксе сказал мне, что дюк Пиньяго принимал небольшое участие в войне, получая выгоду от поставок припасов, в которых нуждалась королевская армия. Эти избалованные и холёные лорды не идут ни в какое сравнение с закалёнными и целеустремлёнными воинами, встретившими натиск туйганской орды. Я помню равнину Теска, место, где король Азун встретился с господином Ямуном и сразил его, хотя, предполагаю, мои воспоминания разительно отличаются от воспоминаний тех людей, чью доблесть дюк старается преувеличить.

Слова для ответа я подбираю осторожно:

- Верно. Как говорил великий мудрец Чи: "Истинно победа королевства есть победа всех его жителей, от крестьянина до вельможи".

- Именно - каждый обитатель Прокампура может гордиться, - беспечно соглашается дюк, поднимая тост.

- Говорят, люди считают, что вы сражались со сбродом бандитов, Ваша Светлость. Может быть, будет разумно напечатать историю Туйгана, чтобы все остальные могли оценить их настоящую силу?

- Например историю, написанную тобой, монах?

- Я собрал и дополнил заметки, сделанные мной для короля Азуна, в небольшой том. Смею ли я показать его вам?

Дюк Пиньяго склонился над тарелкой.

- Что же ты так скромн, священник? Сколько он стоит? - яростно шепчет он, чтобы только находящиеся поблизости могли его слышать.

Нет смысла быть вежливым с этим прямолинейным человеком.

- Десять тысяч золотых левов, Ваша Светлость.

- Десять! За единственную книгу? - дюк бросает обглоданную кость собакам; его голос больше не тих.

- Как я понял, Ваша Светлость, эта сумма необходима, чтобы печатник мог подготовить материалы. Дополнительные копии будут каждая по пятьсот левов.

- Дополнительные копии? - переспрашивает дюк. Он поворачивается к старому священнику. - С каких пор писари делают копии, да ещё и по заниженным ценам, Иерарх?

- Ни с каких, Ваша Светлость.

Я смачиваю пересохшее горло глотком фруктового сока.

- Я собирался изготовить книги при помощи печатных станков, а не переписчика, достопочтенный господин.

- Ха - станков! - с отвращением фыркает иерарх. - Годятся только для дешёвых объявлений. Нельзя даже распечатать молитвенник нормально - магия не печатается, видите ли.

- В моей книге нет магии, - возражаю я.

- Неважно. Писец может выполнить ту же работу не хуже, - вмешивается дюк. - Да и зачем мне несколько книг? Достаточно одной для моей библиотеки.

Поражённый, я силюсь подобрать логичный ответ.

- Несомненно, другие тоже захотят прочесть мою книгу...

- Конечно захотят, глупенький, - глумится экстравагантно одетая жена дюка, хлопая глазками. - Ты думаешь, Йозул будет тратить все эти деньги, чтобы каждый мог иметь свой экземпляр? Он хранит лишь одну копию в библиотеке, чтобы любой, кто захочет прочитать её, спрашивал его разрешения.

Я смотрю на дюка в надежде, что он поправит её, но на его лице лишь гадкая ухмылка. Женщина в точности все разъяснила.

Я полностью утратил дар речи. Все эти годы я работал в качестве историка, тщательно просматривая письма, которые мне удалось сохранить со времени падения Ямуна; опрашивал туйганских заключённых с рабских галер, проходящих через Прокампур; даже корпел над картами караванов торговцев, шедших на Восток. Все эти труды дюк хочет заграбастать только для себя одного. Нет, это невозможно.

Медленно я поднимаюсь со своего стула, неспособный даже сформулировать вежливый отказ. Далее следует поклон всей собравшейся компании, двум рядам лиц аристократов и их лизоблюдов, блестящих в свете свечей канделябров и люстр. Все

они молчат и наблюдают за мной подобно призракам в дурном сне-предзнаменовании, в котором дьявольские морды таятся на каждом углу.

- Я злоупотребил вашей гостеприимностью, Дюк Пиньяго. Прошу простить меня. Теперь я вас покину, - сдержанно говорю я. Не дожидаясь возобновления беседы, я удаляюсь, по правилам приличия отступая спиной к выходу.

Дюк не предпринимает попыток остановить меня. Как только я покидаю обеденный зал, раскаты громкого смеха возобновляются вновь. Что ж, по крайней мере, роль развлечения мне удалась. Лакей сопровождает меня до выхода из дворца. У ворот удивлённые стражники провожают меня взглядами. Представляю себе - ведь наверняка никто никогда не уходил с вечеринок дюка так рано.

Когда я направляюсь к выходу из Района Знати, устремляясь по Большому Тракту домой, холодный зимний туман накатывается со стороны порта, пропитывая мои тонкие одежды. Водяная взвесь рассеивает свет от лампы, заставляя стены окружающих строений и увешанные флагами улицы блестеть чёрным глянцем. Серебристые крыши светятся будто сами по себе. Собаки лают мне вослед, а стражники окидывают подозревающими взглядами бредущего сквозь ночь одинокого путника, носящего чужеземную одежду.

К тому моменту, как я покидаю Район Знати, моё недовольство дюком усиливается, подогреваемое сырой ночью и дневными волнениями. Тоска по дому возвращается, и теперь, ещё сильнее, чем когда-либо, моё сердце и лёгкие жаждут заснеженного горного воздуха Хазари. И желание это лишь подкрепляется воспоминаниями моей юности – о каше из цампы, о часуйме, об играх на свежавыпавшем снегу, даже о скрежещущем монотонном гуле молитвенных барабанов с их бесконечным вращением.

Моё неожиданное появление перед воротами пугает стражу Храмового Района, так же как их неожиданное возникновение из тумана вытаскивает меня из мечтаний. Отодвигая засов, они приветствуют меня как старого знакомого. Я не отзываюсь; у меня нет настроения для болтовни.

За воротами, каменные храмы с невидимыми в ночи чёрными крышами возносятся в туманную высь. Здесь всё тихо – приём заказов на спасение душ на сегодня окончен. Но дома, в Хазари, над монастырями летало бы эхо цимбал и песнопений лам, продолжающих бодрствование и ночью, чтобы сохранять во вселенной порядок.

Так что, мне нет места среди этих чужестранцев? Лишь немногим из них есть дело до приобретения знаний, но даже они ничего не знают о внутренней гармонии. Фоксе среди тех, кто выказал хоть какое-то желание понять. Из него вышел бы хороший лама, если бы не его поспешность в вынесении суждений. Однако именно поспешность в цене здесь, в городе дюков и дварфов-печатников.

Именно в этот миг я решаю, что был далеко от центра своей сущности слишком долгое время. Пора вернуться домой.

Войдя в святилище Денеира через боковую дверь, я шлёпаю босыми ногами по полу главной залы, ведомый светом тысяч церковных свечей, выставленных на алтаре. Чувствуя себя виноватым, я беру одну из них с собой – она будет освещать путь по лестнице до моей кельи, расположенной недалеко от кабинета, в котором я пишу. В комнате я начинаю собирать пожитки, стараясь не разбудить Фоксе,

спящего в келье напротив. Я должен оставить что-то в дар храму, за их доброту – копию моей работы и что-нибудь ещё. Подняв золотую пайцзу Ямуна, я думаю, что, возможно, её. Вряд ли эта подаренная мне кхаханом табличка, гарантирующая безопасный проход через его земли, сможет мне сильно помочь в переходе через степь теперь, когда он мёртв.

Шуршание бумаг будит Фоксе. Открывающаяся дверь в его комнату скрипит, и вот он заваливается ко мне, прямо в своей ночной рубашке, облепившей голые ноги. Ещё не до конца избавившийся от цепкой хватки сна, он смотрит на меня, и его глаза поблёскивают из глубины глазниц.

- Господин, вы вернулись! И что сказал дюк?

- Почтенный дюк запросил лишь одну копию книги.

Я продолжаю разбирать записи.

- О, нет, - тут Фоксе замечает мои сборы. – Вы же не...

В его взгляде читается укор, словно он – учитель, разочаровавшийся в своём ученике.

- Суровые слова никому не к лицу, Фоксе, но дюк не собирается печатать мою хронику. Он бы сделал единственный экземпляр и оставил бы только себе. Но эта история написана не для него одного, а для всех, кто считает, что песни наподобие «Баллады о Пурпурных Драконах» и сказки, рассказываемых старыми вояками около костра – и есть правда о вашем «военном походе». Ямун Кхахан никогда не называл это походом, он никогда не пытался выдать это событие за что-то большее, чем оно было на самом деле – войной. Также, как и король Азун. Он знает, какова цена войны.

Я прекращаю складывать вещи. Я устал и больше ничего не хочу делать этой ночью. Закрыв глаза, я читаю молитву Фуру, прося его дать мне сил.

- Я записал всё, что знаю, но никто не хочет это читать.

- Я – жрец Денеира, и я прочту, господин. Вы это знаете.

Вероятно, думая, что сможет переубедить меня, он начинает доставать всё, что я упаковал.

- Чтобы убрать это в закрома своих тайных хранилищ, ко всем остальным книгам, собранным из-за вашей веры.

- Наши библиотеки открыты для всех.

У Фоксе получается защитить свою церковь, и его нахмуренное лицо смягчается. Похоже, ему важнее моё состояние – и вот поэтому я буду скучать по нему.

- Кроме дюка есть ещё люди.

- Фоксе, я устал оббивать пороги одного города за другим. Больше у меня нет причин здесь оставаться. Я возвращаюсь на родину, – я устало провожу рукой по коротко остриженным, почти сбритым волосам.

Руки Фоксе замирают на полпути, всё ещё держа охапку исписанного чернилами пергамента.

- Вы уходите?

Кивок.

Первороденный откладывает бумагу, медленно разглаживает складки на ночной сорочке и произносит голосом, полным большой печали:

- Нет необходимости вам куда-то уходить. С этим согласятся все в храме. Даже главный писарь отдаёт должное вашим мудрости и знаниям.

- Нет, Первороденный Фоксе, здесь меня ничего не держит.

Он видит мою решимость и сдаётся. Какое-то время он просто стоит и смотрит на меня, но потом, весьма неохотно, передаёт мне все вещи, которые он вытащил. Мы собираемся в тишине, чувствуя при этом ту связь, которая иногда возникает между учёным и его помощником. Когда мы впервые встретились, мне он показался грубым и резким, но оказалось, что это лишь его способ помочь мне. От него я многое почерпнул о Западе – в основном, не о правителях, а о простом народе – больше, чем я узнал в Сюзейле. В обмен, я попытался научить его вести себя сдержанней, но Фоксе может стать только тем, кем позволит его карма – результат моего влияния уже предопределён. И я тоже должен принять судьбу, которую я заслужил, прожив предыдущие жизни.

Мы успели сделать немного – сложить листки пожелтевшего пергамента и обвязать некоторые стопки – когда с лестницы донёлся далёкий стук дверного молотка. Внутри меня всё холодеет от необъяснимого страха. Неужели я оскорбил дюка Пиньяго больше, чем думал – настолько, что он послал за мной своих громил? Мысль скрывается так же быстро, как появилась – убийцы никогда не стучат в главную дверь.

- Быстрее, посмотрим, кто это, прежде чем весь храм проснётся.

Я смотрю на Фоксе – даже несмотря на сонный зевок, добавивший ему второй подборок, на лице его читается любопытство.

- Этой ночью одни лишь проблемы да сюрпризы, - жалуется мой компаньон, глядя на пальцы своих голых ступней, едва видимые из-под изгиба рубашки, а затем торопится в свою келью, чтобы одеться более подобающе.

Торопливо переодевшись, Фоксе спускается за мной по вьющейся лестнице, одновременно затягивая потуже пояс поверх мантии. Пока я бегу по главной зале, всё ещё озарённой светом алтарных свечей, стук раздаётся вновь. Перед дверью стоит высокая фигура. Сперва я принимаю её за нашего посетителя, но потом замечаю, что это всего лишь неудавшийся копировальщик Сестры Деары. По команде Фоксе, бряцающий голем распахивает тяжеленную дверь, приветствуя ночного гостя.

Не говоря ни слова, человек переступает порог и низко кланяется Фоксе и мне. В свете свечей видны его шёлковые одежды, выкрашенные насыщенным синим цветом – и такого же покроя Хазари, что и мои. Его чёрные волосы заплетены в косу. Он не носит знаков принадлежности к какому-либо двору, но, судя по тому, как он стоит, одет он не во что иное, как ливрею прислужника.

- Лама Койя из монастыря Красной Горы, - вежливо начинает посланник; он произносит слова с таким знакомым акцентом – моего дома. – Моя госпожа услышала о ваших ночных злоключениях. Она надеется, вы почтите её своим присутствием на позднем ужине.

Как мог кто-либо услышать, что произошло и отозваться так быстро? Колдовство, скорее всего; но кто мог соизволить потратить столь могущественную магию на меня?

- Ужин? Госпожа? Объяснись, - требую я из осторожности.

Прислужник улыбается.

- Нет причин бояться, лама Койя. Моя госпожа благоволит учёным, она их друг. Но вы должны пойти как можно скорее – мы недолго ещё пробудем в городе.

- Я бы не стал этого делать, мастер, - бестактно советует Фоксе. – Это могут быть проделки вора.

Мой помощник может оказаться прав; мне бы лучше не идти, но я слишком заинтригован, чтобы отказаться. Да и потом, я вполне в состоянии защитить себя. Все эти годы, проведенные с армиями Ямуна, я не только наблюдал; да ещё и ламы Красной Горы хорошо научили меня, как обращаться с духовной силой. С парой амулетов, которые я как раз собирал, я буду в безопасности.

- Мои простые одеяния оскорбят хозяйку. Подожди, пока я переоденусь, а потом води меня к ней.

И снова на лице слуги улыбка. Кошачье сияние его глаз и блеск острых зубов поражает меня. Наверху я нахожу защитные фигурки. По пути вниз я перепроверяю все свои молитвы и чары, отгоняющие зло.

Снаружи, туман забивает всё пространство вокруг нас до такой степени, что я с трудом могу различить очертания моего спутника. Он шагает проворно, но всегда остаётся в пределах видимости. Мы минуем врата Храмового Района, столь плотно затянутые мглой, что стража даже не окликает нас – и никогда я ещё не видел этих воинов настолько расслабленными. Я быстро прочитываю сутру Ясного Ума, чтобы укрепить свою защиту от зла. Нет ни капли мудрости в глупой храбрости.

Выйдя на Большой Тракт, я машинально поворачиваюсь в сторону Района Знати, предполагая, что пригласившая меня женщина обитает там.

- Не туда, уважаемый лама, - слуга зовёт меня из тумана, повернувшись в сторону побережья. – Как я уже сказал, моя госпожа проездом в городе.

Идя по Большому Тракту, мы проходим ещё несколько ворот – Район Торговцев, Район Искателей Приключений с красными крышами, и, наконец, плохо охраняемый Район бедноты. В конце пути дорога проходит под внушительными башнями, обозначающими береговую линию, и приводит нас ближе к источнику морского тумана. Так никем и не окликнутые – хотя должны были быть – мы заходим в порт. Здесь крыши окрашены в разные цвета, как будто бы в подтверждение того, как мало влияния тултирл Прокампура имеет здесь, на неподчиняющемся законам берегу моря.

Мы быстро покидаем главные улицы и погружаемся в путаницу переулков, которые я раньше никогда не исследовал. Наш путь протекает мимо безвкусно украшенных винных лавок и строений сомнительного назначения. Неподалёку шатается матрос, невнятно напевающий боевую песнь – ту же, что поют солдаты Теска, как я однажды слышал. За ним тенью следуют два худых полуэльфа, оглядывающих меня со слишком большим интересом. Единственный взгляд моего проводника остужает их пыл, и они растворяются в ночи. Я увеличиваю скорость – на здешних улицах больше активности, чем мне того хотелось бы.

После большого количества изгибов и поворотов – большего, чем я могу запомнить – прислужник останавливается у ворот. Распахнув заскрипевшую железную створу, он отходит в сторону и знаком просит меня войти.

- Моя госпожа ждёт вас в саду.

Я был не во всех частях Прокампура, но я точно знаю, что береговая линия – людное и промозглое место, где никто никогда не найдёт никаких садов. Уж точно нигде в городе я не видел сада, подобному тому, что открывается сейчас передо мной. Туман, струящийся через порт, здесь рассыпается, позволяя рассмотреть ухоженный скверик. Ровное пламя факелов освещает садовую тропинку, вьющуюся промеж цветущих кустарников и зелёной травы. Тёплый весенний ветерок согревает мои ноющие кости.

Я тереблю свои обереги, почти ожидая, что сейчас покалывание предупредит меня о присутствии зла. Когда ничего такого не происходит, я следую по освещённой дорожке, пока она не оканчивается кругом из ковров, разложенных под пышной кроной ветвистой ивы.

И ковры эти из Туйгана - я ни с чем не спутаю эти узоры; в центре их аккуратно расставлены блюда и сосуды. Из деревянных горшков и серебряных котлов доносятся до моего носа запах цампы, похожий на запах ячменной каши, и стойкий аромат сбитого чая, с маслом яка. Я вижу кожаные фляги, которые, как я знаю, наполнены кумысом, а ещё тарелки с дымящимися травами и кореньями, которых я не видел с детства. Это изумительно, но слишком странно – и я не прикасаюсь к еде. Я слышал от чужеземцев истории о заколдованной еде, которая являлась ловушкой, расставленной коварными обитателями Плана Мёртвых. Не увидев никого поблизости, я читаю защитную сутру, чтобы очистить и обезвредить кушанья. Удовлетворённый, я осторожно сую палец в ближайшую чашу.

- Мудрый Койя, я не желаю тебе зла. Садись и угощайся, почти этим меня и мой стол.

Отдёргнув и облизнув палец, я не могу не чувствовать себя виноватым и начинаю подыскивать слова ответа. Мои ощущения сейчас сходны с чувствами новичка, которого поймали засыпающим во время медитации. Голос музыкален и лёгок – словно летящий над горными склонами звон гонга, оповещающего о начале рассветной молитвы. Шелестят ветви ивы, и из темноты появляется женщина, одетая в драпированное платье хазарской дворянки. Шелка её блестящей одежды мягко струятся с каждым её движением, колебля вышитые цветы и облачка золотых и красных узоров на рукавах. Ожерелье из насаженных на нити серебряных монет обнимает её шею, и она носит этот увесистый символ богатства с лёгкостью.

Но, несмотря на наряд, это не темноволосая и невысокая хазарка, а высокая и крепкая женщина. Её тонкое, бледное лицо обрамлено золотыми волосами, такими длинными, что они переплетаются с серебряными цепями на шее. Маленький ротик, большие глаза и нос, лишь самую чуточку длинный, складываются в лик, скрадывающий эти мелкие недостатки до такой степени, что она начинает казаться красивой едва ли не божественно. Не дожидаясь меня, она садится на подстилки, скрестив ноги, и начинает трапезу.

Пока она пробует угощения, я, удивлённый её появлением, проверяю её сутрой Сотни Лотосов, которая несомненно заставит любого злобного духа страдать от боли. Когда я тихо проговариваю слова, она не подаёт и виду, что заметила это. Может быть, она и не призрак, как я сперва предположил. Пригласившая меня женщина может оказаться и могучей волшебницей – хотя это не менее опасно, чем моё изначальное подозрение.

Я сажусь напротив, не желая казаться грубым, но и не горя желанием сидеть рядом с ней. Наложив себе ложкой маленькую миску каши, я присоединяюсь к хозяйке стола. Вкус этого блюда намного более насыщенный, чем тот, что хранит моя память – он как будто наполнен теми осенними утрами, когда я сидел у очага и смотрел, как моя мать помешивает что-то в закипающем котле. Я наслаждаюсь этим вкусом, зная, что еда была очищена сутрой. Голод – как физический, так и ностальгия по прошлому – должен быть утолён, поэтому я быстро набираю полную тарелку других кушаний, стоящих передо мной. Здесь есть даже тот вид сладких арбузов, которого я не видел уже давно, с тех пор, как попал в чужую страну; а ещё кабачки, растущие только в высокогорных долинах за пределами Манасса. Хозяйка продолжает смотреть, ни произнося ни слова.

- Почтенная, я всё-таки должен знать. Откуда вы взяли все эти деликатесы? Такой ассортимент украсит стол даже хазарского принца.

Она слегка кивнула, принимая комплимент.

- Я побывала во многих землях. Когда ты знаешь о такой еде, необходимые ингредиенты нетрудно получить.

Я знаю, что это не так – я пытался и не преуспел. Сильная магия нужна, чтобы доставить с Востока в свежем виде всё, что нужно. Я осторожно продолжаю расспрашивать.

- Конечно, не мне об этом спрашивать, но мне нужно узнать. Кто вы и почему вы так добры ко мне?

Она улыбается, и потому я знаю, что ответ не будет правдой.

- Я просто покровитель учёных мужей. И я слышала о тебе даже далеко отсюда.

- Как мне вас звать?

- Никак – после сегодняшней ночи ты меня больше не увидишь.

- Зачем вы искали меня? – мягкие интонации её голоса заставляют меня дрожать, но не от холода или страха, а от предвкушения, смешанного с почтением.

Таинственная женщина встаёт, плавно, словно стараясь не напугать меня.

- Многие годы ты работал над историей восточных покорителей – туйганцев – и вот наконец закончил её.

Моё горло пересыхает, и я не могу глотать.

- Почти закончил.

- А теперь ты ищешь покровителя, который мог бы её распечатать. Сегодня ночью ты посетил дюка Пиньяго.

Моя осторожность возвращается, и я вновь тщательно подбираю ответные слова.

- Я зря это сделал. Дюк не был заинтересован в моей работе.

Звучит её смех – словно журчание бегущей по камням воды.

- Как я поняла, он оказался весьма заинтересован, и это был ты, кто отказался. Некоторые говорили, что ты поступил с ним грубо, но из того, что я знаю об этом хаме, тому была причина.

- У вас быстрые и достоверные источники, - отвечаю я, смачивая рот глотком чая. – Верно, я отказал дюку, но лишь потому, что он возжелал сокрыть результат от всех остальных. Моя гордость – причина моих неудач, госпожа. Я не мог принять его условий, при которых другие желающие мало что смогут узнать из моей работы.

В ответ на моё утверждение хозяйка приподнимает бровь.

- Ты так сильно печёшься о передаче знаний, но в то же время готов сдаться и вернуться домой.

- Как вы это узнали? – я пытаюсь бочком отодвинуться от неё, но шерстяной ковёр цепляется за мою одежду.

- Мой человек подслушал ваш разговор, когда прибыл забрать тебя.

Я ей не верю, особенно учитывая то, что я сижу посреди цветущего весеннего сада, не похожего ни на что другое в Прокампуре. Но то, что она знает о моём отъезде, лишь даёт основание предполагать, что она обладает ещё большей силой. Я предусмотрительно решаю не подвергать сомнению её ложь.

- Послушай, Койя из народа Хазари, существуют те, кто думает, что мир нуждается в учении, но гораздо меньше тех, кто несёт его свет. И если ты сдашься, мир потеряет ещё одного учителя. Вскоре не останется настоящих мудрецов, лишь людишки наподобие дюка Пиньяго.

Краешком разума я вспоминаю про амулет – способ увидеть вещи, какими они являются на самом деле. Хотя и помню несколько строк и сам ритуал, я всё ещё нуждаюсь в чём-то, что приведёт сутру в действие.

- Я пришла, - тем временем продолжает женщина, - чтобы сделать тебе предложение. Я желаю быть твоим покровителем, помочь распечатать книгу - за услугу. У меня тоже есть определённый интерес к знаниям. – Пока она ждёт ответа, её губы слегка приоткрываются, давая разглядеть полоску белых зубов.

Кумыс, понимаю я. Я могу активировать сутру каплей кумыса.

- И какую же услугу вы хотите от меня получить, о могущественная заклинательница? – я меняю тактику, чтобы оценить её реакцию.

Она смеётся вновь – звук сосулек, разбивающихся о замёрзшую гладь ручья.

- Ты льстишь мне всеми этими титулами, лама. Я простая женщина, - она без усилий, почти скользя, пододвигается ближе ко мне. – Мне нужен обет, вечный и нерушимый. Поклянёшься ли ты? – её глаза горят огнём нетерпения.

- Обет? – я как будто задумчиво кручу в руках чашу с кумысом, тайком окуная палец в белую жидкость. – В нём нет ничего грешного?

- Данный тобою, он не принесёт зла ни тебе, ни кому-либо другому. В остальном твоя судьба в твоих руках.

Я готов. Почти страшась того, что увижу, я брызгаю несколько капель кумыса в сторону женщины и бормочу сутру Солнечного Света После Бури – слова, прогоняющие наваждения. От неожиданности женщина слегка отшатывается. А затем, настолько поражённый, что не могу даже пошевелиться, я наблюдаю, как её соломенного цвета волосы превращаются в тёмные, собранные золотой диадемой. Границы её тела и черты лица размываются, когда маска женственности спадает. Белая вспышка, словно сияние печи, не дающей жара, на время ослепляет меня. Когда глаза привыкают, я вижу в центре света приземистого и стройного мужчину, одетого в тунику и ослепительно белый плащ.

- Фуру всемогущий! - замираю я, быстро отворачиваясь. Это не волшебница и даже не дух - это начало намного более могущественное, чем любой из смертных, живых или мёртвых.

- Койя из народа Хазари, ты увидел, кто я на самом деле, - в каждом слове эхом отдаются сильные гармоникки, делая его голос похожим на торжественную музыку. - Знай же, я не причиню тебе вреда. Я - Денеир, Лорд Глифов и слуга Огмы, бога-покровителя бардов. Я - Денеир, в чьём храме ты жил и работал. Теперь ты поклоняешься, лама?

Голос, исходящий из глубин сияния, полон силы, но в то же время несёт спокойствие, поэтому даже в присутствии могучего бога я не испытываю страха. Прикрыв глаза от светящегося ореола, я смог взглянуть на духа ещё раз.

- Ваше Бессмертное Величество, что вы требуете от меня, недостойного книжника?

Денеир, божественный владыка слов, машет рукой в сторону тёмных стен Прокампура.

- Пиши для чужеземцев, чтобы они пожелали искать знания. Останься здесь, на Западе, и стань для них вдохновением. Сделай это, и тебе не придётся больше отчаиваться.

Я обдумываю последствия такой клятвы.

- Тогда я не смогу вернуться домой.

- До тех пор, пока не будет готов умереть, лама. Я дал тебе вспомнить вкус дома, который ты так долго жаждал. Будет ли твоё возвращение после этого таким же сладостным, каким ты себе его представлял?

Я смотрю на еду, разбросанную по коврам и омытую исходящими от бога волнами света. После смерти Ямуна у туйганцев нет причин приветствовать меня в своих землях. И какой же приём меня ждёт в Хазари, стране, которую Ямун, вместе со мной, завоевал? С грустью я признаю то, что знал всегда – мои воспоминания стали иллюзиями, обманчивыми мечтами о местах, которые я больше не могу называть домом.

- Я принимаю обет.

- Тогда решено, - следует вспышка света, ослепляющая меня. Потеряв равновесие, я отступаю назад, мои чувства прячутся в спасительной тьме и прохладе. Глаза горят, а в черепе пульсирует боль. Мягкая ткань ковра внезапно исчезает из-под моих ног, и я падаю на камень, холодный и мокрый.

Наконец яркие вспышки перестают застилать мой взор, уступая место обернутой в туман ночной тьме. Сад и мягкие ковры превращаются в голые деревья и ледяную мостовую. Передо мной на серой брусчатке стоит маленькая сумка. Подобрал её, я расшнуровываю завязки и сыпаю в ладонь небольшую горсть мерцающих драгоценных камней, стоимостью не меньше десяти тысяч золотых левов.

- Господин! - голос Фоксе. Я оборачиваюсь, и туман расступается, открывая мне портик входа в храм Денеира. Фоксе спешит вниз по лестнице, все ещё толком не одетый - каким я его и оставил час назад, или больше. Я сижу в своей мятой и промокшей мантии на камнях в темноте - и неожиданно чувствую себя глупо.

- Господин, что случилось? Я же предупреждал, не надо было ходить! Вы невредимы?

Что я могу рассказать ему об этой ночи? Несомненно, он посчитает что я околдован или одержим. Если бы не эти драгоценные камни, я и сам бы не поверил в такое; однако я должен что-то ему ответить.

- Я побывал дома и вернулся обратно.

- Что?

- Позже, Перворожденный. Я устал. Помоги дойти до храма. Завтра можем начать собираться, - я оглядываюсь, чтобы убедиться, что я сейчас там, где думаю.

- Вы всё-таки покидаете нас? - голос его полон грусти; сильной и толстой рукой монах подхватывает меня под локоть, помогая встать. Я стою, пошатываясь - всё ещё дезориентированный из-за такого внезапного появления перед дверьми храма.

- И да и нет, Фоксе. Я думаю... - покатав несколько камешков в ладони, я пытаюсь предположить, как много книг на них можно приобрести. - Я думаю, мне нужно окончить здесь кое-какое дело, прежде чем что-то предпринимать. А потом... Я тебе не говорил, как сильно хочу посетить Глубоководье?

Мы медленно поднимается по ступеням храмовой лестницы.

- Мне понадобится хороший помощник, если я собираюсь проделать такой путь. Ты ведь знаешь, где я могу найти такого, не так ли?

МЕСТЬ

Скотт Чинчин

Пенн Оттманн не мог объяснить, почему он так нервничает, закрывая свой маленький, уникальный магазинчик. Прошедший день выдался скупым на события, а вечером он, следуя привычке, хорошо поработал над созданием каталога ценностей. Тем не менее, когда Оттманн уже собирался закрыть дверь, запереть её и произнести слово, включающее магическую защиту лавки, его охватило сильное чувство беспокойства. Ему захотелось забраться обратно внутрь и спрятаться. «Ну что как ребёнок», - сказал он себе. В таком цивилизованном городе, как Арабель, ночью бояться нечего. Совсем нечего.

А потом из теней выпрыгнула фигура. Плечо взорвалось болью, и Оттманн вскрикнул. Похоже, его пырнули ножом. Беспомощно он подумал, что следовало бы довериться инстинктам, но упрёки слишком запоздали. Теперь всё, что имело значение - выживание.

Прежде чем Пенн Оттманн смог издать ещё один звук, его рот заткнула лапа напавшего. Хозяина лавки толкнули с необычайной свирепостью, и его голова ударилась о стену. Пелена яркого белого света застелила его взор.

Бандит схватил его за руку и низким голосом сообщил, прямо в ухо:

- Беги. Если закричишь - выпущу кишки.

Торговец отчаянно хотел сказать тёмной, бесформенной фигуре, что он состоятельный человек и может заплатить за свою жизнь любую цену - но тон угрозы ясно давал понять, что подобные мольбы не помогут.

Вместо этого Пенн Оттманн побежал, как и было приказано. Он мчался по тёмным улицам города, забегал в переулки, преодолевал ворота и следовал по пустынным аллеям. Златоволосый купец молился, чтобы сердце выдержало. Он хотел остановиться, перевести дыхание и отдохнуть, но его преследователь всегда оставался в нескольких шагах позади. И хотя режим тренировок для участия в еженедельных городских забегах, которого он придерживался, помогал ему поддерживать форму и сохранял тело стройным и крепким, холодный ночной воздух жадно кусал кровавую рану на руке. Благородные черты привлекательного лица Оттманна сейчас были искажены болью и изнеможением. Он не отрывал взгляда своих небесного цвета глаз от разворачивавшегося перед ним лабиринта.

Оттманн не знал, что его гонят по заранее выбранному пути, к строго определённого пункту назначения - до тех пор, пока он не повернул за угол и не очутился перед стеной тёмно-зелёной листвы. Посреди кустов виднелся провал, чёрный, словно тьма ночных кошмаров - тёмный проход, служивший входом в великолепные сады Цитадели. А ещё - двое лежавших ничком стражников. Может, они были мертвы - Оттманн не мог сказать наверняка.

И внезапно он со всей ясностью понял, для чего его сюда привели. Он остановился - и шаги за спиной стихли. Холодное осознание того, что побег был невозможен с самого начала, захлестнуло его, наравне с ужасом, превосходившем всё, что он когда-либо испытывал. Дрожа, Пенн Оттманн повернулся и взглянул в лицо своего палача.

Тёмная фигура торжествующе ухмыльнулась и приблизилась.

Осторожный шёпот пробил ткань сна Мирмин Ллал, заставив чувственную стройную брюнетку мягко проснуться.

- Мирмин, - говорил насыщенный, мелодичный голос, - пришла пора начать твой день, дорогая.

Её тёмно-синие, с вкраплениями золотого, глаза распахнулись. Было утро. Голос вновь повторил своё сообщение, и девушка потянулась к резной прикроватной тумбочке, стоявшей позади кровати, и позволила руке нащупать красивого хрустального феникса.

- Мирмин, пора вста...

Голос резко смолк, когда её пальцы коснулись маленькой статуэтки. Один поклонник подарил ей этого феникса, магическое изделие, способное записывать звуки, а затем воспроизводить их в любое выбранное время. Разбудивший её голос принадлежал ей же.

Мирмин села в кровати и повернулась к окну, оценивая яркость света, струившегося через него. Приглушённое и мягкое сияние пробивалось сквозь постоянно колышущиеся бледно-голубые занавески - даже сейчас, при закрытых окнах и в отсутствие малейшего дуновения. При виде этого зрелища Мирмин

улыбнулась. На шторах висело несколько защитных заклинаний – так же и на значительном количестве других предметов в этой просторной богатой спальне – и пронизывающая их энергия была причиной их постоянного движения. Если нарушитель каким-то образом пробьётся через стекло, занавески спеленают незадачливого товарища и нарежут на кусочки. Жестоко, да, но подобные защитные меры – не такая уж необычная и бесполезная вещь для правителя любого из крупных городов Кормира.

Ловушки и чары могут быть спрятаны по всей комнате. Стена за спинкой кровати украшена бронзовой фреской, изображающей широкогрудых воинов, сцепившихся в смертельной схватке. Металл вибрирует из-за низкого, ритмичного стука, напоминающего биение человеческого сердца. Немного поодаль стоит утопленная в пол ванна, в которую быстро набирается ароматизированная вода. На стенах, чередуясь с картинами поразительной утончённости, развешаны мистические оружия. Что угодно из всего этого может оказаться чем-то большим, нежели просто проявлением богатства.

Мирмин нахмурилась, упала на кровать и попыталась опять заснуть. Её терзали кошмары, сейчас уже начавшие бледнеть, и девушка переживала о том, что последствия пережитой ей беспокойной ночи будут мучать её весь день. Если она сможет улучшить часок-другой нормального отдыха, то, может быть, ей-таки удастся начать этот день не с зевка в лицо какого-нибудь сановника.

Сны содержали сцены из её трудного детства, воспоминания о катастрофичном первом браке и о смерти её второго, любимого мужа, Хэйверстрема Ллала. Женщина понимала, что должна бы уже привыкнуть к мрачным сновидениям, но каждый день они мучали её с удвоенной силой. Мирмин больше не была уверена в том, что они когда-либо оставят её в покое.

Волна успокаивающего тепла омыла её тело, когда она расположилась поудобнее, а её голая спина, покрытая сетью полученных ещё в дни былых приключений шрамов, выглянула из-под одеяла. Внезапно женщина почувствовала на плече хватку чьей-то руки, твёрдой и холодной, точно бронза. Она мгновенно очнулась ото сна и обернулась посмотреть на фреску. Воины застыли в привычных, знакомых позах.

Тряхнув головой, Мирмин выпуталась из клубка простыней и свесила ноги с кровати. Искорки золота заблестели в тёмной синеве её глаз, когда она повернула лицо к лучам рассветного солнца.

Фигурка феникса у изголовья кровати задрожала и выдала ещё одно сообщение:

- Пора, миледи. Делегация прибыла. Лично я тебе не завидую. С другой стороны, всё, о чем я должна беспокоиться, это крепкий ночной сон. Прощевай, и развлекайся с гостями.

- Ещё одна делегация, - проворчала Мирмин. – Убейте меня. – Раздался стук в дверь. – Минуточку!

Женщина протянула руки к точке в пустом воздухе, и сделала движение, как будто раздвигая невидимые шторы. На этом месте появился сверкающий разлом, и из него на её плечи перебралось искрящееся чёрное платье, соскользнув по тонкой талии, пышной груди и идеально сложенным бёдрам. За одеждой последовали головной убор, перчатки, украшения и обувь. Другой маг сделал ей такой подарок –

красивый шкаф, существовавший наполовину в этом плане бытия, наполовину в другом. Она также могла использовать межпространственную трещину, чтобы спастись из своих покоев, если Цитадель окажется захваченной неприятелем. Влюбленный колдун заверял её, что только Мирмин может открыть или закрыть врата.

- Войдите! – разрешила девушка.

Дверь отворилась, и Мирмин повернулась, чтобы встретить Эвона Стралану, министра обороны Арабеля. Высокий, жилистый, темноволосый мужчина казался весьма обеспокоенным. Его и без того бледная кожа сейчас выглядела жемчужно-белой.

- Делегация, - Мирмин произнесла с улыбкой. - Я опаздываю.

- Дело не в этом, - мрачно ответил гость.

Поза женщины изменилась в ту же секунду. Она почувствовала, что речь не об обычном деле. Что-то плохое случилось, что-то, что смогло пробить скорлупу хладнокровия Страланы.

- Рассказывай, - потребовала Мирмин.

- Произошло убийство.

- Кто убит?

- Торговец. Пенн Оттманн. Не думаю, что когда-либо видел его имя в твоём списке запланированных встреч.

- Да, имя не кажется мне знакомым, - она смолкла в ожидании; должно было быть что-то ещё. Стралана не был бы так обеспокоен из-за какого-то убийства. Арабель - большой город, и жестокие смерти не были здесь из ряда вон выходящим событием. - Ещё детали?

- Тело найдено в саду.

Её пальцы сжались в кулаки, глубоко врезавшись ногтями в ладони - с такой силой, что проступила кровь.

- Этот человек был там убит или просто его труп бросили?

- Он умер в садах.

Мирмин почувствовала, как её кожа похолодела. - Что насчёт стражи?

- Их нашли этим утром, под воздействием чар, но невредимыми. Они ничего не помнят о том, что произошло.

- А заклинания, защищающие...

- Сняты.

- Хочу убедиться лично.

- Конечно, - согласился Стралана. - Я так и думал.

Яростный язык солнечного света пробивался через листву высоко над главными садами Цитадели. Газебо, опутанные розами проходы и кустарники с приданной им формой различных богов и полубогов окружали две фигуры, стоявшие в самом центре садов, там, где была обнаружена голова Оттманна. Вокруг, дабы не допускать на территорию любопытных, были расставлены солдаты.

- Во имя всех тварей Гадеса, - прошептала Мирмин, повернувшись к Стралане. - Ошмётки этого человека разбросаны от одного конца садов до другого. Кто-то - или что-то - ненавидело его изо всех своих сил.

- Да уж, - ровным голосом подтвердил Стралана.

Пока она изучала место произошедшей резни, Мирмин сотрясла дрожь - это место когда-то было их с мужем уединённым уголком.

- Я хочу знать, кто это сделал.

- Понимаю. Мы провели стандартные процедуры, но тело устояло перед всеми формами божественной и духовной магии. Его душа уже отошла и вне досягаемости.

- Значит, нужно использовать другие средства. Наши ищейки уже изучили следы?

- Разумеется. И они утверждают, что убийца - или убийцы - замели все следы, которые могли оставить. Невозможно сказать, сколько их тут было, мужчины они или женщины, или вообще люди.

- Говоришь, он был торговцем? - нахмурилась Мирмин.

- Да. Продавал артефакты. Какие-то магические, какие-то нет. Его магазин недалеко от «Экзотических товаров Эльхазир».

- Я слышала, как некоторые из подметальщиков говорят об Эльхазире. Они с такой гордостью выставляют на обозрение поддельные украшения оттуда, будто это настоящие драгоценности. Эльхазир продаёт реплики моих лучших платьев. Она толкает побрякушки, утверждая, что боги придали им устрашающую мощь, - Мирмин остановилась. - Оттманн - конкурент Эльхазир? Может быть, это просто проявление профессионального соперничества?

Стралана покачал головой.

- Я очень в этом сомневаюсь. Как и всё остальное, магические штуковины Эльхазир - дешёвые подделки, в то время как Оттманн предлагает вещи истинной силы, - министр прочистил горло и добавил:

- С этим связано ещё кое-что - несколько подростков проникли в лавку Оттманна ночью, через открытую дверь. Зашли внутрь, не имея никакого понятия об установленной цепи магической защиты. Двое из парней получили ожоги, но не смертельные. Разум ещё одного опустился до уровня ребёнка, а четвертый превратился в бледное, хрупкое создание, для которого малейшее движение может привести к раздробленным костям и повреждённым органам.

- Собственно, так мы и узнали о том, что Оттманн пропал. Мы пытались разыскать его и выпытать природу охранных чар, чтобы нанятые родителями маги могли обратить их действие. Заодно мы хотели узнать, почему он оставил дверь соблазнительно незапертой. Мальчики поступили неправильно, зайдя в магазин - но их буквально пригласили к этому.

- Один из тех стражников, которым мы выдали описание Оттманна, оказался также одним из первых, кто посетил сады этим утром. Именно поэтому жертву опознали так быстро, - Стралана указал на стражника, стоявшего в стороне от остальных. - Я попросил парня подождать, пока ты здесь закончишь, на тот случай, если ты захочешь с ним переговорить.

Когда Мирмин помотала головой, министр пожал плечами и продолжил:

- Я послал двух наших лучших чародеев – вместе с несколькими следователями - к лавке Оттманна сразу же, как только мы опознали тело. Вскоре к ним подошла Эльхазира. Она засыпала их вопросами, и, узнав о том, что Оттманн мёртв, казалась преисполненной неподдельной печалью. Женщина рассказала агентам всё, что нам нужно было знать – а именно, что Оттманн специализировался на дорогостоящих артефактах, магических и не очень. Попасть в магазин можно было только заранее назначив встречу. Эльхазира отсылала к нему тех из своих клиентов, кто понимал, чего они хотят и кого не удавалось провести безудержной болтовнёй. Взамен, Оттманн отчислял ей неплохие комиссионные.

- Этот купец был магом? – тихо поинтересовалась Мирмин.

- Похоже, никто не знает.

- Но ведь он имел дело с предметами силы. Готова поспорить, что, если он не был так уж подкован в Искусстве, то тесно сотрудничал с кем-то сведущим. И этот человек может оказаться тем, кто нейтрализовал стражу, смёл охраняющие сады заклатья и расправился с Оттманном.

Стралана кивнул.

- Могло бы иметь смысл, но Эльхазира не упоминала о партнере. Всё выглядело так, будто Оттманн управлял торговлей в одиночку.

- Она лжёт или введена в заблуждение. Что она рассказала твоим людям о его личных привычках?

- Только то, что он держит их в секрете. Между ними были лишь профессиональные отношения, ничего больше.

Мирмин подумала над этим.

- Я не хочу, чтобы кто-либо входил в лавку Оттманна до той поры, пока я не закончу с этой проклятой утренней делегацией. Потом я присоединюсь к своим людям на месте. А, и ещё я хочу пообщаться с Эльхазирой лично.

Бледнокожий мужчина терпеливо ждал следующего приказа.

- Эвон, мне нужно заглянуть в беседку. Будет лучше, если сделаю это одна.

- Конечно, но...

Мирмин холодно уставилась на министра.

- Но что?

- Ничего, миледи, - пробормотал он. Уважительно опустив взгляд, Стралана покинул её и присоединился к своим подопечным.

Мирмин в одиночестве шагала через сад, пока перед ней не возникла изящно украшенная беседка. В дальней стене было вырезано изображение феникса, символа её последнего мужа. Она вспомнила погребальный костёр и пустую, глупую надежду, которую она лелеяла - на то, что он воскреснет из своего собственного пепла. И он воскрес, но лишь в глубине её сердца, там, где частица его останется навеки.

Шок быстро вытеснил все эти печальные мысли из головы Мирмин. Всюду на стенах беседки была кровь, запятнавшая и феникса Хэйверстрорма. Кто бы ни был убийцей Оттманна, он оставил тело торговца в садах в качестве послания для неё. Больше для такого бессмысленного вандализма оправданий не могло быть.

Гнев поднялся внутри женщины с новой силой. После смерти мужа она столкнулась со множеством сложностей в управлении городом, проблем, которые ей тяжело было вынести. Она нуждалась в таком месте, куда можно было бы сбежать,

месте, где она всегда будет чувствовать себя в безопасности. Сады – и эта беседка в частности – были её святилищем. Стоя здесь, Мирмин всегда могла вновь испытать ту радость, любовь и уют, которые она находила в объятиях мужа.

Картины из прошлого потоком хлынули в её голову. Она вспомнила утро дня, наступившего после попытки захватчиков взять город. Хэйверстрому ранили, и целители назвали чудом то, что он выжил. Женщина будто наяву услышала его голос, когда он поднял кулак в металлической перчатке и выругался в адрес врагов, обещая, что они сполна познают мрачное чудо его отмщения. Теперь и она должна показать такое же чудо.

Мирмин закричала от ярости – крик воина, жаждущего мести. Когда она вновь обрела над собой контроль, она коснулась стены, ища поддержки. В этой беседке её муж сделал предложение; в этой прохладной тени они первый раз поцеловались...

Зрелище произошедшего пробуждало в Мирмин желание и самой пустить чью-то кровь. Изо всех сил стараясь заглушить тёмные мысли, она шла прочь от беседки, пока не наткнулась на кучку своих людей – а затем приказала троим из них снять нагрудники и отдать ей их стёганные дублеты. Они подчинились, не колеблясь.

На пути обратно к беседке, Мирмин разорвала рубахи на полосы и остановилась у маленького фонтана, где погрузила в воду получившиеся обрывки. Вернувшись к маленькому сооружению, она долго смотрела на багровые брызги. Стралана здесь уже побывал; об этом ей сказал тот факт, что чуть раньше в разговоре он заколебался. И поскольку он не сказал обратного, можно было смело утверждать, что стражники не нашли здесь никаких улик.

Мирмин начала отмывать кровавые потёки с белых стен. Вскоре она вся взмокла, а одежда была испорчена. Женщина возвращалась к источнику несколько раз, но даже вся вода Внутреннего Моря не смогла бы вернуть беседке прежний, незапятнанный вид. И даже если бы ей удалось полностью отчистить кровь, стереть память она не могла.

- Хэйверстром, мне тебя не хватает, - обронила она, слегка проведя пальцами по стене. – Но, где бы ты сейчас ни был, знай – я отомщу за это.

Она развернулась и молча направилась к выходу из садов.

Час спустя Мирмин стояла в тронном зале в окружении стражи. Эвон Стралана и несколько его солдат стоически наблюдали за разворачивающейся сценой с задней половины комнаты. Перед троном сгрудились двое мужчин, женщина и почти дюжина кошек, как домашних, так и диких. Члены делегации объявили себя представителями расы, редко показывающейся смертным – кошачьих лордов.

Мирмин напряглась, беспокоясь о том, что страх перед ягуаром, которого они привели с собой, станет животному понятен. Хотя она и была окружена стражниками и магической защитой, она не понаслышке знала о скорости и свирепости этих зверей.

Женщина-лорд улыбнулась, почуяв беспокойство Мирмин. Она пошевелила пальцами затянутой в перчатку руки, и ягуар улёгся у её ног. Мирмин нервно поглядывала на создание, вспоминая про растерзанный труп Оттманна.

- Меня зовут Сиобан, - представилась женщина. – Со мной Никколо и Савьер.

Взглянув на каждого из кошачьих лордов, Мирмин кивнула. Возраст Сиобан невозможно было определить. Она казалась весьма молодой, но в её движениях присутствовала какая-то скованность, несвойственная представителям её расы. Может быть, причиной тому были высокие кожаные сапоги – они выглядели очень неудобными.

При всём при том, никто бы не смог отрицать её красоты. Её черные волосы ниспадали до пояса, почти теряясь в тёмной, элегантной одежде. Пронзительный взгляд её серо-голубых глаз задержался на лице Мирмин, а потом губы гостьи сложились в загадочную улыбку. Когда она склонила голову в приветственном кивке, на шее качнулся амулет в форме сердца. Одна половина расколотого сердца была кроваво-красной, вторая – чёрной.

Стоя позади прелестной Сиобан, Никколо запустил руку в роскошную гриву рыжих волос, а Савьер размял шею, покрутив головой, позволяя серым прядям коснуться плеч. Оба мужчины тоже были ошеломительно красивы.

После обмена любезностями Мирмин повелела Сиобан изложить её просьбу.

- Я не могу, - ответила просительница. – Наш верховный лорд ещё не прибыл, должно быть, задержался.

Дверь распахнулась, и в неё вошёл сокрушительно шикарный зеленоглазый мужчина – чётко очерченные черты лица, резные скулы, нос и челюсть, чувственные и манящие губы, и глаза цвета самых насыщенных изумрудов, которые Мирмин только видела. Одет он был в чёрный с золотым и небесно-голубым наряд; только рубашка была ярко-красной.

Мирмин уселась на трон, и делегация подступила ближе. Сиобан вытянула руку в сторону человека в чёрном.

- Позвольте представить Лорда Захариуса.

Зеленоглазый подался вперёд, схватил руку правительницы и легонько лизнул. Мирмин опешила, но Захариус подмигнул и объяснил:

- Люди всегда ожидают от меня чего-то подобного, - с этими словами он взял руку второй раз и осторожно коснулся её губами, затем отстранился.

- Лорд Захариус...

- Можно Заз. Моё полное имя – Зэхлас Аландовос Захариус. Но с годами оно укоротилось. Имя Заз кажется людям более удобным. Проще слетает с языка.

- В этих покоях больше сгодится Лорд Захариус.

- Как пожелаете.

Мирмин вздохнула.

- Что я могу для вас сделать?

- У вас есть кое-что нужное нам. Точнее, кое-что принадлежащее нам. И мы пришли забрать это. Но, чтобы сказать вам, что мы хотим найти в Арабеле, сначала я должен рассказать про нашу расу. Давным-давно между разными племенами кошачьих происходили войны. Кровные враги выступали друг против друга, кровопролитие продолжалось столетиями.

- Под «кошачьими» вы имеете в виду кошачьих лордов? Твой народ?

Захариус замешкался.

- Да. Разумеется.

Сиобан рассмеялась и присела почесать за ушами лежащего ягуара. С полдюжины остальных кошек завистливо замыкали. Большой хищник зевнул, затем повернул голову и уставился на Мирмин. Поразительная сообразительность читалась в глазах создания, и взгляд его был таким гипнотизирующим...

Транс прервался, когда от стаи отделился маленький серый котёнок и, удивив Мирмин, прыгнул прямо ей на колени.

- Аа, лучше поберегитесь, - со смешком предупредила Сиобан. - Это наш самый свирепый воин.

Котёнок посмотрел вверх, на Мирмин, и жалобно мяукнул. Она погладила его бочок, и малыш закрыл глаза и удовлетворённо свернулся калачиком на коленях.

Лорд Захариус продолжал:

- Сацума, великий вождь нашего народа, отдал свою жизнь, чтобы объединить воюющие племена против общего врага. И хотя мы победили, этот враг напоследок провернул жестокую хитрость. Останки Сацумы были украдены вражескими солдатами и разбросаны по всему Фаэруну. У нас есть основания полагать, что одна из тайных гробниц спрятана под университетом. Позвольте нам вернуть нашего павшего лидера и наконец-то упокоить его душу, как он и заслуживает - и вы получите от нас бесконечную благодарность.

- Под университетом? - переспросила Мирмин. - А где именно?

- Мы не знаем. Увы, придётся снести всё здание.

- Понятно.

Лорд Захариус наклонил голову набок:

- Это проблема?

- Думаю да. Храмовникам Тиморы, в чьём распоряжении сейчас находится здание, оно очень нравится. Как и послушникам, - правительница нахмурилась. - Кто источник ваших сведений? Кто вам сообщил, что останки Сацумы захоронены здесь?

- Этого я не могу сказать, - беспечно ответил Захариус. - Даже то, что я уже сказал - гораздо больше того, что людям позволено знать о нашей расе.

- Какая честь, - устало выдавала Мирмин. - Однако вы ставите меня в крайне неловкое положение. На то, чтобы построить это здание и привести его к успеху, ушли многие годы. Я понимаю вашу нужду, лорд Захариус, но вашу просьбу очень сложно выполнить.

В другое время и при других обстоятельствах, Мирмин отклонила бы прошение без дельнейшего рассмотрения. Однако сейчас она не могла выдворить из головы жуткую картину растерзанного тела Пенна Оттманна. Она возвращалась вновь, стоило только женщине взглянуть на ягуара, дремавшего у ног Сиобан.

- Мне нужно время, чтобы как следует подумать над вашим заявлением, - наконец, подытожила Мирмин.

- Понимаю, - Захариус пошевелил пальцами, и серый котёнок спрыгнул с ног Мирмин и подбежал к нему. Предводитель кошачьих лордов остановился в дверях, дожидаясь, пока Сиобан, Никколо, Савьер и компания четвероногих выйдут. - Призовите меня, когда примете решение. Найти меня будет нетрудно.

Со странной, таинственной улыбкой на лице, он развернулся и ушёл. Двери затворились.

Эвон Стралана отделился от группы своих солдат и приблизился к Мирмин.

- Что думаешь?

Правительница нахмурилась.

- Если ты найдёшь хотя бы один кошачий волосок на теле торговца, приведи лорда Захариуса и его свиту на допрос. В любом случае, разузнай о нём всё, что сможешь, и прикажи своим людям не спускать с него и его товарищей глаз. Я хочу знать, где они остановились, с кем они общаются здесь – в общем, всё до мельчайших подробностей!

- Считай, сделано. А тем временем, может, узнаем побольше о нашей жертве?

Некоторое время спустя, Мирмин уже стояла перед магазинчиком Оттманна. Маги довольно быстро закончили свою часть работ, проверили, что заходить туда безопасно, и разрешили Мирмин последовать за ними внутрь. Окон не было, поэтому пришлось зажечь факелы.

Внутреннее убранство лавки представляло собой парочку полок на стенах, несколько стеклянных витрин, письменный стол с тремя стульями – одним позади и двумя впереди – и маленькой комнатухой в конце помещения, где сваленные в кучу пустые ящики закрывали собой большую чёрную коробку. Посетители осторожно приблизились к ней – всё-таки на ней висело три защитных заклятья. Но это оказались простые чары, с легкостью поддавшиеся мастерству волшебников. Внутри они обнаружили несколько мешков золота и немало драгоценных камней.

Маги осмотрели несколько магазинных артефактов и подтвердили, что внутри каждого из предметов высочайшего качества дремала вполне настоящая мощь. Только полуразвалившаяся Арфа Миф Драннора вызвала скептический смех.

Один из них, усталый пожилой маг по имени Волни, повернулся к своему партнеру.

- Итак, Уолкотт, запиши: кольцо невидимости, пять чаш с целительным зельем, две маленькие баночки мази для омоложения и долголетия, и кубок, из которого можно выпить и увидеть своё будущее. Довольно расхожие вещишки.

Уолкотт выглядел пресытившимся, и уж точно не впечатлённым, пренебрежением Волни к содержимому лавки. Тем не менее, он согласно покивал, а потом повернулся к Мирмин:

- У него здесь имелись амулеты, способные взорваться, если владелец умрёт не своей смертью – и прихватить с собой половину городского квартала в качестве мести. А ещё штуковины, позволяющие зафиксировать допдельгангера в его текущем обличье. И многое другое. Поэтому нет никакого смысла в том, то его убили так легко.

- Что-что ты сказал? – уточнила Мирмин.

Уолкотт пожал плечами.

- Этот человек знал, что ночные улицы могут быть опасны, но всегда перемещался без какой-либо охраны, любого рода. Он явно чувствовал себя защищенным от всяких обыденных угроз.

- Это верно, - подтвердила Мирмин, вспоминая показания владельцев нескольких других магазинов, которых она допросила, ожидая, когда маги закончат

задание. – Если только он не носил с собой какие-нибудь из мощных артефактов, чтобы иметь возможность отбиться, если на него кто-нибудь нападёт. – Женщина задумалась. – Но когда мы наткнулись на его труп и одежду, мы ничего не нашли.

- Возможно, это что-то и являлось целью убийцы, - предположил Волни, надеясь восстановить своё пошатнувшееся положение. – Какой-нибудь предмет, который Оттманн таскал с собой.

- Если у него было оружие, почему он его не применил? – удивилась Мирмин.

- Может быть, у него не было шанса, - мрачно заметил Уолкотт. – Например, если преступник являлся сильным магом.

Мирмин внезапно поняла, что в лавке очень жарко. Она смахнула со лба пот, грозивший уже затечь в глаза.

- Ты думаешь, это на самом деле воровство? Но зачем тогда приводить Оттманна в сады? Защитные чары со здания были сняты. Почему бы не затащить его обратно внутрь и не прикончить тут же? А потом всё здесь обчистить.

- Если его убийца был истинным мастером Искусства, - объяснил Уолкотт, - то он не был бы заинтересован в большей части ассортимента. Как мы уже говорили, вещишки здесь достаточно стандартны.

Волни глубокомысленно закивал:

- К тому же для могущественного волшебника развеять защитные руны в садах – детский лепет.

Все трое расследователей вздрогнули от внезапно раздавшегося стука в дверь. В лавку вплыл Эвон Стралана, пригласив следом хорошенькую женщину – ранее Мирмин отправила военного министра привести владелицу «Экзотических товаров Эльхазиры» для допроса. Та оказалась обладательницей волос цвета светлого мёда и оленьих глаз, а в губах её крылась какая-то твёрдость, казавшаяся почти ей неподходящей. На ней было слишком много одежды, вдобавок, абсолютно перегруженной дешёвыми, броскими украшениями, продажей которых женщина и занималась. Её платье было жалкой пародией на строгий наряд Мирмин.

Позади посетительницы семенила юная девчушка, одетая в простое белое платье; глаза её были широко распахнуты от ужаса. Ребёнок посмотрел мимо своей покровительницы, прямо на Мирмин – и его глаза расширились ещё больше.

- Госпожа Ллал, - начала представляться первая женщина, - я Эльхазира. Это моя помощница Андреана.

Девочка поклонилась и открыла рот, чтобы что-то сказать, но Эльхазира опередила её:

- Могу ли я как-то услужить вам, госпожа Ллал?

Мирмин заглянула в красные, мутные глаза посетительницы. Её избыточный макияж был нанесён совсем недавно, но даже он не мог скрыть того факта, что женщина плакала несколько часов.

- Возможно, если вы ответите на пару вопросов...

- Конечно.

- Откуда вы знали Пенна Оттманна?

- Он заходил поболтать раз-другой. Как и многие другие торговцы. Дела шли не очень бойко.

- У вас с ним также имелась некая финансовая договорённость.

- Да, но отсылать кого-то из моих покупателей к Пенну приходилось весьма редко.

- Вы видели или слышали что-нибудь подозрительное прошлой ночью?

- Нет.

- Он не выглядел беспокойным или напуганным в последнее время?

- Нет, он казался вполне спокойным, как обычно.

Мирмин положила руку на плечо девушки.

- А ты не видела или не слышала чего-нибудь?

- Я никогда не обращала внимания, - пожала плечами Андреана.

- Да! – рывкнула Эльхазира. – В этом-то твоя проблема – ты никогда ни на что не обращаешь внимания, глупая мелюзга!

Мирмин проследила за волосами девочки, упавшими вперёд, когда та опустила взгляд. Они не помогли скрыть увиденную в глазах ребёнка боль.

- Вы не будете возражать, если мои люди обыщут и ваш магазин, и ваше жилище? – спросила Мирмин, повернувшись к Эльхазире.

- Делайте, что хотите, - отозвалась торговка. – Мне нечего прятать.

- Разумеется, нет. Но, возможно, вы пропустили что-нибудь важное. И ещё кое-что. От некоторых источников мы слышали, что Оттманн встречался с рыжеволосой женщиной, моих лет, - Мирмин пошла на блеф. – Вы что-нибудь знаете о ней?

Эльхазира выглядела ошеломлённой. Она вздрогнула и прикусила верхнюю губу.

- Нет, не знаю.

- Ещё в Сюзейле проживает его жена, - добавила правительница. – Похоже, она наш главный подозреваемый.

- Жена, - тупо повторила Эльхазира. – Это интересно.

- Если супруга прознала о спутнице – или спутниках – то могла нанять мага убить его.

- Мага? Он был убит магом?

- Да. Вы не знали?

- Нет.

Мирмин кивнула.

- Понятно. А о жене?

- Он никогда не говорил мне, что женат.

- Что ж, спасибо за вашу помощь, - внезапно оборвала Мирмин. – Вы обе можете идти.

Эльхазира кивнула, взяла помощницу под руку и вышла из магазина, в сопровождении одного из солдат Мирмин. Темноглазая правительница города повернулась к Стралане.

- Оттманн и Эльхазира были любовниками.

- Благодаря твоим, так скажем, *творческим* методам, я пришёл к тому же выводу.

- Я хочу, чтобы её дом и лавку обыскали твои лучшие люди. Исследуйте каждый клочок.

- Ты рассчитываешь найти реальное доказательство связи между Эльхазирой и Оттманном? Чтобы подтвердить её мотив?

- Частично, - подтвердила Мирмин. – Честно говоря, не удивлюсь, если она и сама колдунья – или знает личность того, кто убил Оттманна. Но мы не можем арестовать её без причин.

- А если мои люди ничего не найдут?

- Тогда установи за ней круглосуточную слежку. Сейчас она сильно расстроена – после этой выдуманной истории про его жену и других любовниц – и может совершить ошибку. Будем надеяться, она или выдаст себя, или приведёт к тому, кого мы ищем.

С улицы донёсся крик, заставив Мирмин, Стралану и одного из солдат выскочить из магазина. Маги и другой воин остались позади.

- Звук пришёл оттуда, - сказал молодой солдат с соломенного цвета волосами, по имени Кинан Тофт, указывая на переулок через дорогу. Там они обнаружили пожилую женщину, взгромоздившуюся на кучу мусора. Она размахивала метлой, словно мечом, отгоняя от ног стаю шипящих, когтистых кошек. Маленькие хищники загнали женщину в ловушку и выглядели так, будто готовились напасть.

- Это не к добру, - протянул Стралана, когда солдаты бросились на помощь попавшей в беду. – Ведь так?

Мирмин проследила взглядом за бросившимися враспынную по проулку кошками и покачала головой.

- Нет, боюсь, совсем не к добру.

За следующие три дня количество происшествий с участием популяции кошачьих Арабеля возросло. Две дюжины человек были атакованы своими домашними питомцами уже к первому полудню. В десять раз больше сообщили о нападениях к той же ночи. Никто не был серьёзно ранен, хотя многие и утверждали, что едва не умерли от испуга.

Бесчинствующая свора кошек – несколько сотен сильных животных – пронеслась через открытый рыбный рынок в середине дня и серьёзно истощила запасы продовольствия торговцев, прежде чем зверей смогли прогнать. Пекарни и молочные магазины подверглись набегам. Самый именитый портной Арабеля явился к Мирмин весь в слезах, заявив о том, что вся одежда на целом складе была разорвана на кусочки маленькими когтями. В нескольких случаях было очевидно, что поработали человеческие руки – или руки, пребывающие в человеческой форме как минимум часть времени. Полдюжины уличных представлений бродящих театров оказались прерваны, а одно из них, сильно полагающееся на магию, и вовсе отменено – артисты были в ужасе от того, что животные попытались расцарапать их лица.

Как и большинство обитателей Кормира, жители Арабеля с давних пор верили в то, что кошки являются глазами и посланниками богов. Убийство кошки – серьёзное преступление, и многие предпочитали терпеть унижения, свалившиеся на них из-за кошачьих, нежели разгневать какое-либо могущественное божество. Некоторые забились по углам и молили о помощи, теперь, когда их дела оказались разрушены.

Они просили просветления, до беспамятства напуганные тем, что, возможно, разозлили своих богов.

Другие же устали от всей этой непонятной ситуации и подняли на зверей руки. Несколько кошек были убиты, ещё сколько-то – покалечены. Но живодеры вскоре оказывались жертвами таинственных несчастных случаев; на местах происшествий находили кусочки меха – некоторые смоченные в крови. «Боги воздали», – благоговейно шептали самые набожные.

На вторую ночь доклады о беспорядках включали в себя жалобы торговцев, подвергшихся нападению шныряющих в темноте жутких созданий, прямо за стенами замка. Товары были полностью уничтожены. Другие купцы сообщали, что и их повозки оказались под прицелом, когда они попытались покинуть Арабель.

И на протяжении всего этого хаоса, люди Страланы держали Лорда Захариуса, Сиобан, Никколо и Савьера под неусыпным надзором. В любой момент времени местонахождение кошачьих лордов оставалось известным. Никто из них и близко не подходил к местам даже самых незначительных конфликтов. Тем не менее, Захариус не болтался без дела. Используя свои привилегии посланника, он успешно заваливал Мирмин и городские власти непомерными счетами за посещение таверн, за восхитительные блюда и за несколько визитов в местные бордели. В последний раз он оставил там записку, гласившую: «Дорогая Мирмин! Я никогда не мог противиться близкому общению с прелестными кошечками. Твой Заз».

Большинство верило, что именно Захариус был в ответе за растущее число странных случаев с кошачьим населением города – хотя он и не проворачивал ничего из этого лично, он несомненно стоял за всем этим. Несмотря на происшествия, народу, похоже, Лорд Захариус действительно начинал нравиться, и вовсе не из-за своего шельмовского обаяния. Мирмин изучила нападения, выискивая общие черты, и поняла, что кошачий лорд и его слуги нацеливались на тех, кто был известен своей привычкой обманывать покупателей, плохо обращаться с соседями или тех, кто так или иначе заслужил искреннее неодобрение со стороны остального населения.

Мирмин хотела упрятать смутьяна за решётку, но лишь на третий день этой странной осады она получила подходящее основание. Кто-то тайком отравил ночную стражу, хотя и не смертельно. И хотя мужчин и женщин, лежавших без сознания, обнаружили лишь утром, их обязанности все равно были выполнены – дюжины последователей Захариуса каким-то образом прознали про эту неприятность и взяли на себя задачу по обходу улиц. И все кошачьи лорды были столь доброжелательны и несли службу так хорошо, что никто не заметил подмены до тех пор, пока не появилась утренняя смена.

Меньше чем через час Мирмин и Эвон Стралана встретились с Лордом Захариусом во дворе известной закускойной. Его сопровождали в Цитадель и заточили в тюрьму. Пока его вели, лорд как будто вовсе не замечал недовольство своих охранников, да и вообще плачевность своего положения. По пути некоторые люди на улице радостно приветствовали пленника.

- Обожаю этот город! – кричал он. – Арабель – восхитительное и доброжелательное место. Возможно, я порекомендую его всему своему народу.

Мирмин заперла Лорда Захариуса на самом нижнем уровне дворца, требуя положить конец нападениям на горожан, однако пленник утверждал, что полностью непричастен к злодеяниям – кроме, разумеется, случая со стражей. Последнее, отметил он с ухмылкой, просто безобидная шутка.

Всё же кое-что кошачий лорд ясно дал понять – его присутствие, несомненно, являлось косвенным, побуждающим фактором происходящего безобразия. Чем быстрее он получит желаемое и исчезнет, тем лучше будет для всех участвующих.

Когда со времени заточения Лорда Захариуса прошёл день, глава города поняла, почему тюрьма его совсем не беспокоила. Зеленоглазый кошачий лорд постоянно сбегал из подземной камеры, но даже Стралана не мог объяснить, как ему это удаётся. Мирмин расставила людей, чтобы они постоянно следили за заключённым, и, к тому же, чтобы прекратить его увеселительные прогулки, были призваны маги. Всё без толку. Он уходил и приходил, когда ему заблагорассудится. Не обращая внимания на меры предосторожности, кошачий лорд просто испарялся из тюрьмы, появляясь затем где-нибудь в городе – чтобы насладиться дорогим ужином или развлечь аппетитную молодую леди, а потом вернуться во дворец, устроив из возвращения грандиозное представление.

Наступила ночь; Мирмин Ллал сидела в тронном зале, размышляя над убийством Пенна Оттманна. На данный момент расследование зашло в тупик: информация, полученная по запросам Страланы о действиях Лорда Захариуса с момента его прибытия – до и после заключения под стражу – не содержала ни намёка на то, что кошачий лорд был хоть как-то связан с Пенном Оттманном. В соответствии с записями, Захариус прибыл на следующее после убийства утро, как раз в день назначенной аудиенции. И он мог отчитаться почти за любое мгновение своей жизни за пределами камеры, будучи при этом таким охотливым, что иногда казался чересчур словоохотливым.

Изучение других подозреваемых дало не лучшие результаты. Люди Страланы не обнаружили никаких существенных доказательств – ни дома, ни в лавке Эльхазеры – чтобы подвести твёрдую основу под подозрение о романе между ней и Оттманном. А если женщина и являлась магом, то она не держала никаких книг заклинаний, компонентов для чар или настоящих магических предметов. В общем-то, у Эльхазеры не имелось никаких писем или записей, свидетельствующих о существовании вообще какой бы то ни было связи с любыми магами любого уровня знаний. Мирмин, надеясь на то, что волшебник-убийца свяжется с владелицей лавки, решила подождать ещё несколько дней и дать ситуации развиваться.

Внезапно дверь в тронную залу распахнулась, и ввалился Кинан Тофт.

- Он снова это сделал! – вскричал молодой солдат. – В одну минуту Лорд Захариус сидит в своей клетке, вполне себе довольный и лакающий свой суп, который мы ему принесли – а в следующую уже исчез!

- Общайте рестораны и бордели! – прорычала Мирмин. – Он объявится... вместе с внушительным счётом.

Кинан склонил голову и кивнул:

- Так точно, миледи. Прошу простить меня за вторжение.

- Извиняться не нужно.

Солдат обратил свой взгляд в направлении блюда с нетронутой едой, стоявшее около трона правительницы. Она думала об осквернении сада и была слишком расстроена, чтобы есть. Какое-то время солдат казался погруженным в размышления – не сказать ли что-нибудь ободряющее – но потом передумал. Он быстро покинул помещение, оставив двери открытыми. Мирмин немного поигралась с мыслью о том, не окликнуть ли его или ещё кого-то из слуг, чтобы закрыть двери, затем укорила себя за лень. Пройдя через комнату, Мирмин захлопнула створу. Она почувствовала, как по спине пробежал лёгкий холодок, и резко обернулась, когда кто-то сзади откусил яблоко.

На троне сидел Лорд Захариус – свесив ногу через подлокотник и закинув руку за спинку стула. Смазливый гость ослепительно улыбнулся правительнице, кинув недоеденное яблоко на поднос с остальной едой.

- Лорд Захариус, - поприветствовала Мирмин, тщательно пряча своё изумление. – Разве сейчас время прогулки заключённых? Если это не так, я полагаю, у тебя есть причина находиться здесь. Заодно, раз уж ты тут, можешь объяснить, *как именно* ты попал в мою тронную комнату.

Кошачий лорд пожал плечами.

- Причина моего визита проста. Я всего лишь хотел поблагодарить тебя за гостеприимство, за ваше старомодное великодушие. Уверяю, я и вправду тронут. Не так часто мне предлагают бесплатный ночлег и стол, - он облизал губы. – Но *каким способом?* Это секрет, и он останется таковым.

- Тебя заперли в подземелье, Лорд Захариус. «Гостеприимство», о котором ты говоришь, не что иное, как заточение.

- Полагаю так, если смотреть на это под таким углом. Но как ты можешь видеть, не особо я и заточён. Так почему бы нам не извлечь из ситуации как можно больше выгоды?

- Помимо прочего, заключение служит ещё и твоей защите. Многие считают, что это ты ответственен за козни своего народа, и могут попытаться навредить тебе.

- Или попытаться наградить, за то, что я наказал гадких, жирных тупиц, которые их обманывали. Ты ведь в курсе о протестующих у стен Цитадели, не так ли? Пока мы говорим, они...

- Я совершенно точно в курсе, - отрезала Мирмин.

- Горожане разозлены и напуганы тем приёмом, что мне оказали. Они повторяют, что боги будут очень недовольны. И народ думает, что все эти «происшествия», как вы их называете, - проявление высших сил, оберегающих мою расу.

- Те люди – фанатики со стажем, - парировала правительница. – Они всегда ищут какую-нибудь причину.

- И нашли в моём лице.

Глаза Мирмин сузились.

- Они не знают, кто ты такой на самом деле, Лорд Захариус. И сомневаюсь, что они продолжают оказывать тебе поддержку, если узнают о животной стороне.

- Угрозы тебя не красят, - промурлыкал лорд. – И пожалуйста, зови меня Заз.

- Лорд Захариус, вопрос серьёзный. У твоего народа есть способность очаровывать, гипнотизировать людей. Это так ты смог выбираться почти каждый вечер из своей темницы за последние десять дней? Так ты проник сюда?

- О, нет, не такими грубыми методами. Я подумал, может мы проведём вместе тихий вечерок, - кошачий лорд распрямился и поднялся с трона Мирмин. Она сердито устремилась к нему, и они встретились в центре зала. – А потом, может быть обсудим ещё раз моё предложение.

- Я отказываюсь всерьёз рассматривать твою просьбу до тех пор, пока нападения на моих людей продолжаются.

- И почему же ты думаешь, что я имею к ним какое-то отношение? – уточнил он, отсутствующе водя кончиками пальцев по её руке.

Мирмин отшатнулась и сдержала порыв врезать этому человеку.

- Я проигнорировала тебя. Оскорбила твои религиозные чувства и отказала в просьбе извлечь из земли останки твоего предка. Некоторые фанатики убивали и за меньшее.

- Значит я похож на фанатика?

Мирмин отвела глаза в сторону, освобождаясь от хватки гипнотического взгляда мужчины.

- Я не знаю, как к тебе относится.

- Конечно знаешь. Доверься инстинктам. Слушай, что они говорят.

- Прямо сейчас они говорят, что, несмотря на твою дипломатическую неприкосновенность, тебя нужно допросить в связи с убийством в садах.

- Ты подозреваешь меня? – поразился он, явно удивлённый.

Мирмин кивнула.

- Тебя, или кого-то из твоего народа. И способность проникать и скрываться из тщательно охраняемых мест уж точно не способствует моему успокоению. То, как погибший был растерзан, навевает определённые мысли – что это могла быть работа кого-то из ваших.

- Несомненно, вы рассмотрели вероятность того, что жертва могла быть убита таким образом, чтобы тень подозрения падала на любое дикое животное, не только на моих котов. И эта уловка, призванная отвлечь внимание от настоящего убийцы, сработала, раз уж ты проводишь столько времени, беспокоясь обо мне.

- Всё возможно.

- Я даже не знаю убитого.

- Это ты так говоришь.

Лорд ухмыльнулся, в его зелёных глазах мелькнули искорки.

- Мирмин, я бы никогда не смог тебе солгать.

Повелительницу Арабеля охватил гнев.

- Похоже, ты думаешь, что сможешь добиться своего, просто притворяясь очаровашкой?

- Раньше всегда срабатывало.

- Заруби кое-что себе на носу, Лорд Захариус. Даже если бы ты мне нравился – а это не так – я могла бы сегодня переспать с тобой, а на завтра приговорить к смертной казни.

- Понятненько, - проронил кошачий лорд. – Что ж, в таком случае сам процесс был бы весьма разочаровывающим. Спокойной ночи.

Он грациозно подошёл к дверям.

- Я хочу, чтобы твой народ прекратил подобную деятельность, - бросила вдогонку Мирмин.

Лорд Захариус развернулся и развёл руки в жесте, показывающем его заинтересованность.

- Даже если мои собратья и в ответе за местную кутерьму, я уверен, что они просто играют. Им здесь нравится. Не думаю, что мне удастся убедить их покинуть город. Более того, думаю, придут ещё.

- Это будет совсем некстати.

- Вовсе нет. Мы, кошачьи лорды, знаем, как веселиться, и оживим это место, - он пожал плечами. – Оу, и не будешь ли ты так любезна вызвать мне сопровождение? Кажется, я забыл дорогу до своих покоев...

Этой ночью Мирмин не могла заснуть. Она покинула дворец в сопровождении большого числа стражников и была на пути к садам, когда услышала крик. В прошлом немало раз сталкиваясь со смертью лицом к лицу, правительница узнала в нём крик человека, встретившего свой конец. К тому времени, как она миновала лабиринт строений, окружающих сады и обнаружила обмякшие и уставившиеся лицами в небо тела стоявших на посту стражников, женщина уже поняла, что именно найдёт среди мешанины кустов и клумб.

Среди деревьев теперь лежал ещё один мёртвый человек. Его тело было разорвано на куски, а всё вокруг забрызгано кровью – в особенности беседка. Не веря своим глазам, Мирмин приблизилась к труп, подавляя вопль ярости. Она пыталась понять, как такое вновь могло произойти.

Мирмин почти не осознавала происходящее возле неё, когда её солдаты собрались вокруг тела. Вскоре Кинан Тофт обнаружил голову жертвы и сопроводил женщину к месту находки. Она с удивлением поняла, что лицо мертвеца ей знакомо.

Это оказался Волни, старший маг, которого Эвон Стралана нанял для досмотра магазина Пенна Оттманна несколькими днями ранее. Сам прибывший министр какое-то мгновение казался поражённым при виде трупа волшебника.

- Волни и Уолкотт осуществляли наблюдение за Эльхазирой, - хриплым шёпотом сообщил он.

- Возможно, он узнал что-то, что сделало его угрозой магу, которого мы разыскиваем. Стралана, разыщи Уолкотта. Он либо тоже в опасности, либо в сговоре с преступником.

- Тебе нужно знать ещё кое-что, - добавил Стралана. – В последнем отчёте Волни говорится, что за Эльхазирой следят и кошки тоже.

- Где Лорд Захариус?

- В своей камере, играет в какую-то игру со стражниками. Что-то с костями. Выглядит вроде безобидно, а то парни скучают.

- Приведи его. Хочу, чтобы он был с нами, когда мы встретимся с Эльхазирой.

Стралана оставил её, спеша удостовериться, что приказы будут выполнены. Через десять минут Мирмин, Стралана и Лорд Захариус выдвинулись к магазинчику Эльхазире. Их также сопровождал отряд солдат, а, к тому моменту, как они достигли рыночного района, за ними по пятам следовала стая кошек. Мирмин заметила ягуара и оглянулась в поисках Сиобан, но женщину нигде не было видно.

Дверь в лавку оказалась открыта и из неё выбивалось тёплое оранжевое сияние факела. Прежде чем кто-либо успел среагировать, внутрь скользнули две кошки – одна с рыжим мехом, другая светло-серебристая.

Мирмин повернулась к стражникам и ткнула пальцем в Лорда Захариуса:

- Пока не пускайте его внутрь.

- Вряд ли это разумно, - отозвался кошачий лорд.

Не обратив внимания, Мирмин зашла в помещение вместе со Страланой и обнаружила за дверью поле битвы – изысканные гобелены на стенах разодраны, полки завалены разорванной одеждой, стеклянные витрины разбиты или перевернуты, а полы усыпаны дешёвой, блестящей бижутерией для украшения костюмов.

Двое котов уже были там, когда Мирмин обнаружила девочку – Андреану – съезжившуюся в углу отдельной комнаты в дальнем конце магазина. Эльхазира лежала у её ног. Волосы женщины растрепались, а глаза были выпучены; она едва дышала.

Андреана же вся была в слезах. В то мгновение, когда она подняла взгляд и увидела приближающихся животных, девочка что-то закричала – на языке, который Мирмин никогда раньше не слышала. Внезапно красновато-чёрный язык пламени исторгся из рук Андреаны, в мгновение ока пролетев расстояние от неё до котов. Звери отпрыгнули с дороги и снаряд врезался в стену. Девочка поднялась, её кулаки были окутаны аурой энергии всё того же чёрно-красного цвета – и животные помчались от неё прочь.

- А вы почему здесь? – всхлипнула Андреана, обращаясь к Мирмин. – Пришли посмеяться над дурочкой?

Правительница уставилась на ребёнка. Вот он, таинственный волшебник. Эльхазире не нужно было покидать магазин, чтобы выйти на связь с магом – обладатель тайных знаний всегда находился под боком.

- Андреана? Кто убил Оттманна?

- Он был плохим человеком. Хорошо, что он умер. Он делал всякое... Плохое.

- Тебе?

Слёзы покрывали её лицо. Рукава платья задрались, открывая сеть шрамов на руках.

- Да. И Эльхазира тоже. Они били меня и жгли. Они хотели, чтобы я слушалась.

- Это ты его убила?

- Нет! – плюнула девочка. – Но хотела бы.

Мирмин заглянула в напуганные глаза угнетённой девочки.

- Ты – девушка со способностями. Почему ты оставалась с ними?

- Я из бедной семьи, родители нуждались в золоте, которое я отсылала.

- Это единственная причина?

- Нет. Эльхазира сказала, что мама и папа пострадают, если я не буду подчиняться ей или наврежу.

Мирмин прикусила губу.

- А что случилось здесь сегодня ночью? Это кошки? Они напали на тебя? Или Эльхазира?

Стралана из-за спины правительницы города попытался подойти ближе к девушке, но юная волшебница уставилась на него, и воин застыл на месте. Неожиданно с другой стороны комнаты донеслась волна холодного воздуха; обернувшись, все присутствующие лицезрели Лорда Захариуса, стоящего в дверном проёме и держащего на руках чёрную кошку с сияющими серо-голубыми глазами. Вокруг шеи животного обвился амулет, который Мирмин уже видела – сердце, разделённое на две половины. Последний раз одна половина была кроваво-красной, в другая – чёрной. Теперь же обе были багровыми.

Это была Сиобан.

- Стража! – закричала Мирмин.

- Боюсь, они не смогут отозваться, - покачал головой Лорд Захариус. – Здесь работает та же магия, что усыпила солдат тогда, в саду. Мы абсолютно одни здесь, не считая моего народа.

Женщина взглянула на дверь и разглядела крепкие, большие человеческие фигуры – Никколо и Савьер. Дюжина других кошачьих столпилась позади них. Эвон Стралана схватился за меч; Мирмин резко взглянула на него, вздёрнув руку. Неохотно, министр выпустил оружие.

- Ты убил Пенна Оттманна, - ровным голосом констатировала правительница.

- Ни в коем случае, - не согласился Захариус, слегка приподняв кошку. – Это сделала она.

- Сиобан – выдохнула Мирмин.

- Верно, - Лорд Захариус перевёл взгляд на девочку и мягко поприветствовал: - Здравствуй, дитя.

Андреана шарахнулась от него прочь.

- Тебе нечего бояться, и ты это знаешь, - начал Захариус. – Я много раз приходил к тебе. Я говорил, что мы вызволим тебя, если ты добудешь то, что нам нужно. Мы выполнили свою часть сделки; что же, ты откажешься от своей?

- А родители? – всхлипнула Андреана.

- С ними всё хорошо. Угрозы Эльхазир были пустыми. Но даже если бы женщина говорила правду, мой народ защитил бы твою родню, даже в Кинжальной Долине, поверь. Этой ночью ты увидела, на что мы способны.

Горестно кивая, Андреана залезла рукой в карман и вытащила засушенные остатки крохотной ножки, оканчивающейся кошачьей лапой.

- Мощи Сацумы, - прошептал Эвон Стралана.

Мирмин смотрела на висящий на шее Сиобан амулет, когда в памяти всплыли слова её мужа: *«Я познаю мрачное чудо отщепенца»*.

- Останки Сацумы всего лишь уловка, - поняла она. – Ложь, и ничего более. Всё это было затеяно ради мести.

- Верно, - ответил Лорд Захариус, наклонившись и позволив черной кошке спрыгнуть. Та приземлилась - на три ноги - и мельком глянула в сторону проёма.

Проследив за взглядом кошки, Мирмин увидела молодого мага, Уолкотта, стоящего между Никколо и Савьером. По его глазам, мерцающим даже в тёмной комнате, она догадалась, что он один из кошачьего народа. Тогда, в магазине Оттманна, он пытался направить расследование на поиски мага-убийцы, прочь от кошачьих лордов и истины.

Отвернувшись от волшебника и вновь посмотрев на покалеченную кошку, Мирмин попыталась найти хоть какой-то смысл в том, что она видит. Эта кошка являлась Сиобан. Определённо. Но что случилось с её лапой? Кошачья леди, представившаяся Сиобан на аудиенции... Мирмин вспомнила её высокие кожаные сапоги и неуклюжие движения и, наконец, всё поняла.

Кошка подковыляла к девочке и остановилась напротив. Андреана поставила ногу за животным и отодвинулась. Кошачья леди начала увеличиваться в размерах, черты её лица расширялись, а шерсть погружалась под кожу. Вскоре обнажённая, человеческая форма Сиобан сидела перед ними. Левая нога женщины оканчивалась культей, прямо после бедра. Она потянулась за сушёной кошачьей лапой и прижала её к груди, пытаясь сдержать слёзы.

- Что здесь происходит? - требовательно поинтересовался Стралана.

Мирмин сняла плащ и накинула его на плечи Сиобан.

- Мрачное чудо.

Красавица-леди подняла на правительницу свои покрасневшие глаза и спросила:

- О многом вы догадались?

- Кое о чём, - отозвалась Мирмин. - Будет лучше, если ты всё расскажешь.

- Ты ей доверяешь? - посмотрела Сиобан на Лорда Захариуса.

- Да, - подтвердил тот.

Кошачья леди кивнула.

- Двенадцать лет назад на меня напали двое мужчин. Это случилось в ваших садах, в той беседке. Откуда-то они знали, что я из расы кошачьих лордов. Считая меня более низшим существом, они и обращались со мной также. С помощью амулета маг заточил меня в моей человеческой форме, а потом он и его сообщник изнасиловали меня.

- Я вернулась на следующий день, чтобы наказать их, но тогда у Оттманна в распоряжении было могущественное оружие. Пока я была кошкой, он отрубил мне ногу и дюжину раз ударил ножом. Посчитав, что я истекла кровью, он выбросил моё тело как мусор. Ногу же оставил в качестве сувенира.

Мирмин содрогнулась.

- Ты выжила, и захотела отомстить.

- Лорд Захариус помог мне. Сама я бы никогда не нашла ублюдка - оба они сменили имена и изменили с помощью магии внешность после «убийства», - она злобно ухмыльнулась, сверкнув глазами. - Может быть, они подумали, что я использовала только одну жизнь, и теперь могу вернуться за ними.

Захариус бросил на женщину хмурый взгляд, а потом вновь повернулся к Мирмин.

- Какое-то время назад Оттманн узнал про нашу миссию по возвращению останков Сацумы – уверяю тебя, она вполне реальна. Он утверждал, что у него есть

какая-то информация, которая нам нужна, но отказался поделиться ею за разумную цену. По правде говоря, он пытался вымогать деньги. А когда торг не удался, он принялся угрожать моему представителю, используя лапу Сиобан в качестве результата прошлого столкновения с моим народом. Рассказы об этом дошли до меня, и я всё понял. Остальное ты видела лично.

- А что насчёт Волни? – уточнил Стралана.

- Прощание Волни и Оттманна несколько лет тому назад оказалось жестоким, - отозвался Уолкотт. – А потом мне пришлось почти целый год обыскивать Арабель, пока я наконец не нашёл мага, несущего запах крови Сиобан.

- Не понимаю, - сказала Мирмин. – После нападения прошли годы, кровь уже смылась с его рук.

Уолкотт прочистил горло.

- С рук – да. Но не с души.

- Уолкотт может чувствовать такие вещи. Он один из наших самых сильных магов, - сказал Захариус. – Он завёл знакомство с Волни и привёл его под твоё командование, чтобы мы затем могли привлечь его к расследованию дела. И хотя он нервничал из-за прибытия кошачьих лордов, Волни понятия не имел, что был убит его бывший партнёр – в конце концов, оба они изменили внешность. И если бы всё пошло по плану, мы смогли бы обвинить Волни в убийстве.

Стралана задумчиво поскрёб подбородок.

- Так что же случилось?

На этот вопрос ответила Сиобан:

- Моя нога нужна была мне столь же сильно, сколь и месть. У Уолкотта есть заклинание, позволяющее мне восстановиться, - она бережно пощупала свою не очень приятную добычу. – В любом случае, Оттманн умер, так и не сказав, куда дел лапу. Мы надеялись, что Волни знает. Когда стало понятно, что он тоже не знает, мы убили его и вернулись к Эльхазире.

- Она утверждала, что ничего не знает, - продолжил Лорд Захариус, - но на самом деле использовала дар ребёнка, чтобы спрятать от твоих людей некоторые предметы – включая лапу – украденные ею из магазина Оттманна. Сначала она посчитала, что обрубок должен дорого стоить, раз уж мы его ищем, но потом решила, что это опасный артефакт. Возможно, она думала, что пока она хранит желаемое у себя, мы не причиним ей вред. Этой ночью, когда несколько моих собратьев обыскивали это место, она надломилась. Не смогла вынести всего ужаса.

Мирмин скользнула взглядом по медальону Сиобан.

- Есть ещё кое-что, не так ли? Та причина, по которой тела не поддавались всем формам божественной и духовной магии?

- Да, - согласилась Сиобан, водя по украшению пальцем. – Разве вы сможете связаться с душой, если она надёжно заперта?

Мирмин посмотрела на блестящие красные половины сердца-медальона. Казалось, что они слегка пульсируют, словно настоящее, бьющееся сердце.

Лорд Захариус встал перед Андреаной на колени.

- Знаешь, ты теперь свободна. Если хочешь, можешь немного попутешествовать с нами. Мы удостоверимся, что ты доберёшься до своих родителей.

- А как же золото, которое Эльхазира выдавала мне? Родителям нужно оно, не я.

Смущение затуманило прекрасное лицо Захариуса.

- Я думал, ты хочешь снова жить с ними.

- Они просто отправят меня куда-то ещё, - прикусила губу Андреана. – Может быть, я снова буду работать на кого-нибудь, похожего на Эльхазиру. Или даже хуже.

- Но ведь ты о них заботаешься...

- Я не хотела, чтобы им было плохо. И сейчас не хочу. Но это не значит, что я хочу к ним вернуться.

- Мне может пригодиться помощь, она может быть моей послушницей – выступил вперёд Уолкотт.

Лорд Захариус приподнял бровь.

- Такое тебе подойдёт?

- Если мне будут платить, - шёпотом ответила она, - и никто не будет называть глупой.

- А ты из требовательных, да? – улыбнулся Захариус. – Отлично. Твои навыки переговоров характеризуют тебя как девочку редкой сообразительности, Андреана.

Лицо юной волшебницы просветлело.

Мирмин взглянула на толпу кошачьих лордов за дверью, затем уставилась в изумрудные глаза Захариуса.

- Может, я и не смогу остановить тебя, если ты решишь ночью уйти отсюда, но даже не думай, что последствий не будет. Вы признались в умышленном убийстве. Законы нужно соблюдать.

- Это так, - согласился Захариус. - Но есть законы, а есть правосудие. Это не всегда одно и то же. Выбирать тебе, Мирмин. Можешь сделать из нас беглецов или сохранить в тайне всё, что случилось в этой комнате. Мы лишь сделали то, что должно было быть сделано уже давно. Сожалеть мне не о чем.

Мирмин посмотрела на Стралану - тот не отводил взгляда от серо-голубых глаз Сиобан.

- Эвон?

- Если бы мы задержали Оттманна и Волни - или как они там себя ещё называли - во время нападения, их приговорили бы к смерти, - произнёс министр. - Они получили по заслугам.

Сиобан молча кивнула, её глаза были полны благодарности.

Стралана оглядел лежащую у ног Андреаны женщину.

- Что же до Эльхазиры, - холодно добавил он, - слишком часто моим людям приходилось подбирать тела детей, избитых и выкинутых такими, как она. К ней у меня тоже нет жалости.

- Ты прямо мои чувства описал, - подтвердила Мирмин. - Лорд Захариус, вы все можете идти, но с одним условием - я хочу, чтобы вы никогда не возвращались в мой город. Ясно?

- Чёрт! - в сердцах воскликнул кошачий лорд. - А я уж было хотел порекомендовать Арабель своему народу, в качестве отличного места для отдыха.

Вопреки себе, Мирмин едва не улыбнулась.

Лорд Захариус опустил взгляд.

- Мне очень жаль, что это испытание принесло тебе столько боли.

- Как и мне, - вторила Мирмин, - как и мне.

Разделённая боль и воспоминания о несчастье Сиобан отныне отравили образ её когда-то любимой беседки. Женщина знала, что они никогда не исчезнут, подобно крови на фениксе Хэйверстрема. Её святилище, её убежище теперь потеряно навсегда.

На обратном пути ко дворцу, уже после того, как Захариус и его народ ушли, Мирмин наткнулась на кота, поймавшего птичку и теперь медленно убивавшего свою добычу. Она остановилась понаблюдать за отвратительным зрелищем. Эвон, следовавший сзади, коснулся её руки:

- Ты в порядке?

Мирмин подумала о том, какие мучения испытала Сиобан в руках насильников и вспомнила слабое сияние обеих половин её амулета. Пенн Оттманн и Раска Волни не просто изувечили кошачью леди - они ещё и отняли нечто личное и невероятно важное у Мирмин.

И она не испытывала к ним ничего, кроме ненависти.

- Это странно, - ответила Мирмин, продолжая смотреть, как маленький хищник медленно выдавливает жизнь из жертвы, - но почему-то я нахожу успокоение в том, что все кошки любят поиграть со своей добычей, прежде чем убить...

СЛЕЗА КОРОЛЯ

Марк Энтони

1360 год по Л.Д.

Духи трёх мудрецов корчились в мерцающем ядовито-зелёном пламени от жаровни. Некромант Кельшара подобно кошке расхаживала вокруг жаровни в самой верхней комнате её башни, расположившейся среди тёмных пиков южных Закатных гор.

- Просим тебя, волшебница, мы не знаем ответа на твой вопрос, - застонал один из духов.

- Пожалуйста, отпусти нас, - застонал другой.

- Хорошо, - ответил Кельшара. Её лицо было белым и чистым, а длинные волосы черны, как отполированный оникс, но она не была красивой. Тихая ярость, искажающая её лицо, никогда не была красивой, - Это будет награда за вашу никчёмность.

Она бросила горсть тёмного порошка на жаровню. Рубиновая крошка затрещала, и в этот же миг духи закричали в агонии. Пламя исчезло, оставляя после

себя лишь облако едкого дыма. Вместе с пламенем исчезли и духи, оставляя после себя только стоны, эхом отражающиеся от каменных стен.

На мгновение на лице Кельшары появилась злорадная улыбка, однако вскоре пропала – она всё ещё не знала ответа на свой вопрос. Она села за свой рабочий стол и достала из золотой шкатулки пару драгоценных камней, каждый из которых имел каплевидную форму и был зеркальной чистоты. Эти камни носили названия Слёзы Королей и легенды гласили, что это слёзы древних правителей, которые превратились в драгоценные камни. Так же, легенды гласят, что если заглянуть в такую слезу, то можно увидеть то, что “владелец” слезы любил больше всего.

Сейчас Кельшара видела в одном из таких камней изображение древних свитков и книг, написанных неизвестными рунами и покрытыми древними символами. Это была библиотека короля Эверарда Фарсира, королевство которого располагалось вдоль всей реки Чионтар. Его королевство кануло в лету ещё задолго до пересечения людьми Закатных гор. Самый ценной книгой в библиотеке Эверарда была книга, под названием “Том Полночи”, прочтение которого даровало вечную жизнь. Однако, как бы долго Кальшара не смотрела в слезу, она не могла разглядеть местоположение книги.

- Тоз! – крикнула некромант, - Тоз!

Кельшара услышала звук когтей, царапающих каменный пол, и повернулась, чтобы увидеть маленькое, уродливое существо, хромящее к столу некроманта на двух скрюченных ножках.

- Госпожа? – трепетно спросило маленькое существо, сопя своим свиным носом и моргая своими красными, луковичными глазками, так ярко красующихся на его собаководной морде.

- Подойди сюда, Тоз, - холодным голосом сказала Кельшара, - И Расскажи мне о будущем. Но если ты будешь снова врать мне, то в этот раз потеряешь не только хвост, обещаю тебе.

- Да, моя госпожа, - ответил кобольд. Его глаза виновато были опущены в пол, а коричневые лохмотья, некогда бывшие туникой, свисали кусками с его исхудалого туловища и источало пренеприятнейший запах.

Однажды, это существо было человеком, великим провидцем, который предсказывал судьбы королей и императоров. Однако Кальшара хотела заполучить его. Она организовала его убийство и с помощью своего мастерства некроманта заключила дух провидца в мерзкой оболочке. С помощью магии она связала волю Тоза, вынудив того безоговорочно подчиняться воле колдуньи.

Кобольд неуклюже подошёл к столу, взял с него маленькую коробочку из слоновой кости и достал из неё колоду богато украшенных карт, завёрнутых в чёрный шёлк. Существо перетасовало их и протянуло колдунье.

- Вы должны вытянуть три.

Кельшара быстро вытянула три карты.

Кобольд перевернул первую. На ней было изображено три драгоценных камня.

- Это значит, что вы знаете, что ищите, и это предрекает вам великое богатство, однако, некоторая его часть будет потеряна.

- Конечно, - задумчиво ответила некромант, - Я была дурой. Я не смогу увидеть местоположение тома, пока не добуду третью и последнюю слезу. Хорошо, продолжай.

Кобольд перевернул вторую карту. На ней был изображен священник, перевёрнутый ногами кверху.

- Это символизирует силу ваших союзников.

Существо перевернуло третью карту.

- Перевернутый ногами кверху воин. Хм, враги, которые будут препятствовать вам будут сильны, как и ваши союзники.

- Что это означает? – спросила Кельшара.

- Я не знаю точно. Могу сказать только то, что священник, который вовсе не священник, поможет вам получить желаемое, а воин, который не является воином, будет всячески мешать вам.

- Воин, который не является воином? Что-то не внушает страха.

- Но хозяйка, карты говорят о его силе, мне кажется...

- Молчать! – крикнула женщина и ударом по щеке свалила кобольда с ног, - Главное, что имеет значение – третья Слеза. Как только я найду её, Том Полночи будет моим, а вместе с ним и секрет бессмертия.

В Эверардском аббатстве всё было беспокойно, и Тиверис знал, что он был тому причиной.

Он бежал вниз по винтовой лестнице, пошлёпывая своими сандалиями по каменным ступенькам. Настоятельница монастыря послала за ним, и никто не был вправе заставлять ждать Мать Мелисенду. Тиверис остановился перед дверью из красного дерева, ведущую в кабинет настоятельницы. Он успокоил дыхание, и постарался как можно тише постучать в дверь своей массивной рукой. Стук эхом разнёсся по всему коридору, что заставило Тивериса поморщиться от неожиданно громкого звука.

- Входите! – раздался командный голос из-за двери.

Глубоко вздохнув, Тиверис открыл дверь и, немного повернувшись вбок, прошёл в дверной проём. На самом деле, Тиверис был достаточно примечательной внешности для затворнического Эверардского аббатства – простая коричневая туника обтягивала его крупные мышцы, а коричневая кожа выдавала в нём чужестранца.

И это лишь добавляло ему проблем

- О, не стой столбом. Сядь уже, - сказала Мать Мелисенда типичным для себя энергичным голосом.

Настоятельница аббатства была маленькой женщиной с большими карими глазами и тонкими белыми волосами. Она сидела за своим рабочим столом, спиной к камину, и, несмотря на маленький рост, простая серая мантия каким-то образом подчёркивало властность этой женщины.

- Слушаюсь, Мать Мелисенде, - попытался ответить Тиверис как можно тише, однако от его голоса дребезжали стёкла. Он сел за стул, а настоятельница налила чай

в две фарфоровые чашки, после чего пододвинула одну из них Тиверису. Обеспокоенно взяв чашку своей большой рукой, он сделал тяжелый глоток.

Мать настоятельница сделала несколько глотков, пристально глядя на своего гостя.

- Я должна поговорить с тобой кое о чём. Некоторые из мастеров приходили ко мне и просили, чтобы я выгнала тебя из аббатства.

Глаза Тивериса распахнулись.

- Я сделал что-то не так, Мать Мелисенде?

Мелисенде улыбнулась.

- Нет, нет, не подумай, - с улыбкой ответила она, - Скорее даже наоборот – никто не делал столько для аббатства. Петли не скрипят, окна не продувают, но, - улыбка медленно сошла с её лица, - мастера жалуются на другое. Они считают, что с тех пор, как ты надел рясу, ты ничему не научился. По их мнению, ты остаёшься всё тем же наёмником самоучкой, который рождён, чтобы быть воином, а не жрецом.

- Им нечего бояться! Мать Мелисенде, я клянусь, я могу обучаться и контролировать себя.

В этот же момент в комнате повисла тишина и от того звук хрустнувшей чашки был слышен более отчётливо.

- Простите, я сломал чашку, - виновато сказал Тиверис, глядя на мокрые осколки кружки, выпадающие из его руки.

- Забудь о кружке. Это просто вещь, - сказала настоятельница, беря своими маленькими ручками гигантские руки Тивериса.

- Посмотри на них. Что ты видишь?

Не зная, что женщина имеет в виду, Тиверис посмотрел на свои руки. Он увидел огромные сильные руки, покрытые тёмной кожей на которых красовалось множество рубцов. Он сказал об этом Мелисенде.

- Правда? Это странно, потому что я вижу нежные руки. Руки, которые нежно обнимают детей. Руки, которые впервые и с опаской держат книгу. Ты помнишь это, Тиверис? Как ты учился читать сидя в этом кабинете. Нет, я не вижу рук воина, Тиверис.

- Но ведь мастера говорят обратное.

- Да, говорят. Громче всех высказывается мастер Орвен. Должно быть, они боятся, что в какой-то момент твоя сила может привести...к нежелательным проблемам.

- Но что если они правы? – грустно спросил Тиверис. Он помнил, как он убивал, когда был рабом, солдатом. И вот судьба привела его в Эверардское аббатство, где он, казалось, смог найти покой.

Глаза настоятельница вспыхнули от гнева.

- Я не ожидала услышать такую глупость от тебя. Ты знаешь, я очень трепетно отношусь к выбору людей, которые просят в наше аббатство. И ты здесь. Так что забудь про эти мысли, - Мелисенде взяла чашку и сделала глоток, - Я попробую поговорить с мастерами и смягчить их мнение о тебе.

- Вы действительно сделаете это для меня? – радостно спросил Тиверис.

- Разве не это я только что сказала?

- Но как же мастер Орвен?

- Я позабочусь о нём. А теперь, иди и займись своей работой.

Тиверис встал со стула и спешно пошёл к двери, но тут его окликнула Мать Мелисенде.

- И Тиверис. Держись подальше от неприятностей.

В течение дня Тиверис ремонтировал двери в кабинетах, а после того, как выполнил дневную норму, отправился в библиотеку, чтобы уединиться в тишине и немножко почитать. За окном сумерки опускались всё ниже, и звон бронзового колокола объявил о начале вечерней молитвы. Закатные тени опускались всё дальше на юг, накрывая собой Ириабор, Город Тысячи Копий.

Глядя на город он вспоминал о тех временах, когда Ириабор был его домом, а меч лучшим другом. Тиверис встряхнул головой и сосредоточился на лежащем перед ним свитке, который повествовал о создании церкви Огмы. Сейчас Тиверис с трудом вспоминал те дни, когда не умел читать, хотя он и научился этому простому делу всего несколько месяцев назад.

Библиотека была полностью заполнена книгами, и Тиверис считал, что потребуется три жизни, чтобы полностью прочитать все книги, хранящиеся здесь. Эверардское аббатство было убежищем для почитателей Огма, Хранителя Знаний, а само аббатство было названо в честь короля Эверарда, древнего правителя давно забытого королевства. Легенды гласят, что его дух и по сей день защищает эту библиотеку от мародёров и грабителей. И не удивительно, ведь эта библиотека считается одним из важнейших мест для почитателей Огма и любого, кто ищет знания.

Тиверис съёжился – он вспомнил те дни, когда он шёл в бой, подгоняемый ударами плетей по спине. Сколько же книг в те дни сгорели в огне и были утеряны навсегда?

Чтобы искупить свою вину, около семи лет назад Тиверис присоединился к крупной организации, борющейся с работорговлей во всех городах от Побережья Дракона и до Врат Балдура. Но даже тогда он был простым воином, который хорошо орудует мечом, но больше ничего не умеет. И когда организация была распущена, Тиверис понял, что он остался без цели в жизни.

Он остался совсем один. Никто не указывал ему, в чью сторону махать мечом, и тогда Тиверис понял, что огонь отчаяния и вины все ещё горит внутри него. И так он оказался перед воротами аббатства в один дождливый весенний день...

В миг, злоба исказило лицо Тивериса. Он не позволит никому выгнать его из Эверардского аббатства. Ни мастеру Орвену, ни кому-либо ещё. Нет. Аббатство стало его домом, и он будет сражаться за него.

Тиверис был рад, что он может затеряться на страницах древнего тома. Он полностью отдался чтению, и не заметил, как сумерки сменились звёздным небом, которое окружало Эверардское аббатство, стоящее на одинокой скале и полностью освещаемое лунным светом.

- Чтение старых пыльных книг вряд ли подходящее занятие, для воина.

Тиверис моргнул, когда жёлтое пламя лучины коснулось фитиля настольной свечи.

Он развернулся, ожидая увидеть мастера Орвена, однако увидел лишь серые глаза человека с очень худыми щеками и невероятно острыми чертами лица. Патриарх Аламрик.

Тиверис прочистил горло.

- Никто не воин в этих стенах, патриарх.

- Да, так любит говорить Мелисенде, - резко сказал Аламрик, - Как наивно.

Тиверис внимательно наблюдал за тем, как художавый человек садиться напротив него. Аламрик был патриархом церкви Огма и вторым человеком в аббатстве после Матери Мелисенде. С момента своего пребывания в аббатстве, Тиверис редко имел дело с патриархом, но иногда ему казалось, что Аламрик пристально наблюдает за бывшим воином. И сейчас Тиверис был в этом уверен – в серых глазах старика читался явный интерес.

- Не все почитатели Огма смотрят на воина со страхом, трясая поджилками, как наш достопочтенный мастер Орвен, - голос Аламрика был подобен звуку ножа, режущего шёлк. Тиверис смотрел на него с немалой долей осторожности.

- Я знаю, ты опасаясь меня, но право, не стоит, - сказал патриарх, изобразив на лице некое подобие улыбки, - Да, я могущественный человек, и мне подчиняются многие сотни послушников, но я всегда восхищался тобой. Нет, я завидую тебе. Видишь ли, я всегда мечтал оставить свой пост и подарить людям всю мою мудрость, взять в руки меч и отправиться странствовать. Однако Боги посмеялись надо мной, поселив мою душу в это хрупкое тело. Так что мне приходится довольствоваться только духовными битвами. Ты везучий человек, Тиверис.

- Нет, - резко ответил Тиверис, - Не говорите так, патриарх. Это, - сказал он, благоговейно дотронувшись до страницы, - нечто большее, чем битвы и мечи. Это гораздо важнее.

Аламрик отбросил книгу в сторону.

- Знание источник силы, это правда. И об этом нам говорит великий Огм. Однако есть нечто большее, чем знания. Это истина. И есть только один способ донести эту истину до людей, - прорычал патриарх. Его щеки налились кровью, а дыхание стало прерывистым. Его глаза не смотрели больше на Тивериса, а были прикованы к окну, через которое была видна полная луна.

- Неверующие слишком просто отталкивают нашу Истину. Если бы мы вооружили наших послушников не свитками и пергаменами, а мечами и топорами, то весь Фазрун смог бы познать Истину.

- Какую Истину вы имеете в виду, патриарх? – осмелился спросить Тиверис.

Взгляд Аламрика упёрся в Тивериса.

- Какую истину? Неужели ты не понимаешь? Людям не нужно читать книжки, чтобы думать. Слишком много книг, и слишком много вольнодумия. Мы можем говорить им, как думать правильно. Мы должны это делать. Мы должны ограждать людей от некоторых знаний и мыслей. Для их же блага.

- Но не все будут согласны на это. Будут и те, кто станет сопротивляться вашим идеям.

Аламрик небрежно отмахнулся.

- Не все души можно спасти. К сожалению, Мать Мелисенде и ей подобные не могут смотреть настолько далеко в будущее, но в Церкви есть те, кто могут. Именно

я поведу воинов вперед, и я буду гласом Истины в головах народа, - неожиданно патриарх схватил Тивериса за запястье. Его руки были неестественно горячими, - Такой человек, как ты, мог бы стать одним из первых моих Святых Воинов, которые понесут Истину в массы не книгами, но мечами.

Тиверис отдернул руку, потирая обожжённое запястье.

- Я не понимаю, чего вы хотите от меня.

- Всё ты понимаешь, Тиверис. Что ж, я оставлю вопрос открытым. Надеюсь, ты подумаешь над ним и, в итоге, решишь присоединиться ко мне.

Как только патриарх покинул библиотеку, Тиверис понял, что у него пропало всякое желание читать. Он отложил книгу и отправился к конюшне, на чердаке которой находилась его скромная комната. Звёздное небо уступило место предрассветной дымке, но Тиверис никак не мог сомкнуть глаза. Слова патриарха постоянно повторялись в его голове.

Наконец, он встал с кровати и зажег свечу. Мягкий свет осветил комнату, и Тиверис опустил на четвереньки. Нащупав пальцами треснувшую половицу, он поднял её, доставая из дырки в полу длинный предмет, обёрнутый в меховой плед. Распахнув покрывало, он увидел лезвие меча, с множеством зарубок по всему лезвию. Тиверис долго вглядывался в свой меч, вспоминая лица всех тех, чьи щиты не выдержали натиска мускул воина. Через час Тиверис убрал меч обратно.

Он достал другой предмет, гораздо меньше. Это была нефритовая статуэтка птицы, которая потеряла свою изначальную композицию, но была всё так же дорога Тиверису. Её ему сделала его сестра, Тали. Когда-то давно, когда они были смелыми подростками, они сбежали из родительского дома и отправились в джунгли Чульта. Их манили рассказы о несметных богатствах этих мест и азарт битвы. И поэтому они записались в группу авантюристов, отправляющихся на юг. Но они были обмануты.

Они попали на корабль работорговцев, перевозящий не только рабов, но и огромное количество болезней и грязи. Тали не пережила этой поездки, а Тиверис стал человеком, скованным кандалами и изредка получавшим меч в свои руки. Нефритовая статуэтка было единственной вещью, оставшейся с Тиверисом с прошлой жизни. Яркие глаза его сестры, её смелая улыбка...теперь всё это было лишь далёким воспоминанием.

“Не все души можно спасти”. Слова патриарха подобно яду засели в сознании Тивериса.

- Видимо, смертей будет только больше. Да, Тали? – прошептал Тиверис.

Ответом ему была лишь тишина.

Это был мрачный осенний день, когда незнакомец в плаще позвонила в гостевой колокол Эверардского аббатства.

Тиверис находился в главном зале и ремонтировал створки окон, дабы наступающая зима не смогла пробраться внутрь зала. Он услышал звон колокола и посмотрел в окно, выходящее во внутренний двор, к главным воротам. Там он увидел незнакомца в тяжёлом синем плаще, верхом на чёрном жеребце. Потом он увидел

как Мать Мелисенде и Патриарх Аламрик вышли поприветствовать гостя, а тот отбросил назад свой капюшон.

Она была красива. Волосы, черные как и жеребец, красиво ниспадали на синий плащ, а бледная кожа была настолько экзотична для жителей этой местности, что казалась практически совершенной. Тиверис подумал, что, должно быть, это была девушка знатного происхождения.

Слухи в Эверардском аббатстве были явлением таким же частым, как вечерняя молитва, и Тиверис уже к следующему утру узнал, что эту женщину зовут Кельшара, и она является крупным меценатом аббатства, и вот решила совершить паломничество.

На самом деле, она хотела увидеть самую ценную реликвию аббатства – Слезу Эверарда. Кристально чистый камень хранился в маленькой, хорошо защищенной, камере, позади часовни, и, как говорили легенды, была слезой древнего короля, которая под действием магии превратилась в камень. Эта “слеза” попала в руки основателя Эверардского аббатства многие столетия назад, и с тех пор многие паломники съезжаются со всех Королевств сюда, дабы посмотреть на древнюю реликвию и воздать почести великому Огму.

Только-только закончилась полуденная молитва, как поступил приказ о подготовке праздника. Тиверис и ещё несколько братьев-монахов подмели пол в главной зале и достали длинные дубовые столы. Монахини приготовили еду и разнесли посуду, и после вечерней молитвы началось празднование.

Когда люди послушники собрались в главной зале, столы ломились от жареных гусей, изысканных рагу и различных фруктов. Весь вечер Тиверис пытался держаться подальше от всех, и просто сидел на месте и наблюдал за окружающими, до тех пор, пока его не окликнул мастер, сидящий по левую руку от него, и не попросил передать поднос с хлебом.

Когда все наполнили свои тарелки, Мать Мелисенде встала и представила всем присутствующим таинственного мецената – леди Кельшару. Мать настоятельница объявила, что этот благодетель пришёл в аббатство с целью увидеть священную Слезу Эверарда. Тогда, черноволосая женщина стала и заговорила:

- Друзья мои, благодарю вас за этот тёплый приём, - начала говорить она мягким голосом, - Я бесконечно благодарна вам и жажду увидеть реликвию, которую вы неизменно охраняете, - одна подняла бокал, наполненный вином, - Так давайте же выпьем в честь великого Огма, и пусть он дарует нам все знания этого мира.

Тиверис взял свой бокал и встал вместе с остальными, но тут резко остановился – он разглядел в улыбки Кельшары что-то более глубокое и личное.

Когда Тиверис был рабом, он научился читать мысли своих оппонентов по выражению лица – он мог узнать, когда человек лжёт, или когда собирается атаковать. Он не знал, чем так сильно его задела улыбка Кельшары, но по его позвоночнику пробежал пронзительный холодок.

Весь оставшийся вечер Тиверис сидел без еды, краем глаза поглядывая на Кельшару – женщина весь вечер беседовала с патриархом Аламриком. Патриарх был на удивление оживленным, и Тиверис не сомневался, что тот рассказывает Кельшаре о своих планах превратить церковь Огма в военизированный орден. Мать Мелисенде, сидящая между ними, слушала их в пол уха и с кислой миной. Кельшара

же, напротив, была заинтересована – её улыбка изменилась на улыбку триумфатора, хотя она иногда отводила глаза от оживленного патриарха и разглядывала лица остальных присутствующих.

Вроде бы, она уже знала, где хранится Слеза Эверарда, но, всё же, продолжала что-то высматривать. Не зная почему, Тиверис съехал на своём стуле, пытаясь спрятаться за людей, сидящих справа от него.

Вскоре, Мать Мелисенде поднялась со своего стула, пожелала всем спокойной ночи и отправилась в свои покои, но остановилась рядом с Тиверисом.

- В последнее время ты стал более незаметным, чем обычно.

Тиверис усмехнулся.

- Когда я был воином, то слово “незаметный” при мне применяли только тогда, когда говорили об убийстве кинжалом, а не топором.

Он слегка улыбнулась, затем вздохнула и сказала.

- Ты хорошо держишься. Даже мастер Орвен успокоился. Завтра я проведу собрание по поводу твоего обучения. Я хочу предложить мастерам начать обучать тебя подобно другим послушникам, и у меня есть основания полагать, что они согласятся.

- Спасибо вам, Мать Мелисенде, - ответил он с широкой улыбкой на лице.

- Это случилось только благодаря тебе. Не благодари.

Она развернулась и ушла, однако Тиверис встал со стула и догнал Мать Настоятельница.

- Эта Кельшара. Она не нравится вам, не так ли?

- Не знаю, - колеблясь ответила она, - Но, кажется, она подружилась с патриархом.

- Должно быть, он хочет, чтобы она спонсировала его идею о создании военного ордена, который будет нести “Истину” по всему Сердцеземью.

Неожиданно, обычно тёплое выражение лица Матери Мелисенде стало холодным как айсберг.

- Держись подальше от патриарха, Тиверис. Возможно, ты понадобишься ему для осуществления этих планов, но ты, безусловно, слишком мудр, чтобы помогать ему, - с этими словами мать настоятельница быстро удалилась.

Тиверис посмотрел в главный зал. Аламрик продолжал рассказывать Кельшаре о своих идеях, но она больше не смотрела на него. Её улыбка стало ещё более триумфально, а взгляд фиолетовых глаз проносился сквозь весь зал и был прикован прямо к Тиверису.

После праздника Тиверис направился в конюшни, дабы забыться сном на своей кровати. Но, несмотря на усталость, когда луна заняла место солнца, Тиверис всё ещё не мог уснуть.

“Я не знаю, позволят ли мне остаться здесь, Тали”, – думал он, - “но я чувствую, что моё место здесь”.

Он поставил нефритовую статуэтку на перевернутый ящик, который служил столом в этой небольшой комнате, надел очки в оправе из проволоки и начал читать

книгу. Её содержание описывало падение древней империи, центр которой находился в регионе, который сейчас занимает пустыня Анаурох, что далеко на севере.

Через пару часов, когда Тиверис отложил книгу, его воображение начало рисовать ему великое воинство боевых монахов патриарха Аламрика, спонсированное золотом Кельшары. Тиверис представлял себя во главе этого воинства. Он мечом нес правду в дома людей, восседая на своём чёрном жеребце. Что если Аламрик был прав? Что если путь насилия – единственный верный путь? Тогда он, Тиверис, лично мог оказать большую помощь патриарху. Но если эта истина была лишь мнением самого Аламрика...

- Нет, - прошептал Тиверис, - Я больше никогда не буду пешкой.

Он встал с кровати и быстро спустился по лестнице. Раз уж он не мог спать, то должен был отвлечь свои мысли другой книгой. Пройдя через внутренний двор, Тиверис проскользнул в аббатство. Тихо, насколько он мог, Тиверис передвигался по коридорам аббатства, и тут он заметил мерцание свечи. Он аккуратно заглянул в дверной проём.

Внутри часовни на коленях стоял патриарх Аламрик и что-то яростно причитал. Безусловно, он возносил молитвы Огму. Тиверис спешно отошел от часовни и пошёл в сторону библиотеки. Ему было не по себе, что он застал Аламрика за молитвой.

Проходя мимо комнаты Аламрика, он увидел оранжевый свет, просачивающийся через щель, между дверью и полом. Должно быть, патриарх просто не загасил свечу перед уходом в часовню. Но было что-то странное в этом румянном, оранжевом свечении, так сильно напоминавшем...

- Огонь, - прошептал он. В его воображении тут же появилась картина, как прогоревшая настольная свеча роняет огонь на иссушенные временем пергаменты. Огонь моментально разгорается и начинает лизать потолок...Сначала Тиверис хотел побежать в часовню, за патриархом, но это было лишь вопросом времени – когда огонь выйдет из под контроля. Тиверис выбил дверь и остановился, совершенно ошарашенный.

Ему в глаза тут же бросились две вещи. Во-первых, в комнате не было огня, а оранжевый свет исходил от банки, внутри которой было оранжевое...нечто, омываемое головокружительными газовыми волнами.

Во-вторых, в комнате был человек. Кельшара, сидевшая в стуле, обитом фиолетовым бархатом, казалось, не заметила Тивериса, и тот сделал шаг назад. Женщина казалась мёртвой – её бледное лицо не выражало никаких эмоций, и было абсолютно неподвижно. Если бы не постоянное колебание сиреневой мантии Кельшары, вызванное дыханием, Тиверис решил бы, что женщина действительно умерла.

Тиверис почувствовал холодок, пробежавший по его спине, и инстинктивно опустил руку к бедру, но не нащупал там меча.

- Магия, - прошептал он, - Безусловно, это магия...

Но что это значит? Неужели, Аламрик был магом и, используя заклинание очарования, он убедил Кельшару одарить его золотом. Не зная, что и думать, Тиверис решил как можно быстрее найти Мать Мелисенду.

Но он не мог оторвать взгляда от стеклянной банки. Он пытался разглядеть, что же было внутри.

И у него получилось. Тиверис разглядел оранжевый силуэт человека, который яростно колотил по чему-то, а его глаза были широко раскрыты от дикого страха. Хуже всего было то, что Тиверис узнал человека, силуэт которого был заключен в банке. Это был патриарх Аламрик.

- Что ж, ты наконец-то пришёл, - сказал жёсткий мужской голос, - Я ожидала этого. Карты Тоза никогда не лгут.

Развернувшись на пятках, Тиверис поднял кулаки и увидел перед собой Аламрика.

Но это был не патриарх. Несмотря на то, что перед ним стояло тело Аламрика, душа его была заключена в банке. Видимо, кто-то контролировал тело патриарха, о чём свидетельствовала его самодовольная улыбка.

- Кельшара, - прошептал Тиверис. Несмотря на то, что женщина всё еще неподвижно сидела в кресле, он знал, что она каким-то образом контролирует тело патриарха.

- Проницательный, - ответила колдунья голосом Аламрика, - Хотя на что-то хватило твоего ума. Видишь ли, кое-кто предсказал мне, что ты будешь стоять на моём пути, и поэтому ты падёшь.

Неожиданно, из мантии патриарха выскользнул изогнутый кинжал, и старик бросился на Тивериса.

Рефлексы Тивериса сработали безотказно. В два движения он увернулся от кинжала и перехватил руку патриарха. Но, поддавшись охватившему его куражу, Тиверис вывернул руку старика и вонзил нож ему под рёбра. В одно мгновение Тиверис осознал, что он сделал. Красное пятно на белых одеяниях патриарха разрасталось слишком быстро.

Тиверис попытался вытащить кинжал из тела Аламрика, но тот, с обезумевшими глазами и триумфальной улыбкой, обхватил руку Тивериса своей второй рукой и ещё глубже вонзил кинжал в своё тело.

- И я уже победила, - с этими словами банка разбилась, озарив комнату ослепляющим оранжевым светом.

Когда Тиверис проморгался, он увидел серые глаза патриарха, которые с ужасом смотрели на кинжал, вонзенный глубоко под рёбра старика. Издав последний вздох, Аламрик умер, а Тиверис позволил телу соскользнуть на холодный каменный пол. Струйки крови потекли по каменной плитке, растекаясь всё дальше и дальше.

- Что ж, спасибо тебе, - проговорила женщина, вставая со стула и поглаживая своё платье, - Я с ним закончила, и очень мило с твоей стороны, так помочь мне. Тоз, иди сюда.

Парализованный ужасом, Тиверис наблюдал, как маленькое существо запрыгнуло на подоконник, прыгнуло на пол и неуклюже поковыляло к колдунье.

Это был кобольд. Он внимательно рассматривал Тивериса своими маленькими красными глазками.

- Видишь, Тоз, священник, который вовсе не священник, - она достала из кармана карту, на которой был изображен перевернутый священник, - Он был умён,

но его постигла бесславная кончина, - женщина скомкала карту и бросила её на пол. Та превратилась в пепел раньше, чем опустилась на каменную плитку.

- И воин, который не воин, - прохрипел кобольд.

- Именно, - кивнула Кельшара, - В его сердце воинского духа больше, чем он готов признать – он убивает быстро и легко. Как и я.

Тиверис слишком поздно среагировал. Он прыгнул в сторону колдуньи, но та быстро достала из кармана карту с изображением перевернутого воина, и разорвала её.

Тиверис закричал.

Никогда в жизни он не кричал. Он терпел раны, которые убили бы многих. Он стерпел пытки раскалённым железом и наказания кнутом, но так и не подарил своим мучителям возможности услышать его крик. Но сейчас Тиверис кричал. Ему казалось, будто ужасающий коготь проткнул его горло и теперь пытался вытащить сердце через горло.

Но тут пришёл холод.

Тиверис повалился на пол. Его конечности судорожно подёргивались. Кельшара подошла к труп Аламрика и достала маленький драгоценный камешек из кармана патриарха. Слеза Эверарда.

- Что ж, я получила то, за чем пришла. Не бойся, воин. Ты проживешь до тех пор, пока твои братья монахи не посчитают тебя виновным в убийстве патриарха и не свершат суд. А мне пора идти.

С этими словами черноволосая колдунья подошла к распахнутому окну и произнесла несколько слов на гортанном, неизвестном Тиверису языке. Огромное чёрное нечто спустилось с небес и зависло над окном.

При жизни это, вероятно, был грифон. Благородное существо с телом льва и крыльями и головой орла, но это существо было созданием некромантии. Гнилая плоть свисала с пожелтевших костей, а глаза горели яростным, неопишуемым цветом. Существо издало непонятный звук, заглушённый неизвестной чёрной жидкостью, наполнявшей его рот.

Кельшара взобралась на мёртвого грифона. Кобольд вскарабкался за ней. Разрезав воздух взмахом крыльев, грифон унёс свою хозяйку в ночь, оставляя Тивериса совсем одного.

Ближе к утру мастер Орвен наткнулся на спящего воина, сжимавшего окровавленный кинжал и мёртвого патриарха.

И всего через несколько мгновений звук колоколов разбил утреннюю тишину.

Это было холодное серое утро. Воздух был холодным из-за первого выпавшего снега. Тиверис стоял перед закрытыми воротами Эверардского аббатства. Никто не вышел, чтобы попрощаться с ним. А кто захочет? Ведь все в аббатстве считали его убийцей. Тиверис думал, что отчасти они правы.

Он поправил свой старый дорожный плащ, подтянул порванный коричневый рюкзак и опустил свою руку к бедру. На поясе Тивериса теперь покоился плоский меч, который приятно упирался в бедро.

Совет мастеров не поверил в историю Тивериса и принял решение выгнать молодого человека из аббатства.

- Мне не нужна никакая магия, чтобы разглядеть в тебе преступника, Тиверис, - сказал тогда мастер Орвен, - Очевидно, что вы сговорились с Кельшарой украсть Слезу Эверарда и убить патриарха Аламрика, дабы замести следы. Но когда колдунья получила то, что хотела, ты был ей больше не нужен. Ты не только убийца, но ещё и дурак, - остальные согласились. Они всегда видели в Тиверисе только источник насилия.

Только вмешательство Матери Мелисенды спасло его от смертного приговора, однако окончательное решение мастеров было не лучше – изгнание из аббатства.

Тиверис посмотрел на горизонт. Мир за пределами аббатства казался ему совсем пустым. Но ему ничего не оставалось. Еще раз поправив рюкзак, он пошёл в сторону от аббатства.

Через десять минут стук копыт заставил Тивериса повернуться, а увиденное вызвало улыбку на лице мужчины, несмотря на его плохое настроение.

- Я думал, ты предпочитаешь передвигаться верхом, - сказала Мелисенда своим жёстким голосом. Она сидела верхом на чёрном жеребце Кельшары.

- Я хотела предложить тебе взять его. В конце концов, он не виноват в грехах своей хозяйки, - сказала женщина, поглаживая гриву животного.

- Спасибо вам, - сказал Тиверис, принимая поводья. Некоторое время он стоял в оцепенение, не зная, что ещё нужно сказать.

- Прости, что я не смогла сделать большего, - устало сказала она, - Но если бы я защищала тебя сильнее, они подумали бы, что и я была в сговоре с Кельшарой. Прости, Тиверис, но люди могут быть такими слепыми...Даже если они служители бога знаний.

Тиверис медленно покачал головой.

- Я не думаю, что есть кто-то мудрее вас, Мать Мелисенда.

Мелисенда усмехнулась.

- И почему я так сильно сомневаюсь в этом. Вот, возьми это, - сказала настоятельница аббатства, протягивая Тиверису какую-то вещь, завёрнутую в ткань.

- Что это? – спросил Тиверис.

- Это очень древняя реликвия, принадлежащая основателю аббатства. В тёмные времена она защитит тебя. И направит.

- Направит?

- К слезе Эверарда, - настоятельница тяжело вздохнула, - Видишь ли, я только что была у мастера Антиры. Она говорит, что звёзды предзнаменуют падение аббатства. Видишь ли, Слеза Эверарда защищала наши стены от тёмных сил, но, как только Кельшара получила Слезу, тёмные существа, которых ты описывал, смогли приблизиться к стенам аббатства. Мастер Антира говорит, что аббатству Эверарда наступит конец через год. И именно поэтому ты должен найти Кельшару, забрать у неё слезу Эверарда и доказать всем то, что я и так уже знаю о тебе.

- Но как мне сделать это? Все мои воинские навыки ничего не стоят перед её магией.

- Но у тебя есть то, чего никогда не будет у неё, - таинственно сказала Мелисенда.

- И вы не собираетесь говорить мне, что это, так?

- Я думаю, со временем ты сам это поймёшь. Запомни, - сказала она, вкладывая свёрнутый пучок в руки Тивериса, - Запомни, это защитит и направит тебя.

Без слов, Мелисенда развернулась и пешком отправилась в сторону аббатства. И снова Тиверис остался один, хотя ощущение одиночества оставило его. Он медленно развернул ткань. Тиверис увидел старое пожелтевшее перо, на котором ещё остались следы застывших чернил.

Взглянув в сторону аббатства, Тиверис оседлал чёрного жеребца и отправился в путь.

Спустя три дня путешествия на север, Тиверис увидел чёрную башню, красующуюся меж гор подобно языку какого-нибудь ужасного существа, высунутому из разинутой пасти. Солнце опустилось за горизонт, и в этот же момент посыпались хлопья снега, которые подобно осколкам стекла жалили щёки Тивериса. Он достал из-за пазухи перо опоясанное проволокой, как он делал уже дюжину раз за эти три дня. Взявшись за конец проволоки и подняв перо на уровень глаз, Тиверис увидел, что, несмотря на бушующий ветер, перо повернулось так, что его кончик указывал прямо на башню. Кивнув, воин хлестнул своего чёрного жеребца, чтобы тот перешёл на неспешный галоп.

Поднявшись на ближайший к башне холм, Тиверис решил отправиться дальше пешком. Оставив чёрного жеребца в укромном месте, он спешил и двинулся дальше, вверх по холму. Его мускулы напряглись от ожидания битвы и холода, но тут, внезапно, ветер затих, будто сам Цирик задержал дыхание в ожидании следующего хода воина.

При приближении к строению, Тиверис смог лучше разглядеть его: это была не башня, а небольшой крытый двор, из середины которого к небесам устремилась чёрная башня.

Подойдя к четырёхметровой дубовой двери, Тиверис толкнул её, и та, на удивление, легко отворилась. Внутри двора было несколько небольших строений и вход в саму башню. Дверей там не было, а Тивериса и вход в башню отделяла только чёрная арка, за которой была непроглядная темнота.

Пройдя сквозь арку, Тиверис оказался поглощённый непроглядной тьмой. Он только проклял свою глупость, ведь у него не было ни факела, ни фонаря, как тут же из его кармана показалось слабое свечение. Перо.

- Спасибо, Мать Мелисенде, - прошептал воин, нежно улыбаясь. Казалось, сам Огм освещает путь для него.

Первое что он увидел, когда в вестибюле появился источник света, были кости. Несчётное количество костей было разбросано по полу, а черепа тупо смотрели в разные стороны. Запах гниения, который Тиверис почувствовал, когда Кельшара вызвала своего грифона, был в сотни раз терпче. Но Тиверис многие годы нёс смерть, так что ни кости, ни запах не напугали его, и он, зажав нос, двинулся к двери в конце вестибюля. Кости крошились в пыль под его ногами, но Тиверис не обращал

на это никакого внимания, как и на башенки, сложенные из черепов по бокам от двери в следующую комнату.

Это была ошибка. При приближении к дверям, глазницы одного из черепов загорелись малиновым светом, и каждый череп в ужасной башенке начал дико вопить. В этот же момент Тиверис с размаху ударил мечом костяную башенку, и та разлетелась на мелкие осколки. Тиверис читал, что это было специальной защитой, придуманной королём Кетерилом с Островов Муншаез. Эти башенки были лишь малой долей того, что создал ужасный Дворец Черепов короля Кетерила. Если Кельшара умела создавать такие, то она была могущественнее, чем думал Тиверис.

И хуже всего было то, что хозяйка башни теперь знала о том, что в её дом кто-то проник.

Пройдя в дверь, Тиверис оказался в помещении с высоким потолком. Холла была абсолютно пустая, за исключением винтовой лестницы, поднимающейся вверх. Тиверис медленно пошёл к ней, и на полпути услышала странный звук.

Сначала раздался какой-то щелчок, после чего Тиверис ощутил кровь, стекающую по его спине. Развернувшись, воин застыл в изумлении – десятки летучих мышей спускались на него с потолка, издавая ужасные трещащие звуки. Нетопыри не были живыми – в их полусгнивших глазницах мерцал малиновый свет, подобно тому, что источал череп-наблюдатель.

Стая немёртвых нетопырей налетели на воина, обнажая свои клыки. С омерзением Тиверис отмахивался от мерзких существ, однако одно из них добралось до предплечья Тивериса и вонзило в него свои кривые клыки. Вскрикнув, мужчина оторвал от себя тварь и с размаха бросил её об стену.

С яростным криком Тиверис размахивал своим мечом, круша немёртвых летучих мышей в костяную пыль. Кровь из десятков маленьких укусов и царапин струилась по телу воина, а костяная пыль мешала ему дышать, но меч продолжал вертеться всё так же энергично.

Наконец, комната была зачищена от мерзких существ, за исключением одной твари, которая барахталась на полу. Она превратилась в кучу осколков, когда Тиверис яростно наступил на неё.

Закончив со всеми делами, Тивериса бросился к лестнице. Его разрывало желание кричать и ругаться, но в этом не было необходимости – Кельшара уже нашла о его присутствии. Быстро поднявшись вверх, Тиверис оказался в коридоре, заканчивающимся деревянной дверью.

Вдоль всего коридора стояли древние саркофаги. Лица, высеченные на них, были, судя по всему, прямой копией лиц людей, покоящихся в саркофагах. Их изумрудные глаза угрожающе смотрели на гостя, а издевательские улыбки казались отражением сущности хозяйки. Ухмыльнувшись, Тиверис медленно пошёл вперёд.

Как только Тиверис прошёл первые две пары саркофагов, он услышал какой-то щелчок и понял, что механизм сработал.

К чести Тивериса, он не потерял самообладания и успел пригнуться, когда лезвия, появившиеся из ртов стоящих друг напротив друга саркофагов, с лязгом сомкнулись. Побежав вперёд, Тиверис продолжал уворачиваться от лезвий, и даже смог прыгнуть, когда лезвия из предпоследней пары саркофагов выскочили не из

ртов, а из скрытых отверстий в области коленей. Болезненно упав на каменный пол, Тиверис со страхом ждал, когда лезвия из последней пары саркофагов проткнут его. Но воин услышал только скрежетание железа о камень. Видимо, ловушка застряла.

Лёжа на полу и смотря на саркофаги и острые лезвия, которые торчали из ухмыляющихся улыбок, Тиверис благодарил Огма за то, что последняя ловушка не сработала. Решив не испытывать судьбу, Тиверис тут же откатился из зоны поражения несработавшей ловушки. Он размышлял о том, что сделала бы Кельшара с его мёртвым телом, если бы одно из этих острых лезвий всё-таки проткнуло бы его.

Отгнав эти мысли. Воин встал и прошёл сквозь деревянные двери.

- Знаешь, я думала, что ты умрёшь.

Кельшара стояла в центре комнаты, освещённая лунным светом, льющим через окна. На её лице застыла торжествующая улыбка.

- Когда я разорвала карту судьбы, твоё сердце должно было остановиться. По крайней мере, это работало со всеми остальными.

- Твоё волшебство меня не берёт, - яростно ответил Тиверис, - Я тут, чтобы забрать Слезу Эверарда.

Несмотря на внешнее спокойствие женщины, её взгляд скользнул к мечу и выразил некую тревогу.

- Что ж, я так и думала. Тоз! Принеси мне Слезу.

Через мгновение кобольд выбежал из тени и подал своей хозяйке костяную коробочку.

- Ты медлишь, как и всегда, - сказала женщина. Забрав маленькую коробочку, она направила палец в сторону кобольда и испустила тонкую красную молнию, которая отбросила мелкое существо к стене. Кобольд со стоном повалился на пол. Его глаза буквально источали боль.

Некромант достала из коробочки драгоценный камень и сжала его.

- Слеза Эверарда. Знаешь, воин, сегодня ты умрёшь, а я буду жить вечно.

Тиверис не стал ждать и бросился на колдунью.

Крикнув от ужаса, Кельшара даже не попыталась уклониться от удара. Она направила руку к сердцу Тивериса, и воин почувствовал, как оно сжалось под давлением невидимой руки.

Упав на колени, он судорожно закашлял и увидел, как искры вылетают из его тела и вливаются в тело смеющейся колдуньи. Бледные щёки Кельшары в момент стали румяными, а бледно-розовые губы наполнились чувственным красным цветом. Судя по всему, Кельшара выкачивала жизненную силу Тивериса и забирала её себе.

Тиверис попытался закричать, но у него получилось издать лишь сдавленный вопль.

- Это был последний раз, когда ты ударила меня, - слышался писклявый голос.

Тиверис и Кельшара посмотрели на медленно встающего кобольда. Рука Кельшары всё ещё была направлена на Тивериса, продолжая выкачивать из воина жизненную силу.

- Когда то я был красивым и сильным как он, но потом ты превратила меня в...в это, - глаза кобольда вспыхнули бесчисленными годами гнева и страданий, которым

он дал выход, - Но я больше не буду терпеть этого, Кельшара. Я больше не буду терпеть тебя, - из домотканой туники кобольда появился зазубренный кинжал, и маленькое существо сделало угрожающий шаг в сторону колдуньи.

- Стой! – крикнула некромант, направляя вторую руку на кобольда.

Маленькое существо тут же застыло на месте. Он простонал, пытаясь дёрнуть рукой, но его тело не слушалось его. Оно просто застыло на месте.

- Глупый Тоз. Неужели ты забыл, что ты обязан повиноваться мне, - с этими словами Кельшара сделала рубящее движение своей рукой, и кобольд застонал, вонзив кинжал в свою собственную грудь.

Тоз застонал в агонии и медленно повалился на пол, в растекающуюся лужу крови. Кельшара с удовлетворением и яростью посмотрела на труп кобольда, а этого хватило, чтобы её магия, сковывающая Тивериса, дрогнула.

Искры перестали вылетать из тела Тивериса. Он чувствовал себя ослабевшим и пустым, но он был жив. Колдунья с удивлением и отчаяньем посмотрела на Тивериса, и собиралась заново начать своё заклинание, но в этот раз воин был быстрее.

Он вскочил, толкнул женщину, прижал её к стене и приставил лезвие своего меча к её горлу.

- Отдай мне слезу, - потребовал он.

Ярость, исказившая её лицо, тут же сменилась лёгкой насмешливой улыбкой.

- Хорошо, - ответила она, перевернула одну руку ладонью кверху и разжала кулак. Тиверис выругался, когда вместо драгоценного камня он увидел чёрного, покрытого жёлтыми пятнами, жука, который ужалил воина в руку. Тиверис сбил жука, но не успел раздавить его, и тот выбежал из комнаты.

- Отдай мне камень! – взревел мужчина.

- Никогда, - плюнула Кельшара. Из её рукава появился изогнутый кинжал, обмазанный ядом. Колдунья хотела ударить им Тивериса, но тот с лёгкостью выбил оружие из её рук, попутно оставив на её руке длинный порез. В этот же момент Тиверис ощутил жгучую боль на руки и, посмотрев на неё, обнаружил на ней точно такой же порез, какой он нанёс Кельшаре.

Слова заклинания сорвались с губ волшебницы, но Тиверис снова был первым. Он прижал Кельшару к стене, проткнув её плечо своим мечом. Его лицо искривилось от боли, когда подобная рана появилась и на его теле. Капли крови бежали по его торсу, заставляя мурашки бежать по всему телу.

Её лицо исказила агония, но насмешливая улыбка оставалась на месте.

Тиверис без сил опустил руки и отошёл от колдуньи на пару шагов.

- Да, воин, - торжествующе начала она, - теперь ты понимаешь. Жук сделал своё дело. Давай, ударь меня ещё раз. Но помни, сейчас я сильнее тебя. Ты уже истощён. Ну же, ударь меня.

Тиверис не мог поднять руки. Ему казалось, будто его мышцы растворяются. Он всю жизнь боролся мечом, но сейчас у воина не было сил, чтобы даже поднять его. Сила это всё, чем он владел. Теперь же у него не осталось ничего.

“Нет” – сказал он себе, - “Начни уже думать, Тиверис. О чём говорила Мать Мелисенде. Что есть у тебя, чего нет у неё”.

И тут осознание накрыло его сознание, заставив сердце колотиться быстрее.

Он выронил меч, который с бренчанием повалился на каменный пол. Воин упал на колени перед колдуньей.

- Карты не врут, - высокомерно сказала она, - Ты не воин. Ты ничто.

Тиверис не смотрел на неё. Он лишь опустил руку в карман и дотронулся до слабо светящегося пера, и начал молиться. Он слышал молитвы жрецов в аббатстве, и знал, что надо говорить, однако он не был жрецом и не обладал священной силой. Тем не менее, он надеялся, что Огм услышит его.

Кельшара подняла меч здоровой рукой.

- Все умирают, воин.

В этот момент Тиверис прошептал:

- О великий Огм. Услышь и защити меня от тьмы.

В этот же момент Кельшара нанесла удар. Но внезапно появившееся синее магическое поле, обволакивающее Тивериса подобно коже, отразило удар и выбило меч из рук колдуньи. Воин почувствовал вернувшуюся силу и приобретённое могущество. Он быстро встал и выпрямился.

- Всё кончено, Кельшара. Я победил. Отдай мне Слезу и я...

Неожиданно, из синего поля начал вытягиваться длинный ус, который с каждой секундой всё ближе приближался к женщине.

Та попятилась, но, встретившись спиной со стеной, он прикрыла лицо руками.

- Нет, этого не может быть. Жук должен был связать нас только болью.

Она попятилась вбок, но ус неуклонно следовал за ней.

Наконец, он настиг её, вмиг окружив и её синим полем.

- Нет. Помогите! У меня всё горит! Помогите! – кричала колдунья, всё сильнее прижимаясь к окну.

- О, я помогу тебе, - простонал писклявый голос кобольда, - Я помогу тебе, моя дорогая. В конце концов, я твой слуга, - его глаза горели болью, а пальцы, сжимающие рукоятку кривого кинжала, нетерпеливо переминались.

С яростным криком кобольд прыгнул на Кельшару, пробивая стеклянное окно и выталкивая колдунью в него. Тоз, вцепившись своими корявыми ручками в её лицо, полетел вместе с ней.

Крик колдуньи резко оборвался.

Жизни Кельшары пришёл конец. Но её магия всё ещё жила.

Тиверис подбежал к окну. Он увидел, как поле, обволакивающее Кельшару, стало чёрным, как ночь, и это чернота, по связывающему Тивериса и Кельшару ус, поднималась вверх. Смерть забрала колдунью и теперь шла за воином.

Чернота всё ближе подбиралась к Тиверису. Он знал, что умрёт от одного её касания. Но как он мог бороться со смертью?

“Оно защитит тебя”.

У Тивериса не было времени думать, так что он ухватился за перо и громко прокричал:

- Во имя Огма, уходи! – его слова эхом разнеслись по комнате.

Гром и молния потрясли башню. Синее поле вокруг Тивериса разлетелось во множество лазурных осколков, ослепляя мужчину и роняя его на пол. Когда воин проморгался, он увидел у себя в руках совершенно обычно, ничем не выделяющееся перо. Тем не менее, он бережно положил его в карман. Его тело ужасно болело, но он

нашёл силы, чтобы встать и пойти к выходу из башни. Он оставил свой меч на полу в комнате Кельшары. Меч подвёл Тивериса. Но вера нет.

Тиверис вышел из башни, и увидел, что шторм закончился, а тучи уступили место луне, освещающий прикрытые снегом холмы, которые теперь казались чистыми и свежими.

Он увидел искривлённые тела Тоза и Кельшары, лежащие во дворе башни. Лужи крови и тела были покрыты осколками стекла и лёгким слоем снега. Тиверис подошёл к Кельшаре, и увидел в её сломанной ладони Слезу Эверарда. Ни тёмная магия, ни падение с башни не нанесло ни малейшего вреда древней реликвии.

“Ещё одно доказательство силы Огма” – подумал Тиверис, пряча драгоценный камень в карман и отправляясь навстречу ночи.

В этот яркий зимний день ворота Эверардского аббатства были широко распахнуты. Тиверис тихо въехал во двор монастыря. Казалось, все мастера вышли, чтобы поприветствовать героя. Видимо. Весть о гибели колдуньи опережали Тивериса. Он снял чёрный капюшон своего плаща и глупо улыбнулся всем собравшимся мастерам.

- Добро пожаловать, *мастер* Тиверис, - со слезами на глазах сказала Мать Мелисенде, подошедшая к чёрному жеребцу, - Добро пожаловать домой.

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

Джеймс Лоудер

- Приближается наездник! – прошипел Темный Ястреб. В холодном воздухе полуночи его дыхание превратилось в пар. – Помнишь, что я те говорил? Получишь половину того, что мы отошлем у этого типа, так?

- Да, – робко ответил мальчуган. Он отщипнул от буханки хлеба, торчавшей из небольшого ранца у его ног, затем глянул вверх на отца. Широко распахнутые карие глаза умоляли освободить от пугающей задачи, что вырисовывалась перед ним. В ответ Темный Ястреб нахмурился и толкнул сына через живую изгородь, отделявшую их от тракта.

Артус Цимбер пролетел сквозь колючие ветки, оголенные первыми ветренными днями зимы. Стоя и отряхивая изношенную тунику и бриджи, он вглядывался во тьму вдоль утрамбованной почвы торгового тракта. В одном направлении дорога была пуста и шла прямо – куда дальше, чем видел мальчик, прямо к мирной деревеньке Ират. В другом она аккуратно огибала поросший лесом холм, прежде чем

устремиться на север, до самого Вэймута. В обоих направлениях не было ни малейших признаков всадника.

"И откуда отец знает, что кто-то приближается?" – удивился Артус. "Я не вижу даже на расстояние броска камня."

Мальчик глянул вверх, лишь для того, чтобы увидеть луну скрывшейся за свинцовыми, раздувшимися от снега, облаками. По одну сторону дороги, за колючим кустарником, будто спящие на холме великаны, сгорбились деревья. По другую на мили протянулись паровые поля. В окнах сгрудившихся около далекого кряжа ферм крошечными мерцающими точками сиял свет. Будь сейчас лето, Артус решил бы, что это светлячки.

- Недостаточно светло, чтобы что-нибудь увидеть, – прошептал он и вытащил свою маску. Приладив к глазам кусок потертой ткани, он вгляделся во мрак еще раз.

Любопытство быстро превозмогло страх, когда мальчик попытался разгадать, как его отец смог заметить наездника. Он поднял голову, пытаясь услышать предательский стук копыт по мерзлой земле. С ветвей высоко на склоне время от времени доносилось уханье совы. В фермерском доме собака залаяла на кого-то, взвизгнула и зашлась в скулежке. Но на этом пустынном отрезке тракта не раздавалось других звуков – хотя сердце мальчика колотилось так сильно, что он по-детски гадал, сможет ли кто-нибудь еще услышать его, если хорошо прислушается?

Артус прижал руку к груди, надеясь заглушить стук. Конечно, тот не прекратился. Мальчик тихо проклял свой страх, но тут же проглотил слова – если он испортит дело, производя слишком много шума, отец точно его побьет. Не было ничего, о чем Темный Ястреб пекся бы больше, чем о своей работе, и Артус оцепенел от одной только мысли, что подведёт его.

Скорил Цимбер был самым прославленным разбойником с большой дороги, известным как знаменитый Темный Ястреб. Сам Скорил верил, что эта слава распространялась на многие города и страны Сердцеземья, но даже в семь лет Артус знал, когда его отец преувеличивает правду. И хотя Темный Ястреб был более чем умелым лжецом, в Кормире многие и впрямь считали его мастером своего ремесла. Члены воровской гильдии стольного Сюзейла целыми дюжинами постоянно просили его взять их в обучение. Скорил не принимал никого – если он и передаст кому-то свое мастерство, то только одному из сыновей.

Этой холодной уктарской ночью был черёд Артуса принимать полномочия. Его старший брат, Орик, показал куда большие способности в деле разбоя. Силой и ловкостью он мог сравниться с людьми вдвое старше его десяти лет. Правда, Орик раз за разом демонстрировал и свою неисправимую глупость – забывая разоружать своих жертв или выкрикивая отцовское имя во время грабежа. Не будучи терпеливым человеком, Темный Ястреб не стал мириться с его ошибками. Жребий стать учеником разбойника с большой дороги пал на Артуса. И хотя тот испытывал отвращение к такой идее, ради отца он старался как мог.

Этой ночью, как и в большинство других, он потерпел неудачу.

– Ты так же плох, как Орик! – слова ударили Артуса одновременно с толчком в поясницу. Мальчик упал на грудь, в его ушах звенело, сердце трепетало будто птица в клетке.

Темный Ястреб фыркнул:

– Тебе еще подфартило, что никакого наездника нет.
– Нет наездника? – повторил Артус.
– Конечно нет, – Темный Ястреб бросил в мальчика рюкзаком. – Это было испытание, и ты лашанулся. Я ш тебе говорил – долго торчать на дороге во время "прогулки"...

– ...опасно, – закончил Артус. Он присел и набросил ранец на плечи, но его взгляд остался прикован к исцарапанным носкам сапог.

– И? – подсказал Темный Ястреб, поднимая мальчика на ноги.

Артус запустил руку в карман. Вынув ее обратно, он разжал грязную ладонь, демонстрируя синий камень, мягко сиявший волшебным светом:

– И всегда крепко держать вот это в руке.

– Камешек защитит тебя от копыт. Помнишь того шмурика, я тебе показывал в Сюзейле – щипача, которого телегой переехало?

Болезненное выражение лица Артуса в неверном свете камня было достаточным ответом. Окровавленный труп карманника надолго поселился в его воспоминаниях.

– Ну, ты бушь не краше, если по тебе коняшка потопчется.

Нахмурившись, Темный Ястреб смахнул единственную слезинку, прокатившуюся по щеке мальчика.

– Эй, тебе ш не больно, – проворчал он. – Так?

– Нет, папа, – ответил Артус между всхлипами.

– Эти вылазки тебе ше на пользу. Быть разбойником всегда опасно, и я знал многих парней, которых кончили по их неосторожности.

Он заправил мальчику тунику за пояс.

– Но у тебя есть то, чего нет у них, сечешь? У тебя есть мозги. Поэтому ты лучше этих суетливых недотёп, которые только и могут, что подрезать платочки да шляпы у пухленьких шишек в Сюзейле. Ты мошешь быть бандитом, как я. Мошет даше хорошим.

Мальчик кивнул и взглянул вверх, на отца. Капюшон черной накидки Темного Ястреба скрывал его грубые черты. Такие массивные, бесформенные плащи стали своего рода отличительным знаком разбойников – они скрывали и лицо, и очертания тела. В лучах, струившихся от камня, Артус мельком увидел крючковатый нос отца и странный, хищный блеск в его зелёных глазах.

Он видел такой взгляд много раз на вылазках, но впервые – два года назад, когда отец до потери сознания избил собрата по ремеслу на дороге под Сюзейлом. Темный Ястреб, с откинутым в драке капюшоном, стоял над поверженным соперником в молчаливом триумфе, утвердив свою полную власть над бандой. Сейчас этот взгляд показал, насколько Темный Ястреб был уверен – у сына нет других надежд и чаяний, кроме тех, что внушил ему отец.

Темный Ястреб был так сосредоточен на Артусе, что не услышал неестественно тихих звуков на тракте, пока не оказалось слишком поздно. Не было ни громового стука копыт, ни клацаний и звона сбруи, предупреждающих о приближении скакуна – волшебные подковы превосходно выполнили свою задачу, скрыв этот шум. Лишь едва слышный скрип кожаных поводьев, седла да упряжи на несущимся галопом скакуне предупредил разбойника про опасность позади. Он поднял взгляд как раз

вовремя, чтобы увидеть большого белого коня, мчащегося прямо на него. Наездник, не замечая помеху на пути, пристально глядел через плечо.

– Очисти Тира! – выпалил проклятие Темный Ястреб и бросился сверху на Артуса. В тот же миг в руке мальчишки ярко вспыхнул сияющий камень. Из него выросла сфера света, окружив неудачливую парочку, прижавшуюся друг к другу прямо на пути у скакуна.

Крик и волшебная вспышка драгоценного камня привлекли наконец внимание всадника, но времени, чтобы успеть избежать столкновения, у него уже не осталось. Наездник дернул поводья, и конь наполовину прыгнул, наполовину налетел на разбойника и его сына. Копыта извлекли громкий и грозный стук, прокатившийся по поверхности магического щита. Сила столкновения отбросила волшебный пузырь на дюжину ярдов вниз по дороге. Сфера покатилась, будто обезумевший бильярдный шар с двумя кувыркающимися внутри грабителями.

Как только опасность миновала, драгоценный камень свернул силовое поле, и потрепанные разбойники смогли оценить ситуацию. Темный Ястреб обзавелся парочкой синяков и пульсирующей головной болью от тряски, а Артус не получил и царапины. Бандит потряс головой, и его жестокая гримаса ясно дала понять мальчику, что все произошло по его вине и он за это заплатит. И, вероятно, Ястреб осуществил бы свое наказание, если бы конь и его наездник не растянулись без движения на обочине дороги, в противоположной колючей изгороди стороне.

– Я проверю их, – сказал Артус, закидывая на плечи свой почти пустой мешок. Если ограбление будет удачным, ранец наполнится монетами и любыми ценностями, которые только можно будет сбыть в Сюзейле.

– Ага, валяй, – Темный Ястреб ожесточенно потер след от удара на руке. – Будет дергаться – врешь ему по башке хорошенько.

Артус содрогнулся. Грабить людей под угрозой ножа было одно. Бить по голове – другое. Он знал, что его отец не убивает людей – "мокруха", как называли это в воровской гильдии – но Темный Ястреб никогда не останавливался перед жестокостью с создающим слишком много проблем богачом или грозившим карой правосудия сборщиком налогов.

Луна вышла из-за облаков, пролив на дорогу бледный свет. К счастью, всадник казался не в состоянии сопротивляться. Он лежал лицом вниз – руки разбросаны по бокам, дыхание неровное. Его полностью выбросило из седла, и к лучшему – лошадь упала замертво. Ее шея была нелепо изогнута, а из ноздрей и пасти сочилась кровь. Глубокие, рваные борозды шли по ногам скакуна – такие раны он не мог получить при падении – но треснувшая кость, торчавшая из передней ноги, определенно была последствием столкновения. Мальчик был рад, что бедное животное погибло. Всаднику все равно пришлось бы его убить.

Артус знал, что отец следит за ним, поэтому он собрался с духом и уверенно шагнул к человеку без сознания. В то же время, он сменил сияющий камень в руке на кинжал. Он был уверен, что это удовлетворит Темного Ястреба. Кроме того, чувство кинжала в ладони отвлекло мысли от белых, широко распахнутых глаз мертвой лошади и колючего взгляда отца.

Наездник несомненно был состоятельным. Когда Артус перевернул его, лунный свет засиял на серебряных кольцах дорогой кольчужной рубахи. Плащ мужчины был

новым, с подбитым мехом воротником, хранящим от зимней стужи. Сапоги были сделаны из превосходной кожи, как и перчатки с ремнем. В отличие от воров, молодой рыцарь недавно принимал ванну, а его волосы были аккуратно подстрижены.

Мальчик бесцеремонно сорвал ножны с пояса мужчины и отбросил их в сторону. Затем потянулся к помятому падением жилету. Сшитый из дорогого шелка Шу камзол был украшен Пурпурным Драконом. Такой герб, символ короля Ригаерда II и дома Обарскир, носили все, служившие в Кормирской армии. Но солдаты на службе Ригаерду носили белые плащи. У этого был серый. И не армейского производства. Артус видел достаточно солдат в окрестностях Сюзейла, чтобы это сказать.

– Что там за задержка, Арт? – рыкнул Темный Ястреб. – Так он грёбанный солдатик?

Разбойник разглядел теплую одежду мужчины.

– Будь хорошим парнем и дай мне его перчатки. Руки замерзли.

Мальчик стянул с рыцаря перчатки и бросил их Ястребу.

– Отец, я...

– Хорошо медлить! Ты пошалеешь, если он очухается. Я оставлю тебя драться с ним, сам знаешь.

Разбойник отшвырнул свои собственные, погрызенные крысами, перчатки в кусты и надел новые.

– Гребни драгоценности, если у него есть, и все монеты из этого пухленького кошелька, потом поищи на лошади провизию.

Артус быстро снял золотое кольцо с левой руки мужчины – обручальное, с искусной гравировкой внутри. В лунном свете мальчик прочел выгравированное имя: Филфаерил. Наверное, дама сердца. Не останавливаясь, он бросил кольцо себе в карман. Стереть гравировку – и можно будет выручить неплохую цену в городе.

Затем он срезал кошелек с пояса. Кошелек был тяжелым, Артус не смог удержаться и заглянул внутрь. На груди серебряных монет лежало другое кольцо – золотое и с драгоценными камнями. На нем также был дракон дома Обарскир.

Артус замер. Холодный страх пополз от кольца по его вдруг онемевшим пальцам, вверх по руке и наконец, к сердцу. Только один молодой человек мог носить такую печать. Мальчик пригляделся к лицу рыцаря. Тот был подходящего возраста, немного старше Темного Ястреба. И в воровской гильдии говорили, что он часто выезжает из королевского замка в Сюзейле, переодетый странствующим рыцарем, авантюристом, несущим правосудие, одним из храброй команды, известной как Люди Короля.

– Принц Азун, – прошептал Артус.

Кошелек выскользнул из его пальцев и отскочил от ноги, прежде чем упасть на землю. Монеты мелодично зазвенели, рассыпавшись на дороге.

– Принц, – сказал Артус, поворачиваясь к отцу. – Нам надо...

Но внимание Темного Ястреба привлекло что-то другое. Он встал на четвереньки, странно задрал голову.

– Что-то приближается, – сказал разбойник. Артусу показалось, что он услышал нотку страха в голосе отца.

– Но не по тракту... Сдается... под ним.

Дорога задрожала у Артуса под ногами. Он попытался устоять, но утрамбованная земля под ним сдвинулась, швырнув его прямо на бессознательного принца. Он панически потянулся к драгоценному камню в кармане.

Когда пальцы Артуса сомкнулись на камне, что-то выскочило из земли рядом с мертвой лошадей. Мальчик мельком разглядел это – космы бороды и волос, лохматые и неряшливые, покрытые грязью. До тех пор, пока оно не согнуло свои мохнатые руки, прорезав воздух длинными черными когтями, казалось что голова и грудь существа целиком состояли из этих косм.

Создание нырнуло обратно в землю как раз тогда, когда второе мгновенно выскочило на поверхность по другую сторону лошади. Вместе два существа очертили круг взрыхленной земли вокруг неудачливого скакуна. Дыра поглотила лошадь прежде, чем Артус успел крикнуть от удивления.

– Беги! – услышал он вопль отца, но слова доносились будто откуда-то издалека.

Камень в руке Артуса пробудился к жизни яркой вспышкой. Его силовое поле разжало пальцы мальчика – как это случалось всегда – и накрыло целиком и Артуса, и принца. Артус почувствовал, что волшебный шар опускается, когда земля разошлась, распахнув свою утробу. Широко раскрытыми глазами он смотрел на неподвижное тело Азуна, и за него, на полупрозрачную внутреннюю поверхность синей сферы. В любой момент грязь под ней может провалиться, и их поглотит земля точно так же, как мертвого жеребца.

Затем дрожь под Артусом прекратилась. Когда сфера улеглась в земляной воронке, на мгновение вокруг все смолкло. Неподалеку, там где раньше лежала лошадь, из норы вылетели комья земли. Они упали на дорогу с негромким стуком. На противоположной стороне тракта Темный Ястреб на корточках замер возле кустарника, не убегая, но и не сделав ничего, чтобы помочь сыну. Как и Артуса, его, казалось, сковал страх.

– Что бы ты не собирался делать, парень, – раздался напряженный голос, – ни за что не отпускай этот камень.

От неожиданности Артус чуть не сделал именно это, услышав слова принца, но Азун мягко сжал дрожащую руку мальчика.

– К-кто они такие? – заикаясь, спросил Артус.

Осторожно ощупав окровавленную рану на лбу, принц Азун сказал:

– Убийцы Жентарима. Магически измененные дварфы, думаю. Прожорливые маленькие твари, которых называют землероями. Ка... оооох, – он отдернул пальцы от раны. – Как долго ты сможешь держать этот волшебный щит? Кажется, он блокирует чувство цели землероев.

– Он держится сам по себе, но только пока мы в опасности и пока камень касается моей кожи. В смысле, по-другому я не могу им управлять.

– Один из землероев должен быть прямо под нами, – отметил принц. – И достаточно близко, если его присутствие держит щит.

Он потянулся к мечу, но обнаружил, что на поясе ничего нет.

– Где мой клинок?

Мальчик указал на оружие, валявшееся на дороге, далеко за пределами досягаемости. Он вздрогнул, как будто ожидая затрешины за свой просчет.

– Все в порядке, – мягко сказал принц. – Просто дай мне свой кинжал.

Принц взял маленький, тупой нож и перекатился на колени. Движение заставило пошевелиться существо в земле под волшебной сферой, и воронка увеличилась, когда землерой слепо расширил свою нору. Сфера волшебной энергии погрузилась в землю настолько, что Артус едва видел отца, свернувшегося у живой изгороди.

Вскоре мальчик остался даже без этого скудного вида.

Из широкой норы, что проглотила лошадь принца, раздался грубый смех. Затем ему стал вторить отвратительный треск еще теплых костей. Конечность за конечностью, ребро за ребром остатки скакуна вылетали из норы. Покрытые кровью снаряды падали в траву, отскакивали от силового поля, один даже попал в Темного Ястреба. Убийцы ободрали почти все мясо с костей, а сбрую и седло пожевали до такой степени, что их почти невозможно было опознать.

Этого было более чем достаточно, чтобы ввергнуть разбойника в панику. Бросив на сына один-единственный взгляд, Темный Ястреб рванулся через кусты. Его застывший взгляд был прикован к кособоку вдалеке. Деревья, голые на холодном уктарском ветру, обещали безопасность своими высокими ветвями. Если он сможет добраться до них...

Как только разбойник пошевелился, три полосы рыхлой земли метнулись через дорогу – две от погребенного скакуна, и еще одна из-под Артуса с Азуном. Землерои яростно прокапывались сквозь землю в погоне за Темным Ястребом, словно акулы в кровавой воде. Они настигли его как раз когда он добежал до ряда шипастых кустов на обочине. Из грунта вырвались когтистые руки и сомкнулись на лодыжках разбойника. Острые, будто мечи, когти прочертили глубокие борозды в кожаных сапогах разбойника и больно впились в плоть под ними.

Темный Ястреб вскрикнул последний раз, прежде чем исчезнуть под землей.

Волшебная сфера исчезла, когда землерои устремились за разбойником. Принц Азун с болезненным стоном ударился о дно воронки, потом рванулся, чтобы остановить мальчика от бегства. Артус увернулся от неуклюжей хватки принца, выскочил из ямы и помчался спасать отца.

– Они не убьют его! – выкрикнул принц. – Их цель – я!

Артус не слушал. Когда он добежал до норы, в которой исчез Темный Ястреб, то бросил драгоценный камень в карман и схватил более подходящее оружие – булыжник с ладонь размером, острый с одного конца. Опустившись на корточки возле ямы, он прошептал: "Отец?".

Его колени едва коснулись земли, когда во тьме возникла пара узких красных глаз. Артус не стал дожидаться действий землероя. Он яростно ударил камнем. Темный Ястреб учил мальчика ножевому бою, но годы, проведенные на жестоких улочках Сюзейла дали ему и менее традиционные боевые навыки. В его руках камень мог стать боевым молотом юного воина-дварфа из чертогов Эртфаста.

Удар пришелся убийце в переносицу, с шумом раздробив ее. Землерой завыл и вцепился в свое лицо. Артус снова ударил, в этот раз направив руку под прямым углом к косматой макушке существа. В норе раздался звук трескающегося черепа.

На мгновение Артус почувствовал всплеск облегчения. А потом землерой вновь выскочил из норы, обезумев от боли и ярости. Увидев сверканье зубов существа, мальчик понял, какую ужасную ошибку он совершил.

Уверившись в своей участи, Артус приготовился к нападению. Он не зажмурился и не отвернулся; страх сковал его по рукам и ногам. Единственная мысль в его сознании была о том, как же глупо он поступил, положив волшебный камень в карман.

Словно охотящийся сокол, серебряный клинок вспыхнул в ночи и проткнул спину землероя, прямо между лопатками. Хватка грязных лап убийцы на запястьях Артуса ослабела. Существо испустило последний вонючий вздох и застыло.

Артус глядел на землероя в испуганном удивлении. Низкий и коренастый, он немного походил на проходивших через Сюзейл дварфов – наемников, рудокопов или кузнецов. Но при этом его черты были искажены темными чарами Жентарима. Его маленькие уши тонули в дикой шерсти, глаза были превратились в узкие щелочки. Длинный мясистый нос из-за Артуса был весь в крови, кажется даже сломан, судя по угловатой вмятине около переносицы. Даже при смерти, щетина на подбородке землероя судорожно подергивалась. Существо смердело гнилым мясом и протухшей водой. Ветки и вялые листья, черви и ползающие жуки покрывали его голову на висках и макушке.

– Беги к деревьям! – крикнул принц Азун.

Артус, выйдя из своего вызванного страхом ступора, поднял взгляд и увидел принца, упершегося сапогом из драконьей шкуры в труп. Тот пытался вытащить свой меч. Клинок пронзил убийцу насквозь, пригвоздив к земле, и теперь не поддавался.

Из норы раздался зловещий, пронзительный крик. Это был животный вопль землероя; и по злобному рычанию, последовавшему за ним, Артус полностью убедился, что оставшаяся пара убийц обнаружила, что они схватили не того человека.

Когда гневные крики в норе стали громче, принц крепче ухватил меч и потянул со всей силы – бесполезно. Удар, что он нанес землерою, оказался слишком силен.

– Грубая сила создает столько же трудностей, сколько решает, – горько произнес он, повторяя любимое изречение Вандердагаста, его королевского наставника. Вот только его смысл дошел до Азуна слишком поздно – как обычно и было с большинством мудрых советов мага.

Увидев, что Артус по-прежнему стоит на краю ямы, безмолвно глядя на труп, принц отпустил застрявший меч. Схватив мальчика за руку, он бросился через колючую изгородь и побежал к склону впереди. Они остановились у первого же дерева с ветвями, достаточно низкими, чтобы взобраться, и достаточно крепкими, чтобы выдержать их вес.

– Забирайся так высоко, как только сможешь, – сказал принц, подсаживая Артуса на сучковатую ветку. – Потом достань тот камень и крепко сожми.

Мальчик осторожно вскарабкался на нижние ветви. Он не боялся высоты: просто никогда не лазил по деревьям раньше. В конце концов, в Сюзейле это было сложновато, учитывая что только в богатых районах и маленьких, хорошо патрулируемых парках была хоть какая-то растительность. И Темный Ястреб неодобрительно относился к идее спрятаться на деревьях перед грабежом – бандит с легкостью мог пострадать сам, бросаясь на жертву с веток.

– Настоящий разбойник висит на дереве только в петле, – было одним из его любимых выражений.

Чтобы побороть бурлящий внутри страх, Артус попытался представить себя взбирающимся на второй этаж разрушенной таверны, где у него был тайная библиотека. Поднявшись по шатким ступеням и протиснувшись в дырку на верхнем этаже, он попадал в книжную сокровищницу. Большинство книг он стащил с лотков переписчиков на базаре, а несколько экземпляров достались ему из мусорных куч за городскими стенами. Лазанье по деревьям не сильно отличается от карабканья на чердак, решил он, и взбираться стало не так сложно.

Когда он наконец достиг безопасной позиции, высоко на дереве, Артус взглянул вниз и увидел карабкающегося за ним Азуна. Плащ принца цеплялся за ветки при каждом движении, а кольчужная рубаха тяжелым грузом повисла на плечах. Азун устроился на толстой ветке под мальчиком, и только тогда принялся расстегивать вычурную фибулу, державшую его плащ.

– Ты смело поступил, – заметил принц. Он испустил облегченный вздох, стянув плащ с плеч. – Накинь. Здесь наверху быстро похолодает, как только страх тебя отпустит.

Артус взял плащ, тихонько пробубнив слова благодарности.

– А что с моим о... с Темным Ястребом? – спросил он.

Принц замялся.

– Темный Ястреб, да? Ну что ж, по крайней мере меня подстерег самый лучший, – выдавив мрачную улыбку, он продолжил. – Не волнуйся. Землерои – профессиональные убийцы. Они не повредят твоему отцу – в смысле, Темному Ястребу. У него мои перчатки, как я понял. Вот почему они бросились за ним – учуяли мой запах, даже такой слабый, когда он пошевелился. Но, как я сказал, они его не убьют. У них контракт на мою смерть. Убить кого-нибудь еще было бы нарушением правил гильдии, понимаешь?

Мальчик кивнул, и пелена тревоги ушла из его карих глаз. Если эти существа обладали разумом, настолько что следовали правилам Гильдии Убийц, то может быть, его отец быстро сможет языком проложить себе дорогу на волю.

– Они отпустят его, когда поймут, что он не тот, кто им нужен?

– Не сейчас. По крайней мере, пока они не получат меня. Прямо сейчас землерои...

Скребущий звук вновь привлек внимание Азуна к тракту. Там труп убийцы медленно скользил к норе. Торчащее из груди лезвие продиралось сквозь почву будто плуг, когда землерои тащили мертвого товарища под землю. Скоро тело и меч полностью скрылись.

Азун вздохнул.

– Прямо сейчас землерои строят улей, подземный лагерь. Они должны понимать, что загнали нас в ловушку, раз нет движения на поверхности. Они сделают все, чтобы лишить нас оружия, еды и надежды, и тогда будут ждать, когда мы слезем, – нахмурившись, он отметил: – Особенно еды. Они едят почти все. Я смог сбежать от них из Вэймута только потому, что выбросил паек на дорогу – и потому что мне посчастливилось обладать очень быстрым скакуном с зачарованными подковами.

– У меня есть хлеб! – радостно предложил Артус. – В смысле, если вы придумаете, как использовать его против землероев...

– Ну, хотя бы голодать не будем, – сказал принц, тщетно пытаясь не выдать снисходительности. – Но пока у нас нет лошади или способа сбежать, бросив его убийцами, мы себе никак не поможем.

Облака вновь заслонили луну, погрузив склон холма в темноту. Ветки скрипели и колыхались под холодным ветром. Мальчик порадовался плащу принца – его изношенная одежда плохо защищала от холода.

– Я Артус, – тихо представился он.

Слова вывели принца из глубокой задумчивости.

– Мм? Что ж, Артус, можешь звать меня Балином.

Мальчик замялся, потом вытащил драгоценный камень из кармана. Его синее сияние отбрасывало странные тени на лицо Азуна. Он на мгновение оценивающе взглянул в лицо молодому человеку.

– Но это не ваше имя, – наконец сказал Артус.

– Конечно же мое, – начал Азун, но увидел, как скривились губы Артуса, а в его глазах появилось недоверие. Он взглянул вниз, на свои руки, на отпечаток от обручального кольца. Его печатка тоже исчезла.

– Меня выдало имя принцессы на обручальном кольце или герб на кольце с печатью?

– В общем, оба, – ответил Артус. Он вытащил золотое кольцо из кармана и вернул его принцу. – А еще ножны. Немногие наемники станут носить королевский символ.

Азун опустил взгляд на порванного и испачканного Пурпурного Дракона.

– Мой наставник всегда говорил, что это довольно глупо – переодеваться и при этом носить фамильный герб. И все равно люди гораздо старше тебя обманывались.

– Люди не смотрят на самое очевидное. Как мне звать вас – Ваше Святейшество?

– Нет, – сказал Азун, пытаясь не улыбнуться наивности мальчишки. – Мы же сейчас сражаемся вместе, а братьям по оружию ни к чему куртуазные манеры. Кроме того, "Ваше Святейшество" – обращение к жрецам, а не к принцу.

– Извините. Никогда раньше не встречал принца.

– Тогда откуда ты столько обо мне знаешь?

Мальчик поерзал – шерсть на воротнике причиняла неудобство.

– Ну, я читал про короля Ригаерда и про вас на королевских декларациях, развешанных по городу. И еще видел во время венчания, когда карета проезжала по Променаду. Ну, я был слишком далеко, чтобы увидеть вас, но я видел карету. И потом еще истории, которые про вас рассказывают в Воровской Гильдии – про то, как вы переодеваетесь и ведете себя, будто странствующий рыцарь. Они говорят...

– Ладно, – сказал Азун, поднимая руку, чтобы остановить словесный поток. Теперь настала его очередь изучать своего невольного товарища по несчастью, оценивать этого простолюдина, мальчишку-разбойника. Большинство детей в Сюзейле быстро взрослеют, особенно дети городских бедняков. Но этот мальчик обладал большим, нежели простой опыт. Он был умен. Более того, он умел читать – чему учились в основном дворяне, жречество и некоторые богатые купеческие семьи.

– Отец научил тебя читать, верно?

Артус засмеялся с удивляющей горечью.

– Ему не нравится, что я читаю. Меня тайком учил священник Огмы, пока отец не узнал об этом. Но это уже было неважно. Когда он приказал мне перестать, я уже научился.

Он крепко сжал драгоценный камень, закрыв ладонью почти весь свет. Но Азун все же увидел гнев в его глазах, когда мальчик сказал:

– Я не хочу быть бандитом, как он.

Принц протянул руку вверх, к мальчику.

– Если не хочешь быть разбойником, то как насчет отдать мне свою маску? Сейчас она пригодилась бы.

На мгновение Артус подумал, что принц собирается надеть грязную ленту на лицо, но тот принялся обвязывать ею голову. Тогда мальчик заметил рану, из которой сочилась кровь прямо на русые волосы, окрашивая их темным и скрывая уже появившиеся седые пряди.

– Так кем ты хочешь быть в таком случае? Жрецом, может быть? Или бардом? Ты, кажется, хорошо запоминаешь истории.

На лице Артура появилась улыбка.

– Истории мне очень нравятся, – он опустил взгляд вниз, на светящийся камень, и запылся. – Я знаю некоторые сплетни о вас. В гильдии рассказывали мне о Людах Короля. Говорили, что из вас не выйдет хороший король, знаете, что вы будете странствовать, спасать людей и сражаться с драконами.

– Действительно, – сказал Азун без выражения. – Может они и правы. В любом случае, мы скоро узнаем, не так ли?

Артус позволил непонятной реплике повиснуть, хотя холодный тон в голосе мужчины почти не напугал его. Отец точно так же говорил про неудачное ограбление или про соперников в Воровской Гильдии, которые сомневались в его умениях.

– Что мы теперь будем делать? – спросил он через некоторое время.

– Думаю, ждать, – мрачно ответил принц. – Когда взойдет солнце, они не станут нападать. Свет слишком вреден для их глаз. Кроме того, с рассветом на тракте вновь появятся путешественники. Мы сможем собрать достаточно людей, чтобы выстоять против маленьких чудовищ, если к тому времени они не сдадутся и не вернуться в Темную Твердыню.

После этого Артус и Азун погрузились в неприятную тишину. Оба были уверены, что должен существовать какой-то способ противостоять убийцам, но ни один не придумал стоящий обсуждения план. Азун принялся строгать кору ножом мальчишки, а несчастный Артус прислонился к стволу.

Внезапно один из землероев высунулся из недр ближайшей норы. Он втянул носом воздух, бросил бесполезный взгляд в ночную тьму, затем крикнул:

– Ты не убежишь, Азун!

Голос был высоким, страшным и скрежетал, будто подбитые гвоздями сапоги по плитке.

Вскоре прекратилась и эта попытка запугать. Артус посмел надеяться, что убийцы сдались, и его отец скоро выберется из-под земли свободным. Но

неожиданное падение дерева в опасной близости к их убежищу разрушило эти надежды.

– Они не собираются ждать, пока мы слезем, – горько заметил Азун.

Замерев от страха, они смотрели как следующее дерево просело в землю, а потом накренилось. Ночь заполнилась треском и скрипом, когда дуб врезался в голый клен и оба обрушились на землю. Повсюду вокруг обрушившихся деревьев землю исчертили следы землероев. Каждые несколько футов один из них высовывался наружу и нюхал воздух.

Не обнаружив среди рухнувших стволов следы принца, землерои принялись валить другие деревья. С ужасным грохотом падали сосны и дубы, обламывая ветви с других деревьев по пути, выбивая жизнь из всего, что попадало под удар. Птицы, белки и другие создания убегали, когда их дома начинали качаться и рушиться. Любое животное крупнее крысы, убегавшее по склону, попадало в норы к землероям. Как сказал принц, прожорливые убийцы ели почти все.

Наконец одно дерево упало достаточно близко, чтобы зацепить Артуса и Азуна голыми ветвями. Сучковатые ветки вцепились в них, как костлявые пальцы, прочертив болезненную царапину по щеке принца и ободрав тяжелый плащ на Артусе. Мальчик почувствовал, что падает спиной вперед. Камень в руке выбросил свою волшебную сферу, окутав его в тот же момент, и защитив от пронесшихся мимо ветвей. Но сфера не удержала Артуса на месте – и, знал он, не смягчит удар о землю при падении. Скрепя сердце мальчик выпустил из рук камень и отчаянным движением потянулся к стволу.

Его занемевшие от холода пальцы словили только воздух. Вскрикнув, Артус упал.

Но далеко он не улетел. Азун, крепко обхватив ствол ногами, схватил мальчишку, когда тот пронесся мимо. К счастью, принцу удалось остановить его падение. К несчастью, он сделал это, ухватив плащ, трепыхавшийся за спиной мальчишки как перебитое крыло у воробья.

Артус рывком остановился. Покачиваясь, он попытался уцепиться ногой или рукой за дерево. Любые ветки подходящего размера были слишком далеко, и все, что у него получилось – качнуться взад-вперед. Фибула на плаще врезалась в шею, а мелкие ветви били по лицу. Когда наконец Артус смог крепко ухватиться за плащ, он судорожно вздохнул и глянул вниз на место своего едва не случившегося падения.

Дерево еле успело приземлиться, прежде чем убийцы закопошились вокруг него. Они обнюхали синий камень, валявшийся неподалеку, но он не заинтересовал землероев. Землерои, в конце концов, оставались дварфами в душе. Хоть и мутировавшие, они разделяли устойчивое человеческое предубеждение к незнакомой магии.

Агенты Жентарима не стали тратить много времени на поиски. Убедившись, что на упавшем дереве принца не было, они принялись за следующее. Вскоре дерево, на котором висели Артус и принц, стало содрогаться от толчков.

С красным лицом и дрожащими руками, пытаясь ослабить хватку плаща у шеи, мальчишка посмотрел вверх на Азуна.

– Отпусти... меня, – выдавил он.

Игнорируя эту просьбу, принц принялся наматывать плащ, будто сеть. Артус скрючился, пытаясь высвободиться.

– Я могу... спасти... нас, – выдохнул мальчик.

Азун скривился.

– Не будь дураком, – выпалил он. – Ты не можешь...

Еще один толчок потряс дерево, когда землерои отрезали главный корень. Принц ухватился покрепче, ожидая, пока тряска пройдет. В тот же миг Артус резко извернулся, вырвав плащ из пальцев Азуна.

Мальчик падал, бешено вращаясь в воздухе. Спустя миг он врезался в толстую ветвь. Он схватился за нее и задержался достаточно долго, чтобы замедлить падение, потом упал снова, ударяясь о ветки все ближе и ближе к земле. Артус приземлился на ноги и побежал быстрее, чем убийцы смогли отреагировать.

Когда мальчик свалился с дерева, один из землероев прекратил рыть и устремился к нему. Он пытался догнать беглеца, но тот прыгал по стволам дубов и бежал по ветвям упавших сосен. С заглушаемыми свежей хвоей шагами Артус был почти неразличим для острого слуха и осязания охотника. Если бы не плащ, мальчик смог бы одурачить существо. Даже продираясь через мерзлую землю, землерой различал запах принца.

И именно на это рассчитывал Артус.

Протяжный скрип предупредил мальчика, что дерево, приютившее Азуна, почти готово упасть. Он повернулся как раз когда оно начало клониться к земле. Но вместо того, чтобы отскочить в сторону, мальчик помчался прямо к дереву.

Дуб обрушился не сразу, и Артус видел, как принц пытается принять положение, из которого сможет прыгнуть, оказавшись достаточно близко к земле. Мальчик хотел закричать, предупреждая о том, что не надо пока прыгать, но он знал, что принц не услышит. Если и услышит, то, наверное, не послушается – в точности, как Темный Ястреб...

Эти горькие мысли отвлекли Артуса от намеченного, что в каком-то смысле было и к лучшему. Шанс, что план не удастся, был велик, шанс, что все получится – ничтожно мал. Так или иначе, Артус неся прямо к падающему дубу, а убийца преследовал его.

В миг, когда полоса разрытой земли коснулась его подошв, Артус сбросил с плеч тяжелую накидку и прыгнул вперед. Землерой, убежденный, что жертва упала, выскочил из-под земли и схватил плащ принца – прямо под падающим деревом, когда оно уже почти коснулось земли. Будто молот грозового великана, дуб вбил полудварфа обратно в землю, раздробив череп и большую часть костей.

Эта часть плана сработала отлично. Остальное – нет.

Артус бросился прочь от падающего дуба, очутившись возле мерцающего волшебного камня. Мальчик на мгновение поверил в свою победу. А затем толстая ветка обрушилась на его ноги. Артусу удалось отпихнуть в сторону дерево, но его левое колено сильно задело. От боли лязгнули зубы, и он растянулся на мягком одеяле из сосновых иголок, стиснув в руке синий камень.

У принца дела шли не лучше. Соскочив с дуба, он попал под его ветви. Дерево с ужасной силой бросило его на землю, а кольчуга помешала сгруппироваться. Упав на плечо, Азун соскользнул в оставленную землероем колею рыхлой земли. Хотя он и

приземлился всего лишь на расстоянии длины лошади от Артуса, с таким же успехом принц мог быть в сотне лиг, оставшись беззащитным против последнего убийцы.

Азун рывком поднялся на колени и изумленно огляделся. Импровизированную повязку сорвало у него с головы, и кровь свободно стекала по лицу. Он увидел Артуса и пополз к раненому мальчику.

– Спасайся, – выговорил принц и провалился в беспамятство.

С опаской оставшийся землерой вынырнул в дюжине ярдов от Артуса с Азуном, щурясь в их сторону своими глазами-щелочками.

– Ну вот ты и готов, принчик, – взвизгнул он и зарылся в землю.

Убийца вновь показался на поверхности возле места, где унюхал Азуна. Все что он увидел – синий свет силовой сферы, поскольку магия скрыла принца. Землерой закричал от разочарования – и, впервые, от легкого испуга. Чародеи Жентарима, пославшие убийц из недр Темной Твердыни, никогда не потерпят неудачи. Если ему и удастся пережить это столкновение с принцем и его способным маленьким защитником, землерой встретит бесконечные мучения в темницах грязной крепости, пытки в тисках или отвратительный поцелуй опарышей.

Даже для ограниченного интеллекта дварфа это послужило достаточным стимулом, чтобы придумать необычный ход.

– Ты не сбежишь! – завизжал убийца во внезапном озарении. – Я победил!

– Мы можем прятаться внутри шара, – сказал Артус так храбро, как только мог, хотя боль и страх заставили его голос жалобно дрогнуть. – Ты проиграл. Рано или поздно королевские волшебники отыщут принца. До тех пор мы здесь в безопасности.

Последнее было чистым блефом, но заставило землероя порыться вокруг волшебного шара. Грязь и камни летели на оболочку со стуком, вторящим неестественным воплям убийцы. Затем в один миг существо погасило свой гнев и скользнуло к сфере. Оно взгляделось в волшебный пузырь, почти ослепивший его глаза бледным светом, и сказала:

– Они все равно найдут тут одно тело. У меня есть тот, кто был с тобой, мальчик, – землерой остановился и облизал морду своим длинным черным языком. – Я разбросаю его обглоданные косточки вокруг тебя как частокол, если ты не отдашь мне мою жертву.

– Но правила гильдии...

– Ничего не значат, если я упущу принца, – прокричал землерой. – Заберут они мой гильдейский значок за убийство другого человека, ну и что?

Артус понурился. Если убийца угрожал его отцу, шансов не оставалось. Да и что ему Азун?

– Тогда поторгуюсь, – предложил мальчишка. – Я отдам тебе Азуна, но ты принесешь сюда того, другого человека.

– А волшебная стена? – заорал землерой. – Ты заберешь другого и спрячешься за ней, и не отдашь мне принца!

– А ты убьешь меня как только получишь Азуна! – огрызнулся мальчик.

Пока Артус и полу-дварф взвешивали свои ограниченные возможности, повисла неприятная тишина. Наконец, у Артуса появился план. Был ничтожный шанс, что он

и Темный Ястреб переживут это ужасное испытание – и может быть, даже спасут принца.

– Я же вор, значит мы почти коллеги, так? – сказал Артус, прощупывая почву. На самом деле землерой немного напоминал мальчику его брата Орика. – Значит мы сможем договориться. Если я, эм, пообещаю убрать волшебный шар и не использовать его, пока ты не заберешь принца, сделка будет простой. Тебя это устроит? Я имею в виду, тебе ведь не за чем убивать нас, когда у тебя будет Азун, и все мы получим то, чего хотим.

Невеликий умишко землероя обдумывал такое сложное предложение несколько секунд, но тот в итоге согласился. В вихре камней и комьев грязи убийца исчез в своей норе. Как только существо ушло, сфера пропала. Артус сбросил свой порванный заплечный мешок и приготовил принца к возвращению землероя.

Темный Ястреб был связан по рукам и ногам, когда землерой вытащил его на поверхность. Его накидка клочьями висела на спине, а капюшон бесполезными лентами лежал на плечах. Широко распахнутые глаза разбойника были полны страхом. Грязь и пыль прилипли к его волосам, перемешавшись с кровью и потом. Кляп растянул рот в пугающей усмешке.

В тишине Артус стоял над неподвижным телом принца Азуна, чья голова покоилась на ранце мальчишки. Отойдя от принца, он медленно зашагал к отцу. В зеленых глазах Темного Ястреба, обычно холодных, он видел изумление, но оно не волновало его – в отличии от выражения дикого триумфа, исказившего и без того страшные черты землероя.

Убийца вынырнул из земли на поверхность и направился к принцу. Землерой замер возле него, потом прикоснулся одним когтем. Видимо, землерой опасался, что Азун растворится, как призрак, несмотря на то, что говорили его острые чувства. По этой или другой причине убийца вздрогнул, когда коснулся принца. Это было даже лучше, чем он надеялся – награда учетверится, если принца доставят в Темную Твердыню живьем, и может, он даже сможет купить превращение обратно в дварфа.

Осторожно существо обхватило ноги Азуна и принялось тащить его в нору. Постель из сосновых веток и маленький ранец, служивший принцу подушкой, соскользнули вместе с Азуном. Казалось, землерой не заметил свалившиеся ветви, но замер без движения, когда содержимое мешка высыпалось прямо на него – несколько палочек грима для изменения внешности, короткая черная веревка и черствая буханка хлеба, которая должна была стать трапезой Артуса на долгом пути домой. Последняя и привлекла сморщенный нос землероя.

– Эй, – несмело позвал Артус. – Это мое!

Убийца фыркнул и одним движением забросил хлеб себе в пасть. Едва раздробив зубами твердую буханку на куски, он проглотил свой трофей. Потом землерой с язвительной репликой, вертевшейся на кончике языка, перевел взгляд на Артуса, но обнаружил мальчика стоящим почти у самого края ямы.

– Отпусти принца, – холодно сказал Артус. Упершись руками в бедра и выдвинув вперед грудь, он принял подобие героической позы. – Если ты сейчас уйдешь, я оставлю тебя в живых.

Землерой зарывал и напряг ноги, чтобы вскочить, но странное чувство внутри заставило его остановиться. Он застонал и взглянул вниз, на место внезапно

вспыхнувшей боли. «Мальчик использовал магию? Тот сияющий камень, наверное?». Убийца проклял себя за то, что доверился человеческому детенышу, тем более что сам собирался нарушить свое обещание, как только принц будет связан для доставки в Темную Твердыню.

– Правду говорю, – сказал Артус, – лучше сдайся прямо сейчас. Тебя побили.

Этого было достаточно для землероя. Он вскинул голову и завыл, а потом бросился на мальчишку.

Артус невозмутимо сжал руку в кулак и поднял его, чтобы ударить приближающееся чудовище. Но землерой не смог добежать на расстояние удара. Драгоценный камень, что он проглотил вместе с хлебом, отозвался на поднятый кулак и выбросил свое силовое поле. Волшебная стена быстро и методично росла, стараясь защитить нового владельца.

Землерой схватился за раздувшееся брюхо и упал лицом в грязь. Артус сделал еще шаг к существу.

– Я тебя предупреждал, – сказал он.

В ответ убийца рыгнул и лопнул, будто перезревшая дыня, упавшая на мостовую.

Наступившую тишину быстро заполнили обычные звуки уктарской ночи – уханье сов, далекий лай собак и шелест холодного ветра в деревьях. Артус постоял, наслаждаясь этой обыденностью, затем принялся развязывать отца.

Темный Ястреб не произнес ничего – ни восклицаний гордости, ни криков облегчения, ни слов благодарности. Он всего-навсего потирал поврежденные конечности и безмолвно смотрел, как его сын вытаскивает принца из ямы, перевязывает ему голову и тащит его с дороги под укрытие колючей изгороди. Скорил Цимбер заметил, что в мальчишке что-то изменилось, но пока не смог определить, что именно.

Закончив с Азуном, Артус повернулся к отцу, все еще стоявшему посреди земляных куч и нор, изрезавших торговый тракт.

– Отец, – сказал он безжизненно, – наездник приближается.

Если разбойник и был удивлен, что его сын услышал далекий стук копыт раньше него самого, то не подал виду.

Наездник оказался авангардом большого патруля, рыщущего по предместью в поисках принца. Когда солдаты остановились, чтобы осмотреть следы разрухи, Артус бросил несколько камней, привлекая их внимание к кустарнику и принцу, все еще находившемуся без сознания. Даже с поврежденным коленом мальчик и его отец легко смогли скрыться от верхового и тяжело вооруженного патруля на лесном холме. В конце концов, Темный Ястреб был объявлен в розыск, и много раз прежде ему уже доводилось спасаться от королевских Пурпурных Драконов.

В последующие дни Темный Ястреб упрочнил свое положение и славу в покоем на паутину подпольном мире Кормира с помощью диких рассказов о его роли в спасении принца Азуна. Артус не опровергал эти выдумки. На самом деле, мальчик скорее молчаливо подтверждал заявление Темного Ястреба о том, как тот убил всех троих жентаримских головорезов и в одиночку защитил наследника престола Дома Обарскир. А так как королевский двор никак не комментировал слухи о покушении,

поскольку такие вещи вели к волнениям среди простонародья, авторитет Темного Ястреба без особого сопротивления вознесся к вершинам воровской славы.

Но на задних улочках Сюзейла такая слава всегда оказывалась скоротечной, и другие сплетни вскоре вытеснили историю про отважное спасение и кротоподобных убийц – в основном, часто повторяющийся слух, что болезнь унесет короля Ригаерда еще прежде конца года, и юный принц Азун вскоре станет королем Азуном Четвертым. Никто не радовался таким новостям.

– Понимаешь, – сказал седой вор, достаточно громко, чтобы заглушить десять или больше голосов, споривших в главной комнате здания Воровской Гильдии. – Ригаерд был грозным мужиком. Никто не спорит. Я говорю, мы могли знать, чего от него ждать.

– Да, – отозвался кто-то, – сразу в петлю, если тебя поймают на тракте с пятью серебряными соколами, и ты не сможешь доказать что они твои.

Седой вор нахмурился.

– Зато мы занимали свое место. Он был сильным королем, а это означало процветание для знати и хорошую поживу для воров, достаточно умных чтобы следовать правилам гильдии и держаться подальше от патрулей.

На своем месте в центре сборища Темный Ястреб прочистил горло. Комната заметно притихла и все взгляды устремились на него.

– Азун не хочет быть королем, так? Мошет он будет тратить время мечтая о драках с великанами и не будет нас трогать.

Он закинул сапоги на стол прямо перед Артусом и сделал самодовольную паузу.

– Да, думаю, он нас не тронет. В конце концов, браток обязан шизнью разбойнику, так?

– А что тогда Вандердагаст, его наставник? – спросил другой вор. – Он натурально страшный, умный и хитрый. Волшебник возьмет дела в свои руки, если Азун не справится, а он не любит гильдию.

Карманник без трех пальцев на руке глубокомысленно кивнул.

– Волшебникам верить нельзя, – сказал он, бездумно перебирая оставшимися двумя пальцами. – Но это неважно, наверное. Я слышал, Азун изменился, когда его сын умер в прошлом году – стал думать о вещах, больше подходящих принцу. Из него ушла эта дикость. Неудивительно, когда ребенок двух зим отроду так внезапно умирает. Заставляет задуматься, чем он не угодил богам, а?

В другом конце комнаты кто-то поднял кружку в насмешливом тосте.

– За Азуна, – сказал он. – Пусть он будет вполнину хорош, как его отец – вполнину хорош в ловле воров!

Молчавший все утро Артус покачал головой.

– Азун будет отличным королем. Все убийцы и воры в Кормире об этом пожалеют.

– Ха, надейся лучше, что нет, – сказал Темный Ястреб, удивленный этим замечанием. – В конце концов, ты сам однажды станешь бандюгой из бандюг.

Мальчик холодными карими глазами взглянул на отца, и Темный Ястреб углядел проблеск того странного выражения, что он видел на лице Артуса в ночь схватки, когда тот прикончил последнего убийцу.

– Но, отец, – сказал мальчик достаточно громко, чтобы все услышали. – Ты сказал, мне необязательно быть разбойником.

– Чтоооо? – проревел Темный Ястреб. – Я никогда...

– Прямо после боя – когда ты прикончил всех троих убийц, – быстро оборвал его Артус, – ты сказал, что я дерусь так плохо, что никогда не смогу грабить людей. Ты сказал, я буду писцом или бардом.

Внимание каждого в комнате было сосредоточено на Артусе и Темном Ястребе, и те воры, что были завистливы и ревнивы к славе – то есть на самом деле каждый – обнаружили у себя в сердце тайную надежду, что все рассказы Скорила Цимбера окажутся неправдой. Вся комната замерла в те мгновения, когда Темный Ястреб искал выход из хорошо расставленной сыном ловушки. Мальчишка позволил ему рассказать свою версию спасения принца, забрать себе всю славу и гильдейские привилегии за такую известность. Теперь, видимо, пришло время расплачиваться.

Когда Скорил взглянул на Артуса, он понял, что выхода нет. Хищный блеск в глазах сына был ему знаком – сияние, жесткое как стилет в его сапоге, и холодное, как зимняя стужа, сочащаяся сквозь дешевый пол в здании гильдии.

– Да. Будешь бардом, – наконец проворчал Темный Ястреб.

Он отвернулся от победной усмешки Артуса и отхлебнул свой эль. «Даже если мальчик не будет моим учеником», с сожалением подумал разбойник, «он научился большему, чем я смог бы ему преподать».

ДЕДУШКИНЫ ИГРУШКИ

Джейн Рейб

Друид стоял перед выдавшей виды дубовой дверью башни. Волосы цвета пшеницы облепили его шею, а темно-зеленая туника плотно, будто вторая кожа, облегла мускулистое тело. Украшенный вышивкой плащ доставал до травы за спиной и неприятно стянул шею, когда мужчина запрокинул голову и взглянул вверх, сквозь ровный спокойный дождь.

Ранним утром синевато-серые камни башни на фоне сумрачного неба мешали друиду увидеть зубчатые бойницы. Сощурился, он всматривался в сумрак, и углядел искорку света в окне последнего этажа.

Друид опустил взгляд, и его подбородок уперся в грудь.

- Я не видел его несколько лет, - тихо сказал он.

В ответ из его туники раздалась стремительная тирада из писка и ворчания.

- Да, слишком долго.

Друид осторожно распустил тесемки туники, ослабляя ворот. Спустя миг, из треугольного выреза промокнушей одежды показался блестящий черный нос ласки. Животное снова заворчало.

- Ладно, потороплюсь, - ответил друид, сделав шаг вперед и стучась в дверь башни.

Спустя вечность дверь со скрипом распахнулась внутрь, открывая фигуру в плаще с капюшоном.

- Гэлвин, друг мой! - говоривший откинул капюшон, показав слезящиеся голубые глаза и кожу, бледную и сморщенную, будто мятый пергамент. Его подбородок обрамляла седая щетина.

- Ты должен мне помочь! Она потерялась в моей башне, я не могу ее найти! Я очень волнуюсь.

- Не можешь найти кого?

На бледных губах старика заиграла слабая улыбка:

- Мою внучку, - он помедлил. - Пожалуйста, проходи. По такой погоде ты до смерти простынешь.

Протянув дрожащую руку в старческих пятнах, мужчина схватил друида за рукав и втянул его в башню.

- Ох, Гэлвин, я боялся Илайес тебя не найдет. Я точно не знаю, где ты живешь... И эта гроза...

- Не такая уж страшная, Дролло, - возразил друид, доставая ласку из туники. - Хотя Илайес, кажется, не очень любит дождь.

Старик осторожно взял у друида промокшего зверька и погладил его по макушке. Илайес громко запищал и вытянулся так, чтобы можно было почесать за ушами. Ласка бросила на Гэлвина гневный взгляд и пронзительно взвизгнула.

В ответ тот кивнул и закрыл дверь, приглушив шум дождя и сладкий запах сырой земли. После долгой прогулки на свежем воздухе в башне воняло плесенью. Друид неприязненно наморщил нос.

Внутри было почти не видно больших обтесанных камней, из которых состояло здание. Картины с причудливо одетыми мужчинами и женщинами соревновались с искусными гобеленами, изображавшими жизнь вдоль изгибов близлежащего пролива Драконий Предел. Кое-где картины и гобелены закрывали друг друга. Гэлвин обнаружил себя рассматривающим частично скрытый гобелен с изображением нескольких людей, толкавших в Предел большую лодку. На носу стоял сатир, одним копытом на руле, в слишком большой для него куртке, окутывающей человеческий торс. Целиком лодку было не разглядеть. Гобелен с гарцующими единорогами закрывал ее.

Под картинами и гобеленами вдоль всей стены протянулись груды подписанных и не подписанных ящиков, доходя Гэлвину до груди. Из-за ящиков выглядывали тюки сложенной одежды, кучи разноцветной глиняной посуды, сапоги без пары, дымчатые вазы со стеклянными бусинами внутри, стопки книг, тщательно уравновешенные пирамиды футляров для свитков, и еще множество предметов, которых друид не узнал.

Гэлвин продолжал глазеть на покрытые пылью залежи, пока рука на плече не вернула его внимание к старику.

- Моя внучка, - начал Дролло. - Ей только пять. Я распределял новую поставку, когда она исчезла. Боюсь, я не уделял ей достаточно внимания.

- Твои внуки старше меня, - заметил друид. Когда Дролло не ответил, Гэлвин понял, что разглядывает старика.

Когда-то Дролло был высок, обладал прямыми плечами и широкой походкой, но годы взяли с его тела свое. Сейчас он стоял ссутулившись, сгорбив спину и согнув плечи к груди. Кожа обвисла на его костях, будто принадлежала кому-то покрупнее, пошла складками, как те огромные робы, что он носил. Тонкие седые волосы совпадали цветом с паутиной, висевшей в башне практически везде. Только в его глазах виднелась искра.

С заметным усилием Дролло наклонился и аккуратно опустил ласку в одно из немногих свободных от хлама мест на полу. Животное яростно отряхнулось, избавляясь от дождевых капель на шерсти. Затем ласка прошмыгнула мимо натекшей с мокрой одежды Гэлвина лужи и исчезла за ящиком с пометкой "Перья эльгудуйра".

Старик вздохнул и протянул руку, чтобы схватиться за ближайший ящик. Используя его как опору, он выпрямился.

Дролло нервно потер ладони и зачем-то огляделся. Наконец, собравшись с мыслями, он встретился взглядом с друидом.

- Я часто играл с твоими внуками, - сказал Гэлвин погромче. - Я часто гонялся за ними на рынке, уже почти три десятка лет тому назад. Они старше меня на несколько зим.

- Я сказал "внучка"? Ну, она дочь одного из моих внуков, или дочь детей моих внуков, - ответил старик, качая головой. - Годы пронеслись мимо так быстро, что я не могу вспомнить. Она зовет меня дедушкой. Важно это.

- И ты уверен, что она здесь?

Дролло рассеяно кивнул.

- Где-то. Я звал ее, но она не ответила. Может быть, играет со мной. А может быть, она в беде.

- Мать?

- Изаура. В сотне миль отсюда, - ответил Дролло. - Девочку оставили со мной на несколько месяцев. Изаура решила, что мне не мешает компания. Но она знать меня не захочет, если обнаружится это.

- И ты послал за мной Илайеса, - сочувственно произнес Гэлвин. Он видел, что старик напуган, и не помнил еще ни разу, чтобы Дролло волновался о ком-то - только о барахле, которое собирал.

- И давно она потерялась?

- Два дня, - быстро ответил старик. - Может быть три. Но не больше, не думаю. Время летит незаметно, - Дролло взглянул в изумрудно-зеленые глаза Гэлвина. - Я отправил Илайеса, как только заметил что ее нет.

- Мы ее найдем, - просто ответил Гэлвин, надеясь, что его тон поможет уменьшить беспокойство старика.

Друид снял свой плащ и огляделся в поисках вешалки. За большим ящиком виднелся какой-то похожий на нее предмет, но до него определенно было не достать. Пожав плечами, друид повесил промокшую одежду на высокий, узкий ящик с пометкой "хрупкое". За плащом последовали сапоги. Когда мужчина стянул их, раздался хлюпающий звук и наружу выплеснулась вода. Лужа под ним выросла,

наполовину перекрыв проход, и вода стала сочиться между ящиков. Он стащил тунику через голову и бесцеремонно бросил ее прямо на плащ, оставив обнаженной мокрую грудь, блестящую в свете масляной лампы над головой.

Илайес высунул голову и писком упрекнул друида.

- Пол высохнет, - ответил тот.

Босиком, дрожа от сырости в башне, Гэлвин вместе со снующим в его ногах зверьком прошел мимо Дролло.

Медленные, шаркающие шаги старика последовали за друидом, который направился вниз по заставленному ящиками коридору. Кое-где штабеля достигали шести футов, в рост Гэлвина, а надписи на большинстве этикеток поблекли от времени. Большую часть ящиков покрывала пыль, указывая на то, что их давно не трогали. Тем не менее, в некоторые уже пробрались. Друид заметил мелкие округлые дыры там, где мыши прогрызли себе путь внутрь.

Войдя в помещение, которое помнил как гостинную, Гэлвин увидел еще больший беспорядок. Некоторые вещи свалились со своих мест, сильнее захламляя комнату. В его детских воспоминаниях деревянные ручки и ножки кресел были идеально отполированы, сейчас их исполосовали царапины. Подушки и столы оказались завалены бумагами, разнообразными безделушками и прочим. Лишь один предмет мебели, черное кожаное кресло, стоял свободным от обломков и мусора.

- Женщина должна быть сумасшедшей, чтобы оставить маленькую девочку в таком месте, - пробормотал Гэлвин.

Шарканье позади него прекратилось.

- Ну, несколько дней назад, когда девочка пришла, все смотрелось не так плохо, - Дролло отчаянно защищался. - Я немного прибрался, и, мм, наложил заклятие, спрятавшее все ящики и скрывшее пыль.

Друид вздохнул и опустился на колени. Он заглянул под мебель. Там валялись только огрызки бумаги и старый тапок, который был великоват для Дролло.

Илайес пробежал мимо друида и зарылся в паутину. Ласка вернулась несколько секунд спустя, волоча за собой хвост бело-серых сетей, утыканных коконами неудачливых насекомых. Илайес потерял о ножку стола, почти избавившись от паутины, и запищал на друида.

- Да, я знаю, что внизу ее нет, - друид встал на ноги и обнаружил, что его мокрые подштанники покрыты пылью. Он тщетно попытался ее оттереть.

- Как ее зовут? - обратился он к Дролло.

Старик улыбнулся.

- Изабель. В честь моей второй жены.

- И ты уверен, что она все еще внутри?

- О да! Она слишком мала, чтобы дотянуться до дверного засова или ставень.

- И она потерялась два, может три дня назад?

- Да, - просто ответил старик.

Гэлвин потер подбородок.

- Когда я был в ее возрасте, - подумал вслух он, - я целыми днями мог копаться в твоей башне. Но через два дня она должна выйти перекусить - если способна на это.

Он сразу же пожалел о сказанном, зная, что старик испугается худшего.

- Кухня, - быстро предложил друид. - Если с ней все в порядке, она должна будет искать еду. Мы начнем поиски с кухни.

Дролло нахмурился и покачался вперед-назад в своих домашних тапочках.

- Что такое? - кратко поинтересовался друид.

- Она может быть не голодна, - ответил Дролло. - У меня по всей башне хранятся запасы еды. Знаешь, я старею, и мне иногда трудно передвигаться. Продукты лежат тут и там, чтобы не приходилось каждый раз спускаться на кухню, когда проголодаюсь.

Друид вздохнул.

- Она любит игры? Это на нее похоже - вот так пропасть?

- Да, ей нравится играть. Особенно в прятки.

Друид окинул взглядом беспорядок в комнате. Только в этом помещении есть дюжины мест, где маленькая девочка может спрятаться, а в башне - целых восемь этажей и глубокий подвал, в котором больше двух уровней.

- Чтобы все это спрятать, ты использовал магию, - начал Гэлвин, - а найти ее с помощью магии пробовал?

Дролло поморщился.

- Ох, Гэлвин, хотел бы я иметь такое заклинание. Я могу спрятать вещи, могу заставить предмет выглядеть чем-то другим, заставить звук раздаться в тишине или заглушить что-то громкое. Среди моих заклятий нет ничего подходящего. Извини, - он пожевал нижнюю губу. - А как насчет твоего волшебства?

- Я друид, - отрезал Гэлвин. - Я тоже не владею таким.

- Но ты разговариваешь с Илайесом. И я видел, как ты говоришь с растениями и камнями... - пробормотал Дролло.

- Не представляю, как эти способности могут нам помочь.

Дролло побледнел.

- Тогда что мы будем делать?

- Мы найдем ее старомодным способом - поищем, - вздохнул Гэлвин. - Начинай искать вон там.

Он указал в часть комнаты, заваленную пачками пергамента.

- Я смотрел там. Кажется я везде смотрел, - простонал Дролло. - Это все я виноват.

Друид вновь ткнул пальцем, и старик подчинился, зашаркав к бумажным завалам. Дролло стал кричать прямо в залежи пергамента. "Изабель!" - звал он. Как и следовало ожидать, никто не ответил.

Спустя час друид был уверен, что они обыскали каждый дюйм комнаты. Никаких признаков маленькой девочки.

То и дело чихая, подавленный Гэлвин вышел из комнаты и чуть не налетел на груды ящиков в проходе.

- Да что в них такое? - спросил он. Старик пожевал губы.

- О, вещи, которые я собирал годами. Я по большей части забыл, что внутри. Погляди на подписи. Какую комнату обыщем следующей?

Друид продолжал ошарашено глядеть на горы ящиков и стопки книг. Если бы он искал кого-нибудь снаружи, то пошел бы по следам, как охотник. Сломанные ветки, отпечатки ног, примятая трава и другие знаки указали бы путь.

Возможно, решил Гэлвин, я ошибся насчет моей магии - тем более, если сравниваю это собрание мусора с дикой природой.

Друид огляделся в поисках порванной паутины. Его взгляд замер у основания большого ящика. Там, почти скрытая тенью, мышь тащила в нору бледно-розовую ленточку. Гэлвин присел на корточки и начал пищать, обращаясь к мыши, но грызун был поглощен своим занятием и не заметил друида. Потянувшись вперед, Гэлвин ухватился за ленту и снова пискнул.

Мышь вздрогнула от испуга, наморщила нос и шмыгнула в норку.

Гэлвин провел пальцем по шелковой ленте, все еще новенькой и блестящей.

- Это Изабель? - спросил он.

Старик взглянул на ленточку и медленно кивнул.

- Я пойду по ее следам, - просто сказал друид. - Давай-ка попробуем следующий этаж.

От старья был свободен только узкий проход посередине лестницы. Горы мусора возвышались около перил. Гэлвин оглядел коллекцию ножек от кресел и неисправных ламп, задержавшись взглядом только на медной вазе, ненадежно стоявшей на ступеньке на полпути вверх. Он осторожно прошел сквозь бардак и опустился у вазы. Илайес проскользнул у него под рукой и понюхал ее; глаза - черные бусинки - отразились в округлой поверхности. Ласка тяжело заворчала.

- Да, это необычно, - ответил друид.

- Что? - Дролло запыхался, взбираясь по лестнице с толстой свечой в руке. - Ты что-то нашел?

Взяв сосуд за горлышко, друид повернулся и сел на ступеньку, лицом к старику.

- Эта ваза. Она выглядит странно.

Дролло нахмурил брови.

- Посмотришь мою коллекцию потом, Гэлвин. Моя внучка важнее, чем кусок меди!

- Ты не заметил? - продолжил друид. - Она не на месте. Чистая. Нет ни пятнышка грязи.

Старик покачал головой.

- Ваза на месте. Она новая. Я получил ее несколько дней назад. Это была поставка из Каллидирра.

Он запнулся на мгновение, затем выпалил:

- Этот груз я открывал у себя в кабинете! Гэлвин, я не ставил эту вазу сюда!

- Наверное, Изабель, - предположил друид. Поставив сосуд обратно на ступеньку, он встал, повернулся и избежал на лестничную площадку наверху. Илайес понесся за ним, остановившись только взглянуть на старика, который шел следом.

На площадке Гэлвин внимательно изучил кипу обломков, начинавшую уподобляться любой другой куче мусора в башне. "Что может заставить человека быть таким скупым?" - задумался друид. Он решил, что Дролло - будто самый жадный из драконов. Старик собирает все, представляющее хотя бы относительную ценность, а потом позволяет своей коллекции стоять без дела, собирая пыль.

Как раз в этом-то Дролло от драконов отличался. Как довелось Гэлвину узнать в своих странствиях, драконий род старался хранить сокровища в чистоте. А еще в их

пещерах было легко передвигаться - конечно, только в том случае, если ты желанный гость.

Друид прилег на лестничную площадку и осмотрелся вокруг. Илайес вцепился ему в плечо и вновь запищал. Его маленькая мордочка поворачивалась из стороны в сторону, подражая Гэлвину.

- Я пытаюсь посмотреть на вещи с точки зрения ребенка, - сказал зверьку друид, отталкивая ласку в сторону.

- Это ты хорошо придумал, - Дролло задыхался из-за подъема по лестнице. - Я сам не догадался.

Не ответив, Гэлвин встал на ноги и шагнул к двери с лестничной площадки. Ее частично закрывала стойка, заставленная посохами с замысловатой резьбой, инструктированными серебром и золотом. Но в дверном проеме оставалось как раз достаточно места, чтобы ребенок мог протиснуться внутрь. Гэлвин сдвинул посохи и чуть не уронил всю стойку, когда один из них задержался и стал мерцать.

Как он и ожидал, на двери вездесущая паутина недавно была потревожена. Не спуская глаз с волшебного посоха, мужчина потянулся к дверной ручке. Углядев на ней пятна - следы Изабель - Гэлвин остановился.

- В конце концов я не такой уж и плохой сыщик! - ободряюще сказал он Дролло, повернул ручку и вошел в комнату.

Мужчине пришлось прикрыть глаза - в комнате было светло, как ясным днем. Источник света - сияющая желтая сфера - висела прямо в проходе. Потрескавшийся, как поверхность сухого русла, пол был окрашен приятным и теплым розовым оттенком. Цвет стен оказался чуть темнее, хотя их почти закрывали мириады накоплений Дролло.

- Изабель! - позвал Гэлвин, - Я друг. Я здесь с твоим дедушкой. Пожалуйста, выходи.

Он проскользнул дальше в комнату и был ошеломлен запахом, фруктовым и в то же время резким - пахло, без сомнения, остатками еды, затерявшимися среди беспорядка.

- Изабель? - он ухватил краем глаза движение возле подоконника. Бросившись вперед, друид смахнул в сторону тонкое кружево паутины. Возле окна стоял небольшой дубовый столик, посередине которого танцевала русалка из слоновой кости, величиной не больше ладони Гэлвина. Фигурка изящной резьбы поднималась и падала, качаясь на ореховой волне. По всему краю столешницы шла цепочка смазанных отпечатков рук.

Илайес вскарабкался по ноге Гэлвина и запрыгнул на стол. Животное взволнованно заворчало.

- Изабель была здесь, - ответил Гэлвин. - Она пыталась дотянуться до русалки.

- Изабель? - позвал Дролло, осторожно входя в комнату.

Друид взял Илаейса и повернулся к старику.

- Она была здесь. Может быть, все еще здесь. Отпечатки достаточно свежие - не успели покрыться пылью.

Глаза старика сверкнули.

- Да благословят тебя боги, Гэлвин.

Настороженный взгляд друида дал понять Дролло, что радоваться рано.

- Я знал, что верно поступил, послав за тобой Илайеса. Я не смог бы выбрать никого лучше для поисков моей Изабель! Знаешь, Гэлвин, люди в округе считают тебя героем. И только подумать...

- Тихо! - прошипел друид. Он водил головой из стороны в сторону.

- Что случилось?

Гэлвин зыркнул на старика, но сразу смягчился.

- Я что-то слышал.

Он вновь повел головой и позвал:

- Изабель?

Единственным ответом был странный скрежещающий звук.

Чувства Гэлвина были острее, чем у большинства людей, но чудовищный бардак и захламленность, царившие в башне, их притупили. Вне привычной стихии ему пришлось потратить больше времени и усилий, чтобы точно засечь источник звука, но определить, откуда тот доносится, мужчина смог. Поставив Илайеса на пол, он осторожно шагнул к темному уголку, прикрытому большим ящиком.

Чиррк. Чиррк. Чиррк.

Гэлвин мог сказать, что это звук царапающего камень металла, но когда он приблизился к ящику, шум прекратился. Илайес у ног мужчины обнажил зубы и зашипел.

Друиду потребовалась вся его сила, чтобы подвинуть ящик вперед, освободив достаточно места, и протиснуться в нишу позади него. Ласка осталась перед деревянным контейнером, встав на задние лапы и царапая воздух.

Несмотря на свет от магического шара, за ящиком лежала густая тень. Паутина прилипла к волосам, и Гэлвин задумался, зачем девочка набралась смелости спрятаться здесь. Найти ответ он не успел - что-то схватило его за правую лодыжку, нарушив ход мыслей.

Друид выпалил проклятие сквозь сжатые зубы и попытался отступить. Боль вновь пронзила лодыжку. Гэлвин обнаружил, что не может двигаться - что-то держало его за ногу, что-то металлическое, зубастое и очень сильное. Нагнувшись вперед насколько позволяло тесное пространство, он попытался нащупать нападающего.

Похожий на плеть отросток обвился вокруг его левой ноги. Друид снова выругался.

- Гэлвин? - позвал Дролло.

- Не подходи!

Плеть обвила запястье мужчины. Протянув правую руку, он сомкнул пальцы на щупальце и дернул так сильно, как только мог. Гэлвин услышал треск и упал на спину с оторванным куском стальной конечности в руке. Друид быстро выпрямился и схватился за щупальце на своей лодыжке, разжав его хватку.

Он выполз из-за ящика и уткнулся прямо в домашние тапочки Дролло.

Чиррк. Тум-тум, тум-тум.

Друид оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как ящик покачивается и падает вперед, опрокинутый железным монстром. Блестящая черная сфера, окруженная дюжиной конечностей, эта штука не была живой, хоть ее плетеподобные придатки и извивались, будто щупальца осьминога. Там, где Гэлвин

порвал конечности, заставив их безвольно повиснуть, сочилось масло. Чудовище все же имело еще как минимум дюжину плетеобразных отростков; некоторые бешено извивались, а остальные передвигали само "тело", вскарабкавшееся на ящик и нависшее над друидом.

В комнате раздался громкий хлопок, а за ним последовала яркая вспышка белого-голубого света.

Друид вновь прикрыл глаза. Вторую руку он выбросил перед собой в жалкой попытке защититься от железного монстра. Но удара не последовало. Когда свет померк, он опустил руку и взглянул на механизм.

Машина неподвижно валялась расколотой надвое. Из ее внутренностей на пол сочилось масло.

Друид удивленно посмотрел на Дролло. Старик опирался о резной посох, взятый им со стенда - тот самый, что сиял и дергался, когда Гэлвин попробовал его сдвинуть.

- Просто хотел помочь, - гордо заявил старик. - Теперь я вспомнил, почему держу эту комнату закрытой. У меня здесь хранятся несколько гномьих приспособлений - этот ловец насекомых, с которым ты боролся, и кое-какие механические штуки вроде него. Некоторые из них могут быть опасны.

Когда старик прошаркал к сломанному механизму, на его лице появилось выражение паники.

- Моя Изабель! - воскликнул он. - Что если ловец насекомых схватил мою Изабель?

Гэлвин медленно встал и попробовал раненую ногу. Глянув вниз, он увидел что та кровоточит. Осторожно согнув свою левую руку, он ощупал запястье, чтобы убедиться, что кости целы.

- Там в углу ее не было.

- А что если она лежит мертвая? - запаниковал Дролло, пытаясь пролезть за упавший ящик.

Друид схватил старика за плечо.

- Я почувствовал бы запах крови, - отрезал он и выбрался из комнаты.

Гэлвин дождался Дролло на лестничной площадке, потом запер дверь и заставил ее стендом с жезлами. Он нервно прошелся вперед-назад, потирая поврежденное запястье. Илайес бегал между его босыми ногами, когти ласки на каждом шагу скользили по гладкому камню.

Друид взглянул на отполированные мраморные ступени и проход посередине, чистый от пыли - ее смели его шаги. И шаги Дролло. И Изабель.

- Дролло, я дурень. Я должен был сделать это сразу, как только зашел в башню.

Друид бесцеремонно уселся между стопкой книг и собранием песочных часов на первой ступеньке под площадкой. Он закрыл глаза, замедлил дыхание и положил руки на пол, пальцами ощутив холодную гладкость камня под собой.

Гэлвина бросило в холодный пот, блеск его лба почти сравнился с сиянием мрамора под пальцами. Дыхание стало еще реже. Он взывал к умению, которому его научили могущественные друиды - способности разговаривать с камнем и с самой землей.

Мужчина почувствовал, что его пальцы стали твердыми и неподвижными, будто мрамор, конечности - крепкими, как лестница. Язык высох и затвердел. Рот медленно двигался, но наружу не вырвалось ни слова.

Маленькая девочка, сказал Гэлвин одним только разумом.

Маленькая? переспросила каменная лестница. Слова рождались, грохоча как стучащие друг о друга булыжники.

Человек. Как я, только меньше. Гэлвин почувствовал, что его собственный мыслительный процесс замедляется; понятия, что он формировал в сознании, стали проще, когда его мысли объединились с мрамором. *Девочка. Вполовину ниже меня.*

Маленькая, ответил камень. Слово звучало необычно и даже успокаивающе, исходя от мрамора. *Велика для меня. Всегда выше.* Мрамор гудел. Камни никогда не торопятся, рассказывая историю. *Всегда смотрят вниз на меня. Я всегда смотрю вверх.*

Тогда для тебя высока, продолжил Гэлвин, но не так, как я. Друид истекал потом. Общение с камнем всегда требовало больших усилий. *Помнишь ее?*

Грохот у друида в голове стал громче. Камень думал, бормоча про себя. *Помню ноги, наконец прогремел мрамор. Много ног людей ниже тебя. Галька в сравнении с булыжником. Недавно, много, много ног будто галька.*

Много? вздохнул друид.

Камень громыхнул и выбрал термин из сознания мужчины. *Дети*, ответила лестница. *Много детей. Вверх и вниз. Вверх и вниз. Постоянно бегают по мне вверх и вниз.*

Много?

Много, повторил мрамор. *Ноги быстро выросли, стали большими как твои. Потом все, кроме двух, ушли.* Камень умолк, потом добавил. *Но затем вновь пришла галька. Эти тоже выросли и ушли. Теперь осталось только двое ног - и еще твои.*

Друид был озадачен. Все, кроме двух? Кроме двух ног Дролло?

Нет, прогремел Гэлвин, *Ты помнишь детей и внуков Дролло. Это было давно.*

Недавно, поправила лестница.

Гэлвин без слов упрекнул себя. Камень существует невообразимо долгое время. Жизнь человека должна казаться ему мгновениями.

Подумай, попросил друид. *Последняя пара ног - галька.*

Постоянно вверх и вниз по мне.

Да.

Гладкие, как я, продолжил камень. *Постоянно останавливаются... останавливаются... посмотреть на вещи, лежащие на мне сверху.*

Хлам, пояснил Гэлвин, мысленно рисуя кучи мусора у перил.

Хлам, грохнул камень. *Да. Не вижу через него. Хочу чтобы он исчез.*

Гэлвин вздохнул. *Я постараюсь*, пообещал он, *но сначала помоги мне. Эти маленькие ножки, галька, куда они пошли?*

Мгновение назад, начал камень, выбирая слова из сознания мужчины. *Галька шла вверх, вверх, вверх. Почти доверху, но еще не вершина. Не возвращалась вниз.*

Так она все еще в башне, заключил Гэлвин, может, прячется на втором или третьем сверху этаже. Он был рад, что не придется обыскивать все этажи ниже. Если повезет, теперь поиски не затянутся, и девочка целой вернется к Дролло.

Друид поблагодарил камень и стал разъединять свое сознание с мрамором, когда тот добавил: *через мгновение... нечто... спустилось и ушло.*

Нечто?

Камень прогрохотал, настолько громко, что Гэлвин был уверен - даже Дролло услышал. Напоследок, простыми понятиями лестница объяснила, что она не знает слов, необходимых для описания того, что спустилось вскоре после подъема девочки наверх.

Оно сейчас здесь? продолжил друид.

Нет. Ушло, как и галька. Взяло и ушло. Вверх и вниз. Вверх...

- Гэлвин? Гэлвин? Что с тобой? - слова принадлежали Дролло, склонившемуся над друидом и трясущему его.

Гэлвин медленно открыл глаза, с сожалением обнаружив связь с мрамором разорванной. Это был самый длинный разговор с камнем из тех, что он когда-либо вел, и напряжение, видимо, заставило его потерять сознание. Он потянулся тяжелой, дрожащей рукой к голове. Рука одеревенела, а его бледность приобрела сероватый оттенок.

- Гэлвин?

- Я в порядке, Дролло. Пойдем наверх. Думаю, мы найдем Изабель там.

Старик просиял и помог мужчине подняться. Дорога вверх по лестнице показалась друиду длинной; на каждом пролете он останавливался, чтобы немного передохнуть. Дролло и Илайес с легкостью поспевали за его медленной походкой. Зато друиду пришлось терпеть бесконечные вопросы старика.

- Так это моя лестница сказала тебе, что она наверху?

- Что-то вроде того, - согласился друид.

- Она видела ее?

- Она обратила внимание на ее ноги.

- Гэлвин, это чудесно. После того, как мы вернем Изабель, можешь научить меня разговаривать с лестницей?

- Я подумаю об этом, - вяло пообещал друид. Вдруг улыбка тронула уголки его губ. - Но тебе придется очистить ее, прежде чем она с тобой заговорит.

- Хорошо, я могу это сделать.

На шестом пролете Гэлвин выглянул в окно. Дождь прекратился, и снаружи было темно. Высоко в небесах луна выглядывала из-за облаков. Собравшись с силами, он дошел до седьмого пролета и увидел распахнутую дверь.

- Изабель? - тихо позвал он.

Тишина.

Снова на поиски, решил друид. Ласка увлеченно заворчала, сморщила нос, пискнула и стала носиться в залежах хлама.

- Да, можешь помочь нам искать, - вздохнул Гэлвин.

Для друида комната выглядела так же, как и любое другое помещение у Дролло в башне - заваленная обломками и заставленная ящиками с более интересным содержимым. Она была такой же грязной, как и остальные, но Гэлвин видел места, где грязь была потревожена маленькими ножками. Он прошел вперед, а Дролло прошаркал за ним.

В пыли кое-где отпечатались тонкие пальчики. Содержимое большей части ящичков валялось на полу вместе с обрывками упаковочного материала - настоящая сокровищница бесполезных предметов. Друид заметил, что все ящики были подписаны плавным эльфийским письмом. Заинтригованный, он стал тщательнее осматривать комнату, на сей раз читая каждую подпись.

Гэлвин слышал, как копошится позади него старик. Илайес тоже участвовал в поисках. Истошный писк зверька почти заглушал шуршание Дролло.

Наконец взгляд Гэлвина упал на особенно большой ящик у стены, который был открыт. Вокруг него материала для набивки валялось совсем немного - что бы ни содержалось в ящике, похоже оно занимало почти все внутреннее пространство. Он пробежал пальцами по грубому дереву и прочел надпись на эльфийском.

- О нет, - прошептал друид.

- Изабель! - продолжал звать Дролло.

- Дролло, - начал мужчина, - ты торгуешь с морскими эльфами Драконьего Предела?

- Нет, - донесся невнятный ответ. Старик как раз засунул голову в ящик. - Ну, по крайней мере, уже нет.

- А когда-то торговал?

- Да. Где-то несколько лет назад. Сейчас я редко спускаюсь к побережью. Морской воздух заставляет ныть мои старые косточки.

Друид нахмурился и перечитал подпись.

- Дролло, прекращай искать. Ее здесь нет.

- Тогда пошли в следующую комнату.

- Нет. Она не в башне.

Старик побледнел, и Гэлвин сразу же добавил:

- Но я знаю, куда она пошла. Не волнуйся. Я верну ее.

- Я, я иду с тобой, - заикнулся старик.

- Только не туда.

С этими словами Гэлвин сбежал вниз по лестнице. Илайес быстро помчался за ним. Когда друид достиг последней ступеньки, он оглянулся и увидел, что Дролло только начинает спускаться.

- Оставайся здесь, - предупредил он. - Я вернусь с Изабель!

Гэлвин надеялся, что это прозвучало достаточно убедительно - он сам не был уверен, что сможет найти девочку. Тем не менее, мужчине не хотелось, чтобы старик шел за ним. Тогда пришлось бы волноваться сразу о двух людях.

Распахнув входную дверь, он выбежал прямо в сырую ночь.

- Твои сапоги! - донесся крик Дролло.

Но друид не остановился. Там, куда он направлялся, сапоги пригодятся меньше всего.

Гэлвин свернул к югу от башни. Вдалеке слышался шум прибоя. Облака над головой редели - их разгонял освежающий бриз. Когда друид достиг побережья, полностью раскрылась луна, пролив свет на черные воды Драконьего Предела.

Мужчина несмело шагнул в прибой. Холодная вода забурлила вокруг лодыжек, а затем и колен. Очередная волна окатила его целиком, прилепив подштанники к телу. Он вошел в воду глубже и стал концентрироваться.

Друид приказал лицу вытянуться. Нос и челюсть растянулись, кожа стала голубовато-серой. Бросившись в воду головой вперед, он продолжил превращение. Руки уменьшились, стали тоньше, принимая форму плавников. Они плавно переходили в сгладившиеся плечи, прижавшиеся ближе к туловищу. Ноги срослись вместе в мускулистый хвост. Изгибаясь, сильно и ритмично, он толкнул дельфина, в которого превратился Гэлвин, дальше в воды Драконьего Предела.

Дельфин покрывал милю за милей, ныряя в разбросанные по проливу морские пещеры. Дно было скалистым, с вздымающимися каменными пиками, покрытое кустами смахивающих на камыш растений. За пещерами дно сглаживалось, но его повсюду устилали большие камни и гигантские ракушки. Вверх тянулись яркие водоросли, колыхаясь под воздействием течения. Дальше в проливе дно резко обрывалось - морские эльфы звали это "Утесом". Верхушкой утеса был большой риф из блестящих кораллов, кишевших жизнью.

Гэлвин плавал вперед-назад вдоль рифа, расспрашивая медуз, жёлтых морокот и кусты водорослей. Он поднимался на поверхность только глотнуть воздуха. Зеленая изабелита, чей сон он потревожил, наконец дала ему зацепку и послала Гэлвина через пролив, в глубокие холодные воды моря Павших Звезд.

Здесь рельеф был равнинным, с волнистыми линиями на песке, отмечавшими колебания течений. Растений было меньше, чем возле рифа, они были выше и не такие яркими. Гэлвин плыл глубоко, прижимаясь к песчаному дну. Он заметил, что рыба здесь плавала косяками - видимо, по привычке или из-за присутствия крупного хищника неподалеку. Дельфин осматривал песок, ища необычные отметины. Но все, что он видел - постепенно стирающиеся стрелки, верный признак раков и прочих панцирных. Течение не позволяло песку хранить следы дольше нескольких минут.

Гэлвин продолжал поиски, углубившись в море на мили. Наконец он нашел цепочку отпечатков, напоминавших следы парнокопытного; их не могло оставить ни одно морское существо из известных друиду. Дельфин последовал за быстро стирающимися отметинами по океанскому дну. Друид знал, что он исследует Знак Смерти, мелководный участок в море Павших Звезд, опасный для судов с глубокой осадкой.

Разбросанные пучки водорослей - некоторые были почти вырваны из морского дна - дали больше информации.

Распугавшее всю рыбу чудовище, сказал один куст.

Оно вырвало нас из грунта и оставило погибать, простонал другой.

Друид сложил все сведения воедино и продолжил преследование, много минут спустя пройдя над густыми зарослями бурой водоросли. Он заработал хвостом, опускаясь к кустам. Водоросли росли рядами, и судя по некоторым признакам, за ними тщательно ухаживали.

Это огород, решил Гэлвин, но чей? Возможно, морских эльфов, хотя эльфы живут ближе к проливу. Кроме того, им нужны куда большие сады, чтобы прокормить племя.

Дельфин медленно плыл, держась в футе над водорослями. Здесь было меньше шансов, что течение сотрет следы - заросли помогали ослабить натиск воды. В дальнем конце поля он увидел признак того, что преследуемый здесь был -

вырванный и отброшенный в сторону пучок водорослей. Будто большая собака разрыла морковную грядку. В песке виднелось несколько отпечатков копыт.

Еще полчаса, и цель друида показалась в поле зрения. Нечто, казалось, целиком поглощенное уничтожением цветущей грядки водорослей, больше всего напоминало помесь летучей мыши и тарантула. Его тело в форме луковицы посередине достигало трех футов в поперечнике, а круглая голова была около фута в диаметре. Из нижней челюсти выступали серебристые клешни, с легкостью разрезающие водоросли. К тому, что сходило за плечи, крепились крылья летучей мыши. Приспособление стояло на двух тупорылых, смахивающих на козлиные, ногах, оканчивающихся копытами; ноги попеременно уравнивали массивное тело и вырывали водоросли.

Сзади устройство - как и ловец насекомых Дролло, эта штука не была живой - украшали красные и синие каракули. На внутренней стороне крыльев виднелись зеленые и желтые круги разной величины. Копыта были раскрашены ярко-красным и обведены светло-зеленым. Выглядело аляповато. Сквозь круглые стеклянные глаза Гэлвин разглядел внутри улыбающееся лицо маленькой девочки.

Будто манта, устройство скользнуло над водорослями, затем остановилось, чтобы выкорчевать куст в конце. Паучья голова-луковица повернулась справа налево и остановилась, следя за дельфином.

Гэлвин проплыл за пучком водорослей, пока в его голове громоздились вопросы. "Это Изабель управляет механизмом, или он самостоятельно убегает с ней внутри? Как мне доставить его на сушу? Как я..."

Друид остановился, позволив течению унести беспокойные мысли прочь. Я встречу все с открытым забралом, решил он. В черных дельфиньих глазах показалась решимость, друид вылетел из-за водорослей стрелой - и тут же остановился.

Гэлвин оказался не единственным, кто заметил огородного вредителя. К водорослям и подводному пауку неслась четверка сахуагинов, океанских рыболодей. В общих чертах человекоподобные и очень мускулистые, они обладали чешуйчатыми зелеными телами, длинными острыми ушами и перепончатыми конечностями. Каждый нес трезубец в одной руке и утяжеленную сеть - в другой.

Механический паук и его пассажир, казалось, не заметили угрозы и сосредоточились на вырывании водорослей. Луковичная голова повернулась к сахуагинам только когда брошенный трезубец вонзился в песок возле раздвоенного железного копыта.

В панике друид бросился вперед и вызвал новое превращение. Его кожа приобрела более темный оттенок и растянулась, чтобы вместить увеличивающееся тело. Плавник на спине вырос и заострился. Голова стала толще и крепче, легкие раздулись от воды, а похожая на бутылку челюсть растянулась и приобрела двойной ряд острых зубов.

Акула бросилась к сахуагинам, уже приблизившимся к пауку. Рыболоды кружились вокруг устройства, трое тыкали в него трезубцами, а четвертый извлекал оружие из песка. Гэлвин слышал монотонное гудение - их странную боевую песнь. Она стала громче и завершилась воплем, когда один из сахуагинов проткнул своим

оружием крыло подводного паука, опрокинув его на дно. Механизм стал бешено вращаться, будто жужжащая раненная муха.

Через его выпученные стеклянные глаза Гэлвин заметил испуганное лицо Изабель. Он достиг ближайшего сахуагина как раз тогда, когда тот обрушил тупой конец своего трезубца на голову крылатого паука. Друид увидел как треснуло стекло и мысленно содрогнулся. Этот миг промедления позволил сахуагину ударить первым.

Рыбочеловек метнулся к акуле, наставив шипастый трезубец Гэлвину в лицо. Друид вдруг обнаружил, что замер как вкопанный перед сахуагином, а существо стало водить трезубцем из стороны в сторону, произнося что-то различимое, но незнакомое Гэлвину. Наверное, это была разновидность боевой песни. Так или иначе, звук успокоил натянутые нервы друида, и тот почувствовал сонливость. Сахуагин продолжил напевать, убаюкивая противника, а течение уносило его прочь от Изабель и механического паука.

Акула чувствовала воду, ласкающую всю поверхность кожи. Это было так успокаивающе, так...

Чирк!

В воде разнесся звук удара трезубца о металл подводного устройства. Шум разбудил дрейфующую акулу. Заставив себя открыть уставшие глаза, друид увидел сахуагинов, непрерывно долбящих по пауку. Голова механизма была окутана сетью, чтобы не дать клешням дотянуться до рыболодей.

Чирк! Чирк! Чирк!

Гэлвин сбросил с себя действие сонного заклинания сахуагина. Сознание стало проясняться, и он вновь осознал рыболодей как угрозу Изабель. Акула поплыла вперед, полная решимости оторвать сахуагинов от их зловещего занятия. Пока друид несея сквозь воду, инстинкты его превращенного тела взяли верх.

В этот раз, когда рыбочеловек стал покачивать трезубцем и монотонно петь, акула сосредоточила свои мысли на девочке в опасности, отрезав звуки, лишь мгновение назад казавшиеся колыбельной. Застав врасплох поющее существо, акула скользнула под трезубцем и ударила головой в брюхо сахуагина, отбросив его назад - на одного из товарищей. Оглушенные, оба не шевелясь поплыли над океанским дном.

Двое оставшихся рыболодей перенесли свое внимание на акулу, развернувшуюся и набирающую скорость для новой атаки.

Гэлвин почувствовал вспышку боли, когда трезубец впился глубоко ему в бок, прямо под плавником. Кровь смешалась с морской водой. Он попытался усилить натиск, не обращая внимания на боль, и был вознагражден, когда его челюсти сомкнулись на жесткой коже сахуагина. Кусаясь, как дикое животное, акула разорвала бронеподобную чешую и вонзила зубы глубже в туловище. Все это время он мотал головой из стороны в сторону, обагрив соленую воду кровью. Рыбочеловек пытался высвободиться из смертельной хватки, но это было бесполезно.

Боль вновь вспыхнула в боку Гэлвина, в этот раз ближе к хвосту. Еще один укол трезубцем - его мозг закричал, чувствуя все еще находящиеся в плоти зубцы. Акула распахнула пасть, позволив умирающему сахуагину плавно опуститься на дно.

Гэлвин помчался за противником, сократив дистанцию двумя взмахами хвоста. Хищник радостно сощурил глаза, готовый к новому убийству.

Стой! - прокричал его разум. Друид боролся за контроль над собой, чтобы подавить завладевшую его душой жажду убийства. Изабель. Спасти Изабель.

Акула замедлила свое скольжение и повернулась к пригвожденному трезубцем механизму. Гэлвин продолжал концентрироваться на Изабель и подводном пауке, пытаясь не глядеть на дрейфующие тела сахуагинов. Его мысли были полны упреков. Попасть под влияние животных инстинктов существа, в которого он превратился, не было для друида чем-то необычным, но Гэлвин никогда не мог толком сопоставить свою любовь к природе с теми странными, дикими вещами, которые он делал, когда превращался - даже если такая жестокость была обычным делом в повседневной жизни леса или океана.

Огорченный, друид сжал свои челюсти на трезубце, прибавившем устройство ко дну. Один рывок и оружие было свободно. Затем он занялся застрявшим в его собственной шкуре. Потом быстро стащил сеть с механизма. Всматриваясь сквозь треснувший стеклянный глаз, Гэлвин увидел напуганную девочку. Вода сочилась внутрь и уже достигала ее плеч.

Акула взялась челюстями за неповрежденное крыло устройства и упорно потащила его к поверхности. Раны, хоть и не серьезные, болели, и друид заставил себя думать про Изабель и старика, чтобы продолжать двигаться. Через какое-то время акулья голова вынырнула из волн, и он подставил лицо яркому свету солнца. Пока мужчина искал Изабель, наступил новый день.

С механизмом на буксире Гэлвин начал долгий путь к берегу.

Друид принял свою человеческую форму в одной из отмелей Драконова Предела, возле башни Дролло. Он вытолкал устройство на несколько футов в песок, затем улегся, намереваясь позволить усталости взять свое. Бок ныл от ранений трезубцами. К счастью, болели они больше, чем угрожали жизни.

Просто немного передохну, подумал он, закрывая глаза.

Клац, клац та-дам!

Шум разбудил Гэлвина и он увидел, как раскрывается люк устройства. Наружу высунулась светловолосая голова. Робкая, но широкая улыбка показалась на лице девочки.

- Привет! - улыбнулась Изабель в промежутке между зевками. - Ты кто?

- Друг твоего дедушки, - мягко сказал Гэлвин, не спеша поднимаясь на ноги и протягивая руку промокнувшей девочке.

Она ухватила его и выбралась из механизма.

- Он сильно будет злиться? - тихонько спросила она, показывая коротким пальчиком на металлического паука. - Дедушка очень разозлится, что я сломала одну из его игрушек?

Гэлвин покачал головой.

- Нет. У него еще много других.

Прогулка по пляжу к башне Дролло показалась друиду бесконечной - болтовня девочки на протяжении всего пути утомляла.

- Изабель! - воскликнул Дролло, распахнув дверь. Он выбежал во двор и подхватил девочку на руки.

- Дедушка! - завизжала та. - Я так здорово провела время! Там были морские цветы, и зеленые люди, и большая акула! Было весело!

Друид нахмурился и прошел мимо обнимающейся парочки в коридор, где забрал свой просохший плащ. Набросив его на плечи, он взял сапоги и тунику, и, обернувшись, увидел Дролло, заносящего уставшую малышку внутрь.

- Где же ты ее отыскал?

- Далеко за Драконим Пределом, - просто ответил друид, натягивая сапоги. Он потянулся за своим мечом и повесил его на пояс.

- Но откуда ты узнал, что она будет там?

- Ты сказал, что торговал с морскими эльфами несколько лет назад, - начал друид. - Эльфийское письмо на большом пустом ящике утверждало, что он из Мерции. Это город в нескольких дюжинах миль отсюда - под водой. Насколько я смог перевести, подпись говорила о содержимом "один водный паук". Вот я и догадался, что Изабель, ну, утопила твою штуковину. Зная технологии морских эльфов, я решил, что паук делает свое дело вне зависимости от того, сможет она им управлять или нет. И поскольку мерцианские морские пауки предназначены для перемещения под водой...

- Хвала Тиморе, твоя догадка была верной! - воскликнул Дролло, опуская Изабель на чистый участок пола и поглаживая ее по макушке.

- Не прячься от меня больше, - приказал он.

Девочка зевнула и послушно взялась за край его робы.

- Как мне тебя отблагодарить? - спросил старик. - Я должен что-то сделать. Я должен дать тебе что-нибудь.

Друид покачал головой. Ему не нужны были вещи, особенно тот хлам, что заполнял башню. Но когда он уже собрался уходить, у него возникла мысль. С озорным огоньком в глазах он повернулся к Дролло.

- Как насчет подарить мне кое-что из твоей коллекции?

- Да! Отличная идея! - воскликнул Дролло. - Забирай сколько сможешь унести.

Последующие несколько часов друид провел, таская огромный мешок вверх и вниз по лестнице.

- Что это? - спросил Гэлвин на верхнем этаже, указывая на выглядывающий из окна длинный цилиндрический предмет.

- Наблюдатель звезд.

- Ну, он мне без надобности. А это? - он указал на полусферу, усыпанную бусами и кусками металла.

- Не помню...

- Ладно, я ее возьму.

- Как насчет этого? - поинтересовался друид этажом ниже.

- Это называется худабит. Завезли из Жентильской твердыни. Не знаю точно, что он делает.

- Хорошо, я его заберу.

Друид зарылся в коллекцию гномьих устройств, и показал на маленькую коробку с шестеренками и циферблатами.

- А это что?

Старик пожал плечами, и Гэлвин сразу же сунул вещицу в мешок.

Дальше и дальше шел друид, собирая все, что старик не мог опознать. Когда Гэлвин закончил, то был доверху нагружен ранцами, мешками, сумками и пакетами. Он согнулся под этим весом, и Дролло пришлось открыть ему входную дверь.

- Спасибо, Гэлвин. За все, - сказал старик.

-Пока мечи не разлучат, - формально ответил друид. - И да будут твои дни светлы, Изабель.

Девочка зевнула и помахала в ответ; ласка в ее руках запищала в притворном негодовании.

- Хорошо, я еще зайду в гости, - сказал Гэлвин зверьку. - Больше не буду так долго пропадать.

Будто перегруженный коробейник, Гэлвин заковылял прочь, протащив свою поклажу почти милою. Наконец, он нашел тенистую рощицу и опустил подарки на землю. Друид снял меч, потянулся и встал на четвереньки. Он призвал новое превращение и обзавелся грубой серой шерстью и длинными острыми когтями.

Барсук стал рыть нору у подножия большой ивы. Несколько часов спустя, когда нора была достаточно велика для его целей, Гэлвин вернулся в человеческую форму. Он сложил все барахло в яму, прикрыл его и плотно утоптал землю.

Мужчина тщательно собрал листья и мох в окрестностях рощи и пересадил их в место над закопанными вещами. Как старательный садовник, расположил растения и заставил почву выглядеть так, будто ее не трогали.

Удовлетворенный тем, что игрушки Дролло останутся найденными, друид направился к Пределу. Он собирался потолковать с морскими эльфами о продаже водных пауков тем, кто не имеет ни малейшего понятия, как ими пользоваться.

ПРОКЛЯТЬЕ ТЕГИИ

Трой Деннинг

Судя по виду, гостиница "На Высоком Утесе" переживала не лучшие времена. Хотя час ужина давно уже наступил, веранда была безлюдна. Посередине каждого грубо сколоченного столика стояли перевернутая хлебница и старая бутылка из-под вина с увядшими маками. Стулья были разбросаны по двору, как будто тот, кто последним подметал пол, не видел смысла расставлять их по местам.

- Кажется, поздних посетителей у вас не так уж много, - заметил Адон.

- Скажем так, сегодня лучший столик – ваш, - проворчал хозяин, ведя их через двор. Мирон Цинас - так его звали - был волосатым, как медведь, крепким мужчиной со спокойными черными глазами, большим носом в красных прожилках и бородой до груди.

- Ваши проблемы как-то связаны с проклятием Тегии? - спросил Адон.

Мирон остановился.

- Я не виноват, - буркнул он, - Кто вам такое сказал?

- Никто, - ответила Корин.

Как и Адон, молодая женщина принадлежала к Церкви Мистры, только она была послушницей, а он – высокопоставленным жрецом. Булава с черной рукоятью смотрелась странно на поясе золотоволосой красавицы, с карими глазами оленя, носом пуговкой и сияющей улыбкой богини.

- На самом деле мы очень мало слышали о несчастье, поразившем Тегию - лишь то, что вам нужна помощь.

- Вот и хорошо, что вы остального не знаете, - сказал хозяин с облегченным выражением на лице. Он провел их в дальний угол веранды, откуда открывался вид на всю деревню. - Проблемы Тегии вас не касаются.

- Мы проделали долгий путь, чтобы предложить помощь, - возразил Адон.

- Тогда вы зря потратили время, - ответил Мирон, - Даже если вы и могли бы что-то сделать – а вы не сможете – беда нашей деревни только наша беда. Меньше всего нам нужна парочка чужаков, сующих носы в наше горе.

С этими словами хозяин придвинул два стула к столику и жестом предложил гостям присаживаться.

- Вам подадут ужин сюда.

Когда Мирон вернулся на кухню, Корин прошептала:

- Это будет сложнее, чем мы думали.

- Не намного, - сказал Адон, высвобождая свою булаву из петли на поясе, чтобы усесться поудобнее. - Люди Тегии будут счастливы принять нашу помощь – когда мы заслужим их доверие.

- Ну и как ты собираешься это сделать? - спросила послушница.

- Я придумаю способ, - ответил Адон. Он взглянул на деревню, которую пришел спасти.

Тегия, расположенная в южном районе Вершин Драконьей Пасти, выглядела весьма идиллически. Окружавшие ее горы были покрыты высокими кипарисами, стройными и прямыми, будто наконечники копий. Около деревни на пологих склонах росли большие оливковые рощи, деревья в которых были странным образом искривлены. Серебристые листья, свисавшие с неровных ветвей, колыхались под вечерним ветерком, и, казалось, нашептывали нежные песни пасторальной жизни. В самой деревеньке, изредка отражаясь от каменных стен, раздавался приглушенный звон козлиного колокольчика, но других звуков с узких дорожек, ветвящихся в лабиринте побеленных домиков, не доносилось.

На дальней стороне деревни, на краю тысячефутового утеса, припал к земле мрачный замок местного герцога. Его отвесные башни выделялись на фоне далеких вод Драконьего моря, где солнце как раз заходило за бирюзовый горизонт.

Обычно Адон останавливался в замке, а не в местной гостинице. Как важный священнослужитель Церкви Таинств, он мог рассчитывать на проявление гостеприимства со стороны большинства знати. Однако, патриарха предупредили, что герцог Тегии не любит священников, и он не стал утруждать себя визитом в замок.

Адон почувствовал теплое прикосновение Корин к его руке.

- Вот наконец-то и ужин, - сказала она.

Внимание жреца вернулось к веранде. Из кухни только что вышла служанка с тяжелым подносом в руках. Ее фигуру подчеркивали туго зашнурованный корсаж и волнистая юбка, достаточно узкая, чтобы намекать на стройные ноги. У нее была имбирного цвета кожа и черные волосы, ниспадавшие на обнаженные плечи шелковистыми волнами. Миндалевидные глаза были карими, как топаз, а ресницы подведены тушью.

Разглядеть остальную часть ее лица было невозможно. От щек и до самых ключиц лицо девушки было скрыто грубой шалью. Платок выглядел в высшей степени неуместно, касаясь кожи столь красивой девушки. Он был сделан из грубой черной шерсти и висел на жесткой бечевке.

Девушка поставила поднос на край стола.

- Я Серафина, дочь Мирона, - сказала она, ставя кубок золотистого вина и исходящее паром блюдо перед Корин, - Сегодня вечером у нас сливовое вино и тушеный ягненок. Надеюсь, вам понравится.

Когда Серафина повернулась, чтобы обслужить Адона, ее взгляд упал на левую сторону его лица и остановился там. Хотя патриарх был привлекательным мужчиной, с аристократичным носом и раздвоенным подбородком, он часто привлекал такие взгляды. В Смутные Времена, когда боги ходили по Фаэруну в телах смертных аватаров, его внешность испортил один фанатик. С тех пор красный шрам чертил извилистый след от его левого глаза до линии скул. Адон намеренно отвернулся, чтобы девушке не пришлось смотреть на его изъян.

Поставив вино и блюда для патриарха на столик, Серафина спросила:

- Желаете еще что-нибудь?

Адон продолжал смотреть в сторону и покачал головой вместо ответа. Он не злился на девушку за взгляд, лишь стыдился своей внешности.

- Пожалуйста, Ваша Милость, - сказала Серафина, - Я не хотела задеть ваши чувства. Если бы вы видели, что под этим платком, то знали, что я никогда не стану смеяться над чужими шрамами.

Адон повернулся, тронутый искренностью ее голоса.

- Я подумал, что для женщины в этой части света странно носить шаль, - сказал он, - Наверное, тебе стоит дать мне взглянуть на твой недостаток. Быть может, я смогу исцелить его.

- Не думаю, - Серафина вытерла неожиданно выступившие слезы, - Многие жрецы пытались, и каждый раз они делали только хуже...

- Но я не обычный жрец...

- Пожалуйста, не спрашивайте больше, - сказала Серафина, по-прежнему глядя в сторону, - Вам принести еще что-нибудь?

- Хотелось бы хлеба, если у вас найдется, - сказала Корин.

Серафина кивнула.

- Мать как раз достала несколько булок из печи. Я принесу, как только он остынет достаточно, чтобы нарезать.

Когда девушка вернулась на кухню, Адон раздраженно потряс головой.

- Почему эти люди так не желают принимать нашу помощь?

- Не стоит обвинять девушку в излишней осторожности, - сказала Корин, указывая на кривой шрам, пятнающий красоту Адона, - С чего она должна думать,

что ты сможешь вылечить ее лицо, если ты не потрудился исцелить свое собственное?

- Наши совместные странствия сделали тебя слишком фамильярной, - бросил Адон, - Ты бы лучше припомнила, кто здесь патриарх, а кто послушница.

Угроза священника не смутила девушку.

- Так почему ты не убрал его? - настояла она.

- Ты думаешь, я не пытался? - огрызнулся Адон, - Я молился Миднайт... ну, Мистре... с тех пор как она стала богиней магии.

- И она не ответила?

- Не на это, - сказал Адон, потягивая крепкое вино, что поставила перед ним Серафина.

- Не могу поверить, что наша Леди Таинств отказала в такой просьбе тому, кого однажды звала другом, тому, кто сражался вместе с ней в Смутные Времена.

- Это было до того, как она стала богиней, - сказал Адон и замолчал на мгновение. - Теперь она бессмертная, и, думаю, должна вести себя соответственно. Ей даже не нравится, когда я зову ее Миднайт. «Это имя моей аватары, - говорит она, - Миднайт, которую ты знал, существует только в воспоминаниях».

- Она зовет себя Мистрой, чтобы почтить прежнюю богиню магии, - догматично заметила Корин.

- Причина, по которой она меня не исцелила, сложнее, чем нежелание нарушать божественные порядки, - пробормотал Адон в свой кубок.

- В смысле?

- Она гневается на меня из-за более важных вещей, - ответил Адон, смущенно глядя в сторону, - Ее церковь прекратила расти в последние два года, тогда как остальные продолжают процветать.

- Это потому, что Мистра не покупает последователей ложными мечтами о богатстве и власти, как делают другие боги, - указала Корин, - ты в этом не виноват.

- Может и нет, но дела это не меняет, - сказал патриарх, - Прежде чем позволить богам вернуться на Планы, их повелитель ясно дал понять, что статус и власть каждого теперь будут зависеть от веры смертных, которые им поклоняются. Церковь Мистры меньше, чем церковь Кайрика. И это значит, что я позволил злейшему врагу нашей Леди превзойти ее в силе.

- Но ты всегда говорил, что Богиня магии особенная...

- Я знаю, что я говорил, но правда в том, что я терплю неудачу, - ответил Адон. Он повернул лицо стороной со шрамом к Корин и указал на него пальцем. - И это – символ моей некомпетентности.

- Если то что ты говоришь – правда, что же мы делаем в таком захолустном местечке? - спросила Корин. - Мы должны вернуться в Арабель и приобщать людей к делу нашей Леди.

Адон потряс головой.

- Мистра желает другого, - сказал он, - В видении она ясно выразила свою волю. Я должен снять проклятие, наложенное на эту деревню – чем бы оно не являлось.

Послушница покачала головой.

- Волю богов сложно постичь.

- Верно, но в этом случае я кажется понимаю замысел нашей Леди, - сказал Адон.
- Нельзя полагаться на соперничество со служителями других церквей. Чонтеа одаряет своих последователей богатым урожаем. Хельм защищает верующих от травм. Лиира обещает своим почитателям жизнь, полную блаженства. А мы, служители Мистры, можем предложить только долгое и сложное обучение таинствам магии.

- Но награду...

- Долго ждать и сложно получить, - прервал Адон. - Нет. Если я и понял что-то за время моего пребывания на должности патриарха этой церкви, так это то, что мы не сможем найти последователей для Мистры, соревнуясь с другими религиями. Вместо этого, мы должны попробовать нечто иное – нечто вроде того, за чем Мистра и послала меня сюда.

- Снять проклятие? - спросила Корин.

- Это только начало, - сказал Адон, - Важнее то, что случится потом.

Корин выглядела озадаченной.

- Сейчас тебя понять не легче, чем богов...

Жрец ухмыльнулся.

- Это потому, что я не рассказал тебе о самой важной части плана, - сказал он, - После того, как я разделаюсь с проклятием, мы обратим деревенских в Церковь Таинств. Я решил, что ты возглавишь монастырь, который мы здесь построим, если все получится.

Мгновение Корин выглядела польщенной, затем на ее лице появилось выражение осознания.

- Ты имеешь ввиду остаться здесь? - выдохнула она, - Мы же более чем в сотне лиг от того, что можно было бы назвать городом!

- Расслабься, - сказал Адон, - Это назначение не постоянное. Я заменю тебя через несколько лет...

- Лет?! - взвизгнула послушница, - Ты не можешь так поступить!

- Уже поступил, - отрезал Адон, - Нет смысла спорить. Ты нужна нашей Леди здесь, и здесь ты останешься.

Корин одним глотком допила свое вино.

- Ты делаешь это, потому что я заговорила о твоём шраме? - спросила она, вытирая рот рукавом своей накидки.

- Это не имеет никакого отношения к тому, что ты говорила на протяжении всего нашего путешествия, хотя ты и дала мне более чем достаточно причин тебя наказать, - ответил Адон, - Я выбрал тебя для этой цели прежде чем мы покинули Арабель.

Корин сощурилась.

- И почему ты не сказал этого тогда?

- Потому что я знал, как ты любишь город, - ответил он, - Ты бы была все путешествие, и может быть даже попыталась избежать его вообще.

- Вполне возможно, - согласилась она, - Броситься в Старуотер кажется не такой уж дурацкой альтернативой.

- Уверен, тебе не нужно напоминать про обеты, - сказал Адон.

- Я бы не смогла забыть о них, даже если бы захотела - а в данный момент я хочу, - вздохнула Корин, хотя оба они знали, что она покривила душой.

Несмотря на огорчение, послушница оставалась все такой же прелестной. Смягченный ее красотой, Адон попытался утешить ее.

- Знаю, что это назначение будет нелегким для тебя, - сказал он, - Но оно требует кого-то, кто силен духом. Именно поэтому я выбрал тебя.

Корин не ответила, устремив взгляд в дальний угол веранды. Адон обернулся, чтобы посмотреть, что привлекло ее внимание. Там, как раз у входа в трапезную, стоял еще один – довольно привлекательный – посетитель. Он обладал запоминающимися чертами – высокие скулы, темные брови и непослушная копна каштановых волос, достигающая плеч. Его фигура была подтянутой и крепкой, с широкими плечами, укрытыми подбитой мехом накидкой, и узкой талией, овитой поясом из отборного фиолетового шелка. Игнорируя Адона, парень послал Корин плутоватую улыбочку.

Новый посетитель направился к задней части веранды. Как раз в этот момент Серафина вышла из кухни с накрытой корзиной. Как только ее взгляд упал на незнакомца, корзина выскользнула из рук, по полу рассыпались ломти черного хлеба. Девушка отступила к двери, воскликнув: «Отец, сюда! Быстрее!»

- В чем дело? - спросил Адон, вставая со стула, - Вам нужна помощь?

Незнакомец остановился, чтобы презрительно усмехнуться жрецу.

- Лучше не лезь не в свое дело, путешественник, если конечно ты заботаешься о себе.

Мирон выбежал из кухни и своим большим телом закрыл дочь от незнакомца.

- Скажи своему господину нет, Брока, - сказал хозяин, - ответ был «нет» вчера и и завтра он будет таким же.

- Я должен услышать это из уст твоей дочери, - ответил Брока. Он наклонился и стал собирать куски хлеба, которые обронила Серафина, - Почему бы тебе не отнести это гостям? Боюсь, у вас и так мало посетителей в последнее время, и этих не следует отпускать голодными.

- У нас нет претензий, - сказал Адон. Он подошел к красивому незнакомцу, умышленно не взяв свою булаву. Если будет необходимо заступиться за Серафину, существуют более эффективные способы сделать это, чем применение оружия.

Мирон поднял руку.

- Не вмешивайтесь, - предупредил он, - Я способен защитить собственную дочь.

Брока выпрямился и протянул корзину с хлебом Мирону.

- Защитить ее от кого? - спросил он, - Я пришел только для того, чтобы задать вопрос прекрасной Серафине.

- Тогда спрашивай и уходи, - сказал Мирон. Он бросил корзину на стол возле себя.

Брока злобно ухмыльнулся Серафине.

- Ты готова ответить на любовь моего господина?

- Нет! - воскликнула она, - Я никогда не буду готова, даже если он превратит меня в гарпию!

- Уверена? - спросил Брока. Он обошел Мирона, и, запустив руку в карман, достал оттуда небольшое зеркальце, - Посмотри на себя, и помни, что все женщины Тегии разделят твою участь!

Он потянулся к вуали Серафины, но Мирон оттолкнул его. Когда Брока упал на пол, зеркало вылетело из его руки и разбилось о стул.

- Как ты смеешь меня трогать? - Брока вскочил на ноги с кинжалом в руке.

Адон улыбнулся, когда Брока шагнул к Мирону. Грубиян предоставил ему великолепную возможность доказать свою силу. Призывая магию своей богини, патриарх прочел заклинание, которое должно было сделать кинжал слишком горячим, чтобы держать его руками.

Ничего не произошло.

Адон в ошеломлении посмотрел на свою руку. Что-то пошло совсем не так!

Брока сгреб Мирона и прижал кинжал к горлу хозяина.

- Может, ты бы помнил свое место, если бы был больше похож на свою дочь! - прошипел он.

- Сделайте что-нибудь! - прошептала Корин, шагнув к Адону. Следуя примеру патриарха, она оставила оружие у столика, - Его же убьют!

Отчаявшись спасти хозяина, Адон испробовал другое заклинание. В этот раз, шипящий зеленый луч сорвался с кончика его пальца, оставляя за собой полосу белого дыма. Когда луч коснулся клинка, тонкий звон разнесся по веранде. Нож разлетелся на дюжину осколков.

Брока вскрикнул от удивления, затем отбросил в сторону бесполезную рукоять и отступил за пределы досягаемости Мирона.

- Прежде чем ты уйдешь, я советую тебе извиниться перед Серафиной и ее отцом, - сказал Адон.

Брока развернулся кругом, чтобы стать лицом к жрецу.

- Да ты знаешь, кто я такой? - возмутился он.

- Забияка, который мучает женщин и прячется за своим кинжалом, - сказала Корин, - И это настоящий позор. Прежде чем ты так себя повел, я решила, что ты симпатичный.

Брока проигнорировал упрек Корин и указал на крепость в дальнем конце деревни.

- Я сенешаль владельца этого замка, - сообщил он, - И в данный момент представляю своего господина в этом деле. Я надеюсь, что вы будете держаться подальше – или ответите перед ним.

С этими словами он развернулся обратно к Мирону.

- Мне приказали осмотреть лицо твоей дочери, - сказал сенешаль, глядя хозяину в глаза, - Если ты помещаешь мне опять, я отстегаю кнутом всю твою семью.

- Позволь ему, отец, - сказала Серафина, поднимая руки, чтобы снять платок, - Мне не будет больно, если я дам ему взглянуть.

Когда Мирон неохотно отступил, Брока фальшиво улыбнулся ему.

- Если бы твоя дочь беспокоилась о женщинах Тегии так же, как и о своей семье, она пошла бы со мной в замок, - сказал он. - Тогда, возможно, твои клиенты простили бы тебе упрямство Серафины.

- Она не сделала ничего плохого, - сказал Адон. Он схватил сенешаля за руку, - После того, как ты извинишься, ты вернешься к своему господину и скажешь ему оставить Серафину в покое.

- По чьему же приказу? - усмехнулся Брока.

- По распоряжению Адона, последователя Мистры, патриарха Служителей Тайны, - вмешалась Корин.

Это только рассмешило сенешаля.

- Мой господин не признает здесь власть богов, - сказал он, возвращаясь к дочке хозяина, - А сейчас дай мне взглянуть, что сделало проклятие господина с твоей красотой.

Адон ткнул Броку в спину, и сенешаль развернулся кругом. Не новичок в драке, священнослужитель легко блокировал его удар. Он контратаковал, воткнув раскрытую ладонь в подбородок, в то же время занеся ногу за лодыжку противника, и сбил Броку с ног. Сенешаль рухнул с глухим стуком, его болезненный вскрик не оставлял сомнений, что столкновение с полом было жестким.

Адон поставил колено на грудь Броки.

- Извинись.

В ответ сенешаль только выпалил цветистое проклятие.

- Возможно, ты был бы более благожелательным, если бы не был таким красивым, - сказала Корин.

Послушница выговорила заклинание и коснулась бровей Броки. Ее магия сработала превосходно.

Лицо сенешаля потемнело до бордового оттенка, затем покрылось нарывами и гнойниками. Испуганно вскрикнув, он отполз в сторону и сгреб осколок зеркала, которое выронил, когда Мирон толкнул его.

- Мое лицо! - завыл Брока, глядя на отражение в осколке.

- Тебе не на что жаловаться, - сказала Корин, - Оно лучше подходит к твоему характеру.

Сенешаль встал и повернулся лицом к послушнице.

- Лорд Горджиас об этом услышит!

- Это все, что мне нужно, - произнес Адон, шагнув вперед, - А теперь убирайся!

Сенешаль швырнул осколок в Адона, который легко уклонился. Когда Брока удалился, патриарх повернулся к Мирону и Серафине.

- Расскажите мне про лорда Горджиса и о том, что он сделал с Серафиной и вашей деревней, - попросил священнослужитель, уверенный, что демонстрация его храбрости завоевала доверие хозяев.

- Ты безумец, - прорычал Мирон, - Я хочу, чтобы ты немедленно убрался с моего постоянного двора!

Адон нахмурился.

- Да что случилось? - спросил он, - Разве не видно, что Корин и я здесь, чтобы помочь вам?

- Чтобы нас убили, вы хотите сказать! - бросил Мирон, - Вы оскорбили человека герцога. Я только надеюсь, что господин Горджиас удовлетворится вашими жизнями и не тронет мою семью.

- Он никого не убьет, - сказал Адон.

- Это очень любезно предложить нам защиту, но вы не сможете остановить герцога, - сказала Серафина, - В Тегии, по крайней мере, ни один жрец не сможет противостоять его магии.

- Его заклятья не могут быть сильнее, чем у Мистры, - сказала Корин, - Как и любого смертного.

- Мистры здесь нет, - прорычал Мирон, толкая Адона и его послушницу к выходу, - И пока вы не приведете ее с собой, вам здесь не рады! - содержатель гостиницы вытолкнул их с веранды, затем взял с собой дочь и ушел на кухню.

- Что здесь происходит? - спросила Корин, глядя на дверь, в которой исчезли Мирон и Серафина.

- Я не знаю, - ответил Адон, больше думая о своем неудавшемся заклятии, чем о неблагодарности Мирона, - Ты заметила, что Мистра не откликнулась, когда я воспробовал о своем первом заклинании?

Корин прикусила нижнюю губу и неуверенно глянула Адону в глаза.

- Возможно, мы в районе чрезвычайно дикой магии, - предположила она, - Со Смутных Времен никто не потрудился нанести на карту все места, где нисхождение богов сделало магию непредсказуемой. Тегия может быть...

- Тот, кто предан Мистре, не нуждается в воздержании от заклятий в участках, известных дикой магией, - педантично заметил Адон, затем взглянул в лицо девушке, - Ты знаешь об этом не хуже меня. И кроме того, мы оба знаем причину, по которой мое первое заклинание не сработало.

Послушница потрясла головой.

- Должно быть другое объяснение.

-Нет. Произошедшее – признак того, что Мистра разочаровалась во мне, - сказал он, - И если я не узнаю, почему она недовольна мной, прежде чем мы покинем Тегию, то боюсь, не узнаю этого никогда.

Следующим утром, когда солнце взошло, оно застало Адона стоящим в центре Тегии. Позади – прямо из горного склона – вырывался журчащий источник, наполнявший каменный колодец холодной, чистой водой. Перед ним находилась небольшая площадь, очерченная каменными стенами нескольких двухэтажных домов. На ней стояли дюжины женщин, одетых в белые рубахи и цветастые юбки, их лица были закрыты платком или шалью. Они держали в руках пустые деревянные бадьи, в которые каждое утро набирали воду из колодца.

- Магия Мистры защитит вас от лорда Горджиаса, - говорил Адон, как будто случайно положив ладонь на оголовье своей булавы, - Все, что от вас требуется – чтобы кто-то позволил мне доказать это.

Когда ни одна из женщин не вышла вперед, Корин шагнула в толпу и коснулась вуали худой крестьянки

- Давайте же, неужели вам хочется носить эти маски до конца жизни?

- Что сделано, то сделано, - ответила женщина, - Серафина решила, что она слишком красива, чтобы выйти за герцога, и теперь мы все должны расплачиваться.

- Это не из-за Серафины! - крикнул Адон, - Лорд Горджиас проклял вашу деревню, и обвинять Серафину в том, что она не уступила его домогательствам – трусость!

- Тебе легко говорить, - произнесла пожилая женщина, - Ты ведь здесь не живешь.

Из толпы донесся возглас согласия, затем другая женщина сказала:

- Даже если ты сможешь нам помочь, что случится, когда ты уйдешь?

- Я скажу тебе, что случится, - ответила худая женщина, - Лорд Горджиас покарает нас за то, что мы посмели сопротивляться ему.

- Нет, не покарает, - сказала Корин, подходя к патриарху. Она почтительно улыбнулась Адону, потом добавила: - Я останусь, чтобы убедиться, что этого не произойдет.

- Сильно же она нам поможет, - сказала пожилая женщина, глядя на Адона, - Если это твоя смелая идея – оставить маленькую девочку сражаться с герцогом, то я не хочу иметь с тобой ничего общего.

- И недели не пройдет, как она будет скрести полы у лорда Горджиаса и вымаливать еду, - высказалась другая.

- Нет! - воскликнул Адон, - С могуществом нашей Леди она достаточно сильна, чтобы превзойти любого противника – даже лорда Горджиаса!

С дальней части площади раздался знакомый голос:

- Тогда пусть докажет!

В толпе образовался узкий проход, и Серафина с парой ведер в руках вышла вперед. Когда она подошла к колодцу, то бросила ведра к ногам Корин и потянулась к своей вуали.

- Если ты достаточно сильна, чтобы защитить нас от лорда Горджиаса, сделай меня вновь красивой!

- Нет, Серафина! - крикнула матрона, - Если ты попросишь незнакомцев о помощи, расплачиваться придется всем нам!

- У нас по крайней мере еще остались руки, чтобы работать, - запричитала другая женщина, - Не зли лорда Горджиаса еще сильнее, иначе он отберет и это!

Худая женщина шагнула к Серафине.

- Ты уже причинила довольно несчастий.

- Я страдаю так же, как и вы, а может и больше – учитывая, какие трудности ваша злость создала постоялому двору моей семьи, - ответила Серафина, - Но герцог – зло, и лучше я умру, чем выйду за него замуж!

- Есть пытки похуже смерти, - сказала худая, - И твое упрямство обрушит их на нас!

- Если ты так высоко ценишь свою внешность, тогда сама выходи за него! - возразила Серафина, срывая платок, - А я лучше покажу свое уродство каждому мужчине в деревне, чем отдам невинность и юность герцогу.

У Адона перехватило дыхание от того, что проклятие герцога сделало с лицом Серафины. Ниже глаз ее лицо было лицом чудовища. У нее была сморщенная зеленая кожа, испещренная дюжиной костяных наростов, растущих прямо на лице. Нос был заостренным и покрытым нарывами, а губы застыли в противной усмешке, которая демонстрировала полный рот острых желтых зубов. Из подбородка рос короткий серый рог, вьющийся к шее.

Ни одна из этих отвратительных черт, тем не менее, не могла скрыть внутреннюю красоту Серафины. Она держала голову прямо и без стыда встретила

взгляд Адона, ее сила и решительность виднелись в смелых карих глазах. Ровным голосом она спросила патриарха:

- Ну и кто теперь таращится?

Священнослужитель не отвел глаз.

- Я смотрю потому, что восхищен твоим духом, - искренне сказал он, подходя к ней, - А не потому, что меня поразила жалкая маска герцога.

- Все равно люди Тегии не поверят в твою послушницу, пока она не докажет свою силу, - произнесла Серафина, глядя на Корин, - Верни мне то, что украл лорд Горджиас.

Корин бросила взволнованный взгляд на патриарха. Адон кивнул ей.

- Сними проклятие, - сказал он, - Верь в Мистру. У тебя более чем достаточно сил.

Взгляд послушницы скользнул по шраму Адона, затем она сглотнула.

- Если ты так думаешь...

Она положила руку на обезображенное лицо Серафины и произнесла магическую формулу.

Желтое свечение появилось из ладони послушницы и расплзлось по лицу Серафины. Коже девушки вернулся нормальный смуглый цвет, и бугорчатые выступы стали рассасываться. Карбункулы на носу медленно заживали, а серый рог стал размягчаться и уменьшаться.

По толпе прокатился изумленный шепот.

- Видите? - закричал Адон, поворачиваясь к женщинам, - Вооруженная магией Мистры, даже послушница в силах отменить проклятие лорда...

Тревожный вскрик Корин быстро прервал его речь. Когда Адон оглянулся, то увидел как серая тень сменяет золотистое сияние магии Корин. Там, где она прокладывала путь, новообретенная красота девушки сменялась ужасающей маской проклятия лорда Горджиаса.

Когда тень коснулась пальцев Корин, та вскрикнула и отдернулась. Серость переползла на ее ладонь, быстро распространяясь по руке. Напуганная послушница сунула руку в воду и отчаянно попыталась отскрести это нечто, но старания были бесполезны. Тень скользнула ей на плечо и на лицо. Замерев там, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

Секунду Корин стояла на месте, глядя на плещущуюся в резервуаре воду. Затем, мгновенно, ужасный вой сорвался с ее губ и она бросилась к Адону.

- Прости меня! - причитала она, обвив его руками, - Это из-за твоего шрама. Он заставил меня усомниться в нашей Леди!

Адон отстранил Корин и посмотрел на нее. От щек и ниже ее кожа стала твердой и сморщенной. Курносый нос увеличился втрое и стал красным, с зияющими розовыми ноздрями - большими, чем у свиньи. Губы покрылись черной вьющейся щетиной, а на скулах выросла мягкая белая шерсть.

- Я понял, - прошептал Адон, - Не волнуйся, я все исправлю.

- Как? - поинтересовалась матрона, - Останешься здесь сам?

Патриарх потряс головой.

- Мои обязанности в Арабеле...

- Тогда, я думаю, тебе лучше вернуться в Арабель. Просто оставь нас с нашими проблемами, - сказала худая, выходя вперед, - А теперь отойди, чтобы я наполнила свою бадью.

Корин преградила ей путь.

- Вы не понимаете... неудачу потерпела я, а не Мистра.

- Наша Леди Таинств повелевает самой магией, - пояснил Адон, - Ни одно заклинание смертного не сможет противостоять ее власти.

Глубокий голос раздался над площадью:

- Но вашей богини здесь нет, в отличии от меня.

Огромный, закутанный в кожу силуэт преградил проход. Хоть он и обладал горбатой спиной и кривой фигурой, все равно был вполнину выше любого обычного человека. Ноги были тонкими и настолько изогнутыми, что, казалось, их владелец скорее бежит, а не идет. Одна костлявая рука свисала настолько низко, что костяшки волочились по булыжникам, а вторая была скручена и прижата к груди под неестественным углом.

Новому действующему лицу принадлежала самая ужасная физиономия из всех, что видел Адон. Она была ужасно изможденной, с потрескавшейся черной кожей. Брови выдавались вперед настолько, что отбрасывали непроницаемую тень на глаза. Нос был узким, как острие кинжала, скулы были гротескно искривлены, а из-под нижней губы выступала пара желтых клыков.

Позади стоял Брока в своей меховой накидке с фиолетовым поясом. На его лице остались нарывы, а опухший нос и темные глаза говорили о том, что он перенес жестокие побои после возвращения в замок Горджиас вчера вечером.

Женщины стали разбегаться по домам, и сенешаль провозгласил:

- Стойте! Герцог желает, чтобы вы видели то, что здесь произойдет.

Толпа немедленно остановилась, оставив достаточно места между отвратительной фигурой и патриархом. Адон отступил от Серафины.

- Лорд Горджиас?

Герцог склонил голову в знак подтверждения и поковылял вперед.

- Я пришел поблагодарить вас за новый облик моего сенешаля, - сказал он, указав своей неуклюжей рукой на изъязвленное лицо Броки, - Теперь на него гораздо интереснее смотреть.

- Вам – может быть, - признал Адон.

Герцог остановился в дюжине шагов.

- Теперь, когда я выразил свою признательность, вы и ваша послушница должны идти, - сказал он, - Если бы вы посетили мой замок по прибытии, у нас мог бы выйти занимательный спор относительно Церкви Таинств – и несколько часов на дыбе помогли бы вам достичь ясности мышления. Однако, я не могу позволить вам распространять вашу ложь среди моих крестьян.

Адон покачал головой.

- Мы не уйдем, пока ваше проклятие висит над Тегией.

- Проклятие! Думаете, я бы проклял женщину, которую люблю? - спросил герцог, указывая на Серафину, - Я расширяю ее чувство прекрасного, чтобы она оценила тонкую элегантность моей внешности.

- Меня отталкивает не ваша внешность, - отрезала Серафина, - Я ненавижу то, чем вы есть внутри.

- И что есть я – *внутри*?

- Тиран, столь же жестокий, сколь и тщеславный, - сказала Серафина, - Я лучше умру в одиночестве, чем выйду за вас!

Раздвоенный язык мелькнул между губ герцога.

- Интересно, разделяют ли твои чувства другие женщины Тегии?

- Нет! - крикнули несколько женщин на площади.

- Иди же с ним, или ты сделаешь нас всех вдовами, - приказала матрона, подходя к Серафине. Другие двинулись, чтобы поддержать ее, но Корин быстро достала булаву и преградила женщинам путь.

Адон извлек горстку серы из кармана плаща. Он вознес безмолвную молитву Мистре, прося ее благосклонно отнестись к заклинанию, что он готовил, затем произнес:

- Лорд Горджиас никого не убьет.

- Возможно, нет – если вы уйдете на закате, - сказал герцог, остановив свой затененный взгляд на священнослужителе, - Но если после полудня вы все еще будете здесь, все мужчины в этой деревне умрут. Запомните мои слова.

- Если вы угрожаете другим, у меня нет выбора, кроме как сразить вас во имя Мистры!

Когда патриарх поднял руки, чтобы задействовать заклинание, женщины тревожно закричали и побежали с площади. Герцог лишь улыбнулся, когда у него над головой разверзлась огненная дыра. Столб пламени понесся прямо ему в лицо. Он смотрел, как огонь приближается, безумно смеясь.

Как только первый язык пламени коснулся костистого лба, пылающий луч прекратил низвергаться. Пламя с шипением погасло, и багровый разлом внезапно исчез, оставив после себя лишь столб серого дыма. За пару секунд дым развеялся на ветру. В небе не осталось и следа от заклинания Адона.

- Он поклоняется Кайрику! - выдохнула Корин, - Только под защитой Повелителя Раздора можно противостоять магии Мистры – и сотворить такое с женским лицом!

Она коснулась своей изуродованной щеки.

- Не будьте глупцами, - усмехнулся герцог, подходя к ней и Адону, - Ваши жалкие божества меня не интересуют. Единственный, кто достоин моего поклонения – я сам!

Корин прыгнула вперед, целясь своей булавой в грудь герцога.

- За женщин Тегии!

Лорд Горджиас позволил удару попасть в цель. Тот отскочил от его жесткой кожи. Затем герцог схватил Корин за запястье и произнес магическую формулу. Мягкий покров нежной шерсти немедленно расплылся по ее коже. Руки и ноги неожиданно выкрутились в суставах, превратившись в кривые, жалкие отростки, неспособные даже выдержать вес тела. Девушка упала на землю, крича в агонии.

Адон не стал медлить со следующим ударом, на сей раз достав булаву. Выкрикнув имя Мистры, он прыгнул вперед и обрушил свое оружие на лицо лорда Горджиаса. Будто прикованный к земле, герцог следил за дугой, ведущей головку

булавы прямо к его носу, и патриарх посмел надеяться, что расправится с врагом за один удар.

Двигаясь так быстро, что Адон увидел лишь расплывчатое пятно, лорд Горджиас перехватил и вырвал булаву. Он отбросил ее в сторону, и, сжав могучую длань на горле у патриарха, оторвал его от земли.

- Довольно ваших глупостей, - прошипел герцог.

Краем глаза Адон заметил стройную фигуру Серафины, приближающуюся сбоку. Обоими руками она обрушила булаву Корин на ногу герцога. Удар отскочил от колена, не нанеся никакого вреда.

- Ты примкнула к этим чужакам против своего будущего мужа? - спросил он, глядя вниз на Серафину.

Она подняла булаву и ударила снова. Герцог, казалось, и не заметил. Горджиас снова посмотрел на Адона.

- Как ты заставил Серафину любить тебя?

- То, что она чувствует, не любовь, - выдохнул Адон, - Это благодарность за попытку ей помочь...

Герцог посмотрел вниз на девушку.

- Это правда?

Она сердито глянула на его обезображенное лицо.

- Что я чувствую к этому человеку – не твоя забота.

Лорд Горджиас вернул свой темный взгляд к Адону.

- Я убил бы тебя сейчас, но боюсь, ты только станешь дороже сердцу Серафины, - сказал он, - Я даю тебе время до полудня, чтобы ты показал себя трусом, каковым и являешься. Если ты не покинешь мою деревню к тому времени, Серафина станет моей женой – желает она того или нет – и я сдержу свое обещание убить каждого мужчину в этой деревне.

- Я брошусь в море! - пригрозила Серафина.

- Не думаю, - ответил герцог, глядя снизу вверх на нее, - Моей женой будет женщина из твоей семьи. Не ты, так твоя мать.

С этими словами лорд Горджиас швырнул Адона в колодец. К тому времени, когда Адон смог подняться на ноги, его противник проковылял половину площади. Рабелепный Брока не отставал ни на шаг. Серафина помогла патриарху вылезти из колодца, и они направились к Корин, все еще лежавшей на земле. Со скрученными конечностями и полными боли глазами, глядящими в небо, послушница походила скорее на покрытого шерстью краба, а не на молодую женщину. Адон опустился около нее на колени и вновь вознес молитву Мистре.

- Корин не подвела тебя, - прошептал он. - Если ты гневаешься, гневайся лишь на своего патриарха! Позволь мне исправить вред, что я причинил этой бедной женщине. Дай мне показать этой деревне, что я твой истинный слуга!

Адон закрыл глаза, положил руку на дрожащий лоб Корин и произнес волшебную формулу.

Послушница осталась в теле чудовища.

Воздев взгляд к небесам, Адон простонал:

- Почему, Мистра? Зачем ты послала меня сюда, если собралась меня покинуть?

- Твоя богиня не покинула тебя, - сказала Серафина, закрывая лицо шалью, - Она тебя не слышит.

Адон нахмурился.

- Конечно же слышит! - сказал он, - Она покровительница...

- Магии, знаю, - произнесла Серафина, - но она все равно не может тебя услышать, пока ты в Тегии.

- О чем ты?

- Ты оставишь нас в покое, если я тебе расскажу? - спросила она, - Господин Горджиас вполне способен осуществить свои угрозы, а ты не сможешь его остановить. Никто не сможет.

- Мистра не послала бы меня сюда, если бы это было так.

- А если это так, ты уйдешь?

- Я пришел спасти Тегию, а не уничтожить ее, - сказал Адон. - Если мне это не удастся, я уйду. Но если я решу, что смогу остановить лорда Горджиаса - несмотря на то, что ты расскажешь про его силу - ты должна пообещать мне помощь, о чем бы я не попросил.

- Договорились, - ответила Серафина. Она взяла ведра и принялась наполнять их, рассказывая Адону историю лорда Горджиаса.

- Герцог не всегда был таким мерзким – и внутри, и снаружи. Когда-то он был довольно милым молодым аристократом, заботящимся о своих людях.

- И что произошло? - спросил Адон, поднимая искривленное тело Корин на руки. Она молча лежала в успокаивающих объятиях патриарха.

- Это случилось в Смутные Времена, - сказала Серафина, - В первые несколько дней мы избежали последствий дикой магии и нападок мутировавшего зверья, случившихся из-за падения божеств. Но однажды, выйдя на сбор оливок, мы обнаружили, что Тегия все-таки пострадала, - она вздрогнула, - Деревья стали кровоточить, когда мы срывали оливки. А потом они стали кричать проклятия и пытались схватить нас своими ветвями... Пришел господин Горджиас и наложил заклятие, чтобы уgomонить их, но что-то пошло не так. Он затянул всю гору черным туманом, таким густым, что на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно.

Серафина зашагала по узкой улочке к постоялому двору своего отца, вынудив Адона последовать за ней.

- Мы не видели господина Горджиаса, пока туман не поднялся.

- И когда это было?

- Через месяц после того, как боги вновь взошли на небеса, - сказала Серафина, - Он стал чудовищем, которое вы видите теперь. Вот только он почему-то решил, что стал еще красивее, чем прежде. Он все еще так думает.

- Это очень интересно, но в твоём рассказе ни единого подтверждения того, что леди Мистра бессильна нам помочь, - сказал Адон, уже задыхаясь от ходьбы вверх по склону с Корин на руках.

- Я еще не закончила, - ответила Серафина. В отличие от священнослужителя, она не показывала признаков усталости от своей тяжелой ноши. - После того, как туман поднялся, Горджиас проклял богов за причиненный его крестьянам вред и за нестабильность магии. Он наложил на всю деревню заклятие, укрывшее нас от

небес. Мы были в безопасности от богов – но они больше не слышали наших просьб. Как будто Тегия для них умерла.

Она приостановилась и взглянула на Адона грустными глазами .

- У нас был храм Чонтеи, но жрецы обнаружили, что они не могут больше общаться с Великой Матерью. Они утратили свое положение в Тегии, и ушли. Когда наши посевы не пострадали из-за их ухода, Горджиас сказал – это еще одно доказательство, что богам нет дела до нас.

- А что это доказало тебе? - мягко спросил Адон.

- Что те жрецы, наверное, были не очень праведны, - она печально вздохнула, заставив свой платок колыхнуться, - Им хотелось только считаться в деревне важными персонами. Несколько других странствующих жрецов бывали здесь, но они уходили, узнав, что отрезаны от своих божеств.

- Но Корин использовала заклинания для защиты деревни. Ты видела, как она усыпала лицо Броки нарывами, - заметил Адон, - А я призвал тот столб пламени на герцога.

- Это верно, - согласилась Серафина, - Вы с Корин единственные богослужители, кому удалось попросить свою богиню даже о самой простой магии, но...

- Продолжай, - вежливо попросил Адон.

- Простите меня, патриарх, но ваше пламя не повредило герцогу, - она взглянула на изуродованную женщину в руках Адона, - И магия леди Корин не смогла спасти меня – или спасти ее от судьбы похуже моей.

Адон остановился.

- Ты, возможно, права, - мягко сказал он, - Волшебство герцога может затруднить Мистре ответ на наши молитвы, но я не могу сдаться.

Адон опустил Корин на землю и вновь попробовал развеять магию, которая превратила ее в такое отвратительное существо. Но в этот раз Адон молился лишь об исцелении Корин, без мыслей о его собственной роли в событиях, которые привели его послушницу в столь печальное состояние.

Тело девушки засияло зеленоватой аурой и быстро укрылось спиралями света, спрятавшими ее от глаз. Несколько мгновений Адон провел в молчаливом ожидании. Когда свечение наконец угасло, он увидел, что его заклинание сработало – более или менее. Тело Корин стало нормальным, но лицо осталось изуродованным.

Корин встала на ноги, глядя на свои конечности так, будто видела их впервые.

- Ты меня спас!

- Еще не полностью, - сказала Серафина, робко указывая на ее лицо, - Но это сделает ваш путь проще.

- Какой еще путь? - спросил Адон, - Мы остаемся. Как видишь, я могу рассеять волшебство герцога.

- А как насчет ее лица? - возразила Серафина, сходя вниз по тропинке, чтобы коснуться белой шерсти, свисающей с подбородка Корин, - Ее проклятие не так уж отличается от моего. Вы не избавили ее вот от этого.

- Если это единственный способ доказать тебе что я прав и что ты должна верить в Мистру, ладно - я сделаю это, - сказал Адон.

Желтое сияние появилось из руки Адона, охватывая голову послушницы. На мгновение показалось, что ее черты смягчились и мерзкие выросты стали

уменьшаться. Затем, как раз тогда, когда Адон уже был уверен в своей победе, серая тень вновь стала расползаться по лицу Корин.

Когда наросты стали появляться вновь, Корин отстранилась, разрывая контакт с Адоном.

- Остановись, пока оно не коснулось и тебя!

Адон убрал руку и склонил голову.

- Это не работает, пока Мистра не услышит наши молитвы. Проклятие герцога делает его магию сильнее той, что я способен применить будучи отрезанным от нашей Леди.

- Единственная истинная вера в этой деревне – та, с которой лорд Горджиас верит в себя, и ясно, что вы недостаточно сильны, чтобы преодолеть ее самостоятельно, - сказала Серафина, - Вы должны сдержать обещание и уйти.

Адон не отвечал несколько секунд. Наконец он сказал:

- Возможно, это тебе нужно сдержать свое обещание, Серафина.

Дочь хозяина гостиницы нахмурилась.

- Что ты имеешь в виду?

Адон повернулся к Корин.

- Я полагаю, ты уже освоила заклинание истинного зрения к этому моменту?

-Конечно, но...

-Хорошо, - сказал Адон. Он вновь взглянул на Серафину и улыбнулся, - Надеюсь, в гостинице твоего отца есть зеркало.

Как оказалось, зеркало Серафины подошло идеально. Оно было достаточно большим, чтобы закрыть предплечье Адона как баклер, и достаточно малым, чтобы можно было удерживать одной рукой.

Надев его как щит, патриарх стоял перед дубовыми воротами замка Горджиас, держа перед собой булаву. Рядом стояла Серафина с колышущейся от теплого ветерка шалью. Позади них, ожидая на краю мощенной улицы, находились Корин и Мирон. Хозяин постоялого двора не одобрил план Адона, но по настоянию Серафины, согласился участвовать.

В окошке караульной появилось рябое лицо Броки.

- У тебя еще есть время убраться, жрец, - пролаял он, глядя на палящее солнце, - Еще не совсем полдень.

- Я пришел, чтобы сразиться с твоим мерзким хозяином за руку Серафины, - провозгласил Адон, - И если он не слишком труслив, то сможет сегодня завоевать себе жену.

Брока приподнял бровь, глядя на Серафину:

- Это так?

- Да, - ответила та, - Если господин Горджиас выиграет поединок, отец отдаст мою руку ему.

Она едва успела договорить, прежде чем ворота замка с грохотом распахнулись. Лорд Горджиас проковылял наружу и взглянул на зеркало в руке Адона.

- Ты действительно думаешь, что это тебя защитит? - захихикал он.

- Не увидишь – не ударишь, - ответил жрец.

Он наклонил зеркало так, чтобы отразившийся луч солнца ударил в глаза противника и бросился вперед. Серафина отошла к отцу.

- Это будет короткий бой, - пообещал герцог, чьи пальцы уже двигались, сплетая заклятие. Он указал на патриарха, рыча заклинание своим низким голосом. Но когда его взгляд упал на серебряную поверхность зеркала, слова волшебной формулы замерли у него на устах.

Пользуясь промедлением противника, Адон рванулся на лорда Горджиаса. Удар пришелся ему по голове, сбив на землю без чувств. Из-за этого заклинание герцога промахнулось – черный луч выстрелил в стену караульной. Среди грохота камней и треска кладки раздался предсмертный вопль Броки, на которого обрушилась башня.

Адон ткнул свой щит прямо в лицо лорду Горджиасу.

- Присмотрись хорошенько, отвратительный герцог, - сказал он, - Вот это твое истинное обличье – внутри и снаружи!

Герцог отвернулся.

- Это не я! - прорычал он, бросаясь в сторону, - Это иллюзия!

Адон согнул колени, затем шагнул вбок, чтобы держать зеркало прямо перед лордом Горджиасом.

- Это ты рождаешь иллюзии, но обманываешь только себя и больше никого!

Лорд Горджиас выбросил ногу, ударив Адона в ребра. Жрец сделал несколько шагов назад прежде чем наконец упасть. Он прижал зеркало к груди и попытался вдохнуть.

Герцог указал на Серафину.

- Сегодня ты спишь в моей постели! - сказал он, его ноздри вздымались от гнева.

Адон поднялся на ноги и осторожно двинулся вперед.

- Единственная магия этого зеркала – заклинание Истинного Зрения, - сказал он, пихая посеребренное стекло в лицо лорду, - Смотри!

Герцог лишь на мгновение глянул в зеркало, а затем повернул голову так, что не смог видеть отражение. Адон кинулся вперед, снова и снова нанося удары булавой. Лорд Горджиас закричал от боли, и каждый удар оставлял за собой кровавый след, хотя обычного человека любой из них убил бы.

Герцог попробовал контратаковать, размахивая руками и ногами почти вслепую. Он нанес лишь несколько скользящих ударов, отскочивших от доспеха Адона без всякого вреда. Несколько раз Горджиас пробовал взглянуть на Адона, но всякий раз отводил взгляд, как только видел свое отражение. Дважды он пытался нанести удар по самому зеркалу, но священнослужитель был готов к такой тактике и отбивал руку в сторону точным ударом своей булавы.

Наконец лорд Горджиас пал на колени.

- Это я! - застонал он, закрывая голову, - Я признаю. Это я.

Адон стоял над заслонившимся герцогом.

- Так не должно быть, - сказал он. Его голос звучал слабо и гнусаво, он пытался отдышаться после боя, - Ты можешь изменить то что видишь здесь.

Герцог поднял голову и взгляделся в зеркало.

- Думаешь, я не пытался? - спросил он, корча рожи отражению, - Это невозможно!

- Нет, возможно, - Адон держал щит перед лордом, - Тебе нужно встретиться с этим лицом к лицу, как сейчас. Тогда мы сможем помочь.

- Помочь? - спросил лорд Горджиас. Он перечеркнул отражение в зеркале своим грязным когтем, - Кто сможет помочь мне спастись от этого?

- Наша Леди Таинств.

- Нет!

Герцог бросился вперед и вырвал зеркало, а затем обвил своими ногами ноги жреца и рванул их из-под него.

- Это боги сделали со мной такое! - закричал герцог, бросаясь на Адона.

- Не Мистра, - выдохнул священнослужитель, - Она тогда даже не была богиней.

Лорд Горджиас обрушил свой крепкий лоб на нос жреца. Адон услышал, как затрещал хрящ, и его щеки взорвались болью.

- Посмотри на себя! - захихикал герцог, держа зеркало перед окровавленным лицом Адона.

У патриарха не было выхода, кроме как сделать то, что приказал лорд Горджиас. Его нос был сломан и расплюсчен на все лицо, а оба глаза уже потемнели.

Но поразило его то, чего он НЕ увидел. Ужасный шрам на левой стороне лица исчез. Тем не менее, когда он прикоснулся к этому месту, то почувствовал под пальцами тот же самый рубец грубой кожи, что был там со Смутных Времен. Просто в зеркале его не было видно.

- Мистра? - выдохнул священник.

Лорд Горджиас обрушил зеркало вниз. Адон только успел прикрыть глаза рукой, как его лицо вспыхнуло в агонии, когда о него разбилось стекло.

Пламенная вспышка пронеслась через улицу, оттуда, где Корин наблюдала за боем вместе с Мироном и Серафиной. Магическая стрела огня воткнулась в грудь лорда Горджиаса. Она продолжала шипеть несколько секунд после попадания, наполняя воздух резкой вонью паленой плоти. Герцог завопил, но даже не глянул в ту сторону, откуда произошло нападение. Вместо этого, он сомкнул свои пальцы на горле Адона и стал душить.

Сознание Адона заволочло темной пеленой. Он выбросил руку вперед, втыкая пальцы в ту дымящуюся дыру, которую открыла огненная стрела Корин. Лорд Горджиас попытался отшатнуться, но Адон вцепился покрепче, одновременно произнося заклинание. Волна невообразимого холода потекла по его руке прямо в рану. Из прокола с шипением вырвалось облако красного пара, заставив герцога закричать в агонии. Он оттолкнулся от жреца и откатился в сторону, вцепившись в живот.

Адон встал, и смахнув кровь с глаз, подобрал самый большой осколок зеркала, который смог найти. Размером с ладонь, по форме похожий на равнобедренный треугольник. Он осторожно подошел к лорду Горджиасу, зачаровывая осколок одним из самых сильных своих заклятий. Герцог встал на колени и взглянул на священнослужителя.

- Тебя поглотила твоя ненависть, - сказал Адон, держа окровавленный осколок перед герцогом, - она сотворила монстра, которого ты видишь, а не боги!

- Но они покинули меня – и мою деревню! Они сделали это со мной! Они отказались отвечать на мои молитвы!

Лорд Горджиас вскочил на ноги.

Адон швырнул в него осколком, произнеся ключевое слово, запускавшее содержащееся в нем заклинание. Стекло вонзилось герцогу в руку и глубоко проникло в его плоть. Серебряный свет ударил из раны, и мученический возглас лорда отразился от стен замка. В следующую секунду герцог исчез.

Осколок зеркала упал на землю.

Когда Адон подобрал стекло, его пальцы пронзило холодом. По виду осколка сейчас никто не сказал бы, что он некогда был частью зеркала – ровная поверхность стала тверда как отполированный камень. Вместо отражения жреца в стекле застыл лик лорда Горджиаса, взиравшего на мир своими темными глазами и раздувавшего в ярости ноздри.

Патриарх долгое время изучал осколок. Он испытывал сильное чувство облегчения и надежды, но вместе с тем потерю и страх. Сегодня он одолел чудовище, но вместе с тем одолел и нечто даже более ужасное – нечто, с чем он боялся встретиться лицом к лицу многие годы.

Как раз перед тем, как лорд Горджиас разбил зеркало о его лицо, Адон увидел себя без шрама. И тогда он понял, зачем Мистра послала его в Тегию. Способность удалить шрам всегда находилась внутри него, точно так же, как и его способность в любой момент одолеть герцога – если бы он только обратил свой взгляд наружу, сфокусировав мысли на чем-то ином кроме своих незначительных проблем. Служители Чонтеи, покинувшие деревню, поступили так потому, что их эгоистичные интересы не дали им нарушить тишину, которую герцог навлек на их души. И все те заклинания, что не получились у Адона в последние дни, не сработали потому, что он использовал их не для помощи окружающим, а с целью проявить себя достойным слугой Мистры.

Когда он осознал, где находится, Адон побрел назад к центру поселения. Мирон, Корин и Серафина шли позади него, из уважения сохраняя дистанцию между собой и задумавшимся патриархом.

Наконец Мирон вышел вперед.

- Я не верил, что кто-то может победить герцога, но ты смог, - он замялся на мгновение, затем указал на замок Горджиас, - Корин и Серафина уже говорят о том, чтобы сделать из него Дом Таинств.

- У вас не будет недостатка в помощниках, - сказала Серафина возле кучки людей вокруг колодца в центре площади.

- Да, когда наши мужья вернутся с полей этим вечером, они будут так счастливы видеть нас без вуалей, что перестроят его еще до утра, - сказала другая.

Дюжины женщин выходили на улицу, все без вуалей, все широко улыбаясь. У некоторых были большие носы, у некоторых двойные подбородки, а у других не хватало зубов и щеки были жесткими как седло. Тем не менее, ни одну из них Адон не назвал бы отталкивающей. Для него они все были прекрасны, как Корин.

- Ну, Корин, - сказал Адон, поворачиваясь к послушнице, - Уже предвкушаешь возможность вновь увидеть Арабель?

- Я возвращаюсь с тобой? - спросила Корин, подходя к Адону.

- Не совсем, - ответил жрец, глядя на нее сверху вниз. Ее курносый носик вернулся к своему обычному размеру, а бледные щеки постепенно обретали свой

обычный блеск, - Я остаюсь здесь. Не думаю, что заклятье, которым герцог укрыл деревню от богов, полностью исчезло. Потребуется кто-то с подходящим характером, чтобы установить контакт с нашей Леди, когда здесь будет основана церковь.

Корин поцеловала Адона в щеку. Затем, вытирая кровь с губ, она сказала:

- Не знаю, сработает ли, но я постараюсь исцелить твой нос и эти порезы.

- Хорошо, только не трогай шрам, - ответил Адон.

Серафина, все еще прячась за платком, подошла к Адону и обвила тонкой рукой его талию.

- Я с самого начала решила, что он придает твоему лицу изюминку.

- Ты, наверное, права, - сказал Адон, смеясь, - Но я больше не собираюсь тратить время, думая об этом. Моя забота теперь – помочь Тегии.

Серафина сняла шаль и улыбнулась ему. Это было самое прекрасное зрелище, что видел Адон в своей жизни.

ТЁМНОЕ ЗЕРКАЛО

Роберт Сальваторе

Восход. Рождение нового дня. Пробуждение наземного мира, наполненного надеждами и мечтами миллиона сердец. Но полного также, как довелось мне узнать, безнадежных трудов столь многих иных.

В темном мире моего наследия не существует рассвета, и ничто в лишенном света Подземье не может сравниться с красотой солнца, медленно поднимающегося над краем восточного горизонта. Там нет дня, нет ночи, нет времен года.

Несомненно, в постоянном тепле и постоянной темноте душа что-то теряет. Несомненно, в вечной мгле Подземья невозможно испытать высокую надежду – пусть она и не имеет причин, но кажется столь достижимой в тот волшебный момент, когда горизонт серебрится с приближением утреннего солнца. Когда темнота неизменна, мрачное ощущение сумерек вскоре пропадает, волнующие ночные тайны наземного мира уступают место настоящим врагам и реальным опасностям Подземья.

Время года в Подземье так же неизменно. На поверхности земли зима возвещает время раздумья, время мыслей о смертности, о тех, кто ушел от нас. Но это всего лишь одно из времен года, и уныние не задерживается надолго. Я видел, как весной оживают животные, наблюдал, как просыпаются медведи, а рыбы пробивают путь к своим местам нереста сквозь быстрые течения. Я видел, как птицы играют в воздухе, как впервые свободно скачет новорожденный жеребенок...

Животные Подземья не танцуют.

Циклы наземного мира более изменчивы. Здесь нет одного постоянного настроения, ни мрачного, ни безудержно радостного. Эмоциональные высоты, которых можно достичь с рассветом, сменяются снижением по мере того, как огненный шар опускается на западе. Это лучший путь. Пусть страхи останутся для ночи, а день будет исполнен солнца и надежды. Пусть гнев успокоят зимние снега, чтоб забыть о нем в тепле весны.

В неизменном Подземье же гнев вынашивается до тех пор, пока жажда возмездия не будет утолена.

Это постоянство влияет и на религию, которая властвует над моими сородичами, темными эльфами. Жрицы правят моим родным городом, и все склоняются перед волей жестокой Ллос, Паучьей Королевы. Впрочем, религия дроу – лишь способ получения практической выгоды и достижения власти, и, несмотря на все свои церемонии и ритуалы, мой народ духовно мертв. Ведь духовность – это смешение чувств, контраст дня и ночи, которого эльфы-дроу никогда не познают. Это падение к отчаянью и восхождение к высочайшим пикам.

Вершины кажутся выше, когда поднимаются из глубин.

Я не мог подобрать дня лучше, чтобы выбраться из Мифрил Халла, где мой друг Бренор Боевой Топор некогда был королем. Два века родина дварфа была в руках злобных серых дварфов, дуэргаров, и их могущественного предводителя, дракона теней по имени Мерцающий Мрак. Теперь дракон был мертв, сраженный самим Бренором, и серые дварфы выметены прочь.

В горах вокруг дварфской цитадели лежал глубокий снег, но синева предрассветного неба была бездонна и чиста, и последние звезды упрямо догорали до конца, до тех пор, пока ночь не уступит свою власть над землей. Я удачно рассчитал время, чтоб занять место на обращенном к востоку плоском камне, очищенном ветром от снега, за мгновения до того ежедневного события, которое я надеюсь не пропустить ни разу

Я не могу описать трепет и замирание сердца в моей груди в последний момент перед тем, как желтая кромка фаэрунского солнца пересекла сияющую линию горизонта. Я скитался по надземному миру почти два десятилетия, но не устал – и не устану – от созерцания рассвета. Для меня он стал полной противоположностью бед, пережитых мной в Подземье, символом побега из лишнего света мира, прочь от темных путей моего народа. Даже когда рассвет заканчивается, когда солнце полностью поднялось и быстро взбирается по восточному небосклону, я чувствую его тепло, пронизывающее мою черную кожу и дарящее мне энергию, которой я и не ведал в глубинах земли.

То был зимний день в южнейших отрогах гор Хребта Мира. Я вышел из Мифрил Халла всего несколько часов назад, передо мной лежал стомильный путь в Серебристую Луну – один из самых удивительных городов на свете. Меня огорчало то, что я покинул Бренора и остальных, когда в шахтах оставалось еще так много работы. Мы отвоевали город в ту зиму, очистив его от дуэргарского сброда и других чудовищ, которые бродили там в два века отсутствия клана Боевого Топора. И дым

дварфских горнов уже вздымался в воздух над горами, а dwarфские молоты звенели, неустанно отковывая драгоценный митрил.

У Бренора появилось много работы, в особенности с помолвкой его приемной дочери Кэтти-бри и варвара Вульфгара. Бренор был счастлив, как никогда, но, как и многие из тех, кого я знаю, dwarф не мог просто наслаждаться этим счастьем, с головой погрузившись в суматошную подготовку свадьбы и упрямо желая, чтоб эта церемония стала самой лучшей из всех когда-либо виданных на севере.

Я не указывал Бренору, что так он теряет часть радости. Я не видел в этом цели, и, впрочем, непомерный объем работ умерял мое желание покинуть залы.

Но нелегко проигнорировать приглашения от Аластриэль, великолепной владычицы Серебристой Луны, особенно дроу-отступнику, решившемуся найти прием среди людей, страшащихся его народа.

Мои шаги были легки. Я хотел пересечь реку Сарбрин и оставить позади высочайшие горы. И там-то, на речном берегу, во второй половине дня я обнаружил следы. Смешанная группа, числом примерно в два десятка, прошла здесь, и не очень давно. Крупнейшие следы принадлежали ограм. Эти создания нередки и часто встречаются в здешних местах, но куда больше меня беспокоили небольшие отпечатки обуви. По их размеру и форме я понял, что эти следы оставили люди, и некоторые из них походили на детские. Что было еще тревожнее, некоторые отпечатки обуви были частично перекрыты следами монстров, а другие, напротив, перекрывали их. Все они были сделаны примерно в одно время. Кто же тогда был пленником, а кто – пленившим?

Проследить их путь было не сложно. Мои страхи лишь возросли, когда я заметил несколько алых следов на тропе. Впрочем, меня немного успокаивало мое снаряжение. Кэтти-бри одолжила мне Тулмарил Искатель Сердец для этого первого путешествия в Серебристую Луну. С могучим зачарованным луком в руке я продолжал путь, уверенный, что смогу справиться с любыми опасностями, попадись они на моем пути

Я ступал осторожно, стараясь держаться теней, сколь это было возможно, и тщательно скрывая лицо капюшоном своего плаща цвета зеленой листвы. Но при том я знал, что нагоняю их, что банда, придерживавшаяся берега реки, не могла быть более чем в часе ходьбы от меня. Пришло время призвать моего самого преданного союзника.

Я достал из мешочка на поясе фигурку пантеры, связывавшую меня с Гвенвивар, и положил ее на землю. Мой зов был негромким, но этого и не требовалось – Гвенвивар уверенно распознала мой голос. Появился расплывчатый серый дымок, а мгновением позже его место заняла черная пантера, шестьсот фунтов боевого совершенства

– Возможно, нам придется кого-то освобождать, – сказал я, показывая Гвенвивар глубоко вдавленные следы. Как всегда, тихое понимающее рычание Гвенвивар вселило в меня уверенность, и вместе мы пошли по следу, надеясь найти врага до того, как наступит ночь.

Я заметил неожиданное движение по ту сторону широкого потока Сарбрин и, пригнувшись, укрылся за валуном, натянув готовый к выстрелу Тулмарил. Гвенвивар проявила такую же реакцию, спрятавшись за камнем у реки и

напряженно вжимая в землю задние лапы. Я знал, что Гвенвивар может с легкостью совершить тридцатифутовый прыжок на другой берег, но мне бы пришлось пересекать реку дольше, и я опасался, что не смогу предоставить пантере достаточную поддержку с этого берега.

Шум в том направлении говорил о том, что нас тоже заметили, это подтвердилось мгновением позже, когда стрела рассекла воздух над моей головой. Я подумал, не ответить ли тем же. Стрелок прятался за камнем, но я знал, что с Тулмарилом я наверняка мог пробить стрелой это ненадежное прикрытие.

Тем не менее, я не стал стрелять и приказал Гвенвивар оставаться на месте. Если это была та банда, которую я выслеживал, то почему же за первой стрелой не просвистели другие? Почему глупые гоблины не принялись, как обычно, выкрикивать свои боевые кличи?

– Я не враг! – крикнул я, зная, что мое местоположение уже известно.

Ответ заставил меня чуть ослабить тетиву.

– Если ты не враг, то кем ты можешь быть?

Это поставило меня в затруднительное положение, которое ведомо лишь темному эльфу в наземном мире. Конечно, я не был врагом этим фермерам, которые, как я предполагал, отправились в погоню за бандой налетчиков. Мы, не зная того, шли к одной цели, но что могут подумать эти простые люди, когда перед ними возникнет драу?

– Я Дзирт До’Урден, следопыт и друг Бренора Боевого Топора, короля Мифрил Халла! – воскликнул я. Капюшон упал с моей головы, и я вышел на свет, желая, чтоб эта типично напряженная первая встреча скорее подошла к концу.

– Мерзкий драу! – услышал я вскрик одного из мужчин, но другой человек, постарше, примерно пятидесяти лет, приказал ему и остальным не стрелять.

– Мы охотимся за бандой орков и огров, – объяснил пожилой человек. Позже я узнал, что его имя было Тармен.

– Тогда вы не на той стороне реки, – ответил я. – Следы здесь, тянутся вдоль берега. Сомневаюсь, если они ушли далеко отсюда. Вы можете перебраться сюда?

Тармен быстро посоветовался со своими товарищами – всего их было пятеро – и дал мне знак ждать на том же месте. Я совсем недавно минул замерзшую и усеянную крупными камнями часть реки, и фермеров пришлось дожидаться всего несколько минут. Они были оборваны и плохо вооружены – простые селяне и вряд ли опасные противники для тех безжалостных орков и огров, что прошли этим путем. Тармен единственный в группе повидал более тридцати зим. Двое фермеров выглядели так, словно им еще не исполнилось двадцати, и у одного из них не было даже щетины, которой были покрыты обветренные лица остальных.

– Слезы Илматера! – закричал один из фермеров в изумлении, когда группа приблизилась. Если вида темного эльфа было недостаточно, чтоб выбить их из колеи, то присутствие Гвенвивар сделало это.

Выкрик заставил Гвенвивар вздрогнуть. Пантера, должно быть, приняла обращение к Богу Страдания за некоего рода угрозу, так как прижала уши и показала пугающего вида клыки.

Парень едва не упал в обморок, а его товарищ машинально потянулся за стрелой.

– Гвенвивар – друг, – объяснил я. – Как и я.

Тармен поглядел на крепкого мужчину, на вид вдвое моложе его и вооруженного молотом, который лучше смотрелся бы в кузнице, чем в боевом отряде. Молодой быстро и грубо сбросил руку беспокойного стрелка с лука. Я мог бы уже догадаться, что этот верзила был предводителем группы, возможно, тем, кто первым подбил остальных отправляться погоню в леса.

Хотя они, видимо, приняли мои заверения в дружелюбии, напряжение ушло далеко не полностью. Я ощущал страх и тревогу, исходящие от этих людей, включая и Тармена. Было заметно, что молодые фермеры крепче сжали в руках свое оружие. Они бы не пошли против меня, я знал – благодаря зловещей репутации моего народа. Немногим хотелось бы вступить в бой с темными эльфами. И даже если бы я не был необычным для них дроу, фермеры не стали бы нападать на того, за чьей спиной крадется могучая пантера. Они знали, что шансы не в их пользу, и знали, что вместе с тем им нужен союзник – любой союзник, который мог бы помочь в их деле.

Пять человек, все – фермеры, плохо вооруженные, плохо защищенные. Девять Адов, на что они надеялись против банды из двадцати монстров, включая огров? Все же мне пришлось отдать должное их храбрости, и я не мог счесть их глупцами. Я знал, что налетчики забрали с собой пленников. Если эти несчастные были родней этих людей, возможно, их детьми, тогда их безрассудство несомненно было оправдано, а их действия заслуживали восхищения.

Тармен сделал шаг вперед, протягивая черную от вьезшейся в нее земли ладонь. Должен признаться, меня тронуло это нервное, но искреннее и теплое приветствие. Столь часто меня встречали угрозами и обнаженным оружием!

– Я слышал о тебе, – проговорил он.

– Тогда вы имеете преимущество, – вежливо ответил я, пожимая его руку.

Крепкий мужчина за его спиной гневно сузил глаза. Я удивился, что мое беззлобное замечание определенно задело его гордость. Возможно, он считал себя прославленным воином?

Тармен представился, и лидер немедленно бросился вперед, чтобы сделать то же самое.

– Я Рико, – провозгласил он, как показалось мне, с вызовом. – Рико Пенгаллен из деревни Пенгаллен, которая в пятнадцати милях на юго-востоке. – Легко различимая гордость в его голосе заставила Тармена вздрогнуть и поселила во мне тревожное предчувствие, что этот Рико может доставить неприятности, когда мы сойдемся с монстрами.

Я слышал о Пенгаллене, хотя отмечал его присутствие лишь по вечерним огням в отдалении. Согласно картам Бренора, деревня была не более чем горсткой фермерских домов. Не было никаких надежд на помощь какого-либо организованного ополчения.

– На нас напали прошлой ночью, сразу после заката, – продолжал Рико, грубо отталкивая локтем в сторону старика. – Орки и огры, как мы уже говорили. Они угнали нескольких пленников...

– Моих жену и сына, – вставил Тармен, голос его был полон тревоги за семью.

– И моего брата тоже, – сказал другой.

Я провел некоторое время, обдумывая эти мрачные известия и пытаюсь найти слова утешения, которые я мог предложить этим отчаявшимся людям. Я не хотел селить в них лишние надежды – не сейчас, когда огры и орки удерживают в плену их близких, а чаша весов столь явно склоняется не в нашу сторону.

– Мы отстаем от них менее, чем на час, – сообщил я. – Я надеялся обнаружить их до заката. С Гвенвивар я могу выследить их днем или ночью

– Мы готовы сражаться, – заявил Рико. Должно быть, ему не понравилось выражение моего лица – возможно, оно помимо моего умысла стало снисходительным – так как он хлопнул молотом по раскрытой ладони и сердито рыкнул, обнажив зубы.

– Давайте надеяться, что до битвы не дойдет, – сказал я. – У меня есть кое-какой опыт в отношении орков и огров. Ни те, ни другие не сведущи достаточно, чтоб выставлять охрану.

– Ты предлагаешь попросту прокрасться внутрь и освободить наших родичей?

Едва сдерживаемый гнев Рико продолжал удивлять меня, но, когда я обернулся к Тармену за каким-либо молчаливым пояснением, он лишь спрятал руки в складках поношенного дорожного плаща и отвел взгляд.

– Мы сделаем все, что потребуется, чтобы освободить пленников, – сказал я.

– И сделать так, чтоб монстры не вернулись в Пенгаллен, – добавил Рико.

– Ими можно заняться позже, – ответил я, пытаюсь убедить его сперва решить одну проблему. Одно слово Бренору, и этот регион очистят десятки dwarфов – упорных, воинственных бойцов, которые не прекратят охоту, пока угроза не будет устранена.

Рико повернулся к четверем своим товарищам, или, что будет точнее, отвернулся от меня.

– Полагаю, мы пойдем за чертовым дреу, – сказал он.

Я не обиделся. Мне приходилось испытывать обращение и похуже подобных оскорблений, и эта группа отчаявшихся людей, за исключением Рико, казалось, радовалась, что нашла хоть какого-то союзника, вне зависимости от цвета его кожи.

Найти вражеский лагерь оказалось несложно. Мы обнаружили его на нашей стороне реки, когда на землю опустились сумерки. К нашей удаче – точнее, по собственной глупости, – монстры развели яркий огонь, чтобы защититься от холода зимней ночи.

Свет костра дал мне рассмотреть планировку лагеря. Палаток не было – лишь костер и несколько беспорядочно расположенных бревен, подпертых камнями так, что получились скамьи. Довольно ровная земля была покрыта гладкой речной галькой и усеяна валунами, кое-где попадалось дерево или куст. Свиномордые орки-часовые расположились севернее и южнее огня, сжимая в грязных руках грубое, но зловеще выглядящее оружие. Я пришел к выводу, что такой же караул выставлен на западе, вдали от реки. Пленники, на вид почти невредимые, сбились вместе за костром, спинами к большому камню. Их было четверо, не трое: два мальчика и жена фермера, а вместе с ними на удивление хорошо одетый гoblin. В тот момент я не стал размышлять над этим неожиданным прибавлением. Я был более сосредоточен на том, чтобы найти путь внутрь и вновь наружу.

– Река, – наконец прошептал я. – Гвенвивар и я можем перебраться через нее незамеченными. Мы сможем лучше изучить лагерь с той стороны.

Рико думал так же – за исключением одного.

– Вы нападете с востока, из-за реки, а мы хорошенько вдарим по ним с этого фланга.

Его хмурые глаза расширились, когда я покачал головой. Этот Рико, похоже, был не в состоянии осмыслить, что я собирался освободить пленников без боя

– Я подберусь к ним со стороны реки, а Гвенвивар пойдет за мной, – попытался объяснить я. – Но только после того, как костер догорит.

– Нужно пойти на них, пока еще светло, – заспорил Рико, – Мы не такие, как ты, дроу, – издевательски сплюнул он слово, – мы не можем видеть в темноте.

– Но я могу, – довольно резко возразил я. Рико начинал более, чем слегка раздражать меня. – Я могу пробраться внутрь, освободить пленников и ударить по часовой сзади, надеюсь, не потревожив при этом их товарищей. Если все пойдет гладко, мы будем далеко отсюда еще до того, как монстры поймут, что их пленники сбежали.

Тармен и другие трое закивали в знак согласия с этим простым планом, но Рико заупрямился.

– А если не пойдет гладко?

– Мы с Гвенвивар наверняка достаточно смутим и задержим монстров, чтоб вы со своими родственниками успели уйти. Мне не верится, что монстры сделают хотя бы попытку преследовать вас, если подумают, что их пленников выкрали темные эльфы.

Я вновь увидел, как кивают Тармен и другие, и, когда Рико попытался найти новый аргумент, старик твердо опустил руку на его массивное плечо. Рико стряхнул ее, пожав плечами, но больше ничего не сказал. Я не почувствовал себя уютнее ни от его молчания, ни от вида его щетинистого лица, на котором застыла глубокая ненависть.

Пересечь полузамерзшую речку оказалось довольно легко. Гвенвивар попросту перепрыгнула ее. Я последовал за ней, осторожно выбирая, где ступать на лед. Я не хотел полностью полагаться на столь хрупкий мост, поэтому выбрал тот путь к противоположному берегу, на котором были самые крупные камни.

Новый вид на вражеский лагерь открыл кое-какие возможные проблемы – точнее, это были гигантские огры, вдвое выше меня ростом. Пляшущее пламя отбрасывало на их кожу серые и черные тени, на лицах заметно темнели бородавки, а длинные, спутанные волосы отсвечивали иссиня-черным. Их было по меньшей мере двое. Они сидели на корточках среди беспорядочно расположенных валунов к северу от пленников. Сами же пленники сидели лицами к реке – ко мне – спинами к большому камню, и теперь я видел еще одного сторожащего их орка, прислонившегося к тому же самому камню с северной стороны. Обнаженный меч лежал поперек его колен. Я часто был свидетелем зверино грубой тактики орков и сделал вывод, что этому охраннику было приказано перебить пленников, если появится какая-либо угроза. От этого орка исходила наибольшая опасность. Его горло будет первым, которое я перережу этой ночью.

Все, что оставалось, это тихо сидеть и ждать, пока огонь не угаснет, ждать, когда лагерь не оцепенеет от сонливости и скуки.

Едва ли через полчаса до меня начали доноситься сердитые перешептывания с того берега – но не из лагеря врага. Я не мог поверить тому, что услышал: Рико спорил с остальными! К счастью, двое орков-стражей, ближайших к тому месту, где прятались люди, не отреагировали немедленно. Я мог лишь надеяться, что их уши, не настолько остро слышащие, как мои, не уловили тихий звук.

Прошло несколько мгновений, и, благодарение небесам, голоса вновь умолкли. Я не позволил себе расслабиться. Инстинкты говорили мне, что вскоре должно произойти то, что переломит ход вещей, и низкий рык Гвенвивар усилил это чувство.

В тот решающий момент я не хотел верить, что Рико мог быть настолько глуп, но мои инстинкты и обостренные чувства воина одержали верх над отказывающимся верить разумом. Я скинул Тулмарил с плеча, приготовил стрелу и стал высматривать наилучший путь, который даст мне быстро перебраться через воду.

Два орка, сторожившие южную сторону, начали нервничать и переговариваться меж собой на своем гортанном наречии. Я пристально следил за ними, но больше внимания уделял ближайшему к пленникам орку, а также не упускал из виду огров – куда более опасных врагов. В восемьсот фунтов весом, ростом в десять футов, огр не так уж легко и быстро поддастся моим саблям, хотя меткий выстрел из Тулмарила мог бы свалить одного из этих громил.

В целом же мой план основывался на том, как вывести пленников из лагеря, чтобы огры и не заметили этого – битва с этими грубыми тварями могла стоить мне времени. Времени, которым не располагали ни я, ни пленники.

И тут мой план рассыпался у меня на глазах.

Один из орков-часовых что-то завопил. Орк позади него выстрелил в кусты, скрывавшие фермеров. Как и следовало ожидать, охранник с мечом позади беспомощных пленников сразу же вскочил на ноги. Огры, сидевшие среди разбросанных камней, зашевелились, но они выглядели скорее заинтересованно, чем встревоженно. Я все еще надеялся, что положение можно спасти – пока не услышал призыв Рико к атаке.

В каждой битве есть время, когда воин должен отбросить мысли, дать инстинктам управлять своими движениями, полностью положиться на них и не расходовать драгоценное время. У меня был только один выстрел, чтобы остановить орка-мечника, прежде чем он убьет ближайшую пленницу – жену Тармена. Тварь уже занесла клинок, когда я выпустил стрелу, и скрытая в ней могущественная магия прочертила серебряный след над Сарбрином.

Я думаю, что попал ему в глаз, но, куда бы в действительности не ударила стрела, голова орка просто разлетелась на части. Чудовище отлетело назад, во тьму, и я начал перебираться через реку, тщательно подыскивая шаги, которые мог сделать, не привлекая внимания с противоположного берега.

Ближайшие к фермерам орки снова дали залп из луков, затем вытащили оружие для ближнего боя. И, хотя я не отвлекался, чтобы посмотреть на них, я знал, что Рико ведет атаку. Три орка с северной стороны заорали и стали оглядывать реку, пытаясь

узнать, кто убил их товарища. Я чувствовал себя так уязвимо, шагая в полной пустоте, двигаясь медленно и осторожно подбирая каждое движение... Эти страхи обрели плоть – орки почти в тот же момент заметили меня. Я увидел, как их луки поднялись для выстрела.

Возможно, они не могли четко разглядеть меня, или, может быть, их цель просто не была так хороша, как моя. Какова бы ни была причина, поспешно выпущенные стрелы разлетелись далеко от меня. Я приостановился и вернул им два выстрела; один достиг цели и с невероятной силой отшвырнул среднего орка назад. Я услышал, как стрела просвистела у моего уха, всего в нескольких дюймах от меня. Думаю, что Гвенвивар, прыжками следовавшая за мной, поймала следующую стрелу, так как я не услышал и, благодарение богам, не почувствовал ее.

Гвенвивар приземлилась на берег впереди меня и оттолкнулась от земли, лоснящиеся мышцы напряглись в изящном повороте. Сотни раз я видел, как Гвенвивар совершает подобные маневры, но и в этот раз у меня захватило дух. Пантера летела прямо на запад, но, как только ее лапы коснулись земли, без единого лишнего шага вперед она совершила великолепный пируэт, повернувшись к северу и обрушившись на лучников, прежде чем они успели достать очередные стрелы из колчанов.

К своему облегчению, я услышал звуки битвы с юга, где Рико и остальные схватились с орками. Они разворошили это осиное гнездо. По крайней мере они собирались принять участие в его успокоении.

Я увидел, как поднимаются огры – их было четверо, не двое, – и выпустил еще одну стрелу. Она попала первому из чудовищ в грудь, пробив грязные шкуры, в которые был одет гигант, и погрузившись в плоть по серебряное оперение. К моему изумлению и ужасу вонючая тварь прошла еще несколько шагов. Потом она повалилась на колени, оглушенная, но не мертвая. Сползая на землю, огр выглядел изумленным, словно не понимал, что же остановило его атаку.

У меня оставалось время для еще одного выстрела до того, как я достиг бы берега, и я отчаянно хотел убить другого огра. Но тут вблизи пленников появился орк, и жестокое намерение его было очевидно – он уже занес свой меч над головами детей.

Орк стоял боком ко мне. Я выстрелил ему в плечо, и стрела пронзила его насквозь, выйдя из другого плеча. Орк был еще жив, когда рухнул наземь, беспомощный и не способный двинуть ни одной рукой.

Сейчас это кажется странным, но я помню, что, когда наконец добрался до противоположного берега, бросил лук и обнажил сабли, я сильно забеспокоился, что могу потерять Тулмарил. Я даже подумал о том, как будет ругать меня Кэтти-бри, когда я вернусь в Мифрил Халл без ее драгоценного оружия! Эти образы быстро улетучились, и я оставил их до тех пор, пока битва не будет закончена.

Мерцающий, клинок в моей правой руке, яростно вспыхнул синим светом, точно отражая огонь внутри меня. Другая сабля светилась голубовато-белым сиянием, свидетельствуя о холоде зимы – этот клинок сиял лишь тогда, когда его окружал очень холодный воздух.

Трое оставшихся огров понеслись на меня, не обращая внимания друг на друга – каждая битва со столь сильными, но глупыми чудовищами становится для меня

напоминанием о том, насколько могучей силой они бы могли быть, если бы смогли превозмочь свою врожденную хаотичность.

Эта атака была их ошибкой. Бегущий впереди огр был слишком далеко от своих товарищей, и я приблизился к нему быстрее, чем рассчитывало чудовище. Мерцающий врезался в его коленную чашечку, второй клинок нанес глубокую рану в бедро, и я проскользнул меж огромных ножищ, перекувырнувшись головой вперед. Огр резко попытался остановиться – слишком резко – и, заскользив, прекратил свой путь на гладких, отполированных камнях.

Он осел наземь, как раз когда я поднялся на ноги позади него. Немногие могут похвастаться, что им выпала возможность для такого чистого удара по голове огра, и я использовал эту возможность сполна, тяжело ударив Мерцающим по черепу чудовища и разрубив его ухо на две почти равные части.

Удар не убил, а лишь оглушил громадину. Прежде чем огр успел оправиться, я вскочил ему на плечо и, оттолкнувшись от него, прыгнул, оказавшись прямо перед лицом следующего огра. Этот маневр застал его врасплох – его грозная дубина была опущена для защиты снизу, и он бы просто не успел поднять тяжелое оружие, чтобы блокировать мои клинки.

Мерцающий вскользь ударил по толстой шее огра, в то время как другой клинок впился ему в щеку, срывая кожу, так что черные зубы чудовища блеснули под звездным светом. Ни одна из ран, впрочем, не была смертельной, и я подумал, что попал в серьезное положение, когда монстр завел свою свободную ручищу мне за спину и тесно прижал меня к своей могучей груди. К счастью, моя правая рука находилась под таким углом, что мне удалось вытащить Мерцающий и направить в цель острие сабли. Я вогнал ее со всей силы, зная, что должен убить быстро ради себя и ради беспомощных пленников.

Магический клинок легко прошел сквозь плоть огра, срезая ребро, которое, должно быть, было толщиной с приличный ствол дерева, и проник глубже. Я ощутил пульс, когда Мерцающий добрался до сердца огра, мощный удар которого едва не вырвал рукоять оружия из моей хватки.

Мне нужно было убить быстро, и я это сделал. Огр испустил вздох, и мы оба повалились на землю. Я мгновенно отскочил в сторону и удар дубины умирающего огра, что предназначался мне, пришелся по его оставшемуся сородичу.

Впрочем, битва была далека от завершения. Последний стоящий на ногах огр пригнулся, готовый нападать. Что еще хуже, чудовище, которое я подстрелил, и то, чье ухо я рассек, не были мертвы. Оба упрямо пытались подняться и вернуться к битве.

Мне стало немного легче, когда рядом вновь появилась Гвенвивар и пронеслась между мной и моим последним противником. Я подумал было, что кошка собралась прикончить одного из раненых огров, но Гвенвивар пробежала мимо борющихся чудовищ и совершила прыжок над головами перепуганных, сбившихся в кучу пленников. Я понял, почему она это сделала, услышав звук спущенных тетив – явились орки-часовые с запада. Затем до меня донесся громоподобный рык, за которым вполне предсказуемо последовали вопли ужаса.

Потребовалось бы нечто большее, чем несколько орчьих стрел, чтобы остановить могучую Гвенвивар.

Глянув в сторону, я заметил, что гоблин-пленник успел вскочить и убежать, спасаясь в ночи. Я не обратил на него особого внимания, еще не зная, какой глубокий след этот гоблин оставит в моей жизни.

Все мысли о трусливых гоблинах исчезли из моей головы, как только невинный огр начал теснить меня. Он сделал первый взмах – вернее, первые два или три. Я держал защиту, осторожно стараясь не открываться. Как я и ожидал, гнев огра возрастал с каждым промахом. Его атаки становились все более яростными, более открытыми для ответных ударов. Я четырежды ударил эту тварь, сделав болезненные – если не слишком серьезные – раны в его шкуре, когда увидел, что огр с рассеченным ухом поднимается с земли.

Мой противник бил дубиной все снова и снова, мне приходилось уворачиваться. Я атаковал, обрушив на него быстрый и яростный шквал жалающих ударов, заставив его попятиться, переступая гигантскими ножищами. Затем я повернулся и бросился к нетвердо стоящему на ногах огру. Монстр с трудом поднял свою огромную дубину – к нему еще не вернулось достаточно сил, чтобы удерживать оружие. Он взмахнул ей, но медленно и неуклюже, и я ушел от удара, просто отступив назад на шаг. Я последовал за завершающей движением дубиной, яростно замахиваясь обеими саблями. Не знаю, сколько кровавых линий они прочертили на морде этого огра. В одно мгновение все черты твари исчезли, смявшись в одну багровую массу.

Когда труп гиганта рухнул, я осмотрелся вокруг и приободрился, увидев, что огр со стрелой в груди уже не будет сражаться – да и делать что-то другое тоже. Он валялся лицом вниз, настолько неподвижный, что я не стал сомневаться в его смерти.

Это значило, что остался только один, легко раненный. Я знал, что могу победить любого огра в поединке, что, если полностью сосредоточусь на битве, огр и близко не подойдет, чтобы нанести мне удар. Всегда готовый сражаться против этих мерзких существ, я ощутил мимолетное разочарование, когда я повернулся и понял, что огр сбежал и скрылся в ночи.

Впрочем, легкое сожаление исчезло, когда я вспомнил о пленниках. К моему облегчению, пятеро фермеров одолели орков на юге лагеря, и из всех ранен был только один, самый молодой. Рико самодовольно улыбался, и мне очень хотелось стереть эту ухмылку с лица хвастуна.

Немногим позже Гвенвивар, крадучись, вернулась в лагерь, проверив область на западе. У пантеры была пара небольших ран от орчьих стрел, но ничего серьезного. Битва закончилась, три огра и восемь орков были мертвы, а другой огр и с полдюжины орков спаслись бегством. Полная победа, и никто из нас не был убит.

Все же я не мог не признать, что в этой битве не было нужды. Впрочем, мысли о том, чтобы выбрать Рико, быстро улетучились из моей головы, когда я увидел, как приветствуют друг друга Тармен и его семья, а другой фермер снова встречает пропавшего брата.

– Где Нойхайм? – требовательно спросил Рико. Его грубый тон удивил меня. Если он потерял родича, ребенка или брата, я ожидал бы скорби. Но я не слышал скорби в его вопросе, только бездумный гнев, как если бы его оскорбили.

Фермеры смущенно переглянулись, и в конце концов все взгляды обратились на меня.

– Кто такой Нойхайм? – спросил я.
– Гоблин, – объяснил Тармен.
– Среди пленников был гоблин, – сказал я им. – Он сбежал во время сражения в сторону северо-запада.

– Тогда мы пойдем за ним, – без колебаний заявил Рико, нисколько не задумываясь об освобожденных людях. Я счел его слова абсурдными: разве мог одинокий гоблин стоять страданий этих мужчины, женщины и мальчика, которые прошли через такие испытания?

– Ночь продлится еще долго, – сказал я ему, и тон мой был далек от его собственного. – Разожгите огонь заново и позаботьтесь о раненом. Я пойду за беглецом.

– Я хочу вернуть его! – прорычал Рико. Должно быть, он правильно истолковал выражение моего лица, так как внезапно успокоился и попытался все объяснить.

– Нойхайм вел группу гоблинов, которые напали на Пенгаллен несколько недель назад. – сказал он и бросил взгляд на остальных. – Гоблин – лидер, и наверняка вернется с союзниками. Мы держали его для суда, когда явились другие налетчики.

У меня не было причины не верить словам Рико, кроме того, что мне казалось странным, что фермеры из маленькой деревни, столь часто осаждаемой монстрами из диких земель, пойдут на такие хлопоты, как судебный процесс в отношении какого-то гоблина. Нерешительность – или это было опасение? – на лицах других фермеров, особенно Тармена, также заставили меня помедлить, но я счел это страхом перед тем, что Нойхайм вернется с большими силами и опустошит их легко уязвимую деревню.

– Я не очень спешу в Серебристую Луну, – заверил их я. – Я поймаю Нойхайма и верну его в Пенгаллен следующим же утром, – я собрался было уходить, но Рико схватил меня за плечо и развернул к себе лицом.

– Живым, – прорычал он. Мне не понравилось, как это прозвучало. Я ничего не имел против справедливых и суровых мер, применяемых к гоблинам, но злобный тон Рико говорил о жажде мести. Все же у меня не было причин не верить этому фермеру, равно как и причин для спора о справедливости законов, принятых в Пенгаллене. Вскоре мы с Гвенвивар уже направлялись на северо-запад, отслеживая путь беглеца.

Преследование, против моих ожиданий, затянулось. Мы нашли следы нескольких сбежавших орков, пересекающие следы Нойхайма, и я счел более важным предотвратить их возвращение в логово, где они могли бы найти подкрепление. Вскоре мы нашли орков, их оказалось трое. При помощи чудесного лука прикончил этих тварей издали всего в три коротких выстрела.

Затем мы вернулись к следам Нойхайма и снова отправились в преследование во тьме ночи. Нойхайм оказался умным соперником, чем вполне оправдывал заявление Рико о том, что гоблин был лидером среди своих подлых сородичей. Он постоянно петлял и перебирался по раскидистым ветвям с дерева на дерево, спускаясь наземь в отдалении от первоначального пути и меняя направление. Наконец, он направился к реке, единственной преграде, которая могла остановить погоню.

Понадобилось все мое мастерство следопыта и помощь звериного чутья Гвенвивар, чтобы мы смогли подобраться к гоблину, прежде чем он оказался бы в безопасности по ту сторону реки. Со всей честностью я признался себе, что, не будь Нойхайм так измучен в плену у безжалостных налетчиков, он мог бы обвести вокруг пальца нас обоих.

Когда мы, наконец, достигли берега, я воспользовался своей врожденной, обычной для жителей Подземья, способностью видеть вещи по излучаемому ими теплу, а не по отражаемому ими свету. Вскоре я заметил теплое свечение – кто-то медленно перебирался по каменистому броду, тщательно подбирая каждый шаг. Не доверяя ограниченному инфразрению, размывающему формы и представляющему детали как тепловые пятна, я поднял Тулмарил и выпустил светящуюся стрелу. Она скользнула по камню и ударилась о воду в нескольких футах перед гоблином, отчего он поскользнулся, и одна его нога по бедро ушла в ледяной поток. Подобная молнии вспышка серебряного света не оставила сомнений в том, что это был тот самый беглец. Я бросился к броду.

Гвенвивар пролетела мимо, обгоняя меня. Я был в полпути от цепочки камней, двигаясь так быстро, как мог, когда услышал рык пантеры из темноты впереди, а следом – вопль боли.

– Держать, Гвенвивар! – крикнул я, не желая, чтоб пантера растерзала его на куски.

Тощий, желтокожий Нойхайм лежал на земле, прижатый к ней огромными лапами, когда я добрался до них. Я приказал Гвенвивар отойти, и, едва пантера сдвинулась с места, Нойхайм подкатился ко мне и схватился за мой сапог длинными, тонкими, как веретено, руками, на которых еще были видны следы разорванных кожаных пут.

Я хотел было оглушить его рукоятью сабли, но, прежде чем я успел отреагировать, Нойхайм принялся осыпать слюнявыми поцелуями мои сапоги.

– Пожалуйста, мой добрый хозяин, – заныл он противным визгливым голосом, столь обычным среди гоблинов. – Пожалуйста, пожалуйста! Нойхайм не сбежит. Нойхайм боится, боится больших, уродливых огров с большими дубинами. Нойхайму страшно.

Мне понадобилось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и собраться с мыслями. Затем я поднял гоблина на ноги и приказал ему молчать.

Стоя здесь, глядя вниз, на уродливое плоское лицо и скошенный лоб Нойхайма, его светящиеся желтые глаза и сплюснутый нос, я призывал всю свою выдержку, чтобы не применить оружие. Я – следопыт, защитник добрых народов от многочисленных злых рас Фаэруна, и среди этих злых рас гоблины – самые ненавистные мне враги.

– Пожалуйста, – жалобно повторил он.

Я медленно убрал оружие, и широкий рот Нойхайма растянулся в вымученной улыбке, демонстрируя множество маленьких, но острых зубов.

К тому времени уже светало, и я хотел немедленно отправляться в Пенгаллен, но Нойхайм почти замерз из-за падения в реку. По его неловкой походке было видно, что промокшая нога почти или полностью онемела.

Как я уже говорил, я не питаю любви к гоблинам и обычно не милосерден к ним. Если бы Нойхайм напал на мое собственное жилище, я выпустил бы вторую стрелу еще до того, как он достал бы свою ногу из реки, и покончил бы с этим делом. Но сейчас я был связан клятвой, которую дал фермерам, и потому развел огонь, чтобы гoblin смог отогреть онемевшую конечность.

То, как вел себя Нойхайм, когда я его поймал, продолжало занимать мой ум и возбуждать недоумение. Следующим утром, отпустив Гвенвивар отдыхать в Астральном плане, я попытался задать ему несколько вопросов, но гoblin ничего не отвечал. С покорным выражением лица он отводил от меня взгляд всякий раз, когда я обращался к нему. Пусть будет так, сказал я себе. Это не мое дело.

Глубоко за полдень мы прибыли в Пенгаллен – то была кучка домов числом примерно в дюжину, расположенная в середине ровного, очищенного от деревьев поля и окруженная высоким частоколом. Фермеры вернулись несколькими часами раньше, и Рико, видимо, предупредил двух часовых, что разместились у стены, о моем грядущем прибытии. Они не позволили мне войти сразу, хотя были далеки от негостеприимства, и я ждал. В считанные минуты появился Рико. Очевидно, он велел послать за ним, когда я появлюсь.

Выражение лица здоровяка изрядно изменилось по сравнению с той ночью. Его квадратная челюсть больше не была сведена гримасой, что показывало, как он рад повороту событий. Даже его широко расставленные голубые глаза, казалось, улыбались при виде меня и моего пленника, и все черты на его красном лице подтянулись вверх.

– Ты был щедр, предложив свою помощь, – сказал он мне, накидывая петлю на шею Нойхайма наподобие того, как в тесных деревнях привязывают собак. – Я знаю, что у тебя дела в Серебристой Луне, так что прими мои заверения в том, что в Пенгаллене снова все спокойно.

Я ощутил ясное чувство, что меня попросту отсылают за ненужностью.

– Пожалуйста, поужинай в нашей таверне, – быстро добавил Рико, жестом приглашая меня пройти в открывшиеся ворота. – Поешь, выпей, – весело добавил он. Неужели мое смятение было так очевидно? – Скажешь хозяину, Аганису, что я заплачу.

Я намеревался доставить пленника и тут же отправиться в путь к Серебристой Луне, взяв хороший старт. Я с нетерпением ждал, когда увижу чудесный город на реке Ровин, когда буду свободно, с благословением леди-правительницы, бродить по его прекрасным изгибающимся проспектам, навещая его многочисленные музеи и не имеющую себе равных библиотеку. Но мои инстинкты велели мне принять угощение. Что-то во всем этом деле шло не так.

Аганис, похожий на бочонок улыбчивый человек с густой бородой, был, разумеется, изумлен видом темного эльфа, вошедшего в его заведение – большое двухэтажное здание у середины деревенского частокола. Это место служило как таверна, торговый пост, и несло множество других функций. Как только он преодолел свои первые чувства – думаю, что единственно возможно описать его вид словами «объятый ужасом» – он принялся суетиться, стараясь угодить мне – по крайней мере, так я мог судить по порциям, которые он накладывал мне, куда большим, чем у фермера, сидевшего недалеко от конца стойки.

Я не стал высказываться по поводу этого явного подхалимства. Ночь была долгой, и я проголодался.

– Так ты Дзирт До'Урден? – спросил фермер с конца барной стойки. Это был пожилой человек с редющими седыми волосами и морщинистым лицом, которое повидало множество дней под солнцем.

Аганис побледнел от этого вопроса. Возможно, он думал, что я оскорблюсь и разнесу его заведение на куски.

– Дзирт, – поправил я, глядя на старика.

– Джак Тимберлайн, – представился он. Он протянул руку, затем убрал и вытер о рубашку, прежде чем снова предложить ее мне. – Я слышал о тебе, *Дзирт*, – произнес он имя с особой тщательностью, и, должен признаться, мне это польстило. – Говорят, ты следопыт.

Я твердо пожал его руку и широко улыбнулся.

– Я тебе прямо скажу, Дзирт, – и снова он напрягся на этом слове, – мне все равно, какого цвета кожа у парня. Я слышал о тебе, и слышал хорошие вещи о том, что ты и твои друзья сделали в Мифрил Халле.

Его похвала была немного снисходительной, и бедняга Аганис вновь побледнел. Впрочем, я не обиделся, понимая, что неловкость Джака связана с его неискушенностью. Его приветствие было вполне тактичным по сравнению с множеством других, которыми меня встречали с тех пор, когда я явился в наземный мир, со встречами на длине обнаженного оружия.

– Хорошо, что дварфы вернули себе митриловые залы, – согласился я.

– И хорошо, что ты повстречался отряду Рико, – добавил Джак.

– Тармен так радовался утру, – нервно вставил хозяин таверны.

Все это казалось мне столь обычным – вы, наверное, понимаете, что в своих взаимоотношениях с народами наземного мира я привык ко всему, кроме таких вот простых разговоров.

– Ты вернул Рико его раба? – вдруг прямо спросил Джак.

Кусочек еды внезапно отказался пройти вниз по моему горлу.

– Нойхайма, – пояснил Джак. – Гоблина.

Я видел рабство во всей его жестокости в Мензоберранзане, где я родился. Темные эльфы держат многих рабов из множества рас, заставляя их работать, пока они не перестанут быть полезны, а затем безжалостно пытая и убивая их, калеча их тела так же, как искалечили дух. Я всегда чувствовал, что порабощение стоит среди самых отвратительных поступков, даже когда обращено против так называемых несправимо злых рас, таких, как гоблины и орки.

Я кивнул Джаку в ответ, но гримаса, внезапно исказившая мое лицо, оттолкнула его. Аганис, нервничая, протер одну и ту же тарелку несколько раз, уставившись на меня и то и дело поднимая полотенце, чтоб вытереть вспотевший лоб.

Я закончил есть, не продолжая разговоров, разве что выяснил мимоходом, какой из фермерских домов принадлежит Рико. Мне не нужны были ответы этих двоих. Я хотел сам увидеть, что сделал.

К закату я был у изгороди, окружавшей двор Рико. Его дом был простым сооружением из досок и бревен с щелями, забитыми грязью от ветра и крышей, скошенной, чтоб удерживать зимние снега. Нойхайм ходил по двору, выполняя свои

работы – как я заметил, на нем не было оков, – но больше никого не было видно. Я видел, как занавесь на единственном окне несколько раз сдвинулась. Рико или кто-то из его семьи наверняка приглядывал за гоблином.

Закончив уход за козой, привязанной недалеко от дома, Нойхайм посмотрел на темнеющее небо и ушел в небольшой амбар, немногим больше, чем сарай, располагавшийся в небольшом отдалении от дома. Через множество щелей в этом грубом сооружении я увидел свет огня, зажегшийся мгновением позже.

Что все это значило? Я ничего не мог понять. Если Нойхайм пришел в Пенгаллен во главе разбойничьей банды, то почему ему предоставили такую свободу? Он мог бы взять уголь из огня, который развел в сарае, и поджечь сам дом.

Я решил не задавать вопросов Рико – решил так потому, что в глубине души знал, что здесь происходит, что я не получу от него честного ответа.

Нойхайм снова бросился целовать мне сапоги, едва я вошел в тени скудно освещенного сарая.

– Пожалуйста, о, пожалуйста, – затянул он скрипучим голосом, шлепая толстым языком по губам.

Я оттолкнул его, и гнев мой, должно быть, был хорошо заметен, так как гоблин неожиданно замолк и сел у костра, уставившись в оранжево-желтое пламя.

– Почему ты не сказал мне?

Он бросил на меня странный взгляд. Лицо его выражало абсолютное смирение.

– Ты нападал на Пенгаллен? – надавил я.

Он снова уставился в огонь, и лицо его исказилось, давая понять, что этому вопросу не стоит даже давать оправдания ответом. И я поверил ему.

– Тогда почему? – спросил я, наклоняясь, чтобы взять его за плечо и заставить посмотреть себе в глаза. – Почему ты не сказал мне, зачем Рико хочет вернуть тебя?

– Сказать тебе? – Нойхайм уклонился. Его гоблинский акцент внезапно пропал. – Гоблин, говорящий Дзирту До'Урдуну о своей беде? Гоблин, просящий сострадания у следопыта?

– Ты знаешь мое имя?

О боги, он даже правильно его произносил.

– Я слышал истории о Дзирте До'Урдуне, и о Бреноре Боевом Топоре и отвоевании Мифрил Халла, – ответил он, и снова я поразился, как точны была его интонация и произношение. – Об этом часто говорят фермеры из нижних долин, все они надеются, что новый король дварфов щедро распорядится своим огромным богатством.

Я сел в стороне от него. Он просто продолжал невидяще глядеть в пламя, опустив глаза. Не знаю, сколько времени минуло в тишине. Не знаю даже, о чем я тогда думал.

Нойхайм был проницателен. Он знал это.

– Я принимаю свою судьбу, – ответил он на мой невысказанный вопрос, хотя в его голосе было немного убеждения.

– Ты – не обычный гоблин.

Нойхайм плюнул в огонь.

– Я не знаю, гоблин ли я вообще, – проговорил он. Если бы в тот момент я ел, то наверняка бы в моем горле вновь встал ком.

– Я не похож ни на одного гоблина, которого когда-либо встречал, – пояснил он с безнадежным смешком. Я подумал, что его вечное смирение столь типично для беспомощного, безвыходного положения. – Даже моя мать... Она убила отца и мою младшую сестру. – Он насмешливо прищелкнул пальцами, чтобы усилить сарказм своих следующих слов. – По гоблинским меркам, они заслужили это: не поделились с ней ужином.

Нойхайм затих и покачал головой. Физически он вне всякого сомнения являлся гоблином, но по искренности его слов я уже мог сказать, что по духу он был очень далек от своих злобных сородичей. Эта мысль пробрала меня дрожью. За те годы, что я был следопытом, я никогда не подвергал сомнению, как должен вести себя с гоблинами, никогда не останавливал свои сабли на время, достаточное, чтоб определить, не отличается ли кто-то из них своим поведением от обычных, известных мне злых существ.

– Ты должен был сказать мне, что ты – раб, – снова проговорил я.

– Я не горжусь этим фактом.

– Почему ты сидишь здесь? – спросил я, хотя и так знал ответ. Я также был когда-то рабом, пленником жестоких живодеров разума, одних из самых злых обитателей Подземья. Нет более калечащей и смиряющей пытки, чем рабство. Однажды на своей родине я видел сотню орков, которую удерживали под полным контролем всего шесть солдат-дроу. Если бы они набрались храбрости, то вне всякого сомнения уничтожили бы своих охранников. Но даже если отвага – не первая вещь, которой лишают раба, то наверняка одна из первых.

– Ты не заслуживаешь такой судьбы, – сказал я более мягко.

– Что ты знаешь об этом? – возразил Нойхайм.

– Я знаю, что это неправильно, – ответил я. – Я знаю, что что-то должно быть сделано.

– А я знаю, что меня повесят, если я попытаюсь освободиться, – резко сказал он.

– Я никогда не причинял вреда какому-нибудь человеку или даже вещи. И я не хочу никому навредить. Но мне выпала такая судьба.

– Мы не связаны принадлежностью к расе, – сказал я ему, найдя наконец слова убеждения в воспоминаниях о своем собственном долге пути из тьмы Мензоберранзана. – Ты говорил, что слышал рассказы обо мне. Разве они – то, чего можно ожидать от темного эльфа?

– Ты дроу, а не гоблин, – сказал он так, словно этот факт все объяснял.

– Твоими же словами, ты не более родственен гоблинам, чем я – темным эльфам, – напомнил я ему.

– Кто может сказать? – ответил он, пожав плечами, и этот беспомощный жест наполнил меня глубокой болью. – Мне сказать Рико, что я не гоблин душой и поступками, а просто жертва безжалостной судьбы? Ты думаешь, он поверит мне? Думаешь, что такой род понимания доступен этому простому фермеру?

– Ты боишься попытаться? – спросил я.

– Да!

Я поразился силе этих слов.

– Я не первый раб Рико, – проговорил он. – Он держал у себя гоблинов, орков, однажды даже багбира. Ему нравится принуждать других делать его собственную

работу, понимаешь? Но много ли других рабов ты видел на дворе Рико, Дзирт До'Урден?

Он знал, что я не видел ни одного раба, и я не был удивлен его объяснением. Я почувствовал, что начинаю ненавидеть Рико Пенгаллена.

– Рико покончил с ними, – продолжал Нойхайм. – Они потеряли способность выживать. Они потеряли свою полезность. Ты заметил высокий столб с поперечиной за воротами?

Я содрогнулся, представив, для чего мог служить этот столб.

– Я жив, и я останусь живым, – объявил Нойхайм. В первый раз решительный гоблин позволил своей защите ослабеть, и мрачное выражение его лица выдало не истинность этих слов.

– Ты хотел бы, чтоб огры-налетчики убили тебя, – сказал я, и он не ответил.

Некоторое время мы сидели в тишине, тишине, которая тяжело давила на каждого из нас. Я знал, что не должен оставлять такую несправедливость безнаказанной, не могу повернуться спиной – пусть даже к гоблину – ни к кому, нуждающемуся в помощи. Я обдумал все пути, доступные мне, и пришел к выводу, что для настоящей победы над этой несправедливостью я должен использовать все влияние, какое смогу. Как большинство фермерских деревень в этом регионе, Пенгаллен не был независимым поселением. Люди здесь были под защитой и, следовательно, под надзором и законом крупных городов поблизости. Я мог обратиться к Аластриэль, правящей Серебристой Луной, и Бренору Боевому Топору, королю ближайших земель и моему лучшему другу.

– Возможно, однажды я найду в себе силы пойти против Рико, – неожиданно сказал Нойхайм, прервав мои раздумья. Я живо помню его следующие слова. – Я – не отважный гоблин. Я предпочитаю жить, хотя зачастую я сомневаюсь, что моя жизнь чего-то стоит.

Эти самые слова мог бы произнести и мой отец. Закнафейн тоже был рабом, хотя и рабом другого сорта. Он жил в Мензоберранзане, и не на низшем положении, хотя и ненавидел темных эльфов и пути их зла. Он не видел выхода, самой возможности побега из города дроу. Из-за недостатка смелости он жил, как воин-дроу, выживал, следуя тем самым порядкам, которые были для него столь отвратительны.

Я снова попытался напомнить Нойхайму, что я ушел от подобной судьбы, что мне удалось выйти из безнадежного положения. Объяснил, что странствовал среди людей, которые, несомненно, ненавидели и боялись меня из-за репутации моих сородичей.

– Ты – дроу, а не какой-то гоблин, – снова ответил он, и на этот раз я начал понимать смысл, стоящий за его словами. – Они никогда не поймут, что в моем сердце нет зла, как у других гоблинов. Даже я не понимаю этого!

– Но ты веришь в это, – твердо сказал я.

– Сказать им, что я – гоблин другого рода?

– Именно так! – воскликнул я. Мне казалось, что это достаточно разумно. Я думал, что нашел ответ, который искал.

Нойхайм прикрыл дверь и быстро объяснил мне кое-что обо мне и о мире вокруг, что я ранее не принял во внимание.

– Чем мы отличаемся? – надавил я, надеясь, что он увидит мое понимание истины.

– Ты считаешь себя гонимым? – спросил гоблин. Его желтые глаза сузились, и я понял, что он полагает свои слова близкими к истине.

– Я больше не принимаю это определение, так же, как и не допускаю гонений, – провозгласил я. Мои гордые слова внезапно достигли понимания этого несчастного.

– Люди выносят свои собственные суждения, но я больше не мирюсь с их несправедливыми решениями.

– Ты будешь сражаться с теми, кто относится к тебе неправильно? – спросил Нойхайм.

– Я буду отвергать их, игнорировать их, зная в глубине души, что я прав в своей вере.

Улыбка Нойхайма выражала одновременно искреннюю радость за то, что я нашел свой путь, и глубокую печаль – за себя, как я начал понимать.

– Мы не в одинаковом положении, – настаивал он. Я начал возражать, но он остановил меня, подняв ладонь. – Ты – дроу, экзотика, нечто за пределами опыта большинства людей, которых ты встречал.

– Почти каждый в наземном мире слышал ужасные истории о дроу, – попытался возразить я.

– Но они не имели дела с самими эльфами-дроу! – резко возразил Нойхайм. – Ты для них – диковина, странно красивая даже по их собственным стандартам красоты. Твои черты правильны, Дзирт До'Урден, твои глаза пронзительны. Даже твоя кожа, такая черная и блестящая, должна быть прекрасной для обитателей наземного мира. А я гоблин, уродливый гоблин – своим телом, если не душой.

– Если бы ты показал им правду о своей душе...

Нойхайм рассмеялся над моими словами.

– Показать им правду? Правду, которая поставит под вопрос все, что они знали в своей жизни? Стать темным зеркалом их совести? Эти люди, включая и Рико, убили много гоблинов – и, наверное, поделом, – быстро добавил он, и это пояснение открыло все, что Нойхайм пытался показать мне, слепцу.

Если эти фермеры, многие из которых часто бились с гоблинами, и другие, кто держал гоблинов в рабстве, обнаружат всего одно существо, не отвечающее их определениям злой расы, всего лишь гоблина, в котором есть совесть и сострадание, интеллект и дух, родственный их собственному, это может повергнуть все их существование в хаос. Я и сам почувствовал, будто меня ударили в лицо, когда понял настоящую причину поведения Нойхайма. Лишь благодаря собственному опыту, родству с темными эльфами, подавляющее большинство которых заслуживало свою мрачную репутацию, я смог преодолеть чувство смятения и вины.

Эти фермеры могли и не понять Нойхайма. Они наверняка прониклись бы к нему страхом и все большей ненавистью.

– Я не отважен, – снова проговорил Нойхайм, и, хотя я не был согласен, я предпочел удержаться возражение в себе.

– Ты отправишься со мной, – сказал я ему. – Этой ночью. Мы пойдем обратно на запад, в Мифрил Халл.

– Нет!

Я посмотрел на него, более уязвлен, нежели озадачен.

– Я не хочу, чтоб за мной снова охотились, – объяснил он, и из его отсутствующего, страдальческого взгляда я понял, что он вспоминает, как Рико преследовал его в первый раз.

Я не мог принудить Нойхайма подчиниться себе, но также и не мог допустить, чтоб эта несправедливость продолжалась. Должен ли я был открыто противостоять Рико? Это повлекло бы последствия, могущие быть гибельными. Я не знал, каким силам подчиняется Пенгаллен. Если деревня принадлежала городу, не известному своей снисходительностью, например, Несму, что на юго-западе, тогда любое действие, которое я бы совершил против ее жителей, создало бы проблему в отношениях этого города и Мифрил Халла – я ведь был, фактически, послом Бренора Боевого Топора.

Так я покинул Нойхайма. Утром я подобрал себе хорошую лошадь и отправился единственным оставшимся мне путем. Я решил, что сперва поеду в Серебристую Луну, так как Аластриэль была среди самых уважаемых правителей этих земель. Затем, если понадобится, я обращусь к Бренору и его справедливости.

И тогда, на том же самом месте, я решил, что, если ни Аластриэль, ни Бренор не станут помогать Нойхайму, я возьму дело в свои руки – чего бы это ни стоило.

Три дня стремительной скачки, и я оказался в Серебристой Луне. Меня неожиданно вежливо приняли у западных врат города, стражники приветствовали меня со всеми благословениями Леди Аластриэль. Я сказал им, что нуждаюсь во встрече с ней, и мне ответили, что владычица Серебристой Луны уехала по делам в Сандабар, что на востоке, и должна была вернуться через две недели.

Я не мог ждать, поэтому попрощался со стражниками, сказав им, что вернусь через десяток-другой дней, и отправился тем же путем, что пришел. Бренору придется что-то сделать.

Возвращение было для меня и волнующим, и мучительным. Встреча в Серебристой Луне, столь отличная от того, что я привык ожидать, дала мне почти закружившую голову надежду, что неправды мира могут быть побеждены. В то же время я чувствовал, что фактически бросил Нойхайма, чувствовал, что мое желание следовать этикету и правилам было трусостью. Я должен был настоять, чтоб гоблин отправился со мной, должен был забрать Нойхайма прочь от его бед и затем попытаться мирно уладить ситуацию.

В своей жизни я совершал ошибки, и я знал, что тогда совершил одну из них. Я повернул назад к Пенгаллену вместо того, чтобы ехать прямо ко двору Бренора в Мифрил Халле.

Я нашел Нойхайма висющим на перекладине принадлежащего Рико столба.

Есть события, что навечно застыли в моей памяти, чувства, источающие ауру живых и длящихся воспоминаний. Я помню ветер, дувший в этот ужасный миг. День, темный от низких облаков, был не по сезону теплым, но каждый порыв ветра жалил холодом – ветра, спустившегося с высоких гор и несущего дыхание глубоких снегов. Ветер дул мне в спину, развевая мои длинные белые волосы и тесно прижимая плащ к моей спине; я же сидел на своей лошади, беспомощно глядя на высокий столб.

Порывистый ветер медленно поворачивал окоченевшее и вздутое тело Нойхайма, и болт, на котором крепилась веревка, жалобно, протестуя, беспомощно скрипел.

Таким я буду видеть его вечно.

Я не успел даже спешиться, чтоб снять с веревки несчастного гоблина, когда Рико с несколькими крепкими спутниками – все были вооружены – вышел из дома навстречу мне – чтоб бросить мне вызов, подумал я. За ними шел безоружный Тармен, лицо его выражало безнадежность.

– Чертов гoblin пытался убить меня, – объяснил Рико, и на какое-то мгновение я поверил ему, боясь, что вынудил Нойхайма совершить роковую ошибку. Но когда Рико продолжил, заявляя, что гoblin напал на него среди белого дня, при дюжине свидетелей, я начал понимать, что все это была заготовленная заранее ложь. Свидетели были не более, чем его соучастниками в лживом сговоре.

– Нет причин расстраиваться, – продолжал Рико, и его самодовольная ухмылка давала ответ на все мои расспросы об убийстве. – Я убил много гоблинов, – быстро добавил он, его тон слегка изменился, – и, наверное, поделом.

Почему Рико прикрылся словом «наверное»? Я понял, что слышал эти самые слова, сказанные раньше, сказанные точно так же. Я слышал, как Нойхайм говорил их... значит, Рико тоже слышал! Страхи, которые гoblin высказал в ту ночь в сарае, внезапно оказались зловещим и правдивым пророчеством.

Я хотел взять свои сабли, соскочить с лошади, зарубить Рико и отогнать любого, кто встанет на защиту убийце.

Тармен взглянул на меня, ясно увидев мои намерения, и покачал головой, молчаливо напомнив мне, что мое оружие здесь не сделает ничего – ничего хорошего и никому, включая и Нойхайма.

Рико все еще говорил, но я больше не слушал. К кому я мог обратиться за помощью? Я не мог ожидать, что Аластриэль или даже Бренор предпримут какие-либо действия против Рико. Для всех Нойхайм был просто-напросто гоблином, и даже если бы я хоть как-то мог доказать что-то иное, смог бы убедить Аластриэль или Бренора, что гoblin этот был мирным и что с ним обошлись несправедливо, они ничего не могли бы поделать. Мотив преступления был убедителен, и для Рико и жителей Пенгаллена Нойхайм, несмотря на все мои слова, оставался всего лишь гоблином. Ни один справедливый суд в этом регионе, где столь обычны кровавые схватки с гоблинами, где почти каждый потерял родича по вине этих существ, не осудит этих людей из-за казни Нойхайма – казни монстра.

Я помог свершиться преступлению. Я вновь пленил Нойхайма и вернул его во владение Рико – даже когда почувствовал, что что-то не так. И затем я вновь вмешался в жизнь гоблина, внушил ему опасные мысли.

Рико все еще говорил, когда я соскользнул с одолженной лошади, перебриснул Тулмарил через плечо и ушел по дороге в Мифрил Халл.

Закат. Еще один день уступает место ночи. Я сижу здесь, на склоне горы неподалеку от Мифрил Халла.

Началось таинство ночи, но знает ли теперь Нойхайм истину большего, великого таинства? Я часто задумываюсь о тех, кто ушел до меня, кому открылось то, чего я не открою до тех пор, пока не умру сам. Лучше ли Нойхайму сейчас, чем в рабстве у Рико?

Если загробная жизнь справедлива, то, несомненно, лучше.

Я должен верить, что это так, но все же мне до сих пор больно знать, что я сыграл свою роль в гибели необычного гоблина, и в том, что пленил его, и в том, что пришел к нему позже – пришел с надеждами, которые он не мог себе позволить. Я не могу забыть, что покинул Нойхайма, сколь хороши бы не были мои намерения. Я уехал в Серебристую Луну и оставил его беззащитным, оставил в незаслуженных мучениях.

Я получил урок от своей ошибки.

Больше никогда я не оставлю подобной несправедливости. Если я снова повстречаю того, кто подобен Нойхайму духом и находится в той же опасности, пусть устрасится его злобный повелитель. Пусть блюдущие закон силы рассмотрят мои действия и оправдают меня, если посчитают их правильными. Если же нет...

Это не имеет значения. Я буду следовать голосу сердца.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Не такая уж и) Тайная История Королевств.

Джефф Грабб

Королевства - это мир, выкованный многими богами. И я говорю не об обычных богах, о которых вы чуть ли не каждый день слышите из фантастических историй. Нет, эти существа - тайные боги, обитающие за кулисами; создающие, лепящие и рассказывающие о мире Торила всем остальным. У них странные имена - Гринвуд, Сальваторе, Найлз, Деннинг, Лоудер и некоторые другие - и все они владеют могущественной магией. Они - писатели, объединившие силы, чтобы создать Королевства, о которых сегодня вы все знаете и которые любите.

Но кто эти персоны и как так получилось, что они сошлись вместе под одной творческой крышей? Откуда появилась эта чудесная страна и в какую сторону развивается? Всё это - *тайная* история Королевств.

Королевства берут начало в плодовитом уме Эда Гринвуда и предвосхищают появление ролевой системы Dungeons&Dragons. Будучи мальчиком, Эд черпал вдохновение в работах многих писателей фэнтези, таких как Лорд Дансени и Фриц Лейбер. Ему нравился тот факт, что большинство историй Лейбера делили одних персонажей и общий мир. С каждым новым рассказом возвращались знакомые герои и места, и так создавался долгоживущий, проработанный, живой мир.

Первые попытки писательства Эдварда преследовали цель объединить его приключения в похожий сеттинг. Писатель рассказывал, что местом действия его первого рассказа - утраченной былины под названием «И да пришёл он к Зирте, непровозглашённый» (кстати, написанной им в нежном возрасте - всего лишь восьми зим) - было Побережье Мечей. Сам Эд описывал рассказ как ужасный образец писательской школы загорелых варваров, так что и сама история, и Зирта с того времени куда-то задевались (последняя утонула в море). Было это в 1967 году, задолго до начала феномена фэнтезийных ролевых игр.

Гринвуд продолжил развивать Королевства серией коротких произведений, но только когда он добавил элементы DnD, придуманная им вселенная сделала первый из множества гигантских прыжков вперёд. В отличие от сольного творения, его сеттинг стал основой для того, чтобы собрать друзей и помощников. Каждый вставлял свои пять копеек, создавая персонажей, которых Эд не мог ни предвидеть, ни контролировать. Деяния Ватаги Безумных Приключенцев и Рыцарей Миф Драннора также внесли свой вклад в становление Королевств и преобразование их в теперешний вид.

Журнал «Dragon» перевёл Королевства на следующий уровень. В душе Эд всегда являлся - и является - ремесленником, творцом, находящим удовольствие в создании мириад прописанных явлений - монстров, книг, магических предметов, входов в подземелья и прочих подобных мелочей. В 1979 на страницах журнала он обнаружил готовый рынок, только и ждущий всё это добро. Для представления всех своих новейших изобретений он выбрал могущественного мага, известного игрокам как олицетворение Королевств. Впервые Эльминстер появился на публике в 1981, и с тех пор стал узнаваемой и в высшей степени популярной фэнтези-фигурой. Так был сделан ещё один большой скачок.

Королевства продолжали идти своей дорогой, в первую очередь существуя в качестве сеттинга для домашней кампании Эда и появляясь в статьях «Dragon Magazine» до 1986 года. К тому времени расцвёл единый мир Драгонлэнс - эпическая вселенная с не менее эпическими приключениями, как в играх, так и в книгах. В священных залах TSR зародилась идея - нужно приготовить ещё один мир, на случай, если восторги по Драгонлэнсу улягутся (чему ещё только предстоит случиться). После бурного обсуждения, скромному гейм дизайнеру (который впоследствии станет автором данного послесловия) пришла в голову светлая мысль - связаться с Эдом Гринвудом и узнать, есть ли за всеми этими статьями настоящий мир? А если есть, то не даст ли он согласия на то, чтобы Королевства стали основой для последующих приключений?

Что ж, мир имелся и Эд согласился. Началась переписка между Лейк-Дженива и Колбурном, Онтарио. Этот обмен файлами в итоге привёл к установлению границ наиболее известных частей мира Королевств, самого сердца общей вселенной.

За этим последовала приятная суматоха - большое количество творческих личностей начали формировать структуру того, что станет Королевствами. Процесс создания был не столько спланирован, сколько направляем; каждый хотел придумать что-то полезное и захватывающее. Как и Эд в шестидесятые, все собравшиеся творцы искали местечко, где они смогли бы поведать свои истории -

множество историй! - происходящие одновременно. В этом проявилось отличие Королевств от локализованной по времени серии Драгонлэнс.

Кусочки свежесозданного сеттинга потихоньку вставляли на место, часто не только по задумке, но и по воле случая. У Дуга Найлза имелась наполовину написанная новелла с хорошо прослеживаемыми кельтскими мотивами - архипелаг оттуда был добавлен на карту Королевств, и так появились острова Муншаез. Боб Сальваторе предложил сюжет сиквела к первой книге про Муншаез, но впоследствии поменял место действия и ввёл новых, собственных персонажей - включая хорошо известного теперь Дзиррта До'Урдена. Вооружённый знаниями о Королевствах и свободный от обязанности создавать начальную заставку для отдела игр, Эд рыскал по Долине Теней в «Огне Заклинаний», и в это же время Кэйт Новак и я подарили вселенной Элию и Драгонбейта.

Забытые Королевства продолжали шириться. С игровой стороны дюжины людей стали исследовать, определять и расширять Королевства. На дальнем востоке возник Кара-Тур. Были разработаны компьютерные игры, за ними по пятам следовали романы, сначала за авторством Джима Уорда и Джейн Купер Хонг, позже - Джима Уорда и Энн Браун. Закипела работа над комиксами, фигурками и настольными играми.

В Королевствах настало время для чего-то значительного, чего-то такого, что затронет все земли, и с этим событием к пантеону присоединилось новое поколение тайных богов. Трилогия «Аватары», выпущенная в 1989 году, явила на свет таланты Скотта Чинчина, Джима Лоудера и Троя Деннинга. Создав трилогию, три этих литературных светила спрятались за псевдонимом «Ричард Авлинсон» (прим. перев.: созвучно английскому «All-In-One», «Все в одном»), но с того времени каждый из них по отдельности заявил о себе. Благодаря «Аватарам», Королевства сделали ещё один шаг к глобальному фантастическому приключению, формирующему мир.

В качестве интересного дополнения можно отметить, что, одновременно с трилогией, Advanced Dungeons&Dragons перешли во вторую редакцию, изменившую и улучшившую игровую систему, используемую в Королевствах. Сюжетная арка про «распоряжавшихся аватаров» обеспечила отличную возможность объяснить изменения в мире, не вдаваясь в подробности игровой механики - но этот ход никогда не планировался заранее. Трилогия развивалась сама по себе. В очередной раз судьба и удача свели воедино разрозненные кусочки и таланты под куполом Королевств.

К настоящему моменту наше скромное творение стало растущим полигоном творческих способностей. Оно было тогда и является теперь домом, построенным пятнадцатью зодчими, каждый из которых преследует свои собственные цели, порой сверяясь с остальными, и имеет своё видение. Королевства были огромны и выросли ещё больше. Дзиррт Роберта получил свою серию. Дуг Найлз открыл Мацтику. Джим Лоудер, Трой Деннинг и ещё одно новое божество, Дэвид Кук, заселили земли между Востоком и Западом туйганскими ордами и немедленно начали вторжение. Персонажи Королевств перешли даже в новое измерение, Рэйвенлофт. Появились истории об Арфистах, где мир показан с точки зрения, как опытных писателей, так и новичков. Пришло новое поколение богов – Джен Рейб, Элейн Каннингем и Марк Энтони – все они лишь добавили Королевствам шарма. Всё

новые и новые кусочки мозаики вставляли на место, возводились новые стены и прорубались новые проходы, новые окна в невиданные ранее мечты. Пределы снова были сдвинуты выше, а потом и вовсе убраны, ведь рост Королевств продолжался.

Во вселенной раздавались голоса каждого писателя, каждого творческого начала – и эта антология коротких рассказов отражает их разнообразие. В этой книге есть истории как легкомысленные, так и жестокие; авторы консервативные и те, кто устремился в неизведанные и неоткрытые территории; писатели, построившие свою работу на основе игры, которая с давних времён является ключевой, неотъемлемой частью мира – и творцы, пытавшиеся достичь новых высот воображения, найти новые полные чудес пути, совсем не похожие на всё, что было предложено в игровых выпусках вселенной.

Порядка часто нет, но именно из волшебного хаоса рождается целый, понятный мир. Его создатели и редакторы – скорее дорожные регулировщики, а не контролирующие всё и вся древние боги, пытающиеся знать, кто где сейчас находится, и свести все неурядицы к минимуму. В 1967 году молодой Эд понятия не имел о том, что эти земли станут такими известными. В 1986 кучка писателей-первопроходцев также не догадывалась о том, что Королевства станут таким сокрушающим успехом и послужат вдохновением для всех, кто захочет помочь придать миру форму.

Королевства – мир общий по самой своей природе. Конечно, он действует по законам, диктуемым горсткой ещё более высших существ (читай, «менеджмента»), но это влияние часто заглушается, и это позволяет творцам создавать чудеса. И в Королевствах всё ещё больше дюжины умелых ремесленников, кующих мир. Создающих потрясающие произведения искусства. Рассказывающих сказки... И веселящихся.